

902.6 (200)
173

Древности Дагестана

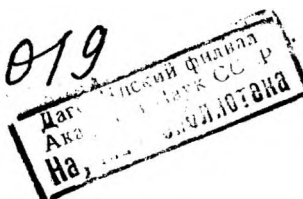
ПАМЯТИ

*видного советского кавказоведа,
лауреата Ленинской премии, профессора*
КРУПНОВА ЕВГЕНИЯ ИГНАТЬЕВИЧА

Махачкала 1974

Ответственный редактор В. Г. КОТОВИЧ

70019

Е. И. Крупнов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник статей посвящен памяти видного советского ученого, выдающегося археолога — кавказоведа, лауреата Ленинской премии, заслуженного деятеля науки Кабардино-Балкарской АССР и Чечено-Ингушской АССР, доктора исторических наук, профессора Евгения Игнатьевича Крупнова.

Уроженец Кавказа, — Е. И. Крупнов всю свою жизнь посвятил изучению археологии и древней истории этого замечательного края. В центре его научных интересов находились преимущественно археологические памятники Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии. Но немало внимания он уделял также другим областям Кавказа, в том числе и Дагестану.

Первую свою научную поездку в Дагестан Е. И. Крупнов предпринял в 1936 г. для ознакомления на месте с некоторыми археологическими памятниками, изучавшимися тогда Северокавказской археологической экспедицией, руководимой А. П. Кругловым. С этого времени и до конца жизни дагестанские древности вызывали его постоянный и неослабевающий интерес.

Уже в 1940 г. появляется статья Е. И. Крупнова, посвященная историко-культурной интерпретации Каякентского могильника, раскопанного еще в дореволюционные годы. В ней правильно определено место этого могильника в одном ряду с исследованным в те годы Хорочоевским могильником и предложено название культуры, представленной в обоих памятниках¹.

В 1947 г. возглавляемая Е. И. Крупновым Северокавказская экспедиция ИИМК АН СССР произвела первые в послевоенный период археологические раскопки в Дагестане. На исследованном тогда Таркинском могильнике были получены новые данные, характеризующие каякентско-хорочоевскую культуру и уточняющие ее хронологию. Важным итогом работ этой экспедиции явилось открытие дагестанской

¹ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Тр. ГИМ, XI, М., 1940, стр. 5—18.

культуры первых веков н. э., сочетавшей в себе северные — сарматские и восточнокавказские — албанские элементы. Результаты раскопок 1947 г. были освещены Е. И. Крупновым в его информационных и обобщающих статьях².

В 1952 и 1955 гг. работами Северокавказской экспедиции ИИМК, также возглавлявшейся Е. И. Крупновым, были охвачены степи Северо-Западного Прикаспия, включая северные районы ДАССР. В результате этих работ был получен большой археологический материал, по-новому рисующий ход исторического развития степного населения этого края с древнейших времен до средневековья. Анализ этого материала позволил Е. И. Крупнову не только осветить связи местного населения с носителями ямной, катакомбной, срубной, киммерийской, скифо-савроматской и других культур³, но также поставить важный народно-хозяйственный вопрос о необходимости «превращения северо-степного Дагестана и Северо-Западного Прикаспия в цветущую сельскохозяйственную область»⁴.

И в дальнейшем Е. И. Крупнов неоднократно обращался к дагестанской тематике, хотя непосредственными археологическими исследованиями на территории Дагестана более не занимался.

Много внимания Е. И. Крупнов уделял проблеме каякентско-хорочевской культуры, носители которой являлись, по его справедливому заключению, непосредственными, хотя и далекими предками коренного населения Дагестана и Чечено-Ингушетии⁵. При этом особенное значение исследователь придавал ее хронологии, к уточнению которой, по мере накопления новых материалов, он неоднократно обращался в своих трудах. Как известно, в первых работах хронологические рамки этой культуры определялись в пределах середины I тысячелетия до н. э.⁶, в последующем они были передвинуты на первую половину I тысячелетия до н. э.⁷ и, наконец, в последних трудах Е. И. Крупнов относил ранние этапы каякентско-хорочевской культуры к концу II тысячелетия до н. э., не особенно углубляя ее начало за пределы XII в. до н. э.⁸

² Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, XXVII, 1948, стр. 19—20; его же. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951, стр. 208—225.

³ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, 55, 1954, стр. 100—105; его же. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 163—173.

⁴ Е. И. Крупнов. К историко-археологическому изучению степного Дагестана и Северо-Западного Прикаспия. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 86.

⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 395.

⁶ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании, стр. 16.

⁷ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 225.

⁸ Е. И. Крупнов. Раннежелезный век Северного Кавказа. УЗ ИИЯЛ, т. XIV, серия историческая, Махачкала, 1965, стр. 340.

Е. И. Крупнов широко использовал дагестанские материалы при разработке проблем кавказской культурной общности⁹, раннего железного века Северного Кавказа¹⁰, рассмотрении маршрутов скифских походов¹¹ и др.

Дагестанским археологам особенно памятен тот живой интерес и внимание, которые Е. И. Крупнов неизменно проявлял к археологическим работам, проводившимся на территории республики. Он глубоко вникал в результаты этих работ, знакомился с добываемыми материалами, щедро делился своими соображениями и оценками, во многом способствовавшими историко-культурному осмыслению исследовавшихся в Дагестане памятников древности.

Здесь хотелось бы особо отметить, что Е. И. Крупнов был, пожалуй, первым среди кавказских археологов, кто увидел в материалах изучаемых в горном Дагестане памятников среднебронзовой эпохи приметы новой археологической культуры¹², отметил их сходство с соответствующими материалами из синхронных памятников Юго-Восточной Чечни¹³ и неоднократно обращал внимание дагестанских археологов на необходимость глубокого и всестороннего изучения этой культуры. И публикуемая в данном сборнике статья М. Г. Гаджиева является первым шагом на пути изучения этой новой среднебронзовой культуры горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни.

В 1959 г. вместе с другими участниками научной сессии, посвященной археологии Дагестана, Е. И. Крупнов осмотрел Урцекское городище и, находясь под сильным впечатлением от этого памятника, настойчиво рекомендовал приступить к его исследованию, прозорливо предвидя большую важность таких работ для решения узловых вопросов ранне-средневековой археологии и истории Дагестана. Справедливость подобного предположения была подтверждена результатами раскопок Урцекского городища и ряда других раннесредневековых бытовых памятников Прикаспийского Дагестана, положивших начало новому этапу развития дагестанской археологии. До последних дней своей жизни Е. И. Крупнов интересовался ходом этих исследований, придавая особое значение историко-культурной интерпретации вновь выявляемых крупных городищ, отождествлению их с упомянутыми письменными источ-

⁹ Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, № 1, стр. 26—43.

¹⁰ Е. Крупнов. A propos de la chronologie de l'âge du fer au Caucase Nord. VI Congress International des sciences prehistoriques et protohistoriques. М., 1962, стр. 12—13; его же. Раннежелезный век Северного Кавказа, стр. 339—341.

¹¹ Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. ВССА, М., 1954, стр. 193—194; его же. Древняя история Северного кавказа, стр. 66.

¹² Е. И. Крупнов. Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР. АЭС, III. Грозный, 1969, стр. 12.

¹³ Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, стр. 6.

никами средневековыми городами. И не случайно публикуемая в данном сборнике статья о местоположении средневекового Семендера была рекомендована к печати именно самим Е. И. Крупновым.

Особенно велика заслуга Е. И. Крупнова в подготовке научных кадров для дагестанской археологии. Среди его учеников — первые археологи-дагестанцы — Р. М. Мунчаев (ныне доктор исторических наук) и Н. Б. Шейхов. Под его непосредственным руководством прошли аспирантскую подготовку Д. М. Атаев и О. М. Давудов. Е. И. Крупнов сумел заинтересовать дагестанской тематикой М. И. Пикуль, с именем которой связано зарождение дагестанской археологической науки в стенах Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Своими ценными консультациями и советами Е. И. Крупнов оказывал большую помощь и последующим поколениям дагестанских археологов, проявляя постоянное внимание и доброжелательность ко всем их нуждам и делам.

Все сказанное лишь в какой-то мере может охарактеризовать тот значительный вклад, который Е. И. Крупнов внес в становление археологической науки в Дагестане.

Посвященный памяти Е. И. Крупнова сборник включает статьи по первобытной и средневековой археологии Дагестана и Северного Кавказа, а также по дагестанской средневековой эпиграфике.

В статье М. Г. Гаджиева выделяются признаки новой археологической культуры эпохи средней бронзы и очерчивается ее ареал, охватывающий горные районы Дагестана и Юго-Восточной Чечни.

Первый опыт хронологической и типологической классификации древних рисованных наскальных изображений горного Дагестана принят в статье В. М. Котович, в результате чего ей удалось обосновать принадлежность некоторых групп изображений к каменному веку (мезолиту, неолиту).

В статье А.-Р. Г. Гаджиева обобщаются имеющиеся данные об антропологическом типе древнего населения Северного Кавказа и Дагестана, прослеживаются его изменения и порождавшие их причины.

С. М. Магомедов выступает со статьей, в которой, основываясь на анализе металлического инвентаря, прослеживает связи племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы.

Ученик Е. И. Крупнова, московский археолог В. И. Марковин, публикует данные об интересном памятнике — дольмене без лаза из Прикубанья.

А. Р. Магомедов в своей статье обобщает материалы довоенных и послевоенных раскопок руководимой Е. И. Крупновым Северокавказской археологической экспедиции, по-новому освещающие хозяйственную деятельность племен — носителей восточного варианта кобанской

культуры, ведших оседлый образ жизни, основанный на земледелии и скотоводстве.

В статье московского археолога В. М. Батчаева приводятся новые данные о хронологии Каменноостского могильника, изучением которого занимался в свое время и Е. И. Крупнов.

Художественно-стилистическому анализу великолепных образцов древней металлопластики Дагестана — ажурных пряжек «бежтинского» типа посвятил свою статью О. М. Давудов.

В статье дагестанских археологов Д. М. Атаева и М. Г. Магомедова вводится в научный оборот материал, характеризующий топографию, структуру, фортификацию, стратиграфию и материальную культуру одного из интереснейших раннесредневековых памятников Северного Дагестана — Андреяульского городища.

Те же вопросы, но на материалах другого, расположенного неподалеку памятника — городища Казар-Кала, рассматривает в своей статье ленинградский археолог А. В. Гадло, изложивший новые, отличающиеся от высказанных ранее дагестанскими археологами, взгляды на процесс этнокультурного развития населения этой части Дагестана в раннем средневековье.

Статья А. А. Кудрявцева посвящена сравнительному рассмотрению свидетельств письменных источников и добытых раскопками 1971—1972 гг. археологических материалов, характеризующих мало освещенные до сих пор периоды ранней (досасанидской и раннесасанидской) истории Дербента.

В статье М. М. Маммаева рассматриваются археологические данные и свидетельства письменных источников об организации ремесла в раннесредневековом Дагестане, в ней впервые обосновывается вывод о существовании здесь цеховой организации ремесленников.

В двух статьях В. Г. Котовича исследуются вопросы исторической географии раннесредневекового Дагестана. В одной из них на основе сопоставления археологических и топонимических данных со свидетельствами письменных источников делается попытка по-новому локализовать раннесредневековые города Варачан, Беленджер и Таргу. В другой приводятся археологические данные, подтверждающие мнение исследователей, помещавших город Семендер на месте нынешней Махачкалы.

В статье А. И. Абакарова охарактеризованы некоторые предметы вооружения, бытовавшие в горном Дагестане в период монгольских завоеваний, выделены некоторые из них, несомненно привнесенные сюда самими монголами.

А. Р. Шихсаидов вводит в научный оборот новые эпиграфические памятники южного Дагестана, проливающие свет на исторические события, происходившие здесь в средневековье, и на социальное устройство местного общества того времени.

Первый опыт привлечения одонтологических данных для освещения некоторых вопросов истории народов Дагестана, в том числе и этногенетических, содержит статья Ю. М. Гаджиева.

Как видим, тематика данного сборника охватывает довольно широкий круг вопросов и проблем древней и раннесредневековой истории и археологии Дагестана и Северного Кавказа, несомненно представляющих немаловажный интерес как для специалистов, так и для всех интересующихся далеким прошлым нашего края.

Публикацией этого сборника дагестанские археологи выражают свое глубокое уважение и признательность светлой памяти Евгения Игнатьевича Крупнова — замечательного ученого, доброжелательного и требовательного наставника, жизнелюбивого и обаятельного человека.

ДАГЕСТАН И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЧЕЧНЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Благодаря археологическим исследованиям в Чечено-Ингушетии, принявшим особенно широкий размах с начала 50-х годов после создания объединенной Северокавказской экспедиции, работавшей под руководством Е. И. Крупнова, а также довоенным и послевоенным работам Северокавказской экспедиции ИИМК АН СССР и экспедиций Дагестанского филиала АН СССР на территории Дагестана ликвидированы многие белые пятна на археологической карте Северо-Восточного Кавказа. Особенно много сделано в области изучения памятников бронзового века.

На территории Дагестана и юго-восточных районов Чечено-Ингушетии изучено значительное количество памятников III тыс. до н. э., представляющих северо-восточный локальный вариант куро-аракской культуры раннебронзовой эпохи, тесно связанный не только с последней, но и майкопской культурой более западных районов Северного Кавказа¹. В его носителях советские исследователи склонны видеть далеких предков дагестанских и нахских народов². Выявление этих глубоких истоков дагестанско-нахской этнокультурной общности, восходя-

¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II и I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, М.-Л., 1958, стр. 20—30; В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 121—135; Р. М. Мунчаев. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа. Тезисы докладов на научной сессии Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР, посвященной археологии Дагестана, Махачкала, 1959, стр. 9—11; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, т. VIII, Махачкала, 1960, стр. 335—338; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, М., 1961; Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материнской культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961, стр. 38; Р. М. Мунчаев. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореферат, Тбилиси, 1971.

² Е. И. Крупнов. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность. XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1963.

щей к раннебронзовой эпохе, является одним из важных результатов археологического изучения Северо-Восточного Кавказа. К концу этой эпохи начинают выявляться некоторые локальные различия в культуре, в чем очевидно нашел отражение процесс начавшегося этнокультурного расхождения племен Северо-Восточного Кавказа. Однако не эти различия определяли общий облик материальной культуры, а та общность ее основных элементов, которая сложилась в предшествующее время³.

Культурная общность населения Дагестана и юго-восточной Чечни в дальнейшем вновь ярко проявляется со второй половины II тыс. до н. э., когда здесь бытовала выделенная еще в предвоенные годы Е. И. Крупновым и А. П. Кругловым каякентско-хорочоевская культура⁴. По мере накопления новых материалов уточнялся ареал каякентско-хорочоевской культуры⁵. Оказалось, что ею была охвачена почти

³ К позднему этапу раннебронзовой эпохи относятся Карабудахкентский, Гонобский, Гагатлинский («Щебоха») могильники, Джемикентское, Сигитминское, Чиркейское, Верхнегунибское (III слой) поселения. (См.: Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент. МИА, № 68, стр. 147—170; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД; т. II, Махачкала, 1961, стр. 25—36; М. Г. Гаджиев. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане. АО, М., 1969, стр. 102; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., стр. 30—47; В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году. УЗ ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 158, 159; М. Г. Гаджиев. Чиркейское поселение раннебронзовой эпохи. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, стр. 46—48; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965). Несмотря на некоторые хронологические и территориальные различия все эти памятники, объединяемые общностью ведущих черт, синхронизируются с памятниками новосвободненского этапа на Северном Кавказе и Сачхерскими комплексами Закавказья (см.: Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 168—170; В. М. Котович. Указ. соч., стр. 242—244) и могут быть датированы в пределах второй половины III тыс. до н. э., ближе к последним векам.

⁴ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 51—146; Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Тр. ГИМ, XI, М., 1940, стр. 8 и сл. По вопросу датировки каякентско-хорочоевской культуры мнения исследователей расходятся. (См. об этом: В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 10—14; 78—84). Сейчас для каякентско-хорочоевской культуры имеется и радиоуглеродная дата. В Лаборатории археологической технологии возраст образца из верхнего слоя Верхнегунибского поселения определен 1250 г. до н. э. (± 50) Археологическая дата слоя XIV—XIII вв. до н. э. (См. В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 250). Последняя дата каякентско-хорочоевской культуры, предложенная В. Г. Котовичем — конец XVI — первая пол. XIII в. до н. э. См. В. Г. Котович. Об историческом месте каякентско-хорочоевской культуры. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (дополнительный выпуск). Тбилиси, 1971, стр. 19—21.

⁵ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951, стр. 208—222; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, стр. 230—257; В. И. Канивец. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 47—51; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 248

та же территория Дагестана и юго-восточной Чечни⁶, на которой в эпоху ранней бронзы бытовал северо-восточный вариант куро-аракской культуры. В каякентско-хорочоевской культуре выделяются несколько локальных вариантов, что свидетельствует об этнической дифференциации населения Северо-Восточного Кавказа⁷. Однако эти различия не нарушают общности ведущих черт культуры, в целом, что позволяет рассматривать ее как нечто единое, цельное.

Если существование культурной общности у населения Дагестана и юго-восточной Чечни в эпохи ранней и поздней бронзы представляется достаточно обоснованным, то этого нельзя сказать о среднебронзовой эпохе.

На территории Дагестана памятники этой эпохи впервые были выделены Р. М. Мунчаевым и К. Ф. Смирновым после раскопок в приморском Дагестане курганной группы у станции Манас, проводившихся Северокавказской археологической экспедицией ИИМК АН СССР в 1950—1951 гг.⁸ В дальнейшем наши знания об этой эпохе значительно расширились благодаря исследованиям Миатлинского⁹ и Чиркейского¹⁰ курганных полей в бассейне Сулака, Чохского¹¹, Гинчинского¹², Ирганайского¹³, Гагатлинского (Галгалатли)¹⁴ могильников, Верхне-

—250; М. Г. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, стр. 153—154; В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности, стр. 77—88.

⁶ См.: В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 87 (карта).

⁷ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 51; Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 222; К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 254—257; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 178; В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 85—88.

⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, XLV, 1952, стр. 85—88; Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореферат диссертации. М., 1953, стр. 10—13; Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 167—203.

⁹ В. И. Канивец. Указ. соч.; стр. 31—59; В. И. Канивец и С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке. МАД, т. I. Махачкала, 1959, стр. 60—85; И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г. там же, стр. 86—120.

¹⁰ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Мамаев, Г. С. Федоров. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г. РФИИЯЛ, д. № 227, лл. 65—110; их же. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1966 г. РФИИЯЛ, д. № 229, лл. 52—71.

¹¹ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане. КСИИМК, 71, стр. 43—47.

¹² М. Г. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы, Махачкала, 1969.

¹³ М. Н. Погребова. Ирганайский склеп эпохи бронзы. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 109—123.

¹⁴ М. Г. Гаджиев. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане. АО, 1968 г. М., 1969, стр. 103.

гунибского (второй слой)¹⁵, Ирганайского¹⁶, Гагатлинского (Галгалатли II)¹⁷ поселений в горном Дагестане, а также случайным находкам археологических комплексов этого времени в разных районах Дагестана. В юго-восточной Чечне наиболее известным и значительным памятником этого времени является могильник Гатын-Кале у с. Асланбек-Шерипово¹⁸. Материалы могильника Гатын-Кале дополняют менее известные памятники и случайные находки из различных районов юго-восточной Чечни¹⁹.

В настоящее время все памятники среднебронзовой эпохи Дагестана принято относить к «манасско-гинчинскому этапу» развития дагестанской культуры бронзового века²⁰. В рамках этого этапа отчетливо выделяются отдельные группы памятников, свидетельствующие о дальнейшем этнокультурном расхождении племен Дагестана. В этом определенную роль сыграли, наряду с внутренними процессами этнокультурного развития местного населения, тесные контакты с племенами Юго-Восточной Европы — носителями культур «шнуровой» керамики, а также проникновение последних в приморский Дагестан в первой половине II тыс. до н. э.

Одна из таких групп выделяется на территории приморского и частично предгорного Дагестана между городами Дербент и Буйнакск. Сюда относятся курганы у ст. Манас²¹, «Ярти-Тюбе»²², два кургана у Дербента и Дешлагара (Сергокала)²³, Таркинский курган²⁴ и гробницы в местности «Гентал» у Буйнакска²⁵ (рис. 1).

¹⁵ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 246—248.

¹⁶ М. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 123.

¹⁷ М. Г. Гаджиев. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане, стр. 102—103.

¹⁸ В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. ДЧИ, М., 1963, стр. 49—135.

¹⁹ В. И. Марковин. Археологические разведки в восточных районах Чечни. КСИА, 93, стр. 63—68; его же. Материалы по археологии горной части восточной Чечни. АЭС, т. II, Грозный, 1966, стр. 121—123; М. Х. Ошаев. Новый археологический материал эпохи бронзы. АЭС, т. III, Грозный, 1969, стр. 23—24.

²⁰ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 341—342; В. М. Котович. Указ. соч., стр. 246—248; История Дагестана, т. I, М., 1967, стр. 54—71.

²¹ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, стр. 168—203.

²² Там же, стр. 192.

²³ А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане. Труды предварительного комитета, УАС, М., 1882, стр. 582—584; См. также: Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 191—192.

²⁴ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг., МИА, № 23, М.-Л., 1951, стр. 228—230.

²⁵ В местности «Гентал» у г. Буйнакска при строительных работах обнаружены каменные гробницы, которые были обследованы М. Г. Магомедовым. Инвентарь гробниц, в том числе и керамический, аналогичен манасскому. Материалы хранятся в археологическом фонде Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР.

Среди других синхронных памятников Дагестана эту группу выделяет своеобразная керамика. Наряду с обычными сосудами, характерными для всего Дагестана (например, различные горшки, в том числе и такие, у которых внешняя поверхность грубо обмазана жидкой глиной), здесь в большом количестве представлены специфические орнаментированные миски с желобком под бортиком, неизвестные пока что за пределами указанной территории²⁶. Только для памятников манасского типа характерна орнаментация керамики желобчатым, ямочным и штампованным узорами²⁷. Остальной инвентарь, в том числе и металлический, sporadически встречается в целом ряде памятников Дагестана и не может считаться характерным только лишь для манасской группы.

В манасской группе существовали различные погребальные сооружения. Наряду с грунтовыми ямами и каменными гробницами, типичными для местной погребальной традиции, здесь бытовали необычные для Дагестана катакомбы. Наличие катакомб в Манасе, Дербенте и Дешлагаре, а также находки керамики со шнуровым орнаментом в кургане «Ярти-Тюбе» позволили Р. М. Мунчаеву обосновать вывод о проникновении в приморский Дагестан из Юго-Восточной Европы отдельных групп катакомбных племен, которые однако вскоре растворились в местной этнической среде²⁸.

Вторая группа памятников среднебронзовой эпохи сосредоточена в северном Дагестане, в бассейне среднего Сулака. Она представлена ранними погребениями в каменных гробницах и грунтовых ямах в Миатлинском²⁹ и Чиркейском³⁰ курганных полях (рис. 1).

В инвентаре этой группы преобладают местные формы керамики и украшений. Таковы сосуды, орнаментированные рельефным валиком с насечками или зашипами, резным геометрическим узором, а также сосуды с обмазанным туловом, представленные, правда, единичными экземплярами. Отличительной особенностью присулакской группы является полное отсутствие среди погребального инвентаря глиняных мисок, столь характерных для местной культуры как предшествующего времени, так и синхронных памятников остальной территории Дагестана, особенно горных районов. Другой отличительной чертой присулак-

²⁶ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 193—194, К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 229, рис. 2а.

²⁷ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 193—194.

²⁸ Там же, стр. 193, 197.

²⁹ В. И. Канивец. Указ. соч., стр. 31—51; В. И. Канивец и С. С. Березанская. Указ. соч., стр. 60—85; И. П. Костюченко. Указ. соч., стр. 86—114.

³⁰ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Мамаев, Г. С. Федоров. Указ. соч., стр. 64—110.

ской группы является присутствие в погребальных комплексах керамики со шнуровым орнаментом.

Среди металлических изделий наряду с местными формами (пластинчатые височные подвески, полусферические подвески) встречаются украшения в виде шнурка, подвески со шнуровым орнаментом.

Шнуровые мотивы в орнаментации керамики и металлических украшений свидетельствуют о тесных связях населения Северного Дагестана со степным населением Юго-Восточной Европы и племенами северокавказской культуры³¹. Таким образом, этнокультурное развитие населения северного и приморского Дагестана во II тыс. до н. э. происходило в сложной обстановке. Синкретический характер погребального обряда и материальной культуры этого района объясняется не только культурными связями местного населения с племенами, обитавшими в ту эпоху в южнорусских степях и на Северном Кавказе, но и проникновением последних в указанные области.

С этими конкретными историческими событиями, видимо, связано оставление местным населением на рубеже III и II тыс. до н. э. таких обжитых, долговременных поселений северного и приморского Дагестана, как Чиркейское³², Сигитминское³³, Джемикентское³⁴, последовавшее за этим изменение облика местной культуры (появление курганного обряда, катакомб, шнуровые мотивы в орнаментации керамики и металлических изделий), этническая пестрота и подвижность населения

³¹ Шнуровые мотивы в орнаментации керамики и металлических украшений, а также некоторые черты погребального обряда присулакских памятников послужили В. И. Марковину поводом для включения Северного Дагестана в ареал северокавказской культуры (см. В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, 1960). Однако, как уже было отмечено, в культуре, представленной памятниками присулакской группы, местные черты преобладают над пришлыми. Погребальный обряд и особенно инвентарь, имеют близкие аналогии в синхронных памятниках Дагестана, особенно его горных районов. Многие элементы этой культуры генетически восходят к местной культуре предшествующего времени той же территории, представленной такими памятниками как Сигитминское и Чиркейское поселения. Для северокавказской культуры, возникшей на базе майкопской культуры, в Северном Дагестане, где одновременно с майкопской бытовал локальный северо-восточный вариант куро-аракской культуры, не было местных корней. Поэтому правильнее было бы оценить синкретический характер культуры среднебронзовой эпохи присулакского района как результат проникновения сюда элементов северокавказской культуры, возможно, вместе с ее носителями. Последние, очевидно, вскоре растворились в местной этнической среде, полностью подверглись ассимиляции, о чем можно судить по распространению на этой территории в последующую эпоху местной каякентско-хорочоевской культуры (см. В. И. Канивец. Указ. соч., стр. 51). Вопрос этот заслуживает специального изучения, что выходит за рамки задач, поставленных в данной статье.

³² М. Г. Гаджиев. Чиркейское поселение раннебронзовой эпохи, стр. 48.

³³ В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г., стр. 158—159.

³⁴ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 30—47.

этого района³⁵. Пришлые племена сыграли определенную роль в этнокультурном развитии северного и приморского Дагестана, но впоследствии растворились в местной этнической среде. Во второй половине II тыс. до н. э. здесь уже распространяется сугубо местная каякентско-хороочевская культура, вновь заселяются заброшенные ранее долговременные поселения (Сигитма)³⁶, возникают новые (Нижнесигитминское³⁷, Бачазул Шоб³⁸), и, в конечном итоге, история этого района вновь тесно связывается со всем Дагестаном.

Сходными были пути культурно-исторического развития населения плоскостных районов Чечено-Ингушетии во II тыс. до н. э., происходившего так же как и в Дагестане в тесном взаимодействии со степными племенами Юго-Восточной Европы³⁹.

Эти конкретно-исторические факты передвижения степных племен Юго-Восточной Европы, сыгравшие столь заметную роль в истории населения равнинных и предгорных районов Северо-Восточного Кавказа, совершенно не коснулись его горных областей. Здесь, в горах Дагестана и Чечни, в первой половине II тыс. до н. э. продолжала развиваться самобытная культура местного населения края.

Характер и особенности этой культуры стали выясняться в последнее десятилетие, после детального изучения и введения в научный оборот достаточно большого количества памятников указанной эпохи. Наиболее значительными из них являются Верхнегунибское поселение и могильник Гинчи в горном Дагестане и могильник Гатын-Кале в горной Чечне. Благодаря изучению этих памятников стало возможным осветить вопросы культурного развития, хозяйства, быта и социального устройства, а также наметить направления культурных связей местного населения.

Однако не все вопросы, связанные с интерпретацией указанных памятников, разработаны с достаточной полнотой. Одним из таких является вопрос об их культурной принадлежности, о характере взаимоотношений, связей населения горного Дагестана и Чечни, что имеет

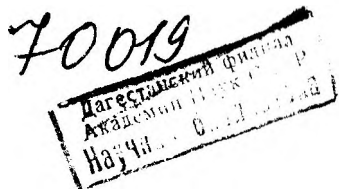
³⁵ В. И. Каневец. Мнатли — новый памятник бронзового века в северном Дагестане, стр. 50—51.

³⁶ В. И. Каневец и Г. М. Буров. Отчет о работах Чирюртовского отряда ДАЭ в 1956 г. РФ ИИЯЛ, д. № 68, лл. 63—69.

³⁷ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов на научной сессии Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 25—27.

³⁸ Н. Д. Путинцева. Отчет о работе II Бавтугайского отряда в 1958 г. РФ ИИЯЛ, д. № 83, лл. 43, 44.

³⁹ Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станции Мекенской. ДЧИ, М., 1963, стр. 39—40; Р. М. Мунчаев. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 92—96.

прямое отношение к ранней этнической истории Северо-Восточного Кавказа. На этих вопросах подробно мы и собираемся остановиться.

Памятники горного Дагестана⁴⁰, с одной стороны, горной Чечни⁴¹, с другой, в настоящее время принято рассматривать в рамках различных археологических культур (дагестанской и северокавказской), что, несмотря на признание существования определенных контактов между их носителями, фактически приводит к недооценке или отрицанию внутренней генетической связи между ними.

Памятники горного Дагестана (могильники Чох, Гинчи, Ругуджа, Ирганай, Галгалатли, поселения Верхнегунибское, Ирганайское) рассматриваются в рамках горного варианта местной культуры, распространенной во II тыс. до н. э. в бассейне четырех дагестанских Койсу⁴². Их объединяют погребальные сооружения и обряд (каменные склепы овальной или четырехугольной в плане формы, предназначенные для коллективных, реже парных и индивидуальных захоронений), своеобразная керамика (сосуды баночной формы, миски, разнообразные горшки, поверхность которых обмазана часто жидкой глиной, резной или рельефный орнаменты), своеобразные украшения из металла и других материалов. Для носителей указанных памятников характерны различные, долговременные поселения (скальные, горно-долинные)⁴³, прочный оседлый быт, основанный на земледельческо-скотоводческом хозяйстве⁴⁴. Генетически этот вариант среднебронзовой культуры Дагестана восходит к местной культуре раннебронзовой эпохи, а в дальнейшем развитии послужил одним из компонентов, на базе которых сложилась каякентско-хорочоевская культура⁴⁵.

Одновременные памятники горной Чечни, наиболее изученным из которых является могильник Гатын-Кале в верховьях р. Аргун, принято относить к восточному варианту северокавказской культуры периода ее расцвета (II этап — 1700—1500 гг. до н. э.)⁴⁶.

Северокавказская культура этого периода характеризуется разно-

⁴⁰ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 241—254; История Дагестана, т. I, стр. 54—85; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 169—170.

⁴¹ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 129—131; его же. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне, стр. 135; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. I, Грозный, 1967, стр. 13—15.

⁴² М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 169—170.

⁴³ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 79—99.

⁴⁴ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. IX, Махачкала, 1961, стр. 279; В. М. Котович. Указ. соч., стр. 211—233.

⁴⁵ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 79—99; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 169—173.

⁴⁶ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 64—69; его же. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне, стр. 135.

образом погребальных памятников (курганные и грунтовые могильники), могильных сооружений (грунтовые ямы, каменные ящики, редко гробницы) с вытянутыми и скорченными костяками, часто посыпанными краской⁴⁷. Такая пестрая картина обряда погребения, особенно в отношении форм могильных сооружений, была характерна для бронзового века всего Кавказа, а не только Северного Кавказа. Поэтому один только погребальный обряд в данном случае мало что дает для определения принадлежности того или иного памятника именно к северокавказской культуре. Критерием для этого могут быть специфические особенности материальной культуры. Таковыми для северокавказской культуры являются: богато орнаментированная шнуровым узором керамика, металлические украшения, имитирующие крученный шнур или орнаментированные шнуровым узором, а также каменные полированные топоры так называемого «кабардино-пятигорского» типа⁴⁸.

Частыми находками в памятниках северокавказской культуры являются различные булавки, служившие одновременно и для скрепления одежды и как украшения⁴⁹.

Но среди них нет таких, которые одинаково были бы распространены по всей территории, занятой северокавказской культурой. Разные типы булавок имеют различные ареалы. А некоторые булавки, как например, с роговидными завитками, были чрезвычайно широко распространены во времени и пространстве, особенно на Кавказе⁵⁰.

Весьма распространенными на территории северокавказской культуры предметами являются бронзовые листовидные ножи, тесла, проушные топоры⁵¹. Однако в бронзовом веке металлические орудия труда и предметы вооружения выходят далеко за пределы узколокальных территорий. Поэтому при определении принадлежности памятника к северокавказской культуре эти предметы должны учитываться в том случае, если их сопровождает характерный для этой культуры другой вещевой комплекс.

Рассмотрим теперь соответствующие материалы могильника Гатын-Кале в плане его культурной интерпретации. Наиболее массовым материалом, происходящим из этого памятника, является керамика. Обра-

⁴⁷ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 50—60.

⁴⁸ Там же, стр. 86, 88—90, 96—97, 100.

⁴⁹ Там же, стр. 94—96.

⁵⁰ Там же, стр. 95—96; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии меднобронзовой культуры. Автореферат. Тбилиси, 1962, стр. 28—29; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., 137—139; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры южного Кавказа. Л., 1970, стр. 127—128; Б. В. Тихов. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, стр. 84—86.

⁵¹ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 91—94.

щает внимание тот факт, что в Гатын-Кале совершенно не представлено керамики, орнаментированной шнуровым узором, столь характерной для северокавказской культуры, особенно в период ее расцвета (II этап)⁵². Не типичны для северокавказской культуры и формы гатын-калинской посуды. Лишь для четырех из одиннадцати типов посуды Гатын-Кале, выделенных В. И. Марковиным, намечены единичные, отдаленные параллели в керамике северокавказской культуры⁵³. Это обстоятельство является наиболее веским доводом против отнесения Гатын-Кале к кругу памятников северокавказской культуры. Как известно, лепная керамика, приготовлявшаяся на месте традиционными приемами, унаследованными от прошлого, и украшавшаяся не менее традиционными орнаментальными узорами, обычно получала распространение на определенной территории, занятой той или иной этнической общностью. Не случайно все археологи уделяют керамике такое большое внимание. Начиная с неолита до эпохи раннего железа она служит одним из основных критериев для выделения и характеристики археологических культур.

Из металлических изделий Гатын-Кале весьма характерными для северокавказской культуры являются кольцевидные подвески, орнаментированные литыми шнуровыми узорами или концентрическими кругами⁵⁴. На Северный Кавказ они, видимо, проникли с юга. Ранние формы подобных украшений известны из Закавказья (Сачхере)⁵⁵, но прототипами для них, видимо, послужили древневосточные образцы⁵⁶. Северокавказскими по своему происхождению считаются подвески ложечковидной формы, а также бронзовые бусы, украшенные литыми узорами, найденные в Гатын-Кале⁵⁷. Однако все эти украшения были обнаружены лишь в 5 из 37 могил, вскрытых в Гатын-Кале, и представлены только единичными экземплярами (кольцевидные подвески всего 6 шт.). В таком же количестве совершенно аналогичные украшения обнаружены в одновременных памятниках горного Дагестана (Гинчи⁵⁸, Галгалатли⁵⁹), которые, как известно, не являются памятниками северокав-

⁵² В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 86—90.

⁵³ В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне, стр. 110—122.

⁵⁴ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 97; его же. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне, стр. 126.

⁵⁵ О. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 265, табл. XII, 5; XIV, 3.

⁵⁶ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, табл. XXVб.

⁵⁷ В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне, стр. 126

⁵⁸ М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 146.

⁵⁹ М. Г. Гаджиев. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане, стр. 103.

казской культуры. Находки эти, скорее всего, являются свидетельством тесных культурных связей населения горных районов Дагестана и Чечни и племен северокавказской культуры. Этим же можно объяснить присутствие двух топоров «кабардино-пятигорского» типа в одном из склепов Гатын-Кале⁶⁰.

Таким образом, ведущие признаки и характерные вещи северокавказской культуры в Гатын-Кале или совершенно не представлены (шнуровая орнаментация керамики) или являются результатом культурных связей (металлические украшения, каменные топоры).

Бронзовые топоры и листовидные ножи, аналогичные гатынкалинским в эпоху бронзы, были широко распространены на всем Кавказе и за его пределами⁶¹. Подобные орудия в эту эпоху, как правило, выходят из узких границ племенной территории и не могут иметь решающего значения в определении культуры.

Погребальные сооружения и детали обряда также не могут служить сколько-нибудь серьезным критерием для причисления Гатын-Кале к кругу памятников северокавказской культуры. Если, например, грунтовые ямы и каменные ящики и не противоречат этому, то яркие склеповые сооружения Гатын-Кале, особенно с коллективными захоронениями⁶², почти не известны на территории северокавказской культуры. Некоторое сходство с ними обнаруживает единственное склеповое сооружение могильника «Верхняя Рутха» в Северной Осетии⁶³.

Включая Гатын-Кале в круг памятников северокавказской культуры, исследователи в то же время отмечали своеобразие этого памятника, как будто бы сочетающего элементы северокавказской и дагестанской культур, указывали на большую роль тогда еще слабо изученной самобытной культуры горного Дагестана в сложении культуры горной Чечни⁶⁴. Е. И. Крупнов рассматривал Гатын-Кале как памятник, занимающий промежуточное положение между северокавказской культурой более западных районов Северного Кавказа и культурой горного Дагестана⁶⁵.

Сейчас, когда в научный оборот уже введено большое количество новых материалов по бронзовому веку горного Дагестана, особенно после монографического изучения таких крупных памятников, как Верхнегунибское поселение и могильник Гинчи, определился облик культуры среднебронзовой эпохи горного Дагестана в целом, становится воз-

⁶⁰ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 127, 128.

⁶¹ Там же, стр. 122—124.

⁶² Там же, стр. 91—94, 107—108.

⁶³ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 49.

⁶⁴ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 135.

⁶⁵ ДЧИ, М., 1963, стр. 6.

можным уточнить также место могильника Гатын-Кале и других аналогичных памятников горной Чечни среди древностей Северо-Восточного Кавказа. К рассмотрению конкретных археологических материалов по этому вопросу теперь мы и переходим.

На территории могильника Гатын-Кале вскрыто 37 погребальных сооружений в виде ям, каменных ящиков, могил-кенотафов и склепов. Преобладающими являются каменные склепы или гробницы четырехугольной в плане формы, которые предназначались преимущественно для повторных захоронений⁶⁶. Подобные склепы наиболее характерны в бронзовом веке для горного Дагестана (Гинчи, Чох, Ирганай и др.)⁶⁷. Особенно большое сходство с дагестанскими обнаруживают склепы Гатын-Кале, предназначавшиеся для коллективных захоронений (рис. 2). Для сравнения укажем, например, на склепы 30 (Гатын-Кале) и 13 (Гинчи)⁶⁸. На территории Чечено-Ингушетии, кроме Гатын-Кале, склепы известны еще в могильнике у с. Дай (горная Чечня)⁶⁹ и у с. Эгикал (Ингушетия)⁷⁰.

За пределами Северо-Восточного Кавказа во II тыс. до н. э. такие склепы на Кавказе почти не встречены. Некоторое сходство с ними обнаруживает только коллективная могила № 16 Кумбултского могильника «Верхняя Рухта»⁷¹.

На Северо-Восточном Кавказе склепы имеют глубоко местные корни. Здесь они известны с того времени, как могильники стали выносить за пределы поселений (III тыс. до н. э.)⁷². Одними из ранних склеповых сооружений являются коллективные погребения в могильнике у хутора Гоно в горном Дагестане (III тыс. до н. э.)⁷³.

Грунтовые ямы, которые представлены в Гатын-Кале наравне со склепами, для горного Дагестана не характерны. В могильнике Гинчи имеется только одно совместное захоронение женщины и ребенка в яме,

⁶⁶ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 107—108.

⁶⁷ М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 103—105; Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане, стр. 43—47; М. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 109—123.

⁶⁸ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 91—94, рис. 24, 26; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 80—86, рис. 37, 38.

⁶⁹ Сведения об этом памятнике нам любезно сообщил М. Х. Ошаев, за что приношу благодарность. Могильник находится у с. Дай в верховьях Шароаргуна, близко к территории Дагестана. Здесь был вскрыт склеп с инвентарем очень близким гатын-калинскому.

⁷⁰ В. И. Марковин. Склепы эпохи бронзы у с. Эгикал в Ингушетии. СА, 1970, № 4, стр. 83—94.

⁷¹ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 49.

⁷² На поселении Гинчи (IV тыс. до н. э.) покойников хоронили еще в пределах поселения (см. М. Г. Гаджиев. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э. КСИА, 108, стр. 56).

⁷³ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 25—30.

огражденной с одной стороны овальной невысокой кладкой, названной склепом лишь условно (№ 14)⁷⁴. Кстати большая часть грунтовых ям Гатын-Кале также имеют каменные оградки с одной или двух сторон или отмечены камнями. Но в предгорном и приморском Дагестане во II тыс. до н. э. захоронения в грунтовых ямах обычны (Чиркей, Миатли, Манас). В то же время они известны в горной Ингушетии (могильник у с. Галашки)⁷⁵, спорадически встречаются в других районах Северного Кавказа, но преобладают в Прикубанье⁷⁶.

Среди могильных сооружений Гатын-Кале имеются маленькие ямы, облицованные каменными плитами, и гробницы, которые предназначались в основном для детских захоронений⁷⁷. В этом отношении Гатын-Кале очень близок к Гинчи, где также существовали миниатюрные гробницы, построенные в подражание склепам и предназначавшиеся специально для детских захоронений⁷⁸. Маленькие каменные ящики имеются также в Ирганайском могильнике.

С горным Дагестаном Гатын-Кале связывают и такие черты погребального обряда, как коллективные захоронения, отсутствие строго выдержанной закономерности в позе и ориентации покойников, посылка их угольками, отсутствие или незначительная роль краски⁷⁹.

Таким образом, по погребальному обряду Гатын-Кале скорее всего тяготеет к Дагестану, особенно горному, чем к более западным районам Северного Кавказа.

Керамика Гатын-Кале скрупулезно изучена В. И. Марковиным. После ее тщательного, всестороннего анализа он приходит к выводу о том, «что керамика из Гатын-Кале содержит явные и даже преобладающие черты влияния керамического мастерства древних дагестанских и закавказских племен (Азербайджана, Грузии). Это влияние нашло свое отражение и в формах и в декоре. Воздействие гончарного дела эпохи бронзы Северного Кавказа на керамику из Гатын-Кале прослеживается гораздо в меньшей степени (лишь в виде нарезного узора...)»⁸⁰. К этому можно было бы добавить, что керамика Гатын-Кале особенно тяготеет к горному Дагестану, таким памятникам, как могильники Гинчи, Галгалатли и Верхнегунибское поселение. В первой половине II тыс. до н. э. особенно для горного Дагестана была характерна

⁷⁴ М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 86—87.

⁷⁵ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 85—93.

⁷⁶ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 122 и сл.

⁷⁷ В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне, стр. 108.

⁷⁸ М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 115.

⁷⁹ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 105—110; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 109—114.

⁸⁰ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 122.

керамика с грубо обмазанной внешней поверхностью, занимавшая в Гатын-Кале значительное место⁸¹. Такие формы гатынкалинской керамики как банки-«ведерки» (тип I), особенно с обмазанной поверхностью, сосуды со вздутым туловом с ручками, расположенными на наиболее выпуклой части (тип III—IV), различные чаши (тип VIII) типичны для горного Дагестана (Гинчи, Верхний Гуниб)⁸². Только здесь имели широкое распространение во II тыс. до н. э. сосуды в виде мисок усеченно-конической формы (тип IX).

Большое сходство между керамикой горного Дагестана и Чечни прослеживается и в способах ее орнаментации. Различные налеты в виде шишечек, конусов, а также круглые углубления, являющиеся наиболее частыми и обычными приемами художественной декорировки основной массы гатынкалинской посуды, столь же типичны для керамики горного Дагестана⁸³ и поэтому не могут считаться характерными только для Чечено-Ингушетии⁸⁴. Керамику Гатын-Кале и памятников Дагестана связывает также прием украшения сосудов наклепными валиками с вмятинами⁸⁵. Вряд ли правомерно объяснять происхождение нарезных узоров на керамике Гатын-Кале воздействием гончарного дела Северного Кавказа⁸⁶. Подобные узоры являются наиболее типичным приемом орнаментации керамики Гинчи и других памятников горного Дагестана⁸⁷.

В целом же можно сказать, что керамика Гатын-Кале неразрывно связана с керамическим производством горного Дагестана и почти не имеет сколько-нибудь убедительных аналогов среди керамики северокавказской культуры (рис. 3).

Помимо того, с памятниками горного Дагестана Гатын-Кале связывают разнообразные украшения из металла, кости, камня, раковин (рис. 4). В этом плане представляют интерес булавки с дисковидными головками, орнаментированными точечными узорами. На Северо-Восточном Кавказе, кроме Гатын-Кале, они известны из Гинчи⁸⁸ и склепа у сел. Эгикал (Ингушетия)⁸⁹. За пределами горных районов Дагестана

⁸¹ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 200; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 130; В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 111.

⁸² В. И. Марковин. Указ. соч., рис. 33; В. М. Котович. Указ. соч., стр. 147—180; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 119—127.

⁸³ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 121; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 133.

⁸⁴ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 122.

⁸⁵ Там же, стр. 120.

⁸⁶ Там же, стр. 122.

⁸⁷ М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 131.

⁸⁸ Там же, стр. 141—142.

⁸⁹ В. И. Марковин. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии. СА. 1970, № 4, стр. 90.

и Чечено-Ингушетии типологически близкие к ним булавки встречаются в Северной Осетии (Дигория)⁹⁰ и в Южной Осетии (Цхинвали⁹¹, Квасатали⁹², Нули⁹³, Тли⁹⁴), т. е. распространение их ограничивается в основном горными районами Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Вопрос о происхождении этого типа булавок в настоящее время окончательно не может быть решен. В Южной Осетии подобные булавки встречены в комплексах, датируемых среднебронзовой эпохой⁹⁵, но стоящих, по-видимому, ближе к позднебронзовой, чем к раннебронзовой эпохе. А на Северо-Восточном Кавказе их сопровождает довольно архаическая керамика, тяготеющая к раннебронзовой эпохе⁹⁶. Кроме того на Северо-Восточном Кавказе известны также костяные прототипы для таких булавок (Кяхулай⁹⁷, Верхний Гуниб⁹⁸). Это как будто бы говорит в пользу северокавказского происхождения. Но независимо от того как разрешится вопрос о происхождении этого типа булавок следует признать, что они особенно характерны для горных районов Северо-Восточного Кавказа, но не для северокавказской культуры и, тем самым, еще раз подтверждается вывод о культурной общности племен горного Дагестана и юго-восточной Чечни в эпоху средней бронзы.

Об этом же свидетельствуют спиральные браслеты Гатын-Кале, свернутые в 1,5—4,5 оборота из бронзового прута треугольного или сегментовидного сечения⁹⁹. Подобные браслеты не характерны для Северного Кавказа. Известно только 5 спиральных браслетов, происходящих из курганов близ г. Нальчика¹⁰⁰. В рассматриваемое время в Закавказье спиральные браслеты вообще неизвестны. Несколько таких браслетов происходят только из более ранних закавказских комплексов

⁹⁰ МАК, VIII, стр. 215, табл. XXXVII, 5, 6, 7.

⁹¹ Б. В. Техов. К истории изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в нижнем течении реки Большой Лиахви. Тбилиси, 1963, стр. 40—43, рис. 21, 13.

⁹² О. М. Джапаридзе. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Южной Осетии. КСИИМК, 60, 1956, стр. 26.

⁹³ М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 131.

⁹⁴ Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинири, 1957, стр. 93, табл. II, 20—22; его же. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, стр. 102, рис. 278.

⁹⁵ Б. В. Техов. К истории изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в нижнем течении реки Большой Лиахви, стр. 42.

⁹⁶ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 121.

⁹⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг., стр. 226—228, рис. 1, 5.

⁹⁸ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 145—146, рис. 51, 15.

⁹⁹ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 125.

¹⁰⁰ Б. Е. Деген. Курганы в кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 263, рис. 35з.

(Сачхере, Квацкемби)¹⁰¹. А на Северо-Восточном Кавказе это обычные находки. Кроме Гатын-Кале, около десятка спиральных браслетов найдено в Гинчи¹⁰², 7 штук происходит из одного только склепа Галгалатли¹⁰³ и один из Чоха¹⁰⁴.

Из других металлических украшений Гатын-Кале в плане интерпретации этого памятника интересны пластинчатые височные подвески в полтора оборота (с лопастями) и полусферические колпачки¹⁰⁵. За пределами Северо-Восточного Кавказа височные подвески с лопастями встречаются весьма редко. Таковы золотая подвеска из Степанакертских курганов раннебронзовой эпохи¹⁰⁶, бронзовые подвески из могильников Квасатали и Нули¹⁰⁷ в Закавказье и впускного погребения Нальчинского могильника на Северном Кавказе¹⁰⁸.

На Северо-Восточном Кавказе подобные подвески встречаются почти во всех погребальных памятниках среднебронзовой эпохи (Гатын-Кале, Гинчи, Чох, Ирганай, Миатли, Чиркей и др.), но особенно были характерны для каякентско-хорочоевской культуры¹⁰⁹.

За пределы Северо-Восточного Кавказа не вышли также полусферические колпачки с отверстием в центре, которыми изобилуют памятники II тыс. до н. э. Дагестана и Чечни¹¹⁰.

О культурной близости населения горного Дагестана и Чечни свидетельствуют также некоторые изделия из кости, камня, раковин. Таковы костяные поделки в виде стерженька с колечком («подвески»), известные на Северном Кавказе, только в Гатын-Кале и Гинчи¹¹¹, бусы и подвески из гагата, изготовлявшиеся здесь из местного сырья¹¹².

¹⁰¹ Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, VIII, рис. 1; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии меднобронзовой культуры, стр. 29; А. И. Джавахишвили, Л. И. Глonti. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби. Урбниси I, Тбилиси, 1962, стр. 629.

¹⁰² М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 142—143.

¹⁰³ М. Г. Гаджиев. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане, стр. 103.

¹⁰⁴ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане, стр. 44—45, рис. 11, 8.

¹⁰⁵ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 126—127.

¹⁰⁶ Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана, КСИИМК, XX, 1948, стр. 20, рис. 86.

¹⁰⁷ О. М. Джапаридзе. Квасатальский могильник, стр. 26—27.

¹⁰⁸ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, стр. 114—115, рис. 25з.

¹⁰⁹ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 68.

¹¹⁰ Там же, стр. 67; В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 126, 127.

¹¹¹ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 130; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 149.

¹¹² В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 129; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 147, 148.

В среднебронзовую эпоху на Северо-Восточном Кавказе широко распространяется мода на разнообразные бусы и подвески из различных раковин, особенно каспийских моллюсков. Эти украшения в большом количестве встречаются не только в приморских и предгорных районах, но и глубоко в горах Дагестана и Чечни¹¹³.

Таким образом, по комплексу признаков, имеющих решающее значение при определении культурной принадлежности археологических памятников (керамика, погребальный обряд, украшения)¹¹⁴, могильник Гатын-Кале скорее всего следует отнести не к северокавказской культуре, а к тому своеобразному варианту культуры среднебронзовой эпохи Дагестана, который представлен в его горных районах памятниками типа Гинчи, Верхний Гуниб и др.

Могильник Гатын-Кале в юго-восточной Чечне является наиболее изученным и известным, но не единственным памятником подобного рода. Таков упомянутый уже склеп у с. Дай, где обнаружены глиняные сосуды и различные украшения, которые совершенно точно сопоставляются с гатынкалинскими и гинчинскими. Характерный керамический комплекс происходит также из могильников у с. Харсеной¹¹⁵. В сел. Дуба-Юрт обнаружены две каменные гробницы с керамикой очень близкой гатынкалинской¹¹⁶. К этому же кругу памятников относятся гатынкалинские¹¹⁷, Курчалойские¹¹⁸ поселения. Хорошо сопоставляются с керамикой горного Дагестана и могильника Гатын-Кале некоторые образцы орнаментированной, а также обмазанной керамики из Серженьюрта¹¹⁹. Материалы эти дополняются случайными находками, происходящими из различных районов юго-восточной Чечни¹²⁰. Несмотря на малочисленность всех этих памятников, они все же очерчивают примерно ту территорию юго-восточной Чечни, на которой

¹¹³ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 130; М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 149.

¹¹⁴ А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре. СА, 1964, № 4, стр. 7.

¹¹⁵ Материалы раскопок 1966 года В. И. Марковина. Ссылки на них см. М. Х. Ошаев. Указ. соч., стр. 24, 25; В. И. Марковин. Склепы эпохи бронзы у с. Эгикал в Ингушетии, стр. 91.

¹¹⁶ М. Х. Ошаев. Указ. соч., стр. 23, 24; В. Б. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные по археологии Северного Кавказа. АЭС, т. III, стр. 97, 98, рис. 6.

¹¹⁷ В. И. Марковин. Памятники эпохи бронзы в ущелье реки Аргун, КСИА, вып. 88, 1962, стр. 45—46. М. Х. Ошаев. Указ. соч., стр. 24—25.

¹¹⁸ В. И. Марковин. Археологические разведки в восточных районах Чечни, стр. 64—67; М. Х. Ошаев. Новый памятник эпохи бронзы на территории Большой Чечни. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР, Тбилиси, 1971, стр. 71—73.

¹¹⁹ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, № 3, стр. 184, 185.

¹²⁰ В. И. Марковин. Материалы по археологии горной части восточной Чечни, стр. 121, 122.

позднее, уже во второй половине II тыс. до н. э., была распространена каякентско-хорочоевская культура ¹²¹.

Подводя итог всему изложенному, можно заключить, что в эпоху средней бронзы (первая половина — середина II тыс. до н. э.), когда равнинные и, частично, предгорные зоны Северо-Восточного Кавказа находились в сфере этнокультурных взаимосвязей с Юго-Восточной Европой, когда в Закавказье процветала триалетская, а на Северном Кавказе — северокавказская культуры, в горных районах Дагестана и Чечни бытовала весьма своеобразная археологическая культура, которую по первому открытому памятнику—могильнику Гинчи мы называем гинчинской (рис. 1). Она сложилась на основе северо-восточного локального варианта куро-аракской культуры раннебронзовой эпохи, в дальнейшем на ее базе возникла каякентско-хорочоевская культура, которая одинаково была распространена в Дагестане и юго-восточной Чечне.

С выделением гинчинской культуры и включением в нее памятников юго-восточной Чечни, ранее относимых к северокавказской культуре, в значительной степени уточняется археологическая карта культур бронзового века Кавказа, восстанавливается непрерывный и неразрывный процесс этнокультурного развития населения Северо-Восточного Кавказа на всем протяжении бронзового века.

¹²¹ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности, стр. 16, (карта).

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ДРЕВНИХ ПИСАНИЦ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

Усилившийся в последнее время в советской и зарубежной науке интерес к наскальным изображениям вызван открытиями и публикацией новых материалов, характеризующих изобразительную деятельность древних людей. Особенно пристальное внимание привлекают к себе новые росписи и гравировки. Эти материалы все более осознаются исследователями как своеобразный и ценнейший исторический источник, могущий предоставить дополнительные возможности для раскрытия самых существенных и сокровенных сторон общественного бытия далекого прошлого, для проникновения в духовный мир первобытного человека и знакомства с основами его миропонимания.

Уже отмечено удивительное сходство тематики и стиля исполнения древних наскальных изображений определенных исторических эпох из различных, порой весьма удаленных друг от друга районов нашей планеты. И вместе с тем в каждом отдельном районе существует все-таки целый ряд различных особенностей не только в конкретном содержании, но и в манере исполнения рисунков и характере их композиций. Такие особенности могли появиться по целому ряду причин, в том числе и как отражение определенной этнической среды, связанной единством конкретной хозяйственной деятельности, культуры, обрядов и мировоззрения. И в этом отношении очень заманчиво рассматривать древние наскальные изображения и как памятники, отражающие некоторые стороны ранних этапов этнической истории. В подобном аспекте древние наскальные изображения приобретают значение особо важного источника в условиях такого издревле многоэтнического края, каким является Дагестан.

На территории Дагестана наскальные изображения известны уже давно. И хотя до недавних пор никто здесь не занимался их специальным изучением, за послевоенное время накопился и частично был опубли-

ликован материал о наскальных изображениях, встреченных в различных районах республики¹.

С 1967 г. Институтом ИЯЛ стали проводиться специальные работы по изучению древних наскальных изображений горного Дагестана. За короткий срок было обнаружено и обследовано заново множество местонахождений таких памятников². Уже в самом начале этой работы было обращено внимание на то обстоятельство, что в приморских и предгорных районах республики встречаются исключительно резные наскальные изображения, тогда как в горах наибольшее распространение получили рисунки, нанесенные на скалы красками,— росписи или писаницы. Дальнейшие работы подтвердили это наблюдение массовым материалом, причем писаницы в горах встречены в таком количестве, которое во много раз превышает все известные резные наскальные изображения предгорий и приморья.

Все эти рисунки исполнены минеральной краской — охрой, богатая палитра которой включает различные оттенки желтого, красного и коричневого цвета. Охра изготовлялась из богатых железом сидеритовых руд путем их обжига и последующего растирания. На чем замешивали образовавшийся порошок, пока не выяснено. Можно, однако, предполагать, что в Дагестане, как и в других местах, для разведения порошка применяли воду, жир, кровь и соки растений³.

По способу исполнения всё многообразие изображений на древних дагестанских писаницах может быть сведено к четырем основным видам рисунков: контурным, силуэтным, линейным и точечным.

К настоящему времени в горных районах Дагестана нам известно 26 местонахождений древних писаниц, состоящих из 68 отдельных

¹ М. И. Исаков. Новые археологические находки в Дагестане. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 182—183; его же. Чиркатинские древности в Дагестане. СА, 1961, № 4, стр. 253—254; В. И. Маркович. Наскальные изображения в Дагестане. ИВГО, т. 85, вып. 2, 1953, стр. 209—212; его же. Археологические памятники в районе сел. Качугай Дагестанской АССР. СА, XX, 1954, стр. 324—342; его же. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА, 1958, № 1, стр. 147—162; его же. Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакса. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 124—134; Л. И. Лавров. Археологические разведки в верховьях реки Самура. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 175—180; П. М. Дебиров. О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев. УЗИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1959, стр. 223—225.

² В. М. Котович. Новые наскальные изображения горного Дагестана. АО 1968 г., М., 1969, стр. 92—95; его же. Изучение древних рисованных наскальных изображений в горном Дагестане. АО 1970 г., М., 1971, стр. 97—98; его же. Первые итоги изучения древних рисованных наскальных изображений в горном Дагестане. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР. Тбилиси, 1971, стр. 129—130.

³ А. Лот. В поисках фресок Тассили. М., 1962, стр. 126; В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. САИ, В4-12, М., 1964, стр. 17; А. П. Окладников. Утро искусства. Л., 1967, стр. 87—88.

групп. Под последними подразумеваются древние рисунки, находящиеся на поверхности отдельных, территориально обособленных скальных выходов, располагающихся на небольшом расстоянии друг от друга в пределах одного урочища, имя которого обычно и носит все местонахождение. Все известные сейчас местонахождения древних писаниц находятся в Гунибском, Гумбетовском, Лакском и Дахадаевском районах горного Дагестана.

В Гунибском районе выявлено 5 местонахождений. В окрестностях сел. Ругуджа расположено местонахождение Чувал-Хвараб-нахо⁴. Здесь в небольшой нише обнаружена группа рисунков, состоящая из солярных символов и фигур животных: козлов, лошадей, бизона. Некоторые из них выполнены силуэтным, другие — линейным рисунками желтой и красной красками. Интересно отметить, что к исполненным красной краской силуэтным изображениям лошадей позднее были пририсованы коричнево-красной краской фигуры всадников (рис. 6).

Вблизи ругуджинского хутора Анада обнаружено 2 местонахождения в урочищах Рукдал-хит и Ботлоб-нохо, где все изображения выполнены только линейным рисунком желтой, красной и темно-красной красками. Здесь во множестве представлены изображения лошадей, всадников, козлов, геометрические фигуры, точечные знаки (рис. 8, 9).

Еще 2 местонахождения известны неподалеку от сел. Согратль. Наиболее интересное из них находится в гроте Чинна-Хитта⁵. В желтых и красных росписях, украшающих стены этого труднодоступного грота, представлены солярные символы и изображения животных, — безоаровых козлов, бизонов, кабанов, выполненные контурными и линейными рисунками (рис. 10, 11).

В Гумбетовском районе в окрестностях сел. Чирката выявлено 3 местонахождения древних писаниц. Наибольшей известностью среди них пользуется одна из двух групп местонахождения Харитани⁶, где изображены человеческие фигуры разной величины, облаченные в конусовые одеяния, исполненные силуэтным и контурным рисунками (большинство последних заштриховано). Между ними расположены фигуры животных: оленей, козлов, крупного рогатого скота и др. (рис. 2). Крупные фигуры в клетчатых плащах нарисованы светло-красной краской, остальные тоже красной краской, но более темных оттенков.

⁴ Первые сведения об этом памятнике и выборочные рисунки оттуда опубликованы в статье П. М. Дебирова: О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев, стр. 224—225.

⁵ Первые сведения об изображениях грота Чинна-Хитта собрал проф. Ш. И. Микаилов в 1954 г. (см. РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. № 11). Некоторые данные об этом памятнике и часть рисунков оттуда опубликованы в указ. статье П. М. Дебирова, стр. 223—224, рис. 17.

⁶ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 55, табл. 13.

В Лакском районе известно пока одно, зато наиболее значительное и насыщенное изображениями местонахождение, расположенное вблизи сел. Кара⁷. Здесь в ущелье Виттурзивалу выявлено 23 территориально обособленных группы изображений, выполненных линейным рисунком красной и желтой красками разных оттенков. Изображения эти весьма разнообразны. Среди них во множестве представлены фигуры диких животных, преимущественно козлов и баранов, а также оленей с преувеличенно крупными рогами, нередко изображения лошадей и всадников, отдельных человеческих фигур, лучников, охотничьи и батальные сцены, много разнообразных геометрических фигур, скопления точек (рис. 13, 14)⁸.

В Дахадаевском районе выявлено 17 местонахождений древних писаниц. Одно из них находится в труднодоступном гроте неподалеку от ицаринского хутора Санжи. На стенах грота красной краской, преимущественно линейным рисунком нанесено много изображений безоаровых козлов, лошадей, бизона (?), всадников, солярных знаков и геометрических фигур (рис. 16). Обращает на себя внимание весьма оригинальная трактовка ног у фигур безоаровых козлов в виде двух прямоугольников (рис. 17).

Другие 16 местонахождений этого района расположены на сравнительно небольшой территории, заключенной между селениями Трисанчи, Зильбачи и Кудагу. Местонахождения эти весьма насыщены изображениями, общее количество которых приближается к трем тысячам (!). Изображения выполнены преимущественно линейными и точечными рисунками красной и желтой краской разных оттенков. Здесь представлены изображения козлов, лошадей, всадников, солярных символов и многочисленные точечные знаки, сочетания которых нередко образуют самостоятельные рисунки (рис. 15).

Помимо названных местонахождений древних писаниц в горном Дагестане известно также несколько местонахождений резных наскальных изображений: в окрестностях сел. Верхнее Лобкомахи Левашинского района⁹, вблизи сел. Кюли Акушинского района¹⁰, неподалеку от сел. Варай Лакского района¹¹. В последнее время поступили сведения

⁷ Сведения об имеющихся в окрестностях сел. Кара рисунках на скалах любезно сообщил ст. научн. сотр. ИИЯЛ Х. Х. Халилов, которому приношу свою благодарность.

⁸ Некоторые из наиболее характерных каринских рисунков опубликованы в Истории Дагестана, т. I, М., 1967, рис. на стр. 80.

⁹ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана, стр. 61, табл. 17. 786; В. М. Котович. Новые наскальные изображения горного Дагестана, стр. 93—95.

¹⁰ С эстампажами отдельных изображений этого местонахождения меня любезно ознакомил в 1967 г. М. М. Магомедов, которому приношу свою благодарность.

¹¹ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 92—93.

о новых группах рисованных наскальных изображений в северной части Дахадаевского района, а также в Курахском и Табасаранском районах. Все это позволяет предполагать, что число местонахождений древних наскальных изображений в горных районах Дагестана со временем еще более увеличится.

Однако и сейчас уже совершенно очевидно явное, значительное преобладание здесь древних писаниц над резными изображениями. Данное обстоятельство несомненно заслуживает самого пристального внимания, поскольку древние писаницы совершенно неизвестны не только в приморских и предгорных районах Дагестана, но также в Азербайджане и в Армении, где, однако, в довольно большом числе выявлены местонахождения резных наскальных изображений¹². И лишь на Северном Кавказе — в Прикубанье и Кабардино-Балкарии — известно несколько местонахождений древних писаниц со сравнительно небольшим числом рисунков¹³.

Все сказанное позволяет заключить, что и уже известные в настоящее время в горных районах Дагестана местонахождения образуют крупнейший на Кавказе очаг древних рисованных изображений. Этот весьма важный и интересный факт требует всестороннего исследования и исторического осмысления.

Вполне вероятно, что такое своеобразное в рамках всего Кавказа явление было порождено целым комплексом разнообразных причин, истоки которых следует искать в особенностях исторического и, прежде всего, этнокультурного развития древнего населения горного Дагестана. Но наряду с ними определенное значение имели по-видимому и некоторые факторы геолого-географического характера.

В этой связи нельзя не обратить внимания на следующую интересную закономерность. Она проявляется в том, что районы расположения

¹² И. М. Джафарзаде. Наскальные изображения Кобыстана. ТИИ АН Аз. ССР, т. XIII, Баку, 1958, стр. 20—74; А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 24—59; Г. М. Асланов, П. А. Гаджиев. Художественно-технические особенности наскальных рисунков Апшерона. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. (Тезисы докладов). Баку, 1965, стр. 86; Д. Рустамов. Новые наскальные изображения в Гобустане. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР. (Археологические секции). Тбилиси, 1971, стр. 125—126; В. Алиев. Наскальные изображения Нахичеванской АССР. Там же, стр. 126—127; Г. Асланов. Сцены охоты, изображенные на камнях Апшерона. Там же, стр. 127—128; С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967, стр. 273—275, табл. 24—29; Г. О. Караханян, П. Г. Сафян. Наскальные изображения Сюника. АПА, 4, НИ, вып. I, Ереван, 1970; А. А. Мартиросян, А. Р. Исраелян. Наскальные изображения Гегамских гор. АПА, 6, НИ, вып. II, Ереван, 1971.

¹³ В. М. Сысоев. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1882 г. МАК, IX, М., 1904, стр. 163—164, рис. 68—69; А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 24.

известных сейчас местонахождений древних писаниц довольно точно совпадают с расположением двух основных залежей сидеритовых руд: Северодагестанской и Центральнодагестанской (рис. 5)¹⁴. При этом Чиркатинской залежи (в Северодагестанской группе) сидеритовых руд соответствует Чиркатинское же местонахождение древних писаниц, Каракойсунской залежи (в Центральнодагестанской группе) — местонахождения писаниц Гунибского района, а вокруг Кокмачайской залежи (тоже в Центральнодагестанской группе) располагаются Каринское местонахождение писаниц в Лакском районе и 17 местонахождений в Дахадаевском районе. И только на территории Южнодагестанской группы сидеритовых залежей пока еще не обнаружено местонахождений древних писаниц, хотя, как отмечалось выше, по имеющимся, но еще не проверенным данным, таковые могут быть встречены и в Южном Дагестане, по крайней мере, вблизи Текиндагской и Штульской сидеритовых залежей.

Совершенно очевидно, что подобное совпадение не может быть случайным. Как отмечалось выше, сидеритовые руды, особенно сферосидериты, служили основным сырьем для получения минеральных красок. Древнейшие в горном Дагестане следы использования сферосидеритов для этих целей документируются археологическими материалами, относящимися к концу верхнего палеолита — раннему мезолиту. В соответствующих слоях Чохской стоянки обнаружены остатки костра, где производился обжиг оболочек сферосидеритов, и каменные терки со следами растирания красок на рабочих поверхностях. А сами культурные слои оказались насыщенные множеством комочков охры различных оттенков желтого, красного и коричневого цвета¹⁵.

К значительно более позднему времени относится «мастерская» для обжига сферосидеритов, обнаруженная в 1969 г. в непосредственной близости от местонахождения древних писаниц в урочище Ботлоб-нохо. Она представляет собой небольшое (6×8 м.) естественное обнажение скалы с почти ровной горизонтальной поверхностью, из толщи которой выступали довольно многочисленные (более 20) сферосидериты разной величины (диаметром 10—35 см.), возвышавшиеся над поверхностью скалы на 1—10 см. Три самых крупных из них были разбиты, а образовавшиеся вследствие этого сферические полости глубиной 15—25 см. служили своеобразными очагами, в которых многократно обжигались оболочки других сферосидеритов. От этого внутренние поверхности всех

¹⁴ О географическом расположении основных групп сидеритовых залежей на территории ДАССР см.: Ч. М. Халифа-заде, С. М. Аббасова. Сидеритовые залежи Дагестана. М., 1963, стр. 13—15, 27—28, 41—44, 52, 61, 73—74, рис. 3.

¹⁵ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 116. рис. 23, 35, (1, 7).

трех «очагов» оказались интенсивно прокаленными, а на дне каждого из них и поблизости во множестве встречены обожженные обломки сферосидеритовых конкреций.

Итак, одной из причин широкого распространения в горном Дагестане рисованных наскальных изображений можно считать наличие здесь богатых запасов легко доступного сырья, из которого путем несложной обработки могла добываться необходимая для этого минеральная краска. Другие причины, как это уже отмечалось, лежат по-видимому в культурно-исторических и этно-психологических сферах и раскрытие их потребует немало времени и труда.

Между тем исследование огромного количества древних дагестанских писаниц (только в 26 известных ныне местонахождениях насчитывается более 7 тысяч изобразительных элементных единиц) еще только начинается. Как любое подобное начало оно сопряжено со множеством трудностей, усугубляющихся также и тем, что до сих пор еще не существует общепринятой, четко разработанной методики изучения самого изобразительного материала.

Главным направлением в этой работе несомненно является тщательное описание и анализ каждого известного местонахождения и составляющих его отдельных групп. Но наряду с этим представляется так же необходимым, основываясь на некоторых общих стилистических и типологических моментах, выделить такие классификационные признаки, которые могли бы послужить своеобразными эталонами при историко-культурном и хронологическом подразделении всех древних писаниц горного Дагестана. Этой цели и должна служить данная статья, представляющая собой первый опыт классификации известных сейчас древних дагестанских писаниц, определения их стилистических особенностей, хронологии и выделения сюжетных циклов.

При работе с древними дагестанскими писаницами был применен «элементный» метод фиксации и исследования изобразительного материала. Сущность его заключается в выделении основных изобразительных элементных единиц, за которые принимаются отдельные графически и «логически» автономные фигуры или знаки¹⁶. Изобразительный элемент — не только техническая единица, позволяющая организовать наиболее целесообразный прием фиксации изображений. Он дает возможность значительно полнее учесть и классифицировать огромный фактический изобразительный материал. Применение элементного метода уже при первой попытке классификации всей известной сейчас массы

¹⁶ В. М. Котович. Анадинское местонахождение рисованных изображений. (Рукопись). Махачкала, 1969, РФ ИИЯЛ, д. № 271. В этой связи нужно отметить, что очень близкий метод, основанный на выделении «простейших составных элементов, какими и являются отдельные фигуры», был разработан и применен Ю. А. Савва-теевым при изучении карельских петроглифов. См. его: Залавруга, Л., 1970, стр. 9.

древних писаниц горного Дагестана, позволило выделить разные изобразительные стили и сюжетные циклы, изменения которых составляют исторически обусловленный процесс развития этой наиболее ярко представленной сейчас части древнего изобразительного искусства края.

Основываясь на стилистических особенностях исполнения рисунков, можно разделить весь имеющийся изобразительный материал на две группы.

Первую группу образуют сравнительно немногочисленные изображения, выполненные силуэтными и контурными рисунками. Их древние исполнители стремились запечатлеть по возможности большее число характерных признаков и деталей изображаемого объекта. Стиль исполнения этих рисунков может быть условно назван натуралистическим или реалистическим.

Ко второй группе относится подавляющее большинство имеющихся изображений, выполненных линейными или точечными рисунками. Исполнители этих рисунков обычно ограничивались передачей самого минимального числа признаков, которых, однако, оказывалось достаточно для более или менее верного восприятия изображенного объекта. Стиль этих изображений может быть определен как схематический.

Отмеченные различия в стиле исполнения рисунков на древних дагестанских писаницах не являются случайными, а отражают в себе общие закономерности развития этого вида древнего изобразительного искусства. В натуралистических изображениях можно усмотреть пережитки некоторых черт, присущих реалистическим образам палеолитического искусства¹⁷, которые затем повсеместно исчезают в искусстве ранних земледельческо-скотоводческих племен, отличавшемся условностью и схематизмом¹⁸. В последнее время исследователи все более подчеркивают связь первого стиля с охотничьей, а второго — с земледельческой деятельностью их создателей. При этом причина появления второго стиля совершенно справедливо усматривается в том, что главный объект наблюдения земледельца — явления природы — в реалистической форме трудновыразимы, и поэтому они требовали условной, схематической и символической формы¹⁹.

Первая группа изображений представляется хронологически более ранней. К ней могут быть отнесены силуэтные изображения бизона, козла и лошади из Чувал-Хвараб-нохо (рис. 6) и контурные изображения тех же животных из Чинна-Хитта (рис. 10, 11), а также челове-

¹⁷ А. П. Окладников. Утро искусства, стр. 105—118.

¹⁸ А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966, стр. 22; Н. Д. Дмитриева. Краткая история искусств. Очерки. М., 1969, стр. 14—16.

¹⁹ Е. В. Антонова. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры. СА, 1972, № 4, стр. 7.

ские фигурки в клетчатых плащах и контурные изображения крупного рогатого скота из Харитани-1 (рис. 12). Вероятно к этой же группе примыкают изображения солнца из Чувал-Хвараб-нохо и Чинна-Хитта.

О глубокой древности всех этих изображений свидетельствует целый ряд обстоятельств. Это прежде всего их заметная малочисленность в сравнении с изображениями второй группы. Но несмотря на это некоторые изображения этой группы (например, бизоны, солнца) совершенно не представлены во второй группе. Контурные изображений первой группы менее четкие, а краски более блеклые. В отдельных случаях, как, например, в Санжи, единственное здесь силуэтное изображение животного, возможно, бизона(?), сохранилось настолько плохо, что может быть различимо только после увлажнения скальной поверхности. В данном случае, так же как в Чувал-Хвараб-нохо и Харитани-1, зафиксированы факты наслаивания на силуэтные и контурные рисунки других изображений, выполненных линейным рисунком, что является еще одним подтверждением более раннего возраста первых.

При дальнейшей конкретизации хронологической принадлежности изображений первой группы нельзя не обратить внимания на некоторые весьма примечательные в этом отношении стилистические особенности контурных и силуэтных рисунков. Подобным изображениям животных из Чинна-Хитта и Чувал-Хвараб-нохо присуща характерная «двуногость» фигур. Как известно, этот стилистический прием чрезвычайно архаичен²⁰. Не менее примечательная стилистическая особенность отличает изображения безоаровых козлов из Чинна-Хитта. Рога этих животных изображены так, что они как бы продолжают очертания тела, а промежуток между ними «на лбу» животного оставался незаполненным. Подобные же стилистические особенности характерны и для древнейших изображений Кобыстана, где, и это особенно важно, их принадлежность к мезолитической эпохе подтверждается археологическими материалами²¹.

Все это позволяет поставить вопрос о возможности отнесения перечисленных выше изображений из Чинна-Хитта и Чувал-Хвараб-нохо к мезолитической эпохе. Косвенным аргументом в пользу такого предположения может служить их территориальная близость к уже упомянувшейся Чохской стоянке, от которой Чинна-Хитта находится на расстоянии 7—8 км по прямой, а Чувал-Хвараб-нохо — 15 км. К тому же неподалеку от местонахождения Чувал-Хвараб-нохо (около 5 км) расположена другая мезолитическая стоянка Козьма-нохо.

Как уже отмечалось, в выделяемых в древнейшую группу контур-

²⁰ А. Д. Столяр. О генезисе элементарных форм изображения зверя в палеолитическом творчестве Европы. СГЭ, XXVI, Л.-М., 1965, стр. 26—27.

²¹ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 37—38, 42—46.

ных и силуэтных изображениях Чинна-Хитта и Чувал-Хвараб-нохо представлены козлы, лошади, бизоны. Костные остатки всех этих видов животных встречены и среди остеологических материалов названных стоянок²².

И, наконец, нельзя не обратить внимания еще на одно немаловажное обстоятельство. Выше уже говорилось об обнаружении в культурных слоях Чохской стоянки следов изготовления минеральной краски и ее многочисленных образцов. Представленная здесь в раннемезолитических слоях палитра различных оттенков желтой, красной и коричневой охры оказалась даже богаче той, которую можно наблюдать на сохранившихся древнейших писаницах горного Дагестана. Во всяком случае эти находки документируют чрезвычайно глубокую (не позднее раннемезолитической эпохи) древность знакомства племен горного Дагестана с изготовлением минеральных красок. Очевидно они применялись преимущественно для культовых целей, среди которых мы не можем исключить и возможность их использования для нанесения наскальных росписей.

Несколько особняком среди этой группы стоят изображения местонахождения Харитани-1, среди которых доминируют уже не рисунки животных и солярные знаки, а фигуры людей. Их отличительной особенностью являются конусовидные одеяния типа накидок или плащей (рис. 12). По этой их особенности они уже были сопоставлены А. А. Формозовым с известными изображениями людей в конусовидных плащах из Зараут-Камара в Узбекистане, относимыми им к концу мезолита — неолиту²³.

В пользу неолитического возраста контурных и силуэтных изображений Харитани-1, по нашему мнению, может служить еще одно обстоятельство. Все хаританинские фигуры людей изображены в позе оранта в окружении крупного рогатого скота. Эта же весьма характерная поза придана и женским божествам в известных святилищах Чатал-Гуюка, где они также сопровождалась изображениями бычьих голов, а иногда целыми фигурами крупного рогатого скота с подчеркнутыми рогами²⁴ (подобным же образом выделены рога и у животных хаританинских изображений). Возможно, это сходство не является случайным, а свидетельствует о том, что у неолитических племен Дагестана, как и у других ранних земледельцев, начинается антропоморфизация женского божест-

²² В. Г. Котович. Каменный век Дагестана, стр. 32.

²³ А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства на территории СССР, стр. 56; его же. Очерки по первобытному искусству, стр. 67, рис. 22, 23.

²⁴ J. Meilaart. Gatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967, стр. 115—128, рис. 27, 28, 34, 35, 41, 42.

ва, тогда как в образе быка олицетворяется мужское начало, символизирующее плодородие²⁵.

Таким образом, если по стилю исполнения контурные и силуэтные рисунки местонахождения Харитани-1 могут быть уверенно отнесены к первой группе, то по своей «раннеземледельческой тематике» они явно тяготеют к более поздней второй группе, образуя как бы переходное, связующее звено между ними.

Вторая группа, объединяющая, как уже отмечалось, основную массу изображений, очевидно, хронологически позднее первой. На это указывают и лучшая сохранность изображений второй группы и случаи их наслаивания на более древние изображения первой группы. Однако основным аргументом, говорящим об их относительно более позднем возрасте, является крайняя схематичность и условность самих рисунков. Именно эта особенность сближает их с линейными и контурными резными наскальными изображениями дагестанских предгорий, хорошо датированными эпохой бронзы²⁶. Подобные наскальные изображения эпохи бронзы выявлены также на территории Азербайджана и Армении²⁷. В специальной литературе уже отмечалось, что этот своеобразный стиль свойствен и изображениям на кавказской керамике эпохи бронзы²⁸. Выполненные в этом же стиле рисунки были сравнительно недавно встречены в Закавказье и на древнейших металлических украшениях²⁹.

Но особенно удивительное сходство обнаруживают многие изображения дагестанских писаниц этой группы с росписями на керамике раннеземледельческих памятников Передней и Средней Азии. Сходство это настолько велико, а проявления его так многообразны, что все это

²⁵ Ана Радунчева. За предназначението на някои глинени неолитни животински фигурки. «Археология». София, 1971, кн. 2, стр. 63—65; В. М. Массон. Поселение Джейтуя. МИА, 180, Л., 1971, стр. 152.

²⁶ В. И. Марковин. Наскальные изображения в Дагестане, стр. 209—212; его же. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА, XX, 1954, стр. 324—342; его же. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана, стр. 147—162; его же. Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакса, стр. 124—134; его же. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 109—111, рис. 39, 46.

²⁷ И. М. Джафарзаде. Наскальные изображения Кобыстана, стр. 20—74; С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении, табл. XIX—XXXII, табл. 24—29; А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 47—54; Г. О. Караханян, П. Г. Сафян. Наскальные изображения Сюника, стр. 44, табл. 1—342; А. А. Мартиросян, А. Р. Израелян. Наскальные изображения Гегамских гор, стр. 49—50, рис. 1—333.

²⁸ В. И. Марковин. Древние изображения на скалах близ г. Буйнакса, стр. 130—131.

²⁹ А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонги. Урбниси. I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квахелеби (Твлеппа-кохи). Тбилиси, 1962, табл. XXVI.

должно послужить темой специального исследования. Здесь же отметим лишь самые очевидные и яркие факты. Так, например, изображения козлов с круто загнутыми рогами из Кара³⁰ довольно близко соответствуют подобным же изображениям в росписях сосудов из памятников Ирана V—IV тысячелетий до н. э.³¹ А рисунки «обычных» козлов, встреченные почти на всех дагестанских писаницах, совершенно тождественны изображениям таковых на расписной посуде и глиняной пластике энеолитических памятников юга Средней Азии³². Изображения оленей с сильно преувеличенными рогами в Кара имеют реплики в Сялке III и Сузах³³. Изображение орла из Ботлоб-ноха весьма близко напоминает рисунки этой птицы из Намазга III и Сялка III³⁴. Сходство это не ограничивается только зооморфными рисунками, оно отмечается также и в композициях из точечных знаков, часто встречаемых на дагестанских писаницах второй группы и на керамике джейтунской культуры Южной Туркении и Сялка I³⁵, и многочисленных и разнообразных геометрических фигурах и узорах.

Весь круг отмеченных аналогий позволяет считать, что какая-то, по-видимому — весьма значительная часть изображений дагестанских писаниц второй группы относится к раннеземледельческому периоду (энеолит и эпоха бронзы). Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в результате небольших разведочных раскопок, проведенных около некоторых скальных навесов на Каринском местонахождении, были обнаружены археологические материалы, относящиеся к албанской эпохе (III в. до н. э. — III в. н. э.). Примечательно и то, что несомненно более поздние по времени изображения всадников, представленные почти во всех дагестанских местонахождениях писаниц, трактованы так же, как и фигуры всадников, изображенные на глиняной печати из некрополя В в Сялке³⁶. Эти факты позволяют считать, что схематические рисунки второй группы наносились не только в эпохи энеолита и бронзы, но позднее — в эпоху раннего железа.

Можно полагать, что в результате последующего изучения удастся более детально разграничить во времени отдельные группы изображе-

³⁰ История Дагестана, т. I, рис. на стр. 80.

³¹ Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. М.-Л., 1956, стр. 54—56.

³² В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, БЗ-8, М.-Л., 1962, стр. 15—18, табл. II, VIII, XII—XIV; И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.-Л., 1964, стр. 161, рис. 55, 9.

³³ В. М. Массон. Средняя Азия и древний Восток. М.-Л., 1964, стр. 375, рис. 72.

³⁴ Там же.

³⁵ В. М. Массон. Поселение Джейтун, стр. 56, 67, рис. 12, XI, 16.

³⁶ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk. Près de Kashan 1933, 1934. Vol. II. Paris, 1939. Musée du Louvre. — Département des Antiquités Orientales. Série Archéologique. T. V, стр. 63, 251; табл. XXX, 4; табл. XCVI, 1386.

ний внутри этого широкого хронологического диапазона. Особенно перспективными в этом отношении могут оказаться сопоставления изображений дагестанских писаниц с росписями на керамике раннеземледельческих памятников Юга. Уже отмеченные между ними параллели могут рассматриваться как еще одно подтверждение реально существовавших связей между древнейшими культурами Передней и Средней Азии и Кавказа, документируемых и множеством других археологических материалов. Дальнейшие работы в этом направлении помогут осветить новый аспект этих связей, наметить их основные исторические вехи и попытаться на такой основе более детально распределить во времени весь имеющийся дагестанский изобразительный материал.

Не менее перспективными для этих же целей могут оказаться и наблюдения и над сюжетами самих древних писаниц и их эволюцией. Казалось бы, что значительное количество изобразительного материала древних дагестанских писаниц должно предполагать и достаточно большое их сюжетное разнообразие. В действительности же все многообразие имеющихся рисунков может быть сведено всего к нескольким сюжетным циклам, каждый из которых объединяет тематически связанные между собой изображения. Выделение сюжетных циклов и особенно тех конкретных образов, в которых на разных этапах по-разному передаются отраженные ими представления, может дополнительно наметить новый ряд важных ориентиров, помогающих определиться в почти безграничном море изобразительного материала. В настоящее время все многообразие сюжетов, представленных на известных ныне древних писаницах может быть сведено к четырем основным циклам: солярному, охотничьему, аграрному и всадническому.

Сюжеты солярного цикла встречаются в обеих хронологически разновременных группах писаниц. В древнейшей группе они представлены главным образом солярными изображениями и символами. В Чувал-Хвараб-нохо имеются более или менее «реалистические» изображения солнца в виде небольших кружков с расходящимися лучами и солярные символы в виде свастики (рис. 6). В Чинна-Хитта наряду с подобными же изображениями солнца встречаются и несколько усложненные варианты такого изображения: с крестом в центре кружка, либо заключенные во внешнее кольцо, а также символические изображения в виде креста и лабиринта (рис. 10). Известный с глубокой древности рисунок круга в различных и многообразных начертаниях — знак, изображающий солнце. Изображение этого знака в обоих указанных местонахождениях интересно еще и тем, что в центре круга здесь помещен и другой символический знак, имеющий вид креста. Последний, по-видимому, должен был усиливать основную идею изображения, идею поклонения солнцу, как божественной, благодатной силе. ✓

Почитание крестообразного знака восходит к чрезвычайно глубо-

кой древности. Большинство исследователей ставят происхождение этого знака в непосредственную связь с конечным результатом длительного процесса освоения человеком огня, когда два перекрещенных бруска дерева, этот несложный инструмент для добывания огня, стал священным знаком, символом огня³⁷. Вероятно, с течением времени, понятие солнца и понятие огня своеобразно наложились друг на друга, совместились в сознании людей. И в таком совмещении нет ничего удивительного, так как само солнце несомненно воспринималось тоже как огонь, — огонь небесный. Не случайно поэтому и совмещение знаков, т. е. символика этих понятий. Символизирующий солнце круг включил в себя и символ огня — крест.

Изображение лабиринта, как символа представлений о ритмическом круговом движении, олицетворяющем не только движение солнца и других небесных тел, но и движение самой человеческой жизни от рождения к смерти, прослеживается с глубокой древности, с периода палеолита³⁸.

Многоугольное изображение лабиринта из Чинна-Хитта довольно архаично по своему начертанию. По этому признаку оно может быть отнесено к числу самых ранних солярных символов, которые по мере своего последующего развития и усложнения приобретали начертания в виде округлых лабиринтов, розеток, свастик и вавилонов, распространенных почти повсеместно, но особенно широко в символике ранних земледельческих племен.

Здесь же важно отметить, что, несмотря на не совсем еще четкую графику этого знака в Чинна-Хитта, самый факт его появления свидетельствует о начавшемся сложении абстрактных представлений, о настоятельном желании его исполнителей выразить в этом символе постоянное, бесконечное круговое движение небесного светила. Примечательно, что эта идея доживает до этнографической современности, будучи одной из наиболее ярких и характерных черт, присущих большинству обрядовых, ритуальных действий горцев Кавказа, где «круговое движение, как одна из общих форм служения астральным божествам, ... генетически восходит к почитанию небесных светил»³⁹.

С течением времени солярная символика заметно усложняется, в частности, исчезают прежние «реалистические» изображения солнца, заменяясь новыми символами, нередко взятыми из реальной действительности, но олицетворяющими все те же солярные представления. В числе них отметим прежде всего схематическое изображение ладьи из

³⁷ А. А. Нейхард. Происхождение креста. М., 1956, стр. 6.

³⁸ H. Sicard. Der wunderbare Hirsch. Acta ethnographica, t. XX, № 3—4, Budapest, 1971, стр. 257—264.

³⁹ В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 196.

Каринского местонахождения (рис. 13). Взятое само по себе оно может вызвать только удивление. Откуда могло появиться подобное изображение в глубине дагестанских высокогорий, население которых никогда не было знакомо с лодками. Но если иметь в виду, что возникшее в древнем Египте изображение солнечной ладьи широко распространилось в бронзовом веке на обширных пространствах Евразии⁴⁰, что запечатлено, в частности, и в наскальных рисунках, в том числе известных и на Кавказе (Кобыстан⁴¹), то появление этого символа движения солнца в высокогорном Дагестане получает свое объяснение.

В том же Каринском местонахождении обращают на себя внимание изображения оленей с непропорционально крупными ветвистыми рогами, окруженными множеством точечных знаков, как бы передающих их сияние (рис. 14). Вполне возможно, что эти изображения могут рассматриваться в качестве дагестанской реплики широко распространенному в древности представлению об олене—золотые рога, также являвшемуся одним из символов солнца⁴². По-видимому, ту же смысловую нагрузку несли и фигурки козлов в окружении множества точечных знаков в местонахождении Рукдал-хит (рис. 9) и изображение орла в местонахождении Ботлоб-нохо (рис. 8). Хорошо известно, что у некоторых горных народов соляной символикой наделялись в древности изображения козлов, коней и орлов⁴³. Приведенные данные свидетельствуют о распространении подобных же представлений и среди древнего населения горного Дагестана. И, по-видимому, тоже к числу соляных символов можно относить исполненные точечными знаками круги с точками в центре и округлые скопления точек, встреченные в местонахождениях Ботлоб-нохо и Трисанчи.

Сюжеты охотничьего цикла, как это не покажется странным, занимают сравнительно немного места в изображениях обеих групп древних писаниц горного Дагестана. К ним могут быть отнесены исполненные в различной технике изображения диких животных, представленные во всех без исключения местонахождениях дагестанских писаниц. Это, главным образом, козлы, муфлонообразные бараны, бизоны, олени. Можно полагать, что какая-то часть из них, хронологически наиболее ранняя, воспроизводит образы тотемов, но в большинстве своем это изображения животных, служивших, по-видимому, объектами охоты. Об этом свидетельствуют, в частности, встреченные в Чинна-Хитта изобраа-

⁴⁰ А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства, стр. 40—43, рис. 16.

⁴¹ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 54, рис. 3, 6, 8.

⁴² А. П. Окладников. Олень золотые рога. М.-Л., 1964, стр. 170—174.

⁴³ В. И. Вязьмитина. Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 1963, № 2, стр. 165—166; Н. Л. Членова. О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху. Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. М., 1966, стр. 198—200.

жения лука со стрелой и стрелы, направленных в сторону фигурок животных. Помимо того, в местонахождениях Кара, Трисанчи, Санжи встречены целые композиции, изображающие охоту лучников и всадников на козлов. Osteологические материалы из древних памятников горного Дагестана подтверждают, что все названные виды животных действительно служили объектами охоты ⁴⁴.

Как известно, в специальной литературе уже давно сложилось мнение о преимущественно охотничьей тематике древних наскальных изображений Дагестана ⁴⁵. Однако, в настоящее время оно сохраняет свою силу только по отношению к резным изображениям из предгорных и приморских районов, где охотничьи сцены действительно преобладают. Что же касается древних писаниц горного Дагестана, то количество имеющихся здесь изображений, которые могут быть отнесены к охотничьему циклу, весьма невелико. Так, например, среди 104 изобразительных элементов местонахождения Рукдал-хит встречено только 8 рисунков, изображающих диких козлов, являвшихся самыми распространенными в горах охотничье-промысловыми животными. Это составляет здесь всего лишь около 6% от общего количества изобразительных единиц. Примерно такая же картина наблюдается и на других местонахождениях древних писаниц горного Дагестана.

Можно поэтому полагать, что в этих фактах нашло еще одно отражение реальное место охоты среди других видов хозяйственной деятельности древнего земледельческо-скотоводческого населения края, где она играла хотя и немаловажную, но подсобную роль в обеспечении мясной пищей ⁴⁶.

Сюжеты аграрного цикла представлены только в поздней группе изображений. Да это и вполне закономерно, ибо их появление само по себе отражает уже сложившиеся основы хозяйства, быт и систему идеологических представлений древних дагестанских земледельцев. Переход же от присваивающего хозяйства к производящему завершился в горном Дагестане в конце неолита. В энеолите и бронзовом веке оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство уже составляло прочную экономическую базу местных племен. В это же время здесь становится известным и пашенное земледелие ⁴⁷. Очевидно, что и распространение

⁴⁴ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, стр. 217—222.

⁴⁵ М. И. Исаков. Новые археологические находки в Дагестане, стр. 183; В. И. Маркович. Дагестан и горная Чечня в древности, стр. 94, 110; В. И. Каннивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году УЗ ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 160.

⁴⁶ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 221.

⁴⁷ В. Г. Котович. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности. СА, 1965, № 3, стр. 13.

сюжетов аграрного цикла в древних писаницах горного Дагестана началось не раньше эпохи энеолита, хотя их зарождение, как это было показано выше, в связи с рассмотрением изображений из Харитани-1, относится еще к неолиту. И вместе с тем встречаются эти сюжеты настолько часто и широко, что практически в горных районах республики нет ни одного местонахождения древних писаниц, где бы они не были многократно запечатлены в том или ином виде. Подобное положение очень убедительно документирует то реальное место, которое занимало земледельческое хозяйство и связанные с ним представления в жизни древних горцев Дагестана.

Сюжеты аграрного цикла можно подразделить на два вида, один из которых повторяет широко распространенную раннеземледельческую символику, другой — воспроизводит бытовые сцены. К числу первых могут быть отнесены различные сочетания знаков, обозначающих засеянное поле: ромбы, «решетки» из нескольких клеток с точками в центре каждой клетки, знаки плодородия, изображения колосьев, змей. Особенно широко представленные в Кара и Трисанчи (рис. 13, 15), они находят себе параллели в символике раннеземледельческих племен¹⁸. Ко второму виду относятся встреченные в тех же местонахождениях изображения сцен пахоты, засева поля, молотбы, имевшие скорее всего ритуально-магическое назначение.

В процессе дальнейшего изучения, очевидно, станет возможным выделение еще одного вида сюжетов аграрного цикла, связанных со скотоводством. Однако уже и то, что характеризует этот цикл сейчас, может служить весомым дополнением к имеющимся археологическим данным, рисующим горный Дагестан одним из очагов раннеземледельческой культуры на Кавказе.

Хронологически наиболее поздний цикл включает в себя сюжеты, где главными фигурами выступают всадники. Такие изображения встречаются почти во всех местонахождениях среди изображений второй группы, что может свидетельствовать о довольно широком распространении самого всаднического цикла. Чаще всего фигуры всадников изображены участниками охотничьих и батальных сцен. Наряду с ними выступает и устойчиво повторяющийся, по-видимому, в какой-то мере канонизированный образ всадника с большим копьем в руках и точечными знаками над головой. Выше уже отмечалось, что изображения животных в окружении точечных знаков символизировали солярные божества. Можно полагать, что и в данном случае образ всадника наделялся теми же свойствами.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, № 1, стр. 30—32, рис. 7, 8.

В подтверждение этого сошлемся на то обстоятельство, что на рубеже II—I тысячелетий до н. э. в памятниках искусства Кавказа и Передней Азии впервые появляется образ всадника⁴⁹. Затем он надолго занимает в них весьма заметное место, будучи особенно широко представлен в торевтике, в изображениях бронзовых поясов, а также в глиптике (преимущественно с территории Передней Азии). В какой-то мере наиболее ранние из этих изображений несут определенную религиозно-символическую нагрузку. Но и в этом случае перед нами определенным образом преломленные представления, преподанные в конкретных формах близких образов, образов значительных в действительной жизни. По мнению специалистов, образ коня, а затем и образ всадника олицетворял собой в странах Востока культ солнца, астральный культ⁵⁰. Можно полагать поэтому, что и канонизированный образ всадника с копьем и точечными знаками над головой изображал на древних дагестанских писаницах таким образом выделенных эпических и мифологических героев, постепенно наделяемых чертами солнечного божества.

Хотелось бы отметить также своеобразную манеру изображения всадников на древних писаницах горного Дагестана, заметно отличающую их от подобных же изображений, встречающихся на местонахождениях резных наскальных изображений из предгорных районов Дагестана⁵¹ и других областей Кавказа. В то же время рисованные изображения всадников из горного Дагестана обнаруживают поразительное сходство с подобными же изображениями на глиняной цилиндрической печати из некрополя В в Сиалке⁵². Схематическая композиция на печати образована тремя фигурами всадников, двумя фигурами козлов и двумя солярными знаками. Исполненные линейным рисунком, все эти изображения, особенно фигуры, всадников, отличаются теми же характерными особенностями исполнения, которые присущи изображениям всадников на дагестанских писаницах (рис. 18).

Выделение всаднического цикла в древних писаницах горного Дагестана важно во многих отношениях. Очевидно, появление этого сюжетного цикла в культовых памятниках с некоторым, вполне понятным опозданием отражает факт появления всадников и возникновения всадничества в Дагестане, явившегося важным и закономерным этапом

⁴⁹ F. Hancâr. Ross und Reiter in Urgeschichtlichen Kaukasus. Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. B. I. Berlin und Leipzig, 1935, стр. 49—50.

⁵⁰ F. Hancâr. Указ. соч., стр. 49—50; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 202; Ш. Амиранишвили. История грузинского искусства. М., 1963, стр. 46—50; Н. Л. Членова. О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху, стр. 199.

⁵¹ См., напр.: В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай, рис. 2. 6. 8.

⁵² R. Ghirshman. Fouilles de Siak. Vol. II, табл. XXX, 4; табл. XCVI, 1386.

в ходе культурно-исторического и социально-экономического развития местного общества. Отражение этого явления в погребальном культе надежно датируется археологическими материалами, а потому и сами сюжеты всаднического цикла приобретают характер своеобразного хронологического эталона, на который можно более или менее уверенно опираться при определении возраста конкретных групп писаниц.

Наиболее ранние, среди известных сейчас в Дагестане, захоронения людей в сопровождении коня, т. е. всаднические захоронения относятся к VII—VI вв. до н. э. в приморских районах Дагестана (Урцекский некрополь⁵³) и к VI—V вв. до н. э. в горных (Хабардинский могильник⁵⁴). Однако в действительности отражение всадничества в культурах, в том числе и погребальных, могло произойти на Северо-Восточном Кавказе, как и в других его областях, скорее всего еще в предскифское время (IX—VIII вв. до н. э.). Об этом свидетельствует, в частности, захоронение с конем, обнаруженное в погребении № 38 на Зандакском могильнике в Чечено-Ингушетии⁵⁵, т. е. в непосредственной близости с Дагестаном. С тех пор всаднические захоронения повсеместно практиковались в Дагестане вплоть до раннесредневековой эпохи, что подтверждается известными археологическими данными⁵⁶. В свете приведенных материалов изображения всаднического цикла на древних писаницах горного Дагестана могут быть датированы в весьма широких хронологических рамках от начала I тысячелетия до н. э. до III—IV вв. н. э.

Можно полагать, что широкое распространение всадничества и культа всадников, как отражения этого явления в идеологических представлениях своего времени, могут быть объяснены конкретными историческими причинами. Известно, какое важное значение оказало применение верхового коня на развитие военного дела⁵⁷. Помимо того, нужно особенно отметить и тот сдвиг, который это явление вызвало в социальном развитии общества. Верховой конь, будучи более доступным в срав-

⁵³ В. Г. Котович, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Отчет о работе приморской археологической экспедиции в 1963 г. (рукопись). РФ ИИЯЛ, д. № 3317.

⁵⁴ М. И. Пикуль. Хабардинский могильник. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 147—148.

⁵⁵ В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. КСИА, 100, 1965, стр. 46, рис. 18; В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности, стр. 82, 84, рис. 35.

⁵⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. МИА, № 23, 1951, стр. 238—259; В. Г. Котович, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Раскопки в Кулинском районе горного Дагестана. АО, 1968 г. М., 1969, стр. 121; О. М. Давудов. Археологические работы в горах Дагестана. АО 1969 г. М., 1970, стр. 100—101.

⁵⁷ См., напр.: С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, стр. 121—129.

нении, например, с колесницей обусловил расширение привилегированной социальной прослойки за счет включения в нее имущей военной знати, непосредственно не занятой производительным трудом, но, очевидно, достаточно состоятельной, чтобы обеспечить нормальное функционирование личного хозяйства во время несения военной службы.

В заключение рассмотрения всаднического цикла сюжетов древних дагестанских писаниц, коснемся еще одного вопроса, связанного с большой и сложной проблемой возникновения всадничества. Как известно, появление всадничества в Передней Азии нередко ставится в связь с движением древних индоевропейских, преимущественно древнеиранских (арийских) племен из Поволжско-Уральских степей, особенно усилившимся во второй половине II тысячелетия до н. э.⁵⁸ Один из возможных путей этого передвижения пролегал, по мнению многих исследователей, через Кавказ⁵⁹. И в этой связи нельзя не вспомнить об отмеченном выше большом сходстве всаднических изображений на дагестанских писаницах и глиняной печати из некрополя В в Сиалке (считающегося одним из наиболее ранних и бесспорных памятников этого переселения на территории Ирана).

Совершенно очевидно, что прежде чем попасть в памятник глиптики и приобрести тем самым устоявшийся, всем очевидный смысл, определенный образ должен был первоначально сложиться и отразиться в культовых и художественных памятниках, таких как, например, наскальные изображения. И, по-видимому, не случайно характерные особенности рисунков на печати из некрополя В в Сиалке являются своеобразной и безусловно заслуживающей самого пристального внимания репликой устоявшимся образам древних писаниц горного Дагестана. Не исключено, что этот факт, наряду с другими археологическими данными может послужить еще одним аргументом в пользу мнения о том, что один из путей расселения ранних иранских племен действительно проходил через Кавказ, вероятнее всего, через наиболее удобный для таких передвижений Прикаспийский Дагестан.

Таковы основные циклы сюжетов древних писаниц горного Дагестана. Разумеется, в действительности ни один из них не представлен в «чистом виде». Различные группы объединяют обычно изображения, относящиеся к разным циклам, рисуя достаточно сложную и развитую картину идеологических представлений местного населения в древности. Изменения сочетаний различных изображений по-видимому отражают эволюцию этих представлений в разные исторические периоды.

⁵⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 71|72.

⁵⁹ Э. А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, стр. 39—43, 54—55.

Уже первые результаты изучения древних дагестанских писаний со всей очевидностью показывают, какие безграничные возможности для исследования ранних периодов истории края открывают эти своеобразные исторические памятники, являющиеся одним из немногих дошедших до нас свидетельств духовной культуры давно минувших эпох, наиболее сложной и труднодоступной области деятельности далеких предков.

ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Мое положение в освещении антропологического типа древнего населения Дагестана и Северного Кавказа значительно облегчается тем, что ранее к той же теме неоднократно обращался ряд выдающихся специалистов (Г. Ф. Дебец, В. В. Бунак и др.).

Особо должно быть упомянуто фундаментальное исследование Е. И. Крупнова «Древняя история Кавказа», где антропологические данные просто и убедительно легли в единую канву с археологическими данными, создав как бы образец комплексного решения сложных этнических путей.

В наших более ранних исследованиях, посвященных вопросу древних антропологических типов на территории Дагестана и Кавказа в целом, подход и толкование существенно не расходились с положениями выдвинутыми Е. И. Крупновым.

С момента выхода в свет исследования Е. И. Крупнова прошло 13 лет; наука значительно обогатилась свежими данными по палеоантропологии Кавказа, но мысли, высказанные им, по существу не изменились. Однако еще немало инакодумающих, и мы, обращаясь вновь к той же теме, но уже располагая большим количеством антропологического материала по древнему и современному населению, видим свою задачу не в создании новых схем, а в проверке утверждений прежних выводов, более детальном исследовании сложных путей этногенеза народов Северного Кавказа.

Прибавление краниологического материала за это же время шло в основном в южных районах Северного Кавказа, т. е. в Дагестане поэтому изложение наше более обстоятельно коснется именно этого района.

Судьба горских народов складывалась очень своеобразно и несмотря на то, что антропологический тип современного аборигенного населения Северного Кавказа поразительно однороден (в целом, в нем

представлен кавкасионский тип) нельзя не учитывать прошлого столь разноязычного населения. Ведь на этой небольшой территории сосуществуют представители трех основных языковых семей (иберо-кавказской, индо-европейской, алтайско-тюркской), более 40 народностей.

Не раз земли Северного Кавказа подвергались нашествию иноземцев-завоевателей (скифов, сармат, аваров, аланов, хазар, татаро-монголов, арабов и др.) которые приносили сюда свою культуру, обычаи, антропологический тип. Но, вглядываясь в лица нынешних обитателей Северного Кавказа, трудно представить себе картину сумбурной антропологической мешанины в прошлом.

Такая коллизия очевидно нуждается в объяснении и путь к ее объяснению можно найти в антропологических, точнее в краниологических данных.

Анализ всех имеющихся данных по палеоантропологии Северного Кавказа, обнаруживает, что несмотря на довольно хорошую археологическую изученность эпохи камня, нет ни одной палеоантропологической находки, способной удостоверить антропологический тип того времени.

В последнее время только начинает поступать черепной материал, относящийся к IV тыс. до н. э. (Гинчи). Этот скудный материал говорит о том, что уже в ту далекую эпоху население Северного Кавказа (хотя бы в ближайшей окружности от места находки) было длинноголовым и грацильным в отличие от населения юга Украины и Восточной Европы, где массивный протоевропеоидный тип был представлен широко. Факт сам по себе немаловажный, так как говорит о возможном изначальном своеобразии складывания антропологического типа на двух близких, соседствующих ареалах — Кавказа и Европы.

И в последующем, в эпоху бронзы, мы не обнаруживаем широкого внедрения северного более массивного типа в пределы Северного Кавказа. Обнаруживаемые в небольшом количестве массивные черепа протоевропеоидного типа сосредоточены в северных пределах — вдоль Маныча. Эта зона по своим климато-географическим особенностям близка к югу Украины и Юго-Восточной Европы и довольно удалена от предгорий Кавказа, что не могло не привлечь в эти места население более северных областей. На наш взгляд, хозяйственная специфика северных племен — носителей протоевропеоидного типа сама по себе была препятствием для их широкого проникновения на юг-экологическая ниша как бы ограничивала зону радиации расового типа.

Археологические изыскания свидетельствуют также о своеобразии в культурном плане в этих двух регионах. Если к северу от Кума-Манычского перешейка находится зона распространения катакомбной, древнеямной, срубной культур, то по другую сторону в это же время процветают культуры (северокавказская, гинчинская), истоки которых

возникли на месте, периодически общаясь и впитывая струи более южных закавказских культур.

Если северяне (европейцы) предпочитали захоронения в катакомбах и в срубах, то южане (кавказцы) предпочитали хоронить покойников в различного рода склепах.

Антропологический тип населения в эпоху бронзы не только Северного Кавказа, но и Закавказья был в целом однороден и хранил черты населения эпохи энеолита — долихокранный, грацильный, узколиций.

Е. И. Крупнов вслед за В. В. Бунаком отмечает, что на территории Северного Кавказа в эпоху бронзы антропологический тип уже имеет свои локальные особенности: а) первый, характерный для северо-западной части, так называемый понтийский; б) второй, характерный для юго-восточной части, так называемый каспийский.

Е. И. Крупнов отмечает, также что такое меридиональное разлинейвание намечается и по археологическим данным.

Палеоантропологический материал, имеющийся в нашем распоряжении в настоящее время позволяет более детально обрисовать антропологическую типологию. Поэтому мы сочли возможным вести сюжет по нескольким зонам, в основе которых легли особенности палеоантропологического материала.

Итак, прежде всего о Дагестане. В эпоху средней бронзы, здесь развилась очень своеобразная и интересная культура, названная гинчинской. Ее пределы охватывают не только горную часть Дагестана, но и Чечню (Гатынкалинский могильник). На этой же территории ее предшественницей была куро-аракская культура, а преемницей каякентско-хорочоевская.

От урочища Гинчи (в Советском районе ДАССР), где обнаружены энеолитическое раннеземледельческое поселение и склеповый могильник II тыс. до н. э., до небольшого хуторка Гоно немногим более половины километра. Этот небольшой отрезок расстояния отделяет Гинчи от памятника эпохи ранней бронзы (III тыс. до н. э.) — гонобского склепового могильника. И в Гоно, и в Гинчи одинаковый обряд захоронения — каменные склепы. Археологи не без основания предполагают, что склепы повторяют формы жилищ, т. е. отражают строительные традиции древних дагестанцев. И в круглых, и в квадратных склепах Гоно и Гинчи, так же, как и в других могильниках эпохи бронзы Дагестана (Галгалатли, Ирганай) захоронены длинноголовые, узколицы, грацильные люди, значительно отличающиеся от населения Маныча и более северных территорий.

В это же время в северо-западной части Кавказа (Майкоп, Моздок, Кисловодск) мы встречаемся с узколицом и длинноголовым населением. Но, в отличие от южан, у них головной указатель несколько выше. На

этом основании можно согласиться с Г. Ф. Дебецем, который выделял этот район как «центр относительной брахикрании».

Сравнительная брахикранный замечается и на черепах из Чечни (Гатын-кале). Эти же черепа представляют интерес и по ряду других особенностей, поэтому стоит остановиться на их характеристике более подробно.

В нашем распоряжении имеются три хорошо сохранившиеся черепа.

Череп сравнительно грацильные, особенно если учесть, что черепа эпохи бронзы вообще массивны. Продольный и поперечный диаметры черепной коробки сравнительно небольшие, черепной указатель средних величин, черепная коробка средневысокая. Лицевая часть черепа средней высоты, орбиты невысокие.

Следует упомянуть, что с территории Чечено-Ингушетии за исключением черепа из Хорочоя до сих пор не известен антропологический материал эпохи бронзы. Потому для сравнения приходится искать материал в основном за пределами этой территории. Могильник Гатын-кале по его культуре В. И. Марковин характеризует как важный памятник эпохи бронзы всего Северного Кавказа, сочетающий черты северокавказской культуры эпохи бронзы с чертами древней дагестанской культуры, представленной в Дагестане такими памятниками, как могильник Карабудахкентский II, Гоно, Гинчи и др., что позволяет считать могильник Гатын-кале характерным для зоны взаимосвязей и контактов древних племен Северного Кавказа и Дагестана.

Это своеобразное положение могильника Гатын-кале заставляет нас искать параллели и в палеоантропологическом отношении к югу и к северу от территории Чечни. Поэтому данные по Гатын-кале могут быть сравнены с краниологическими сериями из Гинчи (Дагестан), Самтавро I (Грузия), Мингечаур (I период), Севан и серией черепов из Заволжья, которая по своему антропологическому типу определенно отличается от южных серий. Если южные серии являются все без исключения характерным для индосредиземноморского расового типа (конечно, постольку, поскольку переносим на краниологический материал термин расовой классификации современного населения), то серия из Заволжья все еще сохраняет черты протоевропеоидного типа (относительно низкое лицо, низкие орбиты, значительная скуловая ширина и общая массивность).

Сравнение с этими сериями показывает, что исследованные черепа, если исключить общую грацильность, ближе к волжской серии (по черепному, лицевому, орбитному, носовому указателю и т. д.), чем к южным сериям. Но по своей грацильности они ближе к южному типу. Учитывая это, мы можем высказать некоторые соображения относительно антропологического типа черепов из Гатын-кале. Во-первых, можно

допустить, что их антропологический тип представляет собой грацилизированный протоевропеоидный тип, во-вторых, что он представляет вариант южного типа, в-третьих, что это результат смещения, взаимовлияния южного и северного (протоевропеоидного) типов.

Трудно отдать предпочтение одной из этих трех гипотез при наличии данных только по трем черепам. Однако, в пользу той или иной гипотезы можно привести дополнительно некоторые соображения.

Как известно, племена северокавказской культуры во II т. до н. э. находились в довольно тесных взаимоотношениях с племенами северных степей и Закавказья. Возможно, что результатом этих этнических контактов и являются своеобразные особенности исследованных черепов. Но все же смешение между протоевропеоидным и южным типом дало бы промежуточные величины скулового диаметра, что на черепках из Гатын-кале не прослеживается. Так как размеры скулового диаметра имеют большую таксономическую значимость для протоевропеоидного типа, то смешанная природа названных черепов очень сомнительна. На наш взгляд более резонно считать, что гатынкалинские черепа являются либо резко выраженным локальным вариантом южного типа, либо результатом влияния типа носителей северокавказской, майкопской культуры, где, согласно Г. Ф. Дебецу, определяется центр относительной брахикрании. Это тем более вероятно, что территория Чечено-Ингушетии является по всеобщему признанию контактной зоной между культурами Северного Кавказа и Закавказья как в эпоху бронзы, так и в энеолите.

Несколько поздний по времени череп из могильника Бети-Махк (I тыс. до н. э.) по своим основным данным очень сходен с черепками из Гатын-кале. Конечно, рискованно говорить, опираясь на данные измерений одного черепа, о сохранении в течении тысячелетия на данной территории антропологического типа, но само наличие большого сходства между названными группами привлекает внимание.

Сохранение прежних традиций в культуре рубежа II и I тыс. на территории Дагестана и Чечни, называемой каякентско-хорочоевской, делает возможным то, что антропологический тип населения этого района, судя по материалам могильников Бети-Махк, Хорочой сохранился в целом в прежнем виде.

В I тыс. до н. э. в строгую преемственность кавказских культур причудливой вязью вплетаются веяния степных культур ираноязычных народов, проникшие на территорию Кавказа из степей Приуралья и Средней Азии и Казахстана (скифы, савроматы, сарматы, аланы).

Достигшие высокого уровня в культурном развитии, эти племена видимо в силу каких-то причин исторического и экономического характера снялись с родных мест и двинулись на запад, на Кавказ, в Европу.

Их высокая культура до сих пор восхищает нас, но сами они не сохранились.

Парадоксально, — жившие рядом с ними и мало кому известные в свое время, например, дагестанские народы сохранились поныне, в то время как скифов и сарматов нет. Лишь аланы в какой-то степени сохранили себя в осетинском этническом пласте, оставив осетинам язык и некоторые элементы культуры.

В единоборстве местных и пришлых культур победу одержали местные, победил и местный антропологический тип. Оценивая степень и результаты влияния пришлых антропологических типов нельзя не учитывать несколько моментов: 1. Степень разницы между аборигенным и чужеродным типом могла быть небольшой; 2. численность внедрившегося типа могла быть недостаточной для того, чтобы вызвать существенные изменения; 3. взаимовлияние могло быть только в том случае, если акт смешения мог быть массовым.

Судя по степени экспансии, влияния культуры, пришлый элемент был достаточно значительным. И антропологический тип пришельцев имел значительные различия. В скифо-сарматское время и позже до начала II тыс. н. э. явно чувствуется наличие на территории Северного Кавказа наряду с местным изящным, узколицим и длинноголовым типом совсем другой, хотя тоже европеоидный, но исключительно мощный круглоголовый и широколицый. Этот тип представлен в основном в местах прилива пришлых культур (Мощённая балка, Ашкулук, Карабудахкент, Моздок, Миатли, Херх, Змейск, Верхний Чирюрт). Разумеется, все эти материалы, датируемые разным временем, не могут иметь однозначного толкования. Общим все же для них, как мы уже упоминали, является то, что широколицый и более круглоголовый тип отмечен в местах распространения пришлых культур. Поэтому материалы и каждой эпохи и каждой отдельной территории требуют несколько разного подхода, особой трактовки. Это можно продемонстрировать на примере Дагестана, который в палеоантропологическом плане лучше изучен, чем другие области Северного Кавказа.

Антропологический тип населения Дагестана в скифо-сарматскую эпоху реконструируется в общем виде по единичным находкам из различных могильников восточной и южной территории Дагестана: Карабудахкент, Тарки, Новолакск, Шаракун, Пиру, Мамай-кутан. За исключением двух черепов мужского и женского из Карабудахкентского могильника, все остальные узколицие и долихокренные. Это позволяет говорить о том, что население Дагестана в целом сохраняет особенности антропологического облика своего предка. С учетом того обстоятельства, что сарматское влияние на культуру Дагестана значительно и довольно стойко, можно предположить, что черепа из Карабудахкентского могильника принадлежали сарматам, а некоторое увеличение в целом

величин скулового диаметра в эту эпоху можно увязать с проникновением скифо-сарматских племен с территории Поволжья. Таким образом, если считать широколицый тип на территории Дагестана в эту эпоху привнесенным, то антропологический тип населения Дагестана можно в целом считать узколицым, сходным с типом населения Закавказья.

В начале нашей эры Кавказ подвергся еще одному серьезному испытанию — на его территорию вторглись гунны. Гунны надолго осели на равнинной части Дагестана и всего Прикаспия. Это видно, как по письменным источникам, так и по археологическим памятникам. Материальная культура и способ захоронения (катакомба) могильника близ сел. Манас, поселения у сел. Джемикент имеют сходные черты с могильниками гуннов Средней Азии. Но для понимания истории народов Дагестана важно не столько прибывание гуннов, а тот факт, что сопротивление горцев, их более высокий культурный уровень успешно противодействовал не только ассимиляции их в гуннской среде, но и влиянию гуннской культуры. Но пребывание гуннов не осталось бесследным. Оно подготовило почву для последующей тюркизации части этого края. Тюркоязычные гуннские племена сыграли, по-видимому, важную роль в этногенезе современных тюрко-язычных народов Северного Кавказа: кумыков, балкарцев, карачаевцев. Исследователи считают, что с этого момента началась тюркизация местных племен равнинного Дагестана и северного Кавказа вообще. Процесс этот получил основательную поддержку в тех событиях, которые имели место на территории, протянувшейся вдоль западного побережья Каспийского бассейна.

В VII—X вв. здесь появились хазары. По сведениям арабских и армянских источников или в северном Дагестане, или выше на Тереке находилась столица хазарского каганата Семендер. Надо полагать, что часть населения Северного Кавказа и Дагестана приняла участие волей или неволей во внутригосударственных процессах, что не могло не повлиять на определенные стороны жизни самих местных племен. И прежде всего на язык. Савиры, болгары, которые появились еще до хазар, по всей вероятности, также имеют отношение к происхождению карачаевской, балкарской, кумыкской народности. Все это находит подтверждение в археологических данных, которые отражают чрезвычайно сложное переплетение различных культур и народов на территории Северного Кавказа.

Но все эти процессы протекают под гегемонией и при участии традиций местных культур. Взаимовлияние привело к обособлению локальных культур. Расширяются и усиливаются связи с культурой Северного Кавказа и Юго-Востока Европы. Одновременно ослабляются связи с Закавказьем. Сасаниды изолировали в экономическом и политическом отношении Северный Кавказ от Закавказья.

Материальная культура Северного Кавказа и равнинного Дагеста-

на на протяжении почти всей этой эпохи обнаруживает значительную близость с так называемой «алано-хазарской культурой», сохраняя при этом свою глубокую самобытность. Своеобразный симбиоз представляет собою северный вариант, который претерпел значительное влияние степных племен (гуннов, савиров, алан, хазар). Это проявляется, прежде всего, в особенностях керамики, украшений, в обряде захоронения (катакомба).

Все эти события, описанные нами в общих чертах, достаточное основание для того, чтобы подозревать прилив иноэтнической примеси к местному антропологическому типу в лице гуннов, савиров, аваров, алан, хазар, половцев и т. д. Видимо, этим в основном объясняется то разнообразие в антропологическом типе краниологического материала, с которым мы сталкиваемся на территории Северного Кавказа в эпоху средневековья. Эпоха средневековья по сравнению с более ранними лучше представлена палеоантропологическими находками, что само по себе позволяет установить соотношение различных антропологических вариантов. Это задача облегчается тем, что обнаруживаемые вариации между некоторыми сериями настолько резко выражены, что можно полностью исключить мысль о случайности. И в таких случаях материал свидетельствует о реальном существовании на одной территории различных антропологических типов. Череп из гуннского могильника близ сел. Джемикент свидетельствует о проникновении представителей монголоидной расы на территорию Дагестана в IV в. н. э. Об этом же свидетельствует наличие черепов с явно монголоидными признаками в катакомбном могильнике Верхний Чирюрт наряду с типично европеоидными.

Наличие контактов с населением Северного Кавказа и Западного Казахстана проглядывается и в обычае искусственной деформации головы, выявленной на материале Верхнего Чирюрта и Урцеки, Верхнего Караная, Губдена, Цыйша.

Мезокранны и среднешироколицы черепа из могильников Аркас, Каранай, Верхний Чирюрт (V—VII вв.), широколицы черепа из Миатли (XII—XIII вв.). Судя по археологическим данным, в этих могильниках имеется влияние северокавказских степных культур.

В целом близкий, хотя и неидентичный материал мы обнаруживаем и на остальной территории Северного Кавказа, к северу и к югу (Змейск Херх-Осетия, Мингечаур — Аз. ССР). Возможно, что на территории Северного Кавказа определенное время держался антропологический тип, носителями которого являлись или сарматские племена или племена, вошедшие в историю под общим именем хазары, аланы. В целом ареал этого типа тяготеет и концентрируется в равнинной, предгорной полосе. Поэтому очень сомнительно, что он имеет прямое отношение к типу горских, аборигенных народов.

В тех же местах, где влияния степных культур ощущается незначительно или его нет, отмечается преобладание в краниологическом материале узколищевого и долихокранного типа в эпоху средневековья на территории Северного Кавказа. Цилитль (VI—VIII вв.), Дегва (VIII—X вв.), Агач-кала (VIII—X вв.), Узунтала (IX—XI в.), Урада (X—XII вв.); Дуба-юрт (IX—X вв.), Тенг-кала (VIII в.), Губден (V—VII вв.) все они говорят сами за себя. Не говоря уже о том, что краниологический материал этих могильников количественно представлен значительно более весомо, а территориально более широко. Отсюда, следовательно, и более достоверный вывод о том, что узколищный и долихокранный тип наиболее характерен для антропологического облика средневекового коренного населения Дагестана, чем любой другой.

Кануло в прошлое алано-хазарское могущество. Дагестан встрянуло, но его исконные народы и племена сохранились и развиваются; образуются крупные феодальные образования — Шамхальство Казикумухское, ханство Аварское, уцмийство Кайтагское, майсумство Табасаранское.

В XIII в. страна гор пережила еще одно испытание. В 1222 г. с юга, с территории Азербайджана сюда вторглись полчища татаро-монголов. Им удалось временно покорить Дагестан, но изменить ход этнического, политического и экономического развития его населения татаро-монголам не удалось. Развернувшаяся после смерти Тимура борьба между его наследниками и освободительная борьба народов Дагестана закончили с былым могуществом татаро-монголов.

С XV в. и до конца XVII века то турки, то персы постоянно беспокоили границы Дагестана. Отдельные части Дагестана лишь иногда попадали под их временную вассальную зависимость. В ожесточенной борьбе свободолюбивые горцы отстаивали свою независимость. К тому же успешные военные действия русских войск в войне с Турцией и Персией ослабили военную и политическую мощь этих стран.

Более значительна в истории Дагестана роль стран арабского востока. Хотя и здесь она ограничивалась главным образом принятием народами Дагестана мусульманской религии, политическими контактами.

Дагестанским народам удалось отстоять и, более того, укрепить свою этническую и политическую структуру.

Каков был облик населения Дагестана в это время? Несмотря на то, что татаро-монгольские орды, начиная с XIII в., появлялись на территории Дагестана в течение по крайней мере двух столетий, в палеоантропологическом материале мы не наблюдаем даже следов их пребывания здесь.

Уничтожали ли они останки умерших путем сжигания или другим способом или же есть на то какие-нибудь причины неизвестно? Тот краниологический материал, который имеется в нашем распоряжении

[Гизельское ущелье (СОАССР), Армхи (ЧИАССР), Сумбатлинский могильник (ДАССР)] свидетельствует о том, что в позднее средневековье (в XIV—XVI вв.) население Северного Кавказа как в горах, так и на равнине по антропологическому облику выглядело уже несколько по-другому, чем в более раннее время — они мезокранны, но лицо у них еще довольно узкое.

Мы думаем, что население, оставившие эти могильники, является аборигенным. Невозможно представить, чтобы в мусульманских погребениях, устроенных в традиционном стиле, относимых местным населением к своим предкам, были захоронены пришельцы.

В более позднее время, ближе к современности (XVII—XIX вв.), судя по материалам склепов осетинских ущелий, Чирагского, Кулинского, Гагатлинского, Нижнебатлукского могильников на территории Дагестана, Сунженского могильника (ЧИАССР), антропологический тип довольно резко отличался от типа населения более ранних стадий и очень близок к типу современного населения, — он брахикранный и широколицый. По массивности они повторяют кавкасионский тип, присущий населению горной полосы Кавказа, в том числе народов Дагестана, Чечни и Осетии.

Та информация, которую дает нам краниологический материал, чрезвычайно ценна. Прежде всего потому, что при полноте своей достоверности в силу многочисленности материалов показывает: 1. однородность антропологического типа горских народов Кавказа; 2. своеобразный путь изменения антропологического типа (увеличение скулового диаметра и головного указателя) происходит у них идентично.

А так как этот путь совершенно одинаково (параллельно) прошли народы, живущие хотя и рядом, но не смешивающие друг с другом, то у нас есть достаточное основание полагать, что у каждого из этих народов идентичны общие причины наступивших изменений и первичная биологическая основа.

Следовательно, и ираноязычные осетины, и яфетоязычные дагестанцы, чеченцы, ингуши произошли из одного антропологического «теста» несмотря на различия языков.

Ираноязычность осетин говорит, по-видимому, не том, что они аланы, а о том, что консолидация, объединение разрозненных, возможно, даже и разноязычных аборигенных племен усилилось и завершилось на базе распространения среди них аланского языка. Ведь известно, что распространение испанского языка в Латинской Америке не превратило латиноамериканцев-аборигенов в испанцев.

Изучение всех антропологических данных по Северному Кавказу и Дагестану подводит нас к некоторым важным выводам:

1. Народы Северного Кавказа Дагестана имеют очень древнюю, местную основу, по меньшей мере, относящейся к эпохе неолита — ран-

ней бронзы. Этнические и культурные влияния, фиксируемые памятниками археологии и истории, влияние племен шнуровой керамики, скифо-сарматов, гуннов, алан, а позднее арабов, татаро-монголов, персов, турок судя по антропологическому материалу, никогда не было настолько сильным, чтобы существенно изменить самобытный стержневой процесс этногенеза народов Северного Кавказа и Дагестана.

2. Изучение плеантропологических данных о древнем населении Северного Кавказа и Дагестана приводит нас к мысли, что в палеантропологическом материале преобладает долихокраний и узколиций тип, близкий к типу древнего населения Завкавказья и Передней Азии.

3. Долихокраний и узколиций европеоидный тип послужил основой для становления антропологического типа народов Северного Кавказа и Дагестана.

Присутствие других типов хотя и несомненно, но их роль окончательно не ясна; связь их с северными кочевниками очевидна.

Величины черепного указателя и скулового диаметра краниологических серий
с территории Кавказа

Название могильника	Исследователь	Датировка	Пол	Черепной указатель	Скуловой диаметр
1	2	3	4	5	6
Цицернакаберд	Дебец	Неолит	м	72.0	—
Гинчи	Гаджиев	Энеолит	м	65.0	130.0
Чиатура	Абдушелишвили	IV—III т. до н. э.	м	74.8	153.0
Кикеты	—«—	IV—III т. до н. э.	м	69.86(2)	125.0(2)
Ахалцихе	—«—	—«—	м	74.10(4)	125.0(4)
Гоно	Козинцев	III т. до н. э.	м	71.2	117.0
Нальчикский курган		III т. до н. э.	м	73.4	127.0
Осташкин лиман, Маныч	—«—	II т. до н. э.	м	81.7	141.0
Моздок К. з. п. 3	—«—	—«—	ж	79.5	130.0
Хутор спорный к II, п. 51, Маныч	—«—	—«—	м	76.7	127.0
Хутор спорный к III, п. 28, Маныч	—«—	—«—	ж	76.5	125.0
Маныч, кург. III	Гинзбург	II т. до н. э.	ж	91.2	138.0
Маныч, кург. II	—«—	—«—	м	76.6	—
Маныч, кург. II	—«—	рубеж I—II т. до н. э.	ж	68.6	127.0
Моздок	Бунак	XII—XIII вв. до н. э.	м	86.0(2)	135.0(2)
Самтавро II	—«—	VIII—IV вв. до н. э.	м	72.4(18)	129.6(7)
Ачи-кулак, курган	Миклашевская	II т. до н. э.	м	82.7	134.0
Гагаль	Гаджиев	—«—	м	73.6	133.0
Гинчи	—«—	—«—	м	71.1(21)	132.5(13)
Гатын-кале	—«—	—«—	м	75.7(3)	129.0(3)
Манас, курган I	Миклашевская	II т. до н. э.	ж	73.2(—2)	127.0
Джемикент	Бунак	—«—	м	79.1	134.6
Тквиав		XV в. до н. э.	м	72.8(24)	133.0(2)
Севан	Бунак	II—I т. до н. э.	м	75.0(3)	130.4(16)

1	2	3	4	5	6
Мингечаур I пер.	Касимова	X—VIII вв. до н. э.	м		131.0(2)
Мингечаур II пер.	—«—	VII—V вв. до н. э.	м	73.3(9)	135.3(6)
Норадуз	Алексеев	I тыс. до н. э.	м	—	132.7(28)
Кисловодск	Шантр	—«—	м	75.3(5)	119.0(3)
Верхняя Рутха	Дебец	—«—	м	72.4(3)	128,5(2)
Нальчинский курган	Бунак	—«—	м	75.3	132.0
Маныч, курган I	Гинзбург	—«—	м	78.3	144.0
Маныч, курган III	—«—	—«—	м	83.2	144.0
Маныч, курган II	—«—	—«—	м	77.3	131.0
Маныч, курган II	—«—	II—III вв. до н. э.	м	73.2	144.0
Кисловодск	Бунак	VII—IX вв. до н. э.	м	77.7	129.0
Моздок	—«—	—«—	м	78.3(2)	131.0(2)
Моздок	—«—	VII—III вв. до н. э.	м	78.5—81.7(4)	123.0—138.0(4)
Хорочой	—«—	—«—	м	72.1(2)	Средн. на 1 черепе, мал. на женск.
Моздок	—«—	II в. до н. э.	м	72.9	133.0
Усть-Лабинская	Бунак	II в. до н. э.	м	78.1	128.0
Моздок	Дебец	Скиф. сарм. время	м	78.1(3)	136.0(3)
Усть-Лабинская пл. б. 7, 10	—«—	—«—	м	78.8(3)	133.0
Кисловодск	—«—	—«—	м	78.0(1)	—
Елизаветполь	—«—	—«—	м	84.1(1)	—
Мингечаур III пер.	Касимова	IV—II вв. до н. э.	м	74.3(2)	133.5(2)
Каменноостский могильник	Миклашевская	VIII—VII вв. до н. э.	м	86.1	—
Нестеровский могильник	—«—	VI—IV вв. до н. э.	ж	83.2	—
Шаракун	Скифское время	IV—III вв. до н. э.	м	76.6	128.0
Ачи-кулак к. I	—«—	Скифское время	м	83.2	146.0
Ачи-кулак к. 2/4	—«—	—«—	м	—	142.0
Карабудахкент, м. 38	—«—	I—III вв. н. э.	м	71.2	147.0
Тарки, п. 3	—«—	—«—	ж	75.4	—
Пашковский могильник № 3, п. 3	—«—	II—IV вв. н. э.	ж	79.5	119.0
Ачи-кулак, курган п. 1.	—«—	I—III вв. н. э.	м	79.6	138.0
Ачи-кулак, п. 3	—«—	—«—	ж	78.0	126.0

1	2	3	4	5	6
Новолакское, склеп I	—«—			70.3	129.0
Цыйша	Гаджиев		ж		127.0
Мамай-кутан, п. 3	Миклашевская	I—III вв. н. э.	м	91.1	134.0
Пиру	—«—	II—III вв. н. э.	м	78.3	121.0
Мингечаур	Касимова	II—III вв. н. э.	м	71.0(5)	127.0(4)
Мингечаур	—«—	II в. до н. э.	м	72.2(6)	124.8(4)
Манас, курган 2	Микшалеvская	IV—V вв. н. э.	м		144
Джемикент, кург. катак.	Гаджиев	IV—V вв. н. э.		85.4	142.0
Верхний Чир-Юрт	Кондукторова	V—VII вв. н. э.	м	80.0(4)	135.8(4)
Верхний Чир-Юрт	Гаджиев	—«—	м	82.6(2)	134.5(2)
—«—	—«—	—«—	м	76.6(5)	136.4(5)
Мцхети	Дебец	VII в. н. э.	м	73.8(2)	129.0(2)
Верхний Каранай	Гаджиев	VII—X вв. н. э.	м	72.2	135.7
Дегва	Микшалеvская	VIII—X вв. н. э.	м	76.4(8)	129.8(6)
Агач-кала	Микшалеvская	—«—	м	77.4	—
Цилитль	—«—	VI—VIII вв. н. э.	м	70.4	128.0
Гоцатль	—«—	VIII—X вв. н. э.		82.7(2)	140.5(2)
Урцки	Гаджиев	III—VII вв. н. э.	м	72.7(5)	130.7(5)
Мошeнная балка	Дебец	VI—VIII вв. н. э.	м	74.8(5)	137.8(5)
Херх, Осетия	Дебец	X—XIII вв. н. э.	м	78.8—86.2(6)	140.3(3)
Мингечаур	Касимова	I—VII вв. н. э.	м	71.9(30)	131.7(26)
Губден	Гаджиев	VII—IX вв. н. э.	м	—	132.0
Тенг-кала	—«—	VIII в. н. э.	м	76.0	121.0
Урада	—«—	IX—XII вв. н. э.	ж		
Узун-тала	—«—	IX—XI вв. н. э.	м	74.1	129.8
Мингечаур	Касимова	VII—IX вв. н. э.	м	84.9(17)	137.1(18)
Аркас	Гаджиев	X—XIV вв. н. э.	м	76.3(3)	136.0(3)
Миатли	Микшалеvская	XII—XIII вв. н. э.	м	87.2(2)	137.0(3)
Змейск	Беслекоева	XI—XIII вв. н. э.	м	79.0(9)	137.4(9)
Сумбат	Гаджиев	XV—XVII вв. н. э.	м	78.6	133.6
Чираг	Гаджиев	XVII—XIX вв. н. э.	м	83.2	138.1
Кули	—«—	—«—	м	82.5	137.7
Гагатль	—«—	—«—	м	80.5	137.5
Мингечаур	Касимов	XIV—XVII вв. н. э.		85.3(12)	137.8(12)
Рустава	Абдушелишвили	XVI—XVII вв. н. э.	м	86.1(29)	135.4(29)
Душетн	—«—	XVI—XVIII вв. н. э.	м	82.4(48)	138.5(48)
Армхи	Бунак	XVI—XVIII вв. н. э.	м	79.9(45)	134.8(45)

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ПЛЕМЕН ДАГЕСТАНА С ПЛЕМЕНАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СТЕПЕЙ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Существование связей между кавказскими племенами и племенами, населявшими Юго-Восточную Европу признается всеми исследователями, занимавшимися изучением конкретных археологических памятников и целых культур, распространенных в этих областях во II тысячелетии до н. э. Обычно такие признания основываются на типологическом сходстве отдельных категорий археологического инвентаря, в котором исследователи справедливо усматривают отражение реальных связей и влияний¹. А в некоторых случаях исследователям удалось даже зафиксировать факты проникновения на территорию Прикаспийского Дагестана отдельных групп носителей катакомбной² и срубной³ культур. И это не удивительно, поскольку, как отмечал Е. И. Крупнов: «Вся территория Северо-Восточного Кавказа и Северо-Западного При-

¹ О сходстве инвентаря дагестанских памятников с инвентарем северокавказских и степных памятников, см. напр.: Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Тр. ГИМ, т. XI, М., 1940, стр. 9, 12; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., МИА, № 68, М.-Л., 1958, стр. 87—90; В. И. Канивец. Миадли — новый памятник бронзового века на Сулаке. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 46; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, Махачкала, 1965, стр. 253, 254; М. Г. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, стр. 174; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М., 1960, стр. 96, 97; И. В. Синицын., У. Э. Эрдниева. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Тр. КРКМ, вып. 2, Элиста, 1966, стр. 19; их же. Элистинский могильник. Тр. КРКМ, вып. 3, Элиста, 1971, стр. 15; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, М., 1955, стр. 53, 66—68; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24, М., 1955, стр. 94, 98, 102, 110 и др.; И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967, стр. 35.

² А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 48; Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 187—192.

³ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 87—90; Д. М. Атаев. Могильник в местности «Чампар» у города Махачкала. УЗ ИИЯЛ, вып. XX, Махачкала, 1970, стр. 356.

каспия, лежащая на скрещении важных торговых путей, связывавших племена Европы и Азии, не могла не играть важной роли в истории Юга нашей страны, хотя бы потому, что одновременно она является плацдармом, по которому переходили и перемещались различные племена земледельцев и скотоводов. Следовательно, и для исторической науки эта территория представляет огромный интерес»⁴.

В последние годы, благодаря главным образом работам Е. Н. Черных, стало совершенно очевидным, что связь между кавказскими и степными племенами носила постоянный и устойчивый характер. Это особенно относится к концу III — первой половине II тысячелетий до н. э., когда не только степные, но и отчасти северокавказские племена снабжались металлом из закавказского горно-металлургического центра⁵.

В этой связи по новому встает вопрос о роли, выпавшей на долю племен Северо-Восточного Кавказа, в частности, Дагестана, которые в силу особенностей своего географического положения должны были служить важным связующим звеном в передаче закавказского металла в более северные области.

Предлагаемая статья представляет собой первую попытку освещения этого вопроса. В основу ее положены некоторые типы вооружения, орудий труда и украшений, происходящие из дагестанских памятников эпохи средней бронзы (первая половина II тысячелетия до н. э.)⁶.

Из предметов вооружения рассмотрим бронзовые плоскочерешковые клинки нескольких разновидностей, служившие, по мнению многих исследователей, наконечниками копий, дротиков или клинками кинжалов. По имеющимся материалам нами выделено 7 подтипов подобных клинков.

К первому подтипу относятся четыре клинка наиболее арханчной формы с подтреугольным или удлинненно-листовидным лезвием и нечетко выраженным черенком. Два таких клинка найдено на Чиркейском курганном поле (рис. 19, 2)⁷, один случайно обнаружен в окрестностях

⁴ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, № 2, 1957, стр. 154.

⁵ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА, № 132, М., 1966, стр. 86—90; его же. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА, № 172, М., 1970, стр. 119.

⁶ Приношу глубокую благодарность В. Г. Котовичу, М. Г. Гаджиеву, М. М. Мамаеву, М. Г. Магомедову, Г. С. Федорову за любезно предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы из их раскопок.

⁷ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Мамаев. Археологические работы в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г. РФ ИИЯЛ, д. 229, рис. 5, 3.

с. Старый Чиркей (рис. 19, 3)⁸ и еще один (рис. 19, 1) — на Верхнегуньбском поселении⁹.

Вне Дагестана подобные клинки встречены как у северокавказских, так и у некоторых степных племен. В северокавказской культуре они получили довольно широкое распространение, о чем можно судить, например, по находкам в могильнике Фаскау и Луговом поселении (рис. 19, 5, 6)¹⁰, в третьем Разменном кургане у ст. Костромской (рис. 19, 8)¹¹, в кургане у хутора Кру на реке Ульке (рис. 19, 7)¹² и в других памятниках. Такие же клинки употреблялись населением калмыцких степей, на что указывают находки из II Лолинского (рис. 19, 9)¹³ и Элистинского (рис. 19, 10, 11)¹⁴ могильников.

Определенное сходство с подобными клинками обнаруживают и некоторые клинки из памятников полтавкинской и срубной культур, найденные в Калиновском (рис. 19, 12)¹⁵, Покровском (рис. 19, 14, 15)¹⁶ и в других могильниках. Интересно отметить, что один из этих ножей (рис. 19, 13) изготовлен из металла, содержащего 0,9% мышьяка и относящегося к группе ВК, в котором, по мнению Е. Н. Черных, может маскироваться какая-то часть кавказских бронз¹⁷. Бронзовые клинки рассматриваемого типа, изготовленные из кавказской бронзы, проникают и на северо-запад, о чем можно судить по соответствующим находкам в катакомбных памятниках Подонья (рис. 19, 16)¹⁸ и в могильнике Ходосовичи среднеднепровской культуры, относящейся к первой половине II тысячелетия до н. э.¹⁹

Второй подтип объединяет бронзовые клинки с округло-листовид-

⁸ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 92, рис. 42, 4.

⁹ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 135, 136, рис. 50, 1.

¹⁰ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 48, рис. 19, 7; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100. М., 1961, стр. 67—69, рис. 17.

¹¹ М. И. Артамонов. Третий Разменный курган у ст. Костромской, СА. X. 1948, стр. 180, рис. 5, 7.

¹² В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 33, рис. 4, 4.

¹³ И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР, стр. 127, табл. 51, 4.

¹⁴ И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев. Элистинский могильник, стр. 78, табл. 19, 2.

¹⁵ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА. № 60, М., 1959, стр. 342, рис. 37, 11.

¹⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 53—54, рис. 12, 4, 9, 10.

¹⁷ Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, рис. 56, 57, стр. 127—131, табл. 1, 763.

¹⁸ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 61, табл. VIII.

¹⁹ И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 29, рис. 18, 2.

ным лезвием и коротким, четко моделированным черенком. В дагестанских памятниках известно два таких клинка (рис. 19, 18, 19), происходящие из Чиркейского курганного поля²⁰.

В северокавказской культуре подобные клинки встречаются редко (рис. 19, 20, 21)²¹. Зато в катакомбных погребениях Калмыкии они представлены более широко, о чем можно судить по находкам в I Лоллинском (рис. 19, 22, 23)²² и Элистинском (рис. 19, 24—26)²³ могильниках.

Распространены они и в памятниках полтавкинской культуры, в частности, в Калиновском могильнике (рис. 19, 27)²⁴, в кургане у дер. Усть Грязнуха на р. Илсзле (рис. 19, 28)²⁵; последний изготовлен из маломышьяковистой бронзы, вероятно кавказского происхождения²⁶. Подобные клинки встречаются также в памятниках срубной культуры (рис. 19, 29)²⁷ и в катакомбных захоронениях Подонья (рис. 19, 30, 31), где для их изготовления использовалась кавказская бронза с высоким (2,4%, и 3,4%) содержанием мышьяка²⁸.

Третий подтип клинков отличается ромбической формой лезвия и хорошо выраженным четырехгранным в сечении или расширенным черенком. В дагестанских памятниках представлен четырьмя экземплярами: два из них (рис. 19, 32, 33) обнаружены на Миатлинском курганном поле²⁹, один (рис. 19, 34) — в катакомбном погребении у ст. Манас³⁰ и еще один (рис. 19, 35) происходит из Чиркейского курганного могильника³¹.

Данная разновидность клинков довольно широко представлена и в памятниках Северного Кавказа. Они обнаружены в могильнике Га-

²⁰ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1966 году. РФ ИИЯЛ, л. № 229, л. 92, рис. 64, 2.

²¹ В. И. Марковин. Указ. соч., рис. 3, 10, 32, 3.

²² И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР, стр. 34—40, табл. 4, 4, 8, 5.

²³ И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев. Элистинский могильник, стр. 71, 77, табл. 10, 3; 17, 3.

²⁴ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, стр. 413, рис. 37, 1.

²⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 53, рис. 12, 3.

²⁶ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы, стр. 60, 71, 72, 128, табл. X, 467.

²⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 153, рис. 12, 2.

²⁸ Е. Н. Черных. Указ. соч., рис. 36, 543, 544, табл. 11, 543, 544.

²⁹ В. И. Канивец. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане, стр. 44, Табл. I, 1, III, 2.

³⁰ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, стр. 199, рис. 5, 1.

³¹ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Г. С. Федоров. Археологические исследования в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г., рис. 78, 10.

тып-Кале (рис. 19, 39)³², в курганах у д. Тулатово (рис. 19, 36)³³, ст. Нестеровской (рис. 19, 40)³⁴, ст. Расшеватовской (рис. 19, 38)³⁵ и в Бамутских курганах (рис. 19, 37)³⁶. В довольно большом числе встречены они и в катакомбных погребениях Калмыкии: в I и II Лолинских (рис. 19, 41, 42)³⁷, Архаринском (рис. 19, 43, 44)³⁸ и Элистинском (рис. 19, 45—47)³⁹ могильниках. Как показал анализ, один из ромбических клинков Архаринского могильника (рис. 19, 43) изготовлен из кавказской бронзы с содержанием 1,3% мышьяка⁴⁰.

В более отдаленных областях Юго-Восточной Европы подобные клинки, насколько нам известно, не получили широкого распространения.

К четвертому подтипу нами отнесены клинки с «пламевидными» лезвиями, отличающимися удлинено-треугольными и закругленными плечиками; черенки плоские, широкие. В Дагестане два таких клинка (рис. 19, 49, 50) обнаружены в Чиркейских курганах⁴¹ и еще один (рис. 19, 48) — в Утамышском кургане⁴².

Аналогичные клинки, несколько варьирующие в форме и размерах, на Северном Кавказе представлены как случайными находками — из с. Ново-Ивановка (рис. 19, 54)⁴³, так и происходящими из погребальных комплексов: Верхняя Рутха (рис. 19, 51)⁴⁴, курганы у г. Орджони-

³² В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в Горной Чечне. ДЧИ, М., 1963, стр. 123, рис. 20, 5.

³³ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода, стр. 39, рис. 7, 5.

³⁴ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 92, рис. 42, 10.

³⁵ Там же, стр. 92, рис. 9, 45.

³⁶ Р. М. Мунчаев, В. И. Сарияниди. Бамутские курганы эпохи бронзы. КСИА, 98, 1964, стр. 99, рис. 27, 12.

³⁷ И. В. Синицын и У. Э. Эрднеев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. Тр. КРКМ, вып. I, 1962, стр. 123, рис. 21, 4.

³⁸ И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР, стр. 43, табл. 9, 3, стр. 100, табл. 41, 1.

³⁹ И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев. Элистинский могильник, стр. 84, табл. 22, 13.

⁴⁰ Е. Н. Черных. Указ. соч., табл. XI, 488.

⁴¹ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Мамаев, Г. С. Федоров. Археологические исследования в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г., л. 70, 75, рис. 44, 3; 48, 3.

⁴² В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Работы в Прикаспийском Дагестане. АО 1971, М., 1972, стр. 154.

⁴³ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 92, рис. 38, 9.

⁴⁴ Е. И. Крупнов. Указ. соч., рис. 19, 7, стр. 48.

кйдзе (рис. 19, 52)⁴⁵, у ст. Константиновская (рис. 19, 53)⁴⁶ и других памятниках.

Близкие дагестанским образцы подобных изделий, обнаружены в I Лолинском (рис. 19, 55)⁴⁷ и Элистинском (рис. 19, 56, 57)⁴⁸ могильниках Калмыкии. Анализом некоторых клинков данной разновидности из катакомбных погребений Калмыкии установлено, что они изготовлены из кавказской бронзы с 0,8—1,9% содержанием мышьяка⁴⁹.

Немногочисленны находки подобных клинков в памятниках полтав-кинской (рис. 19, 58)⁵⁰, срубной (рис. 19, 59)⁵¹ культур, а также в катакомбных погребениях Подонья (рис. 19, 60, 61)⁵². Анализ некоторых из них (рис. 19, 61) показал мышьяковистую (1,7%) бронзу, вероятно, кавказского происхождения⁵³.

К пятому подтипу относятся клинки с коротким подтреугольным лезвием и удлиненным, широким черенком. В Дагестане один такой клинок (рис. 19, 62) обнаружен на Чиркейском курганном поле⁵⁴. В памятниках северокавказской культуры, подобные наконечники, насколько нам известно, не встречены. В небольшом числе они известны и в памятниках степных культур: в I Лолинском (рис. 19, 63)⁵⁵ и Архаринском (рис. 19, 64)⁵⁶ могильниках Калмыкии, в памятниках срубной культуры (рис. 19, 65)⁵⁷, в катакомбных памятниках Подонья (рис. 19,

⁴⁵ В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии. КСИА, 98, 1964, стр. 81, рис. 23, 3.

⁴⁶ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 52, рис. 17.

⁴⁷ И. В. Синицын и У. Э. Эрднеев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году, стр. 17, рис. 13, 1.

⁴⁸ И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев. Элистинский могильник. стр. 77, 50, табл. 16, 2 и 4, 7.

⁴⁹ Е. Н. Черных. Указ. соч., табл. XI, 489, 490.

⁵⁰ И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, М., 1969, стр. 70, рис. 17, 7.

⁵¹ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 189, рис. 22, 10.

⁵² П. Д. Либеров. Памятники Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 10, рис. 6, 4; Е. Н. Черных. Указ. соч., рис. 36, 542.

⁵³ Е. Н. Черных. Указ. соч., табл. XI, 542.

⁵⁴ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Мамаев, Г. С. Федоров. Указ. соч., л. 93, рис. 65, 4.

⁵⁵ И. В. Синицын и У. Э. Эрднеев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г., стр. 25, рис. 25, 7.

⁵⁶ И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР, стр. 92, табл. 32, 2.

⁵⁷ И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР в 1961 г., стр. 25, рис. 25, 7.

⁵⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 52, рис. 12, 1.

66)⁵⁸ и в могильнике Ходосовичи среднеднепровской культуры (рис. 19, 67)⁵⁹.

Шестой подтип образуют клинки с удлиненолистовидным лезвием и плоским сравнительно коротким черенком. Дагестанские находки подобных ножевидных клинков происходят из кургана у пос. Дагестанские Огни (рис. 19, 69)⁶⁰, гробницы в урочище Гентал⁶¹ и Таркинского могильника (рис. 19, 68)⁶². Аналогичные ножевидные клинки довольно часто встречаются на Северном Кавказе, о чем можно судить по находкам в могильнике Гатын-Кале (рис. 19, 71, 72)⁶³, Верхняя Рутха (рис. 19, 73)⁶⁴, Дергавс (рис. 19, 74)⁶⁵, Фаскау (рис. 19, 75)⁶⁶ и др. За пределами Кавказа они чаще всего встречаются в катакомбных могильниках Подонья (рис. 19, 76—78)⁶⁷. Как показывают анализы происходящих оттуда подобных ножей, они изготовлялись из кавказской бронзы, содержащей от 1% до 4,1% мышьяка⁶⁸.

Седьмой подтип представлен в Дагестане единственной находкой ножевидного клинка с длинным, узким лезвием, закругляющимся к острию, и коротким плоским черенком (рис. 19, 79), происходящим из кургана у с. Кафыр-Кумух⁶⁹. Подобные ножи встречены в северокавказских памятниках: в Привольненском кладе (рис. 19, 81, 82)⁷⁰, и в кургане у пос. Праздничного (рис. 19, 80)⁷¹. Единичные находки таких клинков известны в памятниках полтавкинской (рис. 19, 83)⁷² и срубной (рис. 19, 84)⁷³ культур. Встречаются они и в катакомбных погребениях

⁵⁸ Т. Б. Попова. Указ. соч., табл. VIII.

⁵⁹ И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 29, рис. 18, 3.

⁶⁰ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 19, табл. 3, 10.

⁶¹ Курган исследован М. Г. Магомедовым. Материалы хранятся в фондах ИИЯЛ.

⁶² К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки, стр. 254, рис. 14, 4.

⁶³ В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне, стр. 123, рис. 9, 2; 20, 5.

⁶⁴ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 49, рис. 14, 6.

⁶⁵ Там же, стр. 48, рис. 9, 6.

⁶⁶ Там же, стр. 41—42, рис. 14, 5.

⁶⁷ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 160, табл. VIII.

⁶⁸ Е. Н. Черных. Указ. соч., табл. XI, 477, 507.

⁶⁹ Материал не опубликован. Хранится в фондах ИИЯЛ.

⁷⁰ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, М.-Л., 1935, стр. 96, рис. 5, 45.

⁷¹ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 32, 33, рис. 5, 4.

⁷² Н. Я. Мерперт, К. Ф. Смирнов. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИА, 84, 1961, стр. 5, рис. 1, 1.

⁷³ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, стр. 380, рис. 37, 2.

Подонья (рис. 19, 85, 86)⁷⁴, где они изготовлялись из высокомышьяковистой (1,6%, 4%) бронзы кавказского происхождения⁷⁵.

Как известно, многие исследователи степных культур, основывавшиеся на типологических особенностях бронзовых, клинков, возводили их к кавказским образцам⁷⁶. Кавказское происхождение подобных клинков подтверждается и приведенными выше результатами анализа металла, из которого они изготовлялись. И то обстоятельство, что именно в дагестанских памятниках эпохи бронзы представлены все семь рассмотренных выше разновидностей клинков, которые с большей или меньшей полнотой встречаются также в северокавказской культуре и у племен — носителей степных культур, по нашему мнению, довольно убедительно свидетельствует о посреднической роли дагестанского населения в распространении подобного рода изделий, первоначально шедших, по-видимому, из закавказского металлургического центра.

Обратимся теперь к рассмотрению других типов металлического инвентаря, начав его с топоров. В дагестанских памятниках эпохи средней бронзы встречаются топоры двух подтипов. К одному из них относятся топоры довольно архаического облика с массивным клиновидным лезвием, раскованным по острию, не очень длинной шейкой, слегка вислым обухом и круглым проухом. Один из них (рис. 20, 1) происходит из случайно обнаруженного в 1970 г. катакомбного погребения у ст. Манас⁷⁷, другой (рис. 20, 2) — из кургана у пос. Дагестанские Огни⁷⁸. На Северном Кавказе подобные топоры известны по находкам из кургана у ст. Андриюковской (рис. 20, 3)⁷⁹ из окрестностей сел. Локшукой (рис. 20, 4)⁸⁰. Встречаются они у степных племен. Отметим, например, находки близких по форме топоров из клада у дер. Скакун, Курской области (рис. 20, 6—8)⁸¹ и из урочища Увек близ Саратова (рис. 20, 5)⁸². Как показывают результаты химического анализа, все эти топоры изготовлены из мышьяковистой бронзы, вероятно, кавказ-

⁷⁴ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 160, табл. VIII.

⁷⁵ Е. Н. Черных. Указ. соч., табл. XI, 545, 546.

⁷⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 53; Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 160—161; Н. Я. Мерперт, К. Ф. Смирнов. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС, стр. 6, 7; А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, № 2, стр. 46—47; И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 187; И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев. Новые археологические памятники Калмыцкой АССР, стр. 20, их же. Элистинский могильник, стр. 15.

⁷⁷ Материал хранится у Г. С. Федорова.

⁷⁸ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана, стр. 19, табл. 3, 9.

⁷⁹ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 32, рис. 3, 9.

⁸⁰ Там же, стр. 33—34, рис. 7, 11.

⁸¹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 147, рис. 35, 4—6; В. П. Шиллов. Древней металлургии в Нижнем Поволжье, стр. 92, рис. 8, 3, 4, 7.

⁸² В. П. Шиллов. Указ. соч., стр. 22, рис. 7, 5.

ского происхождения⁸³. Близкие по форме топоры употреблялись и племенами среднеднепровской культуры (рис. 20, 9)⁸⁴.

Другой подтип представлен в Дагестане единственным экземпляром, происходящим из Миатлинского курганного поля (рис. 20, 10)⁸⁵. Он отличается узким, длинным, несколько расширяющимся книзу слегка изогнутым лезвием, вислым обухом с круглым проушным отверстием.

На Северном Кавказе такие топоры случайно обнаружены в Северной Осетии (рис. 20, 11)⁸⁶ и в Кабардино-Балкарии, где они относятся к северокавказской культуре (рис. 20, 12)⁸⁷. Близкий по типу топор обнаружен в кургане № 6 в урочище Бичкин-Булук около г. Энгельса (рис. 20, 13)⁸⁸, он изготовлен из кавказской бронзы с 1,5% содержанием мышьяка⁸⁹. Подобные топоры употреблялись и племенами срубной культуры, о чем свидетельствуют находки таковых из окрестностей г. Сызрани (рис. 20, 15)⁹⁰ и с. Подетенного (рис. 20, 14)⁹¹. Были известны они и племенам среднеднепровской культуры, что подтверждается находкой топора в кургане № 10 урочища Мошка (рис. 20, 16), изготовленного из мышьяковистой бронзы, возможно кавказского происхождения⁹².

В вопросе о происхождении бронзовых топоров обеих рассмотренных подтипов между исследователями степных культур нет единства. Большинство считает их заимствованными с Кавказа⁹³, а некоторые видят в них местные формы⁹⁴. Приводившиеся выше данные химических анализов некоторых топоров указывают на то, что они изготовлены из кавказского металла⁹⁵. В этой связи нельзя оставить без внимания отмеченную типологическую близость дагестанских топоров с северокавказскими и степными. Изготовление топоров первого подтипа имеет в Дагестане глубокую, уходящую в III тысячелетие до н. э. традицию.

⁸³ Е. Н. Черных. Указ. соч., табл. XI, 532—533; XII, 570.

⁸⁴ И. И. Артеменко. Указ. соч., стр. 30, рис. 19, 2.

⁸⁵ В. И. Каневец. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане, стр. 43, табл. III, 1.

⁸⁶ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии дожобанского периода, стр. 38, 39, рис. 7, 8.

⁸⁷ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 44—46, рис. 13, 5, 10.

⁸⁸ И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи Нижнего Поволжья. СА; X, 1948, стр. 145, рис. 7.

⁸⁹ Е. Н. Черных. Указ. соч., табл. XI, 485.

⁹⁰ В. П. Шилов. Указ. соч., стр. 22, рис. 9.

⁹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 60, рис. 14, 4.

⁹² И. И. Артеменко. Указ. соч., стр. 30, рис. 6.

⁹³ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 58, И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 30.

⁹⁴ В. П. Шилов. Указ. соч., стр. 32.

⁹⁵ Е. Н. Черных. Указ. соч., табл. XI, 532—535.

На Мекегинском поселении эпохи ранней бронзы найдено клиновидное лезвие подобного топора⁹⁶, а на одновременном поселении Галгалатли — двустворчатая глиняная форма для отливки таких топоров⁹⁷. Все это позволяет считать, что дагестанские племена сыграли немаловажную роль и в распространении топоров в среду степных и, возможно, северокавказских племен.

Интересную категорию металлических орудий труда составляют долота с разрезанной втулкой. Их рабочим краям путем проковки придавалась характерная желобчатая форма, а верхние части расковывались в трубку. В Дагестане одно подобное орудие (рис. 20, 18) происходит из кургана у пос. Дагестанские Огни⁹⁸, а другое (рис. 20, 17) — из случайно обнаруженного катакомбного погребения у ст. Манас⁹⁹.

Подобные долота известны по находкам на Северном Кавказе из кладов у с. Привольное (рис. 20, 19)¹⁰⁰ и ст. Костромской (рис. 20, 20)¹⁰¹. Встречаются они и в памятниках полтавкинской культуры, например, в кургане у хутора им. Степана Разина в Нижнем Поволжье (рис. 20, 21)¹⁰². Найдены они и в Царевом кургане близ Куйбышева (рис. 20, 22) и в Волгоградском кургане (рис. 20, 23), которые О. А. Кривцова-Гракова относит к срубной культуре¹⁰³. Долото из Царева кургана изготовлено из мышьяковистой бронзы, вероятно, кавказского происхождения¹⁰⁴. Они были известны и катакомбным племенам Северного Подонья, что подтверждается находками у дер. Скакун (рис. 20, 24, 25)¹⁰⁵. Последние изготовлены из мышьяковистой бронзы по-видимому кавказского происхождения¹⁰⁶. Можно полагать, что этот тип долота был заимствован от срубных и катакомбных племен населением более северных районов, о чем свидетельствуют находки подобных орудий в памятниках абашевской¹⁰⁷ и баланбашской¹⁰⁸ культур.

Заслуживает быть специально отмеченной находка своеобразного орудия в виде крюка с двумя загнутыми концами, происходящая из кур-

⁹⁶ История Дагестана, т. 1, М., 1967, стр. 51.

⁹⁷ Хранится в археологическом фонде ИИЯЛ. Раскопки М. Г. Гаджиева, 1970 г.

⁹⁸ М. И. Исаков. Указ. соч., стр. 19, табл. 3, 8.

⁹⁹ Материал хранится у Г. С. Федорова.

¹⁰⁰ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА. XII, 1950, стр. 172, табл. III, 2.

¹⁰¹ Там же, стр. 172, табл. III, 2.

¹⁰² Н. Я. Мерперт, К. Ф. Смирнов. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС, стр. 6, рис. 1, 3.

¹⁰³ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 60, рис. 13, 6, 7.

¹⁰⁴ Е. Н. Черных. Указ. соч., табл. XII, 578.

¹⁰⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 147, рис. 35, 2, 3.

¹⁰⁶ Е. Н. Черных. Указ. соч., табл. XI, 475, 537.

¹⁰⁷ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 43, рис. 8, 5.

¹⁰⁸ Там же, стр. 40, рис. 6, 11.

гана у пос. Дагестанские Огни¹⁰⁹. Функционально оно несомненно относится к типу крючьев с одним, двумя и тремя зубцами, получивших довольно широкое распространение в конце III и в начале II тысячелетия до н. э. по обе стороны Большого Кавказа и проникшими отсюда к катакомбным племенам Калмыкии. Все эти крюки снабжены разрезанной втулкой для укрепления рукоятки. В отличие от них, дагестанский крюк не имеет такой втулки. Он изготовлен из цельного прута квадратного сечения, изогнутого необходимым образом. Находки подобных крючьев крайне немногочисленны. Одна из них происходит из кургана 8 у ст. Андрюковской¹¹⁰. Еще два подобных орудия, изготовленные из круглого прута, происходят из Алексеевского поселения андроновской культуры¹¹¹. К югу от Большого Кавказа подобные находки неизвестны. Это позволяет предполагать возможность возникновения и этого типа орудия в Дагестане. Что же касается других упоминавшихся выше подобных орудий из Прикубанья и Северо-Восточного Казахстана, говорить о какой-либо их связи с Дагестаном в настоящее время не представляется возможным.

Немаловажный интерес для нашей темы представляют металлические украшения и в первую очередь височные подвески, которые по форме и технике изготовления подразделяются на два типа. К первому типу относятся подвески, изготовленные из отрезка круглого в сечении бронзового прута или проволоки, изогнутого в полтора оборота. Концы их обычно обрублены, а иногда слегка раскованы или заострены. В свою очередь, данный тип включает в себя подвески двух разновидностей: круглые и овальные. Поскольку в исследуемую эпоху они сосуществуют, представляется возможным рассмотреть их как единую группу. С уверенностью можно сказать, что среди металлического инвентаря дагестанских памятников круглые и овальные подвески в полтора оборота в количественном отношении стоят на первом месте. Они найдены, например, в таких памятниках, как могильники Гинчи (рис. 20, 26, 27, 28)¹¹², Галгалатли (рис. 20, 36)¹¹³, Манасские (рис. 20, 30, 31)¹¹⁴, Миат-

¹⁰⁹ История Дагестана, т. I, стр. 63.

¹¹⁰ ОАК за 1896 г., стр. 53—54.

¹¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. 17, стр. 109, рис. 12, 1.

¹¹² М. Г. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы, стр. 143, рис. 6, 4; 12, 2; 14, 20; 19, 23; 22, 33; 31, 3; 35, 9, 10; 36, 1; 38, 5.

¹¹³ М. Г. Гаджиев. Отчет о работе 1-го Горного отряда ДАЭ в 1968 г. РФ ИИЯЛ, д. 287, рис. 34, 6.

¹¹⁴ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, стр. 201, рис. 3-а, 1, 9; 5, 8—12.

линские (рис. 20, 29)¹¹⁵, Чиркейские (рис. 20, 32)¹¹⁶, Утамышские (рис. 20, 33)¹¹⁷ курганы, курган из урочища Гентал (рис. 20, 34)¹¹⁸. Ареал височных подвесок данного типа охватывает огромную территорию. В инвентаре погребений северокавказской культуры подобные украшения представлены в могильниках Гатын-Кале (рис. 20, 37)¹¹⁹, Фаскау (рис. 20, 40)¹²⁰, Верхняя Рутха (рис. 20, 41)¹²¹, Нальчикский могильник¹²², курганы у ст. Мекенской (рис. 20, 38)¹²³, у Орджоникидзе (рис. 20, 43)¹²⁴, у Нальчика (рис. 20, 39)¹²⁵, у Пятигорска (рис. 20, 42)¹²⁶, у пос. Праздничного (рис. 20, 44)¹²⁷ и во многих других памятниках эпохи средней бронзы.

Встречаются они и в памятниках Юго-Восточной Европы, в частности, у носителей предкавказского варианта катакомбной культуры, о чем свидетельствуют находки серебряных височных колец, рассматриваемого типа в курганах у ст. Константиновская¹²⁸, у хутора Веселого, Спорного на р. Маныче (рис. 20, 46)¹²⁹ и во II Архаринском могильнике в Калмыкии (рис. 20, 45)¹³⁰. Употреблялись они и катакомбными племенами Подонья и Поднепровья (рис. 20, 49)¹³¹, которые, по мнению исследователей, заимствовали их у северокавказских племен¹³².

¹¹⁵ В. И. Канивец. Указ. соч., стр. 44, табл. 1, 16.

¹¹⁶ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Мамаев. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1966 г. рис. 39, 8.

¹¹⁷ Материал не опубликован. Хранится в археологических фондах ИИЯЛ.

¹¹⁸ Курган исследован М. Г. Магомедовым. Материал не опубликован.

¹¹⁹ В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне, стр. 52, 84, 94, 103, рис. 1, 11, 14; 20, 2; 19, 2; 27, 23; 30, 2.

¹²⁰ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 38, рис. 7, 1.

¹²¹ Там же, стр. 56, рис. 19, 5.

¹²² А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, стр. 114.

¹²³ Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станции Мекенской. ДЧИ. М., 1963, стр. 37, рис. 16, 5.

¹²⁴ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, МИА, № 3, М.-Л., 1941, стр. 258, рис. 40, 8.

¹²⁵ Там же, стр. 258, рис. 36, 16, табл. X, 5.

¹²⁶ В. И. Марковин. Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска, КСИА, 127, стр. 36, рис. 13, 5.

¹²⁷ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, рис. 5, 8.

¹²⁸ Е. Н. Черных. Указ. соч., табл. XI, 554.

¹²⁹ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 310, рис. 9.

¹³⁰ И. В. Синицын, У. Э. Эрднеев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР, стр. 52, табл. 12, 3.

¹³¹ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 103, рис. 23, 4.

¹³² Там же, стр. 102, 103.

Нельзя не отметить, также, что сходные экземпляры подвесок, но изготовленные из прута, изогнутого в три оборота, найдены в захоронении полтавкинской культуры на Бережновском могильнике (рис. 20, 47)¹³³. Примечательно, что обе они изготовлены из высокомышьяковистой (2%, 3,3%) бронзы явно кавказского происхождения¹³⁴. Единичные экземпляры подобных подвесок встречаются и в памятниках срубной культуры (рис. 20, 48), о чем можно судить по находке подобного украшения в Ровненском могильнике¹³⁵. Ровненское височное кольцо изготовлено из маломышьяковистой (0,4%) бронзы группы ВК, в котором Е. Н. Черных допускает возможность присутствия кавказского металла¹³⁶.

Ко второму типу относятся пластинчатые подвески, долгое время считавшиеся характерным элементом культуры каякентско-хорочоевских племен Северо-Восточного Кавказа. Однако исследованиями послевоенных лет установлено, что в Дагестане пластинчатые подвески широко употреблялись уже на раннем этапе средней бронзы (первая половина II тысячелетия до н. э.). Об этом можно судить по находкам подобных украшений на Миатлинском (рис. 20, 50)¹³⁷ и Чиркейском (рис. 20, 51)¹³⁸ курганных полях, в курганах близ с. Утамыш (рис. 20, 52)¹³⁹, в урочище Гентал (рис. 20, 53)¹⁴⁰ и в могильнике Гинчи (рис. 20, 54, 55)¹⁴¹.

Общее количество подобных украшений, обнаруженных к настоящему времени в памятниках раннего этапа эпохи средней бронзы Дагестана, достигает 30 экземпляров. Они изготовлялись преимущественно из бронзы, в редких случаях (Утамыш, Гентал) — из золота. Основываясь на этом, можно полагать, что уже в указанное время эти украшения становятся одним из отличительных признаков местной культуры Дагестана.

И по-видимому отсюда они проникают в сопредельные области Северного Кавказа, где пластинчатые подвески известны по находкам

¹³³ И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 92, рис. 17, 17.

¹³⁴ Е. Н. Черных. Указ. соч., табл. X, 469, 470.

¹³⁵ И. В. Синицын. Ровненский курганный могильник. КСИИ, 84, 1961, стр. 96, рис. 32, 3.

¹³⁶ Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, табл. 1, 17, 59.

¹³⁷ В. И. Канивец. Указ. соч., стр. 70, рис. 5, 1.

¹³⁸ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, Г. С. Федоров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г., рис. 75, 6.

¹³⁹ Материал не опубликован; хранится в фондах ИИЯЛ.

¹⁴⁰ Материал не опубликован.

¹⁴¹ М. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 144, рис. 6, 3; 10, 3; 26, 3, 4; 30, 4; 35, 21, 28; 36, 2.

в могильниках Галашки (рис. 20, 56)¹⁴², Гатыш-Кале (рис. 20, 57)¹⁴³, Верхняя Рутха (рис. 20, 58)¹⁴⁴, Нальчикском могильнике (рис. 20, 59)¹⁴⁵ и в кургане у ст. Андрюковской (рис. 20, 60)¹⁴⁶. Подобные подвески употреблялись и катакомбными племенами (рис. 20, 65, 66)¹⁴⁷. Некоторое сходство с рассматриваемыми украшениями обнаруживают и пластинчатые подвески, изготовленные из узкой ленты, изогнутой в 1, 2, 3 и 4 оборота, находимые в памятниках полтавкинской культуры (рис. 20, 58)¹⁴⁸. Более близки к дагестанским немногочисленные находки небольших пластинчатых подвесок из памятников срубной культуры (рис. 20, 62, 63, 64)¹⁴⁹. Однако последние изготовлены уже из местного металла группы ЕУ¹⁵⁰.

Интересным типом украшений являются своеобразные очковидные подвески, в настоящее время встреченные нигде на Кавказе кроме Дагестана. Для их изготовления использовались тонкие бронзовые прутья округлого сечения или плоские узкие бронзовые ленты, изогнутые соответствующим образом. В дагестанских памятниках подобные украшения появляются еще во второй половине III тысячелетия до н. э. (поселение Тад-Шоб, 2-ой Карабудахкентский могильник)¹⁵¹. Для эпохи средней бронзы употребление их зафиксировано в Манасском (рис. 20, 67—69)¹⁵², Галгалатлинском (рис. 20, 70)¹⁵³ могильниках и одной случайной находкой из горного Дагестана¹⁵⁴. Возможно подобные украше-

¹⁴² Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 89, рис. 23, 4.

¹⁴³ В. И. Марковин. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне, стр. 126, рис. 11, 4 и др.

¹⁴⁴ Е. И. Крупнов. Указ. соч., рис. 7, 5.

¹⁴⁵ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 76, рис. 25, 3.

¹⁴⁶ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, стр. 51, рис. 16, 11.

¹⁴⁷ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 103, рис. 23, 5, табл. 1, 5.

¹⁴⁸ Н. К. Качалова. К вопросу о памятниках полтавкинской культуры. АСГЭ. Л., 1962, стр. 41, рис. 4, 11.

¹⁴⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 65, рис. 15, 1, 1-а, 2.

¹⁵⁰ Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, табл. 1, 1662.

¹⁵¹ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент. МИА, № 68, 1958, стр. 151, рис 7, 4; М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Г. С. Федоров. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 году, рис. 16, 2, 3.

¹⁵² Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, стр. 179, 180, рис. 3-а, 15, 5, 20, а также находка Г. С. Федорова из случайно обнаруженной в 1970 г катакомбы у ст. Манас.

¹⁵³ М. Г. Гаджиев. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1968 г. рис. 34, 5.

¹⁵⁴ М. И. Исаков. Указ. соч., стр. 68, табл. 3, 3.

ния употреблялись и другими племенами Северо-Восточного Кавказа, о чем можно судить по находкам обломков спиральных подвесок в территориально близких к дагестанским памятникам Бамутских курганах¹⁵⁵. Большую типологическую близость с дагестанскими обнаруживают две очевидные подвески из могильника Ходосовичи среднеднепровской культуры (рис. 20, 71, 72)¹⁵⁶. Кстати сказать, они изготовлены из мышьяковистой (1%—1,25%) бронзы, вероятно, кавказского происхождения¹⁵⁷. Отмеченные обстоятельства позволяют нам присоединиться к мнению И. И. Артеменко, выведившего этот тип украшений из Дагестана¹⁵⁸. Очевидные подвески из Ходосовичей обнаруживают типологическое сходство с подобными украшениями из памятников фатьяновской¹⁵⁹, абашевской¹⁶⁰ культур, что позволяет высказать предположение о том, что не только западноевропейские, но также и среднеднепровские образцы подобных украшений могли послужить прототипами очевидных подвесок, употреблявшихся племенами — носителями вышеперечисленных культур.

Завершая на этом сравнительное рассмотрение некоторых образцов металлического оружия, орудий труда и украшений, бытовавших в эпоху средней бронзы в Дагестане, на Северном Кавказе и у степных племен Юго-Восточной Европы, представляется возможным отметить следующие обстоятельства. Распространение в пределах очерченного ареала однотипных вещей, повторяющих форму соответствующих изделий широко бытовавших в то же время и в Закавказье¹⁶¹ и к тому же нередко изготовленных из кавказского металла, еще раз подтверждает мнение исследователей о том, что степные и отчасти северокавказские племена определенное время пользовались закавказским металлом и что этот металл транспортировался на север вероятнее всего в виде готовых изделий того или иного назначения¹⁶². Выявление многих типов металлических изделий, бытовавших в это время у северокавказских и

¹⁵⁵ Р. М. Мунчаев, В. И. Сарияниди. Бамутские курганы эпохи бронзы, стр. 91, рис. 27, 9.

¹⁵⁶ И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 35, рис. 22, 1, 2.

¹⁵⁷ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы, табл. XIII, 588, 589.

¹⁵⁸ И. И. Артеменко. Указ. соч., стр. 35.

¹⁵⁹ Д. А. Крайнов. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972, стр. 162—163, рис. 53, 12, 13.

¹⁶⁰ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала, стр. 35, рис. 2, 24; 3, 16.

¹⁶¹ Типологическому сопоставлению дагестанских металлических изделий с закавказскими будет посвящена другая работа.

¹⁶² Е. Н. Черных. Указ. соч., стр. 47; С. В. Киселев. Бронзовый век СССР. В сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 25.

степных племен, а также и в Дагестане, на наш взгляд, может служить решающим свидетельством, указывающим на возможную посредническую роль дагестанских племен в осуществлении этого «транзита» древних металлических изделий. Очевидно этому в немалой степени благоприятствовало выгодное географическое положение Дагестана, по территории которого проходил наиболее удобный и доступный сухопутный путь, связывавший Закавказье и Переднюю Азию с Юго-Восточной Европой.

Намеченный выше круг аналогий позволяет предполагать, что металлические изделия непосредственно из Дагестана получали соседние племена — носители прекавказского варианта катакомбной культуры, и, по-видимому, какая-то часть северокавказских племен. В свою очередь, через посредство названных племен, кавказские изделия, проникавшие дагестанским путем, распространялись и далее, достигая на северо-востоке племен носителей полтавкинской, затем — срубной культур, а на северо-западе — катакомбных племен Подонья, Приднепровья и даже племен носителей среднеднепровской культуры¹⁶³.

Однако подобное заключение, к тому же основанное на выборочном сопоставлении отдельных типов металлических изделий, носит предварительный характер. Дальнейшие исследования в этом направлении с привлечением не только северных, но и южных закавказских и переднеазиатских материалов позволяют конкретизировать наши представления о том, какие категории металлического инвентаря действительно привнесены из Закавказья и Передней Азии, а какие возникли на Северном Кавказе по мере того как здесь начинали функционировать местные очаги металлургии и металлообработки. А более глубокое, всестороннее сравнительное изучение всех без исключения типов металлического инвентаря, бытовавших в Дагестане, на Северном Кавказе и в степях Юго-Восточной Европы не только в эпоху средней бронзы, но и в III тысячелетии до н. э., позволит уточнить направление и определить интенсивность связей между населением указанных областей в их исторической динамике.

¹⁶³ Вопрос об обратном воздействии северокавказских и степных племен на металлообработку населения Дагестана эпохи средней бронзы требует специального рассмотрения.

ДОЛЬМЕН БЕЗ ЛАЗА В БАССЕЙНЕ р. КИЗИНКИ (ПРИКУБАНЬЕ)

Во время полевых работ 1971 г. в бассейне р. Кизинки (левый приток р. Ходзь, между станицами Губской, Баговской и Баракаевской (Лабинского района Краснодарского края) было обнаружено уникальное сооружение — дольмен плиточного типа без отверстия. Этот памятник получил порядковый № 215. Здесь зафиксировано 564 дольмена.

Для западнокавказских дольменов, независимо от их конструктивных особенностей и того, к какому типу они относятся (плиточному, составному, корытообразному или монолитному), отверстие — своеобразный вход в дольмен. Оно обычно устроено с фасада сооружения, а у некоторых корытообразных дольменов отверстие может находиться в задней части или даже сбоку постройки.

Дольмен № 215 стоит на уплощенном склоне возвышенности, которая у местного казачьего населения носит название Кислая гора.

Дольмен № 215 ориентирован довольно точно с севера на юг, фасад расположен с южной стороны. Плиты, образующие камеру, имеют трапециевидную форму. Передняя плита слегка обработана: верхний край её скошен во внешнюю сторону, внутренняя поверхность сглажена. Длина плиты в нижней части — 1,30 м, вверху — 1,2 м, высота — 1,10 м, толщина — 0,15 м. Отверстие, как уже говорилось, в этой плите отсутствует (рис. 21).

Задняя плита упала внутрь дольмена. Верхний край её с наружной стороны сильно скошен. Размеры плиты: $1,20 \times 1,15 \times 1,10 \times 0,25$ м. Восточная и западная боковые плиты с внутренней стороны снабжены пазами шириной в 10—7 см. Ими зажимались передняя и задняя плиты. Размеры восточной и западной боковых плит: длина — 1,80 и 1,65 м, высота в передней части — 0,98 и 0,93 м, в задней части — 0,83 и 0,70 м, толщина — 0,18 и 0,23 м. (Рис. 2, 1, 2).

Перекрытие дольмена неправильной прямоугольной формы ($1,64 \times 1,45 \times 0,15$ м) с нижней стороны также имеет пазы, в которые входили верхние края плит, образующих камеру (рис. 22, 3).

Пол дольмена был устлан пластинами песчаника. Под камеру подложены крупные и очень гладкие речные камни. Это, вероятно, послужило причиной скольжения плит и деформации всего сооружения.

В дольмене расчищены остатки одиночного скорченного захоронения. Позу покойника установить не удалось, так как плиты пола перемещены. Ясна лишь ориентировка погребенного головой на юг. Кости сохранили следы красной охры. В южной части дольмена обнаружены угольки. Погребальный инвентарь невелик:

1. Височное кольцо круглой формы. Сделано из сомкнутого кусочка бронзовой проволоки, которая сверху обтянута золотой фольгой. Сечение предмета подтреугольное. Диаметр его — 1,5 см, толщина — до 0,5 см (Рис. 22, 4). Найдено у южной стены.

2. Отщеп серого кремня (3,2×3×0,4 см). Лежал в юго-восточном углу.

3. Керамика. В середине камеры найдены обломки двух сосудов: тонкостенного (до 0,5 см), с красной поверхностью и следами штриховки, в тесте — песок и толченые раковины моллюсков; толстостенного (до 0,9 см), с коричневой поверхностью, глина черная, комковатая. У передней плиты собраны обломки четырех сосудов: днище сосуда с красной поверхностью (диаметр его 10 см, слегка намечен кольцевой поддон); петлевидная ручка крупного красно-коричневого сосуда (диаметр тулова до 15—14 см); два слегка отвернутых венчика (диаметры устья до 7—8 см). В тесте черепков заметны известково-мергелевые частицы.

Остановимся на некоторых конструктивных деталях данного дольмена.

Обычно, под дольмены в качестве опорных камней подложены специальные пяточные камни, снабженные даже особыми пазами, в которые упираются нижние края плит, образующих камеры. У наиболее раннего варианта плиточных дольменов, имеющих дополнительные конструкции у фасада, которые образуют портал, пяточные камни всегда подкладывались под передние плиты, а остальные устанавливали непосредственно на материк. Иногда для большей прочности строители порталных дольменов использовали также небольшие камни, на которые устанавливали боковые плиты. Наиболее часто встречающиеся плиточные дольмены не имеют особых порталных конструкций, их лицевая сторона (фасад) просто тщательно обработана. Под все четыре плиты этих дольменов всегда подложены специальные пяточные камни. В дольмене № 215 роль таких камней выполняют плоские речные гальки и удлиненные куски мергеля.

Обмеры большого количества дольменов позволили нам выявить пропорциональные соотношения частей камеры. Так, для порталных дольменов отношение ширины камеры в передней части к общей длине

камеры и к ширине камеры в её задней части, дает характерный ряд чисел — 10:12: (8 или 9), если ширину камеры в передней части мы примем за десять единиц отношения¹. Иначе говоря, камера порталных дольменов имеет в плане удлиненную и слегка трапецевидную форму. Ширина её в передней части меньше на две единицы измерения, чем длина.

Основная масса плиточных дольменов (без специальных порталов), наиболее характерная для Западного Кавказа, имеет камеру резко трапецевидную в плане. В этих дольменах указанные отношения дают иной ряд чисел — 10:9:8, т. е. ширина камеры в передней части превышает её длину (глубину).

Дольмен № 215 имеет не очень правильную форму. Длина его камеры у восточной плиты — 1,30 м, а у западной — 1,25 м; ширина камеры в передней части почти равна ширине в задней части — 1,2—1,15 м (надо помнить, что передняя и задняя плиты входили в пазы). Просто говоря, в плане камеры едва намечена трапецевидность и пропорциональные отношения здесь дают нечто подобное соразмерности сторон квадрата. И всё же в дольмене № 215 уже намечается тенденция к вытянутости камеры, что очень характерно для порталных сооружений, типа дольменов ст. Новосвободной.

Последняя деталь. Если задняя плита дольмена № 215 имеет со всех сторон краевые стёсы, при которых форма её напоминает подушку, что очень характерно для поперечных камней всех плиточных сооружений Западного Кавказа, то передняя плита описываемого дольмена не выдержана в этом же стиле, она почти не обработана, хотя должна бы иметь такую же подушкообразную форму.

Как видим, архаичность в конструкции дольмена № 215 несомненна.

На территории Прикубанья дольмены подобной ящикообразной конструкции и без отверстий известны для ныне уничтоженной «Кожжохской группы» дольменов, расположенной близ пос. Каменноостского. Здесь найдено пять дольменов (№№ 6, 10, 25, 28 и 29), сложенных из плит в сочетании с речным булыжником (размеры построек: 1,59×1,42 м; 1,59×1,42 м; 1,50×1,50 м; 1,76×1,50 м и 1,22×1,22 м). Отверстий у них не было, камера стояла «без каменной настилки». В дольменах №№ 6, 28 и 29 обнаружены одиночные захоронения, в остальных — по два костяка. Инвентарь состоял из кремневых обломков и керамики². Еще один дольмен без отверстия был найден в долине

¹ Для изучения пропорций можно брать единицы отношений в любом цифровом выражении. Я взял 10, как наиболее удобное число.

² Е. Д. Фелицын. Западно-Кавказские дольмены. МАК, IX, М., 1904, стр. 41, 42, 48, 50.

р. Иль близ пос. Ильского. В его боковых плитах обнаружены «сделанные округлые пазы для поперечных». Длина боковых плит 1,96—2,19 м, поперечных — 0,76 м (камера прямоугольной формы длиной около 0,87 м). Высота постройки около 0,72 м. Дольмен ориентирован с севера на юг³. Два близких по типу сооружения обнаружены в соседней Абхазии. Здесь, на территории бывшего сел. Рождественского, между горами Ахупач и Прцха (близ Цебельды), в 1908 и 1934 годах были обнаружены два дольменовидных ящика без лазов. Л. Н. Соловьев приводит их ориентировочные размеры: первый ящик имел в длину 2,50 м и в ширину — 0,80 м(?); второй «меньших размеров», около 1,50 м в длину⁴. Из второго ящика, по сведениям Ю. Н. Воронова, происходят «кремневый наконечник дротика с черешком» (8,3×3 см) и молотовидная булава («каменный топор» 10×4—2,8 см)⁵. Обе находки близки предметам «энеолитического облика». Обломок подобного дротика найден вместе с другими предметами в Очажном гроте у р. Кудепсты (Адлерский район). Л. Н. Соловьев в 1958 г. датировал этот комплекс позднее-неолитическим временем, что по его тогдашней периодизации равно 2500—2200 годам до н. э.⁶, т. е. может быть отнесено к эпохе ранней бронзы.

Найденная нами в дольмене № 215 подвеска является также довольно ранним предметом. Имитация цельнолитых украшений с помощью обтяжки твердой основы золотым листом известна в среднеазиатской и древне-восточной археологии с III тыс. до н. э.⁷

Сравнение конструкции дольмена № 215 с особенностями погребальных сооружений майкопской культуры показывает их явное несходство. Одно из погребений майкопской культуры в каменном ящике, обнаруженном на стоянке Скала близ сел. Каменноостское (р. Белая), дает по существу лишь неряшливую обкладку случайными камнями и плитами скорченного скелета⁸, ничего общего с дольменной архитектурой этот ящик не имеет. Раскопки поселения, оставленного строителями

³ В. М. Сысоев. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 году. МАК, IX, стр. 109, рис. 45 (автором размеры даны в аршинах и вершках).

⁴ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. Труды Абхазского ИЯЛИ, т. XXXI, Сухуми, 1960, стр. 72.

⁵ Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969. стр. 37, № 246, табл. XVII, 16.

⁶ Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Труды Абхазского ИЯЛИ, вып. XXIX, Сухуми, 1958, стр. 140, 163—167, табл. 177, 1.

⁷ В. И. Сариянди. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. САИ, М., 1965, стр. 6.

⁸ А. А. Формозов. Каменный век и неолит Прикубанья. М., 1965, стр. 66, рис. 28.

дольментов на Дегуакской поляне (ст. Даховская, р. Белая), позволили собрать богатейшую коллекцию керамики и каменных изделий, но среди них не найдены образцы майкопской посуды и обломки характерных каменных браслетов⁹. Отсутствуют майкопские признаки и среди находок из других поселений и временных становищ дольменной культуры (у ст. Новосвободной¹⁰, Богатырской поляне у р. Фарс, на горе Аутль — у сел. Солох-аул¹¹). Как видно, майкопская культура не связана с культурой дольментов. Это находит подтверждение при изучении майкопских поселений¹² и при изучении дольменных памятников.

Поиски исходных «рубежей» для дольменной культуры Западного Кавказа уводит нас в мир средиземноморских мегалитов. В Алжире обнаружены дольмены, которые сделаны из хорошо подобранных, но грубых, необработанных плит. Более поздние местные постройки сделаны из плит известняка, но так, что неровностями они повернуты наружу. Эти дольмены имеют только намёки на пазы, они лишены отверстий¹³. Ещё более поздние группы дольментов, обнаруженные в Палестине (восточная часть бассейна р. Иордан, Верхняя Галилея) уже снабжены отверстиями, высеченными у «фронтон» (die Giebellöcher)¹⁴. Если еще отметить определенное сходство плиточного многогранного дольмена, исследованного Н. Л. Каменевым в 1869 г. у ст. Новосвободной (бывш. Царской)¹⁵ с многогранными сооружениями Португалии¹⁶; плиточных порталных дольменов Западного Кавказа¹⁷ с подобными дольменами Турецкой Фракии и Болгарии¹⁸ и, наконец, составных дольменов с ложными сводами, обнаруженных у сел. Гузерипль и на р. Кизинке (доль-

⁹ Работы автора в 1971 г.

¹⁰ Работы П. У. Аутлева. См. отчет его, архив ИА АН СССР, дело № 3445 за 1967 г.

¹¹ Работы автора в 1968 и 1970 гг.

¹² А. Д. Столяр. Энеолитическое поселение Мешоко. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1959 год. Л., 1960, стр. 35.

¹³ Elise Baumgärtel. Dolmen und Mastaba. Beihefte zum «Alten Orient». № 6. Leipzig, 1926, стр. 6—8, 13—20. Е. Баумгёртель относит северо-африканские дольмены ко времени не позже IV династии Египта, рубеж которой по новейшей хронологии относится к 2500—2450 годам до н. э.

¹⁴ Elise Baumgärtel. Указ. соч., стр. 27.

¹⁵ Е. Д. Фелицин. Западно-кавказские дольмены. МАК, IX, М., 1904, стр. 32—36.

¹⁶ Vera Leisner. Leonel Ribeiro. Die Dolmen von Capatito. «Madriider Mitteilungen». В. 9, Heidelberg, 1968, стр. 16—18, 32 и оп., рис. 5, 6.

¹⁷ Подобные дольмены в бассейнах рек Кизинки, Пшады, у сел. Адигналово, Солох-аул и в др. пунктах исследовались автором в 1967—1971 годах.

¹⁸ Sevket Aziz Kansu. Edirne'de bulunan dolmenler ve dikilita star hakkinda yeni gözlemler. Belleten Türk tarih kurumu. С. XXXIII, № 132. Ankara, 1969, стр. 577—579, рис. 1—10.

мен № 528)¹⁹ с довольно близкими им купольными гробницами (Средиземноморья²⁰, то уже можно будет говорить, что западнокавказские дольмены связаны с дольменными культурами средиземноморских стран.

Здесь мы не ставим вопроса о происхождении кавказских дольменов, а лишь отмечаем направление возможных связей. Дальнейшие исследования дольменов Причерноморья и Прикубанья, очевидно, позволят найти те дольменные памятники, которые смогут более полно осветить многие еще неясные вопросы в проблеме происхождения дольменной культуры Западного Кавказа.

¹⁹ В. И. Марковин. Исследование памятников дольменной культуры. АО, 1970 г., М., 1971, стр. 105.

²⁰ Agostinho Tarinha Isidoro. Escavações em dólmenes do concelho do Crato (Alto Alentejo). Porto, 1966, стр. 32—34.

К ВОПРОСУ О ХОЗЯЙСТВЕ НОСИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

До недавнего времени кобанская культура была изучена главным образом по погребальным памятникам. Как известно, этот тип памятников в силу традиционности и консервативности погребального обряда не может дать полного представления об уровне культурно-исторического и особенно социально-экономического развития.

Современные представления о хозяйственной деятельности древних кобанцев в основном освещены в трудах А. А. Миллера, Е. И. Крупнова, В. И. Козенковой, Е. П. Алексеевой и др.¹. Однако до начала систематического изучения бытовых памятников эпохи поздней бронзы на Северном Кавказе в последние годы, в работах археологов по необходимости преобладала тенденция к обзорности, ибо не было достаточных материалов для всестороннего освещения кобанской культуры и достаточно обоснованных хронологических и локальных дифференциаций последних. Между тем Е. И. Крупнов считал: «Конкретная историческая жизнь в разных районах этого края протекала по-разному не только в силу политических событий того времени, но прежде всего в силу особенностей хозяйственного развития каждого микрорайона»².

Достаточно отметить, хотя бы то, что на Северном Кавказе наблюдается почти классически выраженная вертикальная зональность, обусловившая развитие специализированного по зонам хозяйства³.

Материалы Алхастинского, Змейского, Бамутского поселений и Сержень-Юрцовского комплекса позволяют ближе и детальнее рассмотреть вопросы хозяйственной деятельности племен, оставивших памятники восточного варианта кобанской культуры.

¹ А. А. Миллер. Десять лет работ ГАИМК в Северо-Кавказском крае. «Сосбщ. ГАНМК». 1932, № 9—10; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М. 1960; В. И. Козенкова. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Кандидатская диссертация. № 2035. Архив ИА АН СССР; Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971.

² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 302.

³ А. А. Миллер. Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. ПИМК, 1936, № 1—2, стр. 41—51.

Физико-географические условия предгорий Северо-Восточного Кавказа: довольно плодородные почвы, относительная близость как предгорных пастбищ, так и степной плоскости, естественно обуславливали хозяйственные занятия их обитателей в эпоху поздней бронзы. И в самом деле, материалы Бамутского поселения и синхронных памятников Чечено-Ингушетии свидетельствуют о том, что основным хозяйственным занятием населения были земледелие, скотоводство, бронзолитейное и керамическое производство. Подсобную роль играли охота, рыболовство и ткачество.

Археологический материал вышеназванных поселений позволяет поставить вопрос как 1) о сравнительном хозяйственном значении каждого из этих занятий, так и 2) о конкретных особенностях бытования каждого из этих занятий у обитателей этих поселений — носителей восточного варианта кобанской культуры.

Важным методологическим вопросом при этом является определение того критерия, с помощью которого можно выяснить сравнительное значение того или иного занятия в хозяйственной жизни той или иной группы древнего населения.

В этом вопросе мы присоединяемся к мнению Ю. А. Краснова, предлагающего считать признаками ведущей хозяйственной роли земледелия следующие черты: использование животных в качестве тягловой силы; эволюция орудий уборки урожая; использование молотильной доски⁴.

Существование земледелия у обитателей Северо-Восточного Кавказа отмечено еще в эпоху энеолита. Однако еще в период бытования на данной территории северокавказской археологической культуры (II тыс. до н. э.), непосредственно предшествовавшей позднебронзовой культуре вышеназванных поселений, земледелие играло у её носителей подсобную роль⁵.

Однако археологический материал вышеперечисленных памятников позволяет констатировать существенное изменение роли земледелия к концу эпохи бронзы.

Прежде всего следует отметить факты, указывающие на довольно широкое применение обитателями восточнокобанских поселений тягловой силы животных. Об этом прямо свидетельствуют глиняные модели колес, обнаруженные в инвентаре Сержень-Юртовского и Змейского поселений X—VIII вв. до н. э. и указывающие на бытование колесных повозок у их обитателей.

⁴ Ю. А. Краснов. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. МИА, 173. М., 1971, стр. 35.

⁵ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, (II тыс. до н. э.), МИА, 93, 1960, стр. 135.

Существуют также и косвенные свидетельства в пользу широкого применения тягловой силы животных: значительный процент лошадей и крупного рогатого скота на восточнокабанских поселениях, использование колёсного транспорта носителями сопредельных археологических культур (достаточно назвать изображение арбы на плите из Беркея)⁶. Следует отметить также, что по общепринятому мнению колесная повозка и плуг появятся одновременно.

Использование тягловой силы животных для пахоты является другой стороной того же вопроса. Что касается обнаружения прямых свидетельств существования пашенного земледелия — т. е. остатков пахотных орудий начала I тыс. до н. э. — то оно весьма маловероятно. Зафиксированное в известном сочинении Страбона⁷ использование деревянного плуга в конце I тыс. до н. э. на Восточном Кавказе, а также бытование вплоть до недавнего времени полностью деревянной горской сохи (оба типа этих орудий, по предположению Е. И. Крупнова, генетически восходят к кобанскому периоду) не дают нам оснований считать, что кобанские пахотные орудия значительно отличались от них по совершенству. Между тем деревянная конструкция плуга или сохи почти исключает её нахождение в древних памятниках. На территории Кавказа остатки деревянных плугов не были встречены.

Тем более важны косвенные доводы в пользу существования пашенного земледелия у обитателей вышеназванных восточнокабанских поселений. Прежде всего следует отметить многочисленность найденных на них зернотерок, как целых, так и фрагментированных. Так, на относительно небольшой площади Бамутского поселения найдено 50 экземпляров зернотерек, а также песты — куранты и терочки. На всех названных поселениях обнаружены также многочисленные остатки зерновых ям. При сопоставлении с размерами поселений количество указанных приспособлений для сохранения и переработки зерна указывает на относительно большой объём собираемых урожаев, что возможно лишь при возделывании значительных посевных площадей. Возделывание столь значительных посевных площадей и получение столь больших урожаев, на наш взгляд, возможно лишь при применении пашенных орудий.

С этим хорошо согласуется и отмеченная в начале I тыс. до н. э. у обитателей восточнокабанских поселений эволюция орудий уборки урожая. Очевидно, рост посевных площадей повлек за собой совершенствование указанных орудий. Составные кремневые серпы к этому вре-

⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 142, 144, рис. 69.

⁷ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, № 4, 1947, стр. 220.

мени, видимо, все еще продолжали употребляться, о чем, в частности, свидетельствуют характерные ретушированные кремневые пластины бытовых памятников восточного варианта кобанской культуры. Однако в археологическом материале восточнокабанских поселений этого периода уже преобладают бронзовые серпы. Целые их экземпляры и фрагменты обнаружены на Змейском⁸ поселении. Исследователями была уже отмечена близость их к серпам прикубанского типа. Однако решающим аргументом в пользу их местного производства является литейная форма для их отливки, найденная на Бамутском поселении. Все это свидетельствует о том, что заметная эволюция орудий уборки урожая, приведшая к их местному массовому производству, была вызвана коренными изменениями в характере земледелия.

Е. И. Крупнов считает: «...возникновение металлических серпов свидетельствует о большом скачке в земледельческой технике древних жителей, вызванном переходом от более примитивного еще мотыжного земледелия к плужному»⁹.

Относительно способов обмолота зерна обитателями как Бамутского поселения, так и остальных близких ему поселений конкретный археологический материал не позволяет сделать каких либо определенных выводов.

Не исключена возможность применения молотильной доски широко известной в восточном Закавказье и Дагестане уже в эпоху средней бронзы, хотя никаких явных следов её применения в памятниках сопредельных позднебронзовых культур пока не обнаружено, необходимость обмолота значительного количества урожая, собранного с больших площадей, позволяет допустить применение более эффективных способов молотбы, каковым является применение молотильных досок с использованием тягловой силы.

Итак, археологический материал восточнокабанских поселений даёт прямые свидетельства применения тягловой силы животных и многочисленные косвенные свидетельства существования пашенного земледелия, неоспоримо подтверждает эволюцию орудий уборки урожая, а также не противоречит предположению о применении молотильных досок, вероятность чего подтверждается находками их в синхронных памятниках эпохи бронзы на сопредельной территории. Таким образом, археологический материал восточного варианта кобанской культуры полностью соответствует всем трем вышеприведенным признакам, пред-

⁸ Д. В. Деоник, Е. И. Крупнов. Змейское поселение памятник кобанской культуры. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, стр. 29, рис. 8, 1.

⁹ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ XII. 1941, стр. 193, табл. 2, 3.

ложенным Ю. А. Красновым. Это позволяет нам с уверенностью констатировать ведущую роль земледелия в хозяйстве обитателей поселений восточного варианта кобанской культуры.

Что же касается каменной мотыжки с Алхастинского поселения¹⁰, то сама по себе эта находка не может свидетельствовать об архаичном характере земледелия у носителей восточного варианта кобанской культуры. Напротив, это архаичное орудие могло получить при пашенном земледелии новое назначение, применяясь для разбивания крупных комьев земли при пахоте¹¹.

Археологический материал позволяет не только решить вопрос о сравнительном значении земледелия в хозяйстве древних обитателей Северо-Восточного Кавказа, но и допускает некоторые предположения о возможных особенностях земледелия.

Так, изучение памятников восточного варианта кобанской культуры не дает пока оснований для утверждения о существовании орошения посевных площадей. Однако физико-географические условия Чечено-Ингушетии (наличие довольно разветвленных речных систем), где расположены анализируемые бытовые памятники, позволяют применять искусственное орошение, а иногда даже создают необходимость в нём¹².

В. М. Слободин выделяет три типа систем древнего орошения: лиманное, орошение с использованием воды небольших речек и крупные ирригационные системы¹³. Для организации последней системы необходимо наличие значительной подневольной силы, организуемой довольно развитыми политическими системами (типа среднеазиатских или закавказских рабовладельческих государств). Что же касается двух предшествующих систем — лиманной и основанной на использовании горных речек — то, не давая никаких прямых доказательств их бытования на Восточном Кавказе в начале I тыс. до н. э., археологический материал в то же время и не противоречит такому допущению.

На территории восточного варианта кобанской культуры выявлены различные виды злаков, в частности могоара, ржи, мягкой и твердой пшеницы (Сержень-Юртовское поселение)¹⁴. Другими данными, позволяющими судить о культивирующихся видах злаков, мы не располагаем.

¹⁰ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья, стр. 193, табл. 2, 3.

¹¹ В. М. Котович. Верхнеунибское поселение. Махачкала, 1965, стр. 213—214.

¹² А. Гвоздецкий. Кавказ. М., 1963, стр. 105.

¹³ В. М. Слободин. К вопросу о развитии и смене систем земледелия (от времени его возникновения на территории СССР до I тыс. н. э.). Сб.: Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952.

¹⁴ В. И. Козенкова. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Канд. дисс., стр. 444.

Однако Е. И. Крупнов допускает, что за исключением кукурузы основные современные хлебные злаки — ячмень, пшеница и просо — были главными сельскохозяйственными культурами Северного Кавказа¹⁵.

Таким образом, наши исследования позволяют сделать вывод о существовании в предгорной зоне Чечено-Ингушетии в конце II — начале I тыс. до н. э. довольно развитой системы пашенного земледелия, причем земледелие было ведущим хозяйственным занятием и определяло весь социально-экономический облик древних поселений.

Скотоводство было вторым по значению после земледелия хозяйственным занятием обитателей этих поселений, причем соотношение видов домашних животных в их стаде хорошо согласуется с отмеченным выше оседлым характером этих сельскохозяйственных поселений.

Оба эти положения хорошо иллюстрируются материалом Бамутского поселения, где на 450 м² исследованной площади выявлено 112 голов домашних животных: из них свиней 54 особи, крупного рогатого скота 27 особей, мелкого рогатого скота — 23 особи, лошадей — 7 особей и ослов — 1 особь.

Картины соотношения видов животных в стаде Алхастинского, Змейского, Сержень-Юртовского, Бамутского и Нестеровского поселений аналогичны.

Памятники	Виды животных				
	свинья	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	лошадь	осел
Алхастинское поселение	199	126	50	25	—
Сержень-Юртовское поселение	5374	7150	2156	202	1
Змейское поселение	30	82	34	40	—
Бамутское поселение	488	529	251	60	1
Нестеровское поселение	18	44	20	4	—
Всего костей	6069	7931	2511	311	2
% костей свиней и крупного рогатого скота по отношению к мелкому рогатому скоту	84,8	15,2			

¹⁵ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 314.

Памятники	Виды животных				
	свинья	мелкий рогатый скот	крупный рогатый скот	лошадь	осел
Алхастинское поселение	12	8	6	4	—
Сержень-Юртовское поселение	382	230	145	29	1
Змейское поселение	8	7	9	3	—
Бамутское поселение	54	27	23	7	1
Нестеровское поселение*	—	—	—	—	—
Всего особей	456	272	183	43	2
% свиней и крупного рогатого скота по отношению к мелкому рогатому скоту	78,8	21,2			

Следует отметить ведущую роль свиноводства в скотоводческом хозяйстве древнего населения Северо-Восточного Кавказа.

Определяющая роль пашенного земледелия проявляется до некоторой степени и в количестве крупного рогатого скота: часть быков могла использоваться в качестве тягловой силы. Решительное преобладание видов, не приспособленных к перегону, наиболее ярко подчеркивает оседлый характер хозяйства древнего населения, обусловленный пашенным земледелием.

Лошадь также могла использоваться в качестве тягловой силы. Роль лошади в хозяйстве оседлых племен восточного варианта кобанской культуры, видимо, была не особенно большой: всего 43 особи в сравнении с 813 особями других домашних животных, включая и мелкий рогатый скот. Наличие костей лошади наряду с конским инвентарем на поселениях может свидетельствовать о её использовании не только в качестве тяглового и верхового животного, но и об употреблении её в пищу. Незначительное процентное содержание костей лошади среди остеологического материала также противоречит возможности существования у жителей изучаемых памятников яйлажного или полукошевого характера скотоводства. К тому же мягкие климатические условия и обильные луга в ареале восточнокобанских поселений обеспечивали, как крупный, так и мелкий рогатый скот прочной кормовой базой. Количество особей мелкого рогатого скота явно уступает количеству сви-

* Определение особей домашних животных с Нестеровского поселения не производилось.

ней и крупного рогатого скота (183 особи в соотношении к 773 остальным особям домашних животных). Хотя физико-географические условия позволяют развивать этот вид животных, специфика оседлого хозяйства определяет его второстепенное значение.

Итак, характер остеологического материала в сопоставлении с этнографическими данными позволяет допустить существование в предгорной зоне Чечено-Ингушетии в конце II — начале I тыс. до н. э. оседлого скотоводства с регулярной пастьбой домашних животных под присмотром пастухов.

Отметим также наличие в стаде вышеупомянутых поселений специализированного животного, предназначенного для перевозки грузов — осла. Наличие костей осла в сочетании с преобладающей долей костей свиньи и крупного рогатого скота хорошо согласуется с характеристиками данного скотоводческого хозяйства, как *сугубо оседлого*.

Таким образом, анализ материалов поселений восточного варианта кобанской культуры позволяет сделать следующие выводы:

1. Основой хозяйства населения предгорной Чечни в конце II — начале I тыс. до н. э. стало пашенное земледелие; учитывая особенности физико-географических и климатических условий, а также уровень развития местного общества, можно предполагать применение искусственного орошения.

2. Скотоводство носило оседлый характер; в стаде преобладали свиньи и крупный рогатый скот. В качестве тягловой силы использовались быки, лошади и ослы.

Важными отраслями хозяйства носителей восточного варианта кобанской культуры были керамическое и бронзолитейное производства.

Керамика составляет основную массу археологического материала, полученного в результате раскопок Алхастинского, Змейского, Сержень-Юртовского и Бамутского поселений. Это уже само по себе свидетельствует о важности данного хозяйственного занятия. Однако эта тема заслуживает специального исследования — здесь же мы лишь констатируем важное место керамического производства в хозяйстве древнего населения.

Бронзолитейное производство было, бесспорно, самым высоким по технологическому уровню и самым динамичным из хозяйственных занятий древнего населения и играло в их хозяйстве немаловажную роль, являясь единственным способом получения наиболее высококачественных орудий труда и предметов вооружения. До недавнего времени находок, указывающих на собственное металлопроизводство, было известно крайне мало. Укажем, в частности, что на территории Северной Осетии были найдены формы для отливки булавок (Кобан)¹⁶, а также литейная

¹⁶ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 106, рис. 12.

форма для отливки наконечника копья (Кумбултский могильник Верхняя Рутха)¹⁷.

На территории Чечено-Ингушетии была известна только глиняная литейная форма для отливки украшения, обнаруженная на Алхастинском поселении¹⁸.

В данном смысле важные данные были в последние годы получены Северокавказской археологической экспедицией под руководством Е. И. Крупнова и особенно в результате раскопок Змейского, Сержень-Юртовского и Бамутского поселений. Соответствующие материалы этих памятников уже опубликованы¹⁹.

На Бамутском поселении обнаружена серия предметов, убедительно документирующих производство металлических орудий, оружия и украшений на самом поселении.

Среди последних наибольший интерес представляют литейные формы.

Особо привлекает внимание великолепная каменная литейная форма для отливки серпа и наконечника стрелы, сделанного из плотного мелкозернистого местного песчаника. Форма эта одностворчатая. На гладкой стороне плитки проточена изложница в форме серпа и наконечника стрелы. Тип серпа и возможные аналогии описаны выше. Что же касается наконечника стрелы, отливавшегося в описанной литейной форме, то он представлял собой двухперый черешковый площик, относимый к северокавказскому типу литых стрел. Аналогичные наконечники стрел были выявлены П. С. Уваровой в окрестностях с. Чми²⁰, а также обнаружены на Змейском²¹ и Алхастинском²² и Сержень-Юртовском²³ поселениях.

На рабочей поверхности бамутской находки обе формы — серпа и

¹⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 432, табл. X, 3.

¹⁸ Там же, стр. 156, рис. 18, 1.

¹⁹ Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение — памятник кобанской культуры. МАДИСО, Орджоникидзе, 1961. В. И. Козенкова. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии. АЭС, т. II, Грозный, 1968; А. Р. Магомедов. Бамутское поселение — памятник кобанской культуры. СА, 2, 1972.

²⁰ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900, табл. VII, 3—5.

²¹ Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение — памятник кобанской культуры, стр. 31, рис. 9, 7.

²² Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 25, рис. 5, 7.

²³ Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 43, рис. 5, 2; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.), КСИА, вып. 106, 1966, рис. 36, 10.

стрелы соединялись между собой, представляя единую изложницу сложных очертаний. Кроме того, на рабочей поверхности литейной формы был проточен канал, соединявший наружную часть изгиба серпа с краем формы. В момент накрывания изложницы плоской каменной плиткой (игравшей при это роль второй створки) этот канал превращался в литок, через который полость формы заполнялась расплавленной бронзой.

Примечательно, что на обратной стороне описанной литейной формы сохранились четкие следы некогда существовавшей изложницы. Очевидно, первоначально использовалась противоположная сторона плитки, а затем, когда она пришла в негодность, на обратной стороне была выточена форма, сохранившаяся до настоящего времени.

Описанная находка является в какой-то степени уникальной. Дело в том, что до сих пор ни в одном из известных нам памятников Кавказа не была встречена литейная форма для отливки одновременно орудия труда и предмета вооружения.

На Бамутском поселении обнаружена еще одна каменная литейная форма, сделанная также из плотного мелкозернистого песчаника. Поверхность плитки плоская, в продольном направлении проходят две полукруглые в сечении канавки с легким изгибом.

Нам неизвестны случаи находок подобных литейных форм в других синхронных памятниках Кавказа. Эта форма использовалась, по-видимому, для отливки шильев-проколов, отдельные экземпляры которых обнаружены на Бамутском поселении.

Помимо каменных литейных форм, на Бамутском поселении найдены также пять глиняных формочек, в которых отливались украшения в виде очковидных привесок и конусовидных бляшек. Одна из них двустворчатая, причем изложница в виде очковидной привески оттиснута главным образом на одной плитке (меньшей), другая же имела лишь часть рельефа украшения, которая переходила в канал-литок. На рельефе изложницы заметно глубоко прочерченное поверх него крестообразное углубление, расширявшее литок и облегчавшее доступ расплавленному металлу к деталям рельефа. Принадлежность обеих частей одной форме предположительна, но очень вероятна. Остальные четыре глиняные формы одностворчатые. Они представляют собой глиняные плоско-выпуклые линзы. Три из них служили для отливки конусовидных привесок, причем, судя по изложницам, оттиснутым в плоской стороне каждой из них, отливки из второй и третьей форм имели рельефный орнамент на поверхности. На изделиях же из четвертой формы рельеф был настолько сильно выражен, что эти привески теряли какие-либо определенные геометрические очертания.

Готовые изделия имели по всей своей поверхности одинаковую толщину, напоминая чашечки конической формы.

Как уже указывалось выше, ни одного изделия, отлитого хотя бы в одной из семи перечисленных форм, на Бамутском поселении не найдено. Но совершенно аналогичные украшения встречены во многих памятниках Кавказа II—I тыс. до н. э. Так, несколько экземпляров бронзовых очковидных привесок найдено в одном из разрушенных погребений в самом х. Веселый, с. Бамут²⁴. Такие украшения обнаружены на Сержень-Юртовском поселении²⁵.

Литейных форм, полностью аналогичных бамутским, не дает ни один из известных синхронных бытовых памятников Северо-Восточного Кавказа: в обнаруженных там литейных формах либо отливались иные изделия, либо по-иному размещались изложницы изделий, даже однотипных бамутским.

Однако со стороны технологии литья эти литейные формы представляют полные аналогии бамутским: они также являются одностворчатыми или двустворчатыми формами, изготовленными из глины или камня, предназначенными для отливки оружия (топор, наконечники стрел), орудий труда (пилки, шилья) и украшений (всевозможные бляшки). Из последних примечательны как полусферические бляшки с крестовидным рельефом, близкие аналогичным бамутским, так и двустворчатые формы для отливки конусовидных привесок, изложницы которых образованы оттиском природной винтообразной раковины улитки-прудовика — возможно, такие привески послужили прототипами для конусовидных привесок Бамутского поселения и Ведено²⁶, нередко несущих на своей поверхности концентрический или спиралевидный рельеф.

Весьма интересны также находки на Змейском поселении таких принадлежностей литья, как льячки и солла, и находки тиглей на Сержень-Юртовском поселении вместе с полуфабрикатами отливок и отходами литья. Все эти находки не оставляют сомнений в развитом и, видимо, специализированном бронзолитейном деле у носителей восточного варианта кобанской культуры.

Выше мы уже указывали на то, что литейные формы Бамутского поселения изготовлены из местного камня, что также позволяет предполагать местное происхождение принадлежностей литья.

Примечателен факт, что всего в памятниках восточного варианта кобанской культуры найдено 20 литейных форм, из них 7 литейных форм найдено на Бамутском поселении.

²⁴ Материал не опубликован, хранится в Чечено-Ингушском краеведческом музее. См. Отчет СКАЭ за 1965 г., стр. 13, рис. 5—6.

²⁵ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.), КСИА, 106. 1966, стр. 84, рис. 36, 4.

²⁶ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., стр. 62, рис. 16, 12.

Кроме литья в формах, бамутский металлический инвентарь обнаруживает следы знакомства и с другими приемами металлообработки, применявшимся в основном для окончательной отделки отлитых предметов.

Так, одному из бамутских шильев — четырехгранному — его окончательная форма придана путем последующей шлифовки на естественной абразивной поверхности. Острия иглонок и шильев свидетельствуют о знакомстве с затачиванием. Отверстия полусферических бляшек обнаруживают применение простейшего сверления. Способ, которым сделано ушко иглы, обнаруживает использование приема расклепывания.

Металлические изделия с других кобанских поселений восточнокобанского ареала дают примеры применения кроме перечисленных еще и таких приемов металлообработки, как последующая расковка после литья — об этом, по мнению Д. В. Деопика и Е. И. Крупнова, свидетельствует бронзовый серп, обнаруженный на Змейском поселении. А находка там же четырех бронзовых булавок, определенных исследователями как проволочные, может свидетельствовать о применении волочения в металлообработке Северо-Восточного Кавказа этого времени.

Подводя некоторые итоги, мы можем констатировать следующее:

— следов металлургии меди и бронзы в восточнокобанском ареале не обнаружено (что, впрочем не означает принципиальной невозможности их существования, в особенности если учесть слабую изученность этого ареала);

— древним восточнокобанским мастерам были знакомы такие приемы обработки бронзы, как литье в одностворчатых и двустворчатых формах (В. И. Козенкова указывает также на литье по восковой модели)²⁷, затачивание и шлифовка, сверление, расклепывание, расковка и, вероятно, волочение. Кроме того, в многочисленном металлическом инвентаре Сержень-Юрта В. И. Козенкова отмечает следы применения чеканки, резьбы листа, выбивание украшений из тонкого листа на матрице и т. д.;

— многообразие приемов металлообработки, развитый уровень освоения бронзы и, наконец, находки единичных железных вещей на Сержень Юртовском поселении свидетельствуют о том, что древние обитатели исследуемых поселений находились на самой последней стадии эпохи бронзы, получили первое представление о железе и стояли вплотную перед его освоением. Итак, характерными чертами хозяйства носителей восточного варианта кобанской культуры были пашенное земледелие, игравшее (X—VIII вв. до н. э.) ведущую роль, оседлое скотовод-

²⁷ В. И. Козенкова. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии, стр. 29.

ство, главной отраслью которого было свиноводство, а также керамическое и бронзолитейное производство, причем последнее имело достаточно выраженный местный характер и значительный технологический уровень. Таким образом, хозяйство племен носителей восточного варианта кобанской культуры по своему развитию стояло на одном уровне с сопредельными культурами конца II — начала I тыс. до н. э.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ КАМЕННОМОСТСКОГО МОГИЛЬНИКА

(в свете раскопок 1971 г.).

Из всех погребальных памятников кобанской культуры на территории Кабардно-Балкарии наиболее известным и относительно неплохо изученным является Каменномоостский могильник, расположенный на Северо-Западе республики, у места слияния рек Малка и Кич-Малка. Он состоит из погребений в каменных ящиках, большинство которых не имеет наземных признаков. Кроме того, здесь выявлено и несколько подкурганных каменных ящиков кобанской и северокавказской культур.

Наличие здесь древних погребений было впервые установлено при строительно-земляных работах в 1849 году на территории Каменномоостской крепости. Несколько бронзовых предметов, обнаруженных в ходе этих работ, были впоследствии изданы Н. В. Ханьковым, П. С. Савельевым¹ и П. С. Уваровой². В последующие годы многие погребения могильника грабились и разрушались; научное изучение его началось лишь в советский период.

В 1946 г. П. Г. Акритас (АЭКНИИ) обследовал здесь полуразрушенный курган с двумя каменными ящиками³.

Еще три ящика было вскрыто в 1948 г. Е. И. Крупновым (АЭКНИИ — ИИМК), определившим и приблизительные границы могильника⁴.

В следующем, 1949 г. К. Э. Гриневич (АЭКНИИ) раскопал на различных участках могильника 10 погребений, из которых шесть оказались ограбленными. Кроме того, им было обследовано одно подкурганное захоронение II тыс. до н. э., а также зафиксировано примыкающее к могильнику городище, нижние слои которого синхронны с кобански-

¹ Н. В. Ханьков, П. С. Савельев. Древности, найденные на Кавказе. ЗРАО, т. IX, вып. 1, 1856, стр. 50—60.

² П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея. т. V, Тифлис, 1902, стр. 46.

³ П. Г. Акритас. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г. УЗ КНИИ, т. II, Нальчик, 1947, стр. 301—319.

⁴ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. УЗКНИИ, т. V, Нальчик, 1949, стр. 195—275.

ми погребениями⁵. Последний раз раскопки велись в 1954 г. под руководством П. Г. Акритаса (АЭКНИИ), вскрывшего два погребения без наземных признаков⁶.

Настоящее сообщение посвящено результатам работы археологической экспедиции, организованной Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом в августе 1971 года для доисследования нескольких разрушающихся каменных ящиков на Каменномоетском могильнике.

На северном участке могильника, в яме, образовавшейся вследствие добычи глины, нами было зафиксировано шесть полуразрушенных ящиков. Затем, в ходе дальнейших раскопок, выявились еще шесть погребений, из которых мы успели вскрыть лишь пять.

Ящики сложены из массивных, грубо обработанных плит песчаника и, за исключением двух (2 и 5), приближаются в плане к квадрату. Снаружи их стенки от основания до перекрытия обложены булыжниками.

Погребение 1. Скелет (мужской) лежал в скорченном положении на правом боку и был ориентирован на СЗ (по диагонали ящика, ориентированного с Ю на С). Часть плиты, перекрывающей южную половину ящика, была убрана. В этой части погребения удалось найти лишь фрагменты от двух (большого и малого) глиняных сосудов: кости же ног были извлечены грабителями из ящика и брошены тут же, у его восточной стенки. Перед лицевой частью черепа стояла миска серо-охристого цвета с нарезным орнаментом. Близ левого плеча обнаружен фрагмент раскованной втулки железного наконечника копья.

Погребение 2. Ящик, ориентированный с В на З, полностью ограблен, поперечные стенки отсутствуют. В плане представляет собой узкий прямоугольник; костяк в нем мог лежать только в вытянутом положении.

Погребение 3. Ящик ориентирован с В на З. Погребение полностью ограблено.

Погребение 4. Ориентировано с СВ на ЮЗ. Ящик был недавно ограблен и использован для захоронения туши животного.

Погребение 5. Так же, как и предыдущие, ограблен местными жителями. Ящик сохранился лишь наполовину. Судя по ряду признаков⁷, он имел такие же пропорции, как и ящик 2, но был ориентирован с С на Ю. Сле-

⁵ К. Э. Гриневиц. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, 23, М.-Л., 1951, стр. 125—139.

⁶ П. Г. Акритас. Археологические работы в Кабарде в 1954 г. УЗКНИИ, т. X, Нальчик, 1955, стр. 25—68.

⁷ О признаках, позволивших реконструировать первоначальные пропорции ящика 5, см.: В. М. Батчаев. Отчет об археологических раскопках на Каменномоетском могильнике в августе 1971 г. Архив ИА АН СССР, стр. 11.

довательно, это второе погребение, в котором, как мы полагаем, скелет лежал в вытянутом положении.

Погребение 6. (рис. 23, 7). Скелет — судя по набору вещей, женский, — лежал скорченно на правом боку, головой на З. В изголовье обнаружена разбитая миска с костью барана и железным ножом (рис. 24, 10). Здесь же лежали маленький круглодонный кубок, мисочка с несохранившимся поддоном (рис. 24, 1) и железный стержень неясного назначения. Такой же, но более крупный стержень, находился в области шеи, вместе со стеклянными, бронзовыми, фаянсовыми, сердоликовыми бусами и бронзовой булавкой с зооморфным навершием (рис. 23, 10, 15, 18—20). В ЮЗ углу ящика, у ног скелета, стояла крупная грушевидная корчагас чернолощеной чаркой внутри (рис. 24, 7, 9).

Погребение 7. Скелет полностью истлел, однако, судя по малым размерам ящика и по некоторым предметам инвентаря (гривна, пряслице), здесь была погребена девочка. Расположение вещей в могиле показывает, что скелет лежал скорченно на правом боку, головой на З. Найдены бронзовая гривна (рис. 23, 11), глиняное пряслице и два сосуда: круглодонный кубок и миска.

Погребение 8. По остаткам костной трухи удалось установить, что поза и ориентировка скелета такая же, как и в двух предыдущих. В ЮЗ углу ящика стояли четыре сосуда: большой горшок с раздутым шаровидным туловом, кружка, миска и чашечка с нарезными узорами (рис. 24, 2, 4). Кроме того, у изголовья обнаружены сердоликовые и бронзовые бусы, различные подвески, пронизи и т. д. (рис. 23, 8, 16, 17).

Погребение 9. Скелет крайне неудовлетворительной сохранности лежал на правом боку, скорченно, головой на З. Часть погребения, занимаемая корпусом скелета, была усеяна множеством (свыше 120) мелких цилиндрических бусин белого и голубого цвета. Очевидно, они были нашиты на одежду.

В ЮЗ углу ящика стояли горшок с шаровидным туловом и миска (рис. 24, 3, 6); в горшок был вложен маленький круглодонный кубок. Под горшком обнаружен железный нож, а около миски — каменный молоток (рис. 23, 12).

Погребение 10. Находилось под насыпью, состоящей из булыжников вперемешку с землей и мелкими кусочками известняка. Насыпь обнаружена на глубине 10—15 см от современной поверхности, хотя несколько булыжников были видны еще до раскопок.

На глубине 17 см в насыпи оказался сосуд красно-охристого цвета, стоявший вверх дном. Затем были обнаружены еще три подобных же сосуда, которые вместе с первым составляли один ряд, вытянутый с В на З. Сосуды стояли вплотную друг к другу, причем, каждый второй из них был поставлен вверх дном (рис. 23, 6). Тут же лежал крупный фрагмент горловины пятого аналогичного сосуда. Находившийся под

Насыпью каменный ящик был ориентирован с ЮВ на СЗ. Под тяжестью насыпи перекрывающая плита сломалась и обрушилась во внутрь погребения. На одном из его обломков найдена кость, а на уровне верхних кромок ящика — два копыта жеребенка и фрагменты керамики.

Под фрагментами перекрытия в скорченном положении, на правом боку лежал женский скелет, ориентированный на СЗ (рис. 23, 6). Погребение было ограблено. Вероятно, это произошло еще до того, как труп успел полностью разложиться, так как в расположении костей скелета, отодвинутого грабителями вплотную к СВ стенке ящика, все же наблюдается относительный анатомический порядок.

Кроме многочисленных фрагментов керамики (не менее чем от трех сосудов), беспорядочно разбросанных по всему дну ящика, из инвентаря сохранились лишь маленький кубок с округлым дном, пряслице (рис 24, 11) и 18 раковин каури.

Погребение 11. Скелет почти полностью истлел. Ориентирован он был головой на З, с незначительным отклонением к Ю. Поза такая же, как и у большинства описанных, т. е. скорченная, на правом боку. Перед остатками черепа лежал бронзовый наконечник дротика с двумя отверстиями (для крепления древка) на раскованной втулке (рис. 23, 14). В углу у изголовья — приземистый горшок с кубком внутри (рис. 24, 8) и миска; сосуды аналогичны найденным в погребениях 7, 8 и 9. Около миски обнаружен железный нож (рис. 23, 13).

Таковы вкратце результаты обследования разрушающихся погребений Каменноостского могильника. При анализе полученного материала выявились некоторые особенности погребального обряда и инвентаря, позволившие разделить эти погребения на две основные группы: раннюю и позднюю.

В **раннюю** группу мы включаем погребения 7—11. Вещи, найденные в этих погребениях, довольно обычны для могильников Западного (Пятигорского) локального варианта кобанской культуры, в которую входит и Каменноостский могильник; почти все они имеют прямые аналогии в материалах предшествующих раскопок этого же могильника⁸. Унифицирующим признаком является и относительное единство погребального обряда: как в рассматриваемых, так и в обследованных Е. И. Крупновым и К. Э. Гриневичем (1948—49 гг.) погребениях костяки (независимо от половозрастных признаков) лежали скорченно, на правом боку. В ориентировке погребенных преобладает западное направление, иногда с отклонением на С или Ю. Глиняные сосуды (от 2—3 до 4—5) стоят обычно у изголовья скелета.

Столь явное сходство инвентаря и обряда дает веские основания

⁸ Е. И. Крупнов. Указ соч., рис. 43—55; К. Э. Гриневич. Указ. соч., рис. 5, 12.

для включения в раннюю группу также и погребений, раскопанных в 1948—49 гг., а следовательно и для распространения на эту группу хронологии последних⁹.

Е. И. Крупнов датировал могильник VIII—VII вв. до н. э.¹⁰ К. Э. Гриневиц удревает возраст могильника на одно столетие (его датировка — IX—VII вв. до н. э.¹¹), однако, в отличие от Е. И. Крупнова, он не обосновывает свою точку зрения обстоятельным анализом материала.

Могли ли появиться здесь кобанские погребения ранее VIII века до н. э.?

О правомерности постановки этого вопроса говорят материалы погребения 10. Среди погребений ранней группы, в которую оно входит по основным признакам (положение и ориентировка костяка, характер сохранившейся части инвентаря), это погребение выделяется и некоторыми особенностями. Прежде всего, это наличие булыжной насыпи над погребением. Такие насыпи характерны для каменных ящиков северокавказской культуры II тыс. до н. э.¹² Столь же архаична и такая деталь как каменная плита на дне ящика; на ней был установлен сосуд, сохранившийся лишь в обломках. На такой же подставке был обнаружен сосуд в подкурганном погребении II тыс. до н. э. на этом же могильнике¹³.

Все это как будто бы указывает на более ранний, по сравнению с остальными погребениями, возраст погребения 10. Для того, чтобы определить этот возраст более конкретно, рассмотрим четыре сосуда, найденные в насыпи над погребением (рис. 23, 1—4). Пока трудно сказать, имеют ли эти сосуды какое-либо отношение к погребению¹⁴. Во всяком случае прямые аналогии этого комплекса в синхронных памятниках Пятигорья нам неизвестны.

Нехарактерен для указанного района и тип самих сосудов, встречаемых на Каменноостском могильнике впервые. Зато весьма близкими, почти идентичными формами сосудов представлена керамика белозерского этапа позднесрубной культуры¹⁵ и второго, завершающего эта-

⁹ Как отмечено выше, в 1949 г. на Каменноостском могильнике было обследовано также погребение II тыс. до н. э. В данной работе речь идет лишь о погребениях кобанской культуры.

¹⁰ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 138.

¹¹ К. Э. Гриневиц. Указ. соч., стр. 135.

¹² В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М., 1960, стр. 53, 125; стр. 54, рис. 19, 1—2, 4.

¹³ П. Г. Акритас. Указ. соч., стр. 39—40.

¹⁴ Непосредственно над погребением стояли лишь два сосуда; не совпадает с ориентировкой погребения и ориентировка ряда из этих сосудов (см. табл. I, 6).

¹⁵ А. М. Лесков. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. Сб. «Проблемы скифской археологии», М., 1971, стр. 79; рис. 1, 8.

па каякентско-хорочоевской культуры¹⁶; оба эти этапа синхронны и датируются XI—IX вв. до н. э.¹⁷ Интересно, что найденный в погребении 10 кубок с округло-выпуклым дном также имеет свои аналогии в белозерской керамике¹⁸. И если в данном случае типологическая близость указывает на близость хронологическую (в чем мы не видим оснований сомневаться), то перекрываемое четырьмя сосудами погребение 10 должно быть датировано временем не позднее IX в. до н. э. Поэтому мы считаем возможным принять для ранней группы Каменно-могильных погребений датировку, предложенную К. Э. Гриневичем для всего могильника (IX—VII вв. до н. э.) и носившую до этого в известной степени априорный характер.

Вторая, **поздняя** группа представлена погребениями 1—2, 5—6, причем, последнее погребение, очевидно, можно считать звеном, хронологически связующим эти две группы. Наряду с относительно большим количеством железных предметов это погребение выделяется наличием в ЮВ углу ящика, в ногах скелета большой грушевидной корчаги с чернолощеной чаркой внутри, а в изголовье — миски с железным ножом и костью барана (рис. 1, 7). Эти особенности, объясняемые обычно савроматско-сарматским влиянием, характерны для погребений VI—V вв. до н. э.¹⁹ Однако, поза и ориентировка скелета типичны для погребений ранней группы. Очевидно, погребение 6 можно датировать либо рубежом VII—VI, либо началом VI в. до н. э.

Наличие в северокавказских могильниках VI—V вв. до н. э. погребений с вытянутыми на спине костяками также принято связывать с воздействием ираноязычных кочевников²⁰, а именно в такой позе лежали скелеты в погребениях 2 и 5. О том, что эти два погребения явно моложе погребений ранней группы, свидетельствует, впрочем, и то, что оба они частично перекрывали обнаруженные под ними каменные ящики 4 и 12.

В эту же, позднюю группу мы включаем и погребение вооруженной женщины с конем, вскрытое в 1954 г. П. Г. Акритасом, и датированное VI—V вв. до н. э.²¹

¹⁶ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, рис. 19, 1—2; рис. 23, 3; рис. 24; 6—7, 9.

¹⁷ А. М. Лесков. Указ. соч., стр. 76; В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 113.

¹⁸ А. М. Лесков. Указ. соч., рис. 1, 2.

¹⁹ П. Г. Акритас. Археологические работы в Кабарде в 1954 г. УЗКНИИ, т. X. Нальчик, 1955, стр. 42; В. Б. Виноградов. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии. УЗКБНИИ, т. XXV, Нальчик, 1967, стр. 130.

²⁰ В. Б. Виноградов. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром. Сб. «Проблемы скифской археологии», М., 1971, стр. 180—181.

²¹ П. Г. Акритас. Указ. соч., стр. 43; В. Б. Виноградов. Археологические памятники сарматского времени..., стр. 129.

Для некоторых погребений этой группы характерны крупные грушевидные сосуды с чернолощеными чарками внутри; эти сосуды стоят обычно в ногах погребенного. Таковы погребения 1 (судя по скоплению фрагментов от двух сосудов в ногах покойного) и 6, а также упомянутое погребение вооруженной всадницы.

Другим существенным признаком можно считать нарушение того относительного единства, которое присуще для позы и ориентировки костяков в погребениях ранней группы. Это положение наглядно иллюстрируется вышеприведенным описанием погребений 1—2, 5—6.

Наиболее приемлемым для датировки поздней группы мы считаем VI век до н. э., который еще в довоенное время был назван А. А. Иессеном в качестве верхней даты могильника²². Очевидно, чистой случайностью объясняется тот факт, что несмотря на убедительное подтверждение этой даты материалами раскопок П. Г. Акритаса в 1954 г., в археологической литературе Каменноостский могильник по-прежнему датируется либо VIII—VII²³, либо IX—VII вв. до н. э.²⁴

Между тем, результаты археологических раскопок 1971 г. показали, что хронологические рамки функционирования могильника были несколько шире, чем это предполагалось до сих пор. Исходя из анализа этих результатов, мы считаем возможным датировать Каменноостский могильник IX—VI вв. до н. э., не отрицая, однако, возможности конкретизации этой даты в будущем.

²² А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3. М.-Л., 1941, стр. 22.

²³ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 138.

²⁴ И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, стр. 34.

ЕЩЕ РАЗ О ПРЯЖКАХ БЕЖТИНСКОГО ТИПА*

Яркими образцами декоративного и прикладного искусства принято считать ажурные пряжки, распространенные в некоторых районах высокогорного Дагестана и получившие известность под именем бежтинских. В настоящее время известно более семидесяти экземпляров таких пряжек, обнаруженных в разное время в окрестностях сс. Бежта, Хупри, Тлядал, Кидеро, Китури Цунтинского района, с. Анцух Тляротинского района, сс. Инхокоро, Хуштада Цумадинского района, с. Талайлух Хунзахского района и с. Инхо Гумбетовского района. Наибольшее число их происходит из окрестностей с. Бежта и окружающих его селений. В том числе двадцать семь экземпляров таких пряжек обнаружено при раскопках Бежтинского могильника¹. Помимо того в 1966 и 1971 гг. нам были переданы две пряжки, случайно обнаруженные в окрестностях с. Кидеро, и еще две, найденные при дорожных работах в урочище Тлярохотль Цунтинского района.

За пределами Дагестана встречено всего четыре пряжки бежтинского типа. Одна из них найдена на Кубани, другая куплена в Тбилиси², третья происходит из Хевсуретии (Грузия)³, четвертая—из Чечено-Ингушетии⁴.

* Приношу большую благодарность В. Г. Котовичу за ценную помощь, оказанную мне при работе над статьей.

¹ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, стр. 126, прим. 52; его же. Поясные пряжки из нагорного Дагестана. — СА, 2, 1962, стр. 150, прим. 4.

Помимо приведенных в указанных работах Д. М. Атаева данных о распространении бежтинских пряжек дополнительные сведения по этому вопросу нам любезно сообщил сотрудник Первобытного отдела ГЭ Я. А. Доманский, которому приношу свою благодарность.

² E. Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. V. II, Budapest, 1897, p. 431, fig. 239, 240.

³ Русские древности в памятниках искусства, изд. гр. И. Толстым и Н. Кондаковым. вып. III, СПб, 1890, стр. 125, рис. 148.

⁴ Д. М. Атаев. Поясные пряжки из Нагорного Дагестана, стр. 150, прим. 4.

Известные ныне пряжки бежтинского типа хранятся в коллекциях ГЭ, ГИМ, ГМГ, ГМИГ, Харьковском областном музее⁵, Дагестанском краеведческом музее⁶, в археологических фондах Института ИЯЛ, а также в частных коллекциях.

Начало изучению бежтинских пряжек было положено Д. М. Атаевым, осуществившим раскопки Бежтинского могильника — интересного средневекового памятника, где яркие образцы высокохудожественного литья обнаружены в большом числе. Он впервые разработал классификацию бежтинских пряжек, справедливо связывал их происхождение с подковообразными кобанскими пряжками и находил общие черты композиции с изображениями на закавказских пряжках античного времени. Вместе с тем Д. М. Атаев ограничивал хронологические рамки бытования бежтинских пряжек VIII—X вв. и усматривал в технике и стиле их исполнения влияние сасанидского искусства⁷, с чем трудно согласиться в настоящее время.

В последние годы художественно-стилистическим анализом бежтинских пряжек занимался и М. М. Маммаев, изучающий вопросы художественной культуры средневекового Дагестана. Свои взгляды он изложил в докладах, прочитанных на научной сессии, посвященной декоративному и прикладному искусству Дагестана в ГЭ в феврале 1970 г. и на заседании сектора археологии Института ИЯЛ в феврале 1973 г. М. М. Маммаев в основном принял типологию Д. М. Атаева, подробно осветил художественно-стилистические особенности сюжетов и отдельных деталей в их динамике, справедливо подчеркнув отсутствие сасанидского влияния на их формирование.

С 1967—68 гг. изучением бежтинских пряжек занимался и автор данной статьи. Первоначально в нашем распоряжении было сравнительно немного материала. Но уже тогда нам удалось по-иному, чем Д. М. Атаев, истолковать центральную композицию этих пряжек и обратить внимание не только на влияние Северокавказских и Закавказских, но также и ближневосточных традиций на формирование их стиля. Тогда же был поставлен вопрос о необходимости пересмотра хронологии бежтинских пряжек в сторону ее углубления⁸. Все это определяет и за-

⁵ Каталог выставки XII археологического съезда в Харькове, стр. 178, № 1—5; фонд А. А. Иессена в архиве ЛОИА АН СССР. Харьковский музей во время Великой Отечественной войны был разгромлен гитлеровскими оккупантами и ныне вся коллекция утеряна.

⁶ М. И с а к о в. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 84, табл. 12, 1, 2.

⁷ Д. М. А т а е в. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 126—133, его же. Поясные пряжки из нагорного Дагестана, стр. 150—156.

⁸ О. М. Д а в у д о в. Культура Дагестана скифского времени. Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969 (рукопись), стр. 129—134; его же. Культура Дагестана скифского времени. Автореферат кандидатской диссертации. Махачкала, 1969, стр. 10.

дачи предлагаемой статьи, имеющей целью развить и дополнительно аргументировать высказанные ранее положения.

Все многообразие известных в настоящее время бежтинских пряжек по характеру их обрамления, особенностям иконографии центральной композиции и, наконец, по особенностям оформления сюжетных поясов может быть сведено к нескольким группам, отражающим последовательные этапы развития.

К **первой группе** относятся пряжки с наиболее реалистически исполненным обрамлением. Примером может служить образец, выявленный в сел. Тлядал Цунтинского района (рис. 26, 1)⁹. Обрамление этой пряжки имеет подковообразную характерную форму, замкнутую в верхней части прямым отрезком, в его нижней части имеется изображение стилизованной головы животного, у которого реалистически переданы уши, условно трактована морда с подчеркнута гипертрофированными ноздрями. Упомянутое обрамление пряжки покрыто елочной насечкой, как бы имитируя «древо жизни», вырастающее из головы животного¹⁰. В верхней части по краям и в центре нанесены три розетки.

Внутреннее пространство пряжки заполняет композиция, образованная двумя конскими фигурками, симметрично расположенными по обе стороны витого стержня. Фигурки коней переданы довольно реалистически. Они изображены в профиль во вздыбленной позе. Задние ноги с четко моделированными копытами упираются коленными суставами в обрамления пряжек, с которыми соединены также слегка приподнятые, изогнутые хвосты. Сильно подогнутые к животу передние ноги коней тоже с выделенными копытами упираются коленными суставами в центральный стержень. Непропорционально крупные головы животных также обращены к центральному стержню и касаются его раскрытыми пастями. У них хорошо моделированы гривы с челкой, глаза и уши. Витой стержень, расположенный между конскими фигурками, упирается своим верхним концом в центральную розетку на верхней кромке рамочного обрамления, а нижним соединен со схематически переданной головой животного. В целом описанная композиция также представляет собой, по нашему мнению, один из вариантов сюжета «древа жизни».

Еще пять подобных пряжек было обнаружено на Бежтинском могильнике¹¹.

Как уже отмечалось в литературе, простейшие образцы бежтинских пряжек, вероятнее всего, могут быть возведены к кобанским прототи-

⁹ Хранится в Первобытном отделе ГЭ, колл. А. Л. Млокосевич, инв. № 1741-19.

¹⁰ Подробнее о сюжете «древа жизни» в дагестанском искусстве см. М. М. Мамаев. О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива. — УЗ ИИЯЛ, т. XVII (серия общественных наук), Махачкала 1967, стр. 147—164.

¹¹ Д. М. Атаев. Пояные пряжки из нагорного Дагестана, стр. 150, рис. 5, 2.

пам¹². Действительно, в пользу этого свидетельствует как подковообразная форма рассмотренной группы бежтинских пряжек и соответствующих форм кобанских пряжек, так и наличие в нижней части рамок у тех и у других изображений голов животных. Правда, на кобанских образцах головки животных переданы более объемно, у них четко выделены рога (рис. 30, 5—7), тогда как на бежтинских пряжках головка животного трактована довольно схематично, а рога животных сливаются с обрамлением пряжки.

Ко второй группе бежтинских пряжек могут быть отнесены такие экземпляры, у которых головка животного в нижней части обрамления пряжки подвергалась дальнейшей схематизации. На имеющихся образцах (рис. 26, 2—3) это выражается в том, что у голов животных исчезают имевшиеся прежде изображения ноздрей и ушей, вследствие чего они приобретают облик фигурного выступа внизу пряжки со слегка обозначенными рогами, сливающимися с елочным обрамлением пряжки, отождествляемым с «древом жизни». Значительно усложняется и оформление щитка самой пряжки. Обрамление ее по-прежнему имеет подковообразную форму, однако за счет увеличения размера самой пряжки оно несколько вытягивается и расширяется, что повлекло за собой необходимость расчленения ее на несколько поясов и заполнение их дополнительными сюжетами. Пояса образованы за счет расчленения внутреннего пространства пряжки горизонтальными лентами, орнаментированными елочными насечками и розетками таким же образом, как и внешнее обрамление пряжки. На пересечениях горизонтальных лент с обрамлением пряжки сделаны розетки; они имеются также по середине каждой разделяющей ленты и верхней части обрамления пряжки. В нижней части пряжек располагается центральная композиция, образованная на имеющихся образцах геральдически расположенными конскими фигурками в той же позе, что и на описанных выше пряжках. Единственное отличие от последних заключается в отсутствии центрального стержня, разделяющего конские фигурки. Правда на одной из пряжек (рис. 26, 2) между конскими фигурками помещено изображение головы медведя. Оставшееся свободное пространство позади конских фигурок в одном случае заполнено изображениями голов баранов, в другом — голов медведей.

Помимо описанной центральной композиции над нею располагались пояса с зооморфными сюжетами. В зависимости от размеров пряжки на ней могло быть один или, как на экземпляре изображенном на рис. 26, 3, — два таких пояса. В последнем случае оба они заполнены чередующимися изображениями голов медведей и баранов, обращенных мордами друг к другу. Очертания их переданы в плоском рельефе,

¹² Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 130.

причем подчеркнуто выделены бараньи рога и медвежьи уши; на лбу у медведей изображены елочные насечки.

Промежуточное положение между пряжками первой и пряжками второй группы занимают пряжки подковообразной формы, целиком заполненные тремя сюжетными поясами из изображений голов медведей, держащих в пасти головы баранов или быков и без них. Обрамление этих пряжек оформлено также, как у пряжек первой группы, а каймы сюжетных поясов украшены, также, как у пряжек второй группы (рис. 28, 1, 2).

Таких пряжек всего две и те фрагментированы. Одна из них с паспортом из «Дагестана» хранится в Первобытном отделе ГЭ (колл. А. Л. Млокосевич, инв. № 1741—18), другая выявлена на Бежтинском могильнике¹³.

Дальнейшая эволюция обрамления представлена на пряжках, объединяемых в **третью группу**. Их отличает еще бóльшая схематизация головы животного, помещенного в нижней части пряжки. Голова животного обычно изображается в виде короткого полуовального выступа с глубокими вырезами по краям. Рога животного иногда обозначены косыми штрихами, нанесенными на прилегающие к голове короткие отрезки обрамления пряжки, которые переходят затем в елочный орнамент, имитирующий, как отмечалось выше, «дерево жизни» (рис. 27, 1). В других случаях (рис. 27, 3) обрамление, целиком украшенное елочным орнаментом, начинается непосредственно от выступа, изображающего голову животного. На пряжках этой группы усложняется и иконография животных, изображения которых заполняют внутреннее пространство. Конские фигурки, сохраняющие традиционную позу, изображаются более вычурно. То же самое следует сказать и в отношении, разделяющего их стержня, изображающего «дерево жизни». На имеющихся экземплярах в одном случае (рис. 27, 1) «дерево» передается в виде узкого стержня, украшенного елочным орнаментом, «вырастающим» из вычурно трактованной головы барана (?) с гипертрофированными ноздрями. В другом (рис. 27, 3) «дерево» изображено в виде сравнительно широкой ленты, украшенной елочным орнаментом и крупной зернью по кромке, подобно тому, как оформлено обрамление пряжки и каймы сюжетных поясов. И здесь «дерево» «вырастает» из сильно стилизованной головы барана (?) с гипертрофированными ноздрями.

На обоих рассмотренных экземплярах сзади парного изображения коней, образующих центральную композицию, располагаются небольшие фигурки коней, в основном повторяющие их позу. Только они на первом экземпляре обращены в ту же сторону, что и основные фигурки коней, а

¹³ Д. М. Агаев. Поясные пряжки из нагорного Дагестана, стр. 153—155, рис. 5, 4.

на втором — против них. Изображения головок медведей и баранов на сюжетных поясах обоих экземпляров, сохраняя в основном свои традиции изображения, также становятся более вычурными и подвергаются дальнейшей стилизации. На медвежьих головах появляются изображения глаз в виде двойных окружностей, а гипертрофированные ноздри сочетаются с рогами барана¹⁴. Гипертрофированные ноздри появляются и у изображений голов баранов. Усложняется и обрамление пряжек и сюжетных поясов, которые иногда, помимо обычного елочного орнамента, украшаются по краям крупной зернью. Такой же крупной зернью обводятся и розетки, внутри которых помещаются изображения свастики или усложненного креста.

К рассматриваемой группе относятся, с нашей точки зрения, и более простые экземпляры пряжек. Например, пряжка из урочища Тлярохотль Цунтинского района (рис. 25, 1). Ее обрамление соответствует описанным образцам пряжек, отнесенным к первой группе, с той лишь разницей, что изображение головы животного в нижней части этой, пряжки являющееся главным признаком, положенным в основу нашего подразделения, имеет столь же схематизированный облик, что и на других пряжках третьей группы.

Внутреннее пространство пряжек из Тлярохотля заполнено оригинальной, нигде более не повторенной композицией. Ее основу образуют две симметрично расположенные фигурки оленей. Их передние ноги опущены вниз и опираются на обрамление пряжки, слегка согнутые задние ноги с выделенными копытами также помещены на обрамлении пряжки. Непропорционально крупные головы животных повернуты назад таким образом, что кончики их морд касаются крупов. Стилизованные ветвистые рога животных раскинуты по обе стороны от головы. В замкнутое ими пространство над головой каждого оленя помещены сильно схематизированные изображения голов медведей, держащих в пасти головы быков.

К **четвертой группе** нами отнесены пряжки, отличающиеся большей вычурностью оформления (рис. 27, 2, 4). Претерпевают изменения и схематизированные изображения головы животного в нижней части пряжки. Глубокие вырезы по краям выступа, имитирующего голову животного, замыкаются, образуя на нем парные отверстия миндалевидной формы. Благодаря этому несколько увеличиваются и размеры выступа, преобладающего сегментовидные очертания. В его верхней части появляются розетки, а по краям — короткие выступы, описывающие снизу контуры пряжки и передающие вместе с соответствующими им косо заштрихованными отрезками обрамления пряжек, рога животного. Обрамлиения пряжек и каймы сюжетных поясов сохраняют прежний елоч-

¹⁴ Впервые на эту деталь обратил внимание М. М. Маммаев.

ный узор, богато украшенный по краям, а иногда и по середине крупной зернью. Такой же крупной зернью выполняются и розетки.

Характер изображений животных как в центральной композиции, так и в сюжетных поясах сохраняется прежний. Новым является трактовка глаз на конских и медвежьих мордах в виде розетки, выполненная зернью. В некоторых случаях крупной зернью подчеркивается изгиб туловища и шеи у конских фигурок.

К последней **пятой группе** нами отнесены пряжки, отличающиеся крайним схематизмом оформления. На имеющихся экземплярах (рис. 25, 2—3) на месте головы животного в нижней части пряжки имеется небольшой фигурный выступ, лишенный каких-либо украшений за исключением частично заходящей сюда розетки, помещенной в центре нижнего края пряжки. Оформление пряжек оформлено также, как у пряжек четвертой группы. Внутреннее пространство заполнено сильно схематизированными изображениями голов оленей с ветвистыми рогами.

Выделенные группы бежтинских пряжек должны быть учтены при разработке их типологии. Как известно, первая классификация этих пряжек была разработана Д. М. Атаевым. Все известные ему образцы он разделил на две большие группы, в одну из которых объединил разнovidности с изображением оленей, во вторую — с изображениями парных коней в центральной композиции. В свою очередь, вторую группу он подразделил еще на три типа: к первому отнес пряжки с парными конскими фигурками, ко второму — такие, у которых центральная композиция дополнена одной сюжетной линией с изображением голов баранов и медведей, а к третьему — те, у которых центральная композиция дополнена двумя такими же сюжетными линиями¹⁵. По нашему мнению, предложенная Д. М. Атаевым классификация может служить основой для дальнейшей разработки типологии бежтинских пряжек.

Предлагаемая нами типология предполагает подразделение этих пряжек на три типа, различающихся по виду изображенного животного. В свою очередь, в каждом из этих типов выделяются подтипы, соответствующие описанным выше группам и отражающие разные этапы эволюции самих пряжек.

К первому типу относятся пряжки с оленным мотивом изображения. Они сравнительно немногочисленны, вследствие чего по имеющимся материалам невозможно проследить путь их эволюции. К числу наиболее ранних пряжек этого типа может быть отнесен экземпляр из Тлярохотля (рис. 25, 1), соответствующий, как уже отмечалось выше, третьему этапу эволюции бежтинских пряжек и потому относимый к третьему подтипу. Как выглядели пряжки первого и второго подтипа судить пока трудно.

¹⁵ Д. М. Атаев. Поясные пряжки из нагорного Дагестана, стр. 150—151.

Точно также невозможно пока представить «оленные» пряжки четвертого подтипа. Однако о заключительном этапе их эволюции можно судить по имеющимся образцам пятого подтипа, на которых (рис. 25, 2, 3) вместо сравнительно реалистических изображений целых фигур оленей представлены лишь чрезвычайно схематизированные изображения их голов.

Ко второму типу относятся пряжки, центральная композиция которых образована двумя симметрично расположенными конскими фигурками, нередко сопровождаемыми одним или двумя сюжетными поясами, образованными изображениями голов медведей и баранов. К этому типу относится преобладающее число известных сейчас бежтинских пряжек. Как уже отмечалось выше, они подразделяются на четыре группы, отражающие этапы их эволюции и соответствующие четырем подтипам. Именно в этих подтипах особенно четко отражены четыре последовательных этапа развития обрамления пряжек, постепенное усложнение и стилизация изображений центральной и дополнительных композиций, приобретающих вычурность по мере своего развития. Однако нам пока неизвестны образцы, соответствующие пятому подтипу первого типа, которые должны отличаться чертами крайней схематичности зооморфных изображений (рис. 26, 1—3; 27, 1—4)

Наконец, к третьему типу нами отнесены такие пряжки, у которых отсутствует центральная композиция, а все внутреннее пространство заполнено сюжетными поясами с изображениями медвежьих голов, держащих в пасти головы быков или баранов или без них. Пряжки этого типа немногочисленны. Нам известны два сильнофрагментированных экземпляра (рис. 28, 1, 2). Судя по обрамлению наиболее сохранившегося из них, он занимает промежуточное положение между первым и вторым подтипами.

В целом, представления о развитии пряжек бежтинского типа в соответствии с нашей типологией отражает предлагаемая таблица (рис. 29). Сравнивая ее с классификацией Д. М. Атаева нетрудно убедиться, что первый и второй типы нашей типологии отвечают соответствующим группам Д. М. Атаева, тогда как третий тип выделяется впервые. Дальнейшее подразделение бежтинских пряжек в рассматриваемых классификациях существенно различается. Д. М. Атаев выделяет соответствующие типы, ориентируясь главным образом на число сюжетных композиций и поясов. Для нас же данная особенность не имеет решающего значения и в основу выделения пяти подтипов положены иные признаки: главным образом, изменения обрамления пряжек, сопровождаемые постепенным усложнением их стиля.

Разработка классификации рассматриваемых пряжек неизбежно влечет за собой и необходимость рассмотрения и их хронологии, ибо развитие их формы и стиля представляется достаточно сложным и дли-

тельным процессом. Решающее значение при освещении этого вопроса, по нашему мнению, должно быть уделено их художественно-стилистическому анализу.

Начнем его с рассмотрения формы бежтинских пряжек. Как уже отмечалось, их вероятными прототипами могли служить дигорские пряжки подковообразной формы, украшенные объемно выполненными головками животных¹⁶. Эти пряжки встречаются в памятниках кобанской культуры и относятся к IX—IV вв до н. э.¹⁷. Однако внутреннее пространство этих пряжек оставалось в основном незаполненным тогда как уже на самых ранних образцах бежтинских пряжек имеется центральная композиция, изображающая парные фигурки оленей и коней. Правда, внутреннее пространство некоторых дигорских пряжек оказывается расчлененным на несколько частей (рис. 30, 5—7).

Образ оленя, по-видимому, не случайно занял главное место в центральных композициях бежтинских пряжек первого типа. Как известно, олень был одним из наиболее почитаемых древними кавказскими племенами видом животных. Об этом свидетельствуют, например, часто встречаемые изображения этого животного в ритуальных и бытовых сценах, в наскальных изображениях из различных районов Кавказа, относящихся к бронзовому веку¹⁸. В эпоху поздней бронзы и раннего железа изображения оленей становятся одним из излюбленных мотивов художественной обработки металла у местных племен Закавказья и Северного Кавказа¹⁹. Можно допустить, что в это время он проникает и в искусство дагестанских племен. В пользу высказанного предположения свидетельствует, по нашему мнению, то обстоятельство, что такие особенности изображения оленей на пряжке из Тлярохотля²⁰ как про-

¹⁶ Д. М. Атаев. Поясные пряжки из нагорного Дагестана, стр. 115.

¹⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 223—224, 236, 237, 240, XLVII, 5; XLIX, 17, 18; Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. — УЗ ЛГУ (серия исторических наук), вып. 13, Л., 1949, стр. 213, 233, 234, табл. XI, 42.

¹⁸ В. М. Котович. Новые наскальные изображения горного Дагестана. АО, 1968 г., М., 1969, стр. 92—95; В. И. Марковин. Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакска. — МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 124—134; А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 24—59; А. А. Мартиросян, А. Р. Израелян. Наскальные изображения Гегамских гор. Ереван, 1971, рис. 28—36, 56, 58, 66, 88, 164, 168, 180, 257, 258, 282, 332; К. Х. Кушнарера, Т. Н. Чубиншвили. Древние культуры южного Кавказа. Л., 1970, стр. 167, рис. 54, 34.

¹⁹ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. — МАК, VIII, М., 1900, табл. VIII, 2; XI, 4, 5; XV, 4; XVI, 2, 3; XVII, 4; XXIX, 3; XXXVIII, 8; XLIII, 4, 5; LXIX, 1, 2; CXVII, 8; CXVIII, 26; CXXXII, 4; рис. 235, 236; Б. В. Тихонов. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, стр. 111, рис. 31, стр. 243—245; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. I, Тбилиси, 1941, стр. 87, рис. 93, табл. XXV, XCI и др.

²⁰ По нашей типологии данная пряжка относится к третьему подтипу, занимающему одно из промежуточных мест в этапах их развития. Однако поза животных

фильное изображение фигуры с повернутой назад головой и двумя ветвистыми рогами, круто поднимающимися вверх по обе стороны от головы, приподнятость задней части тела, подобранный живот, — являются характерными особенностями художественного стиля искусства колхидских и кобанских племен²¹. В частности, композиция на пряжке из Тлярохотля находит себе близкие параллели в гравированных изображениях фигур оленей на бронзовых топорах из Юго-Осетии (из сел. Цоиси и пегреб. № 131 Тлийского могильника), датировемых XII—X и IX—VII вв. до н. э.²² То же самое следует признать и в отношении позы стилизованной фигурки оленя, занимающей центральное место на некоторых закавказских ажурных пряжках античного времени²³ и изображения на поясе эпохи бронзы из Душети (Грузия)²⁴.

По-видимому столь же глубокую древность имеют и изображения коней, образующих центральную композицию на бежтинских пряжках второго типа. Однако здесь уместно остановиться на рассмотрении позы этих изображений. В свое время Д. М. Атаев, проводивший художественно-стилистический анализ этих пряжек, располагал их длинными осями не по вертикали, а по горизонтали. Вследствие этого изображения коней центральной композиции располагались зеркально одно над другим. По-видимому, по этой причине он усматривал в позе коней состояние бессилия и обреченности²⁵, с чем, однако, трудно согласиться. Достаточно расположить пряжки правильно, т. е. округленными концами вниз, чтобы убедиться в том, что фигурки коней расположены геральдически одна против другой, во вздыбленном состоянии, их тела полны экспрессии и динамизма.

Большую схожесть с рассматриваемой композицией обнаруживают парные изображения конских фигур на подковообразной пряжке из Кумбултского могильника кобанской культуры²⁶. На этой пряжке конские фигурки тоже изображены в геральдической позе, соединенные раскрытыми пастями, что сближает их с подобной же композицией на

центральной композиции на пряжках этого типа вряд ли заметно отличались от более ранних. Во всяком случае поза парных коней в центральной композиции на пряжках второго типа остается неизменной на всех этапах их развития.

²¹ Ш. Амирашавили. История грузинского искусства. М., 1963, стр. 25; И. Л. Членова. Скифский олень. МИА, 115, М., 1962, стр. 188, 190.

²² Б. В. Техов. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии, стр. 113, рис. 31; его же. Раскопки Тлийского могильника в 1966 г. СА. 1970, № 4, стр. 101, рис. 6, 1.

²³ М. Ш. Хидашели. К истории художественной обработки бронзы в античной Грузии (груз. яз. с русск. резюме). Тбилиси, 1972, табл. 1—111; Б. В. Техов. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии, стр. 243, рис. 91, 2.

²⁴ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. — СА, XIV, 1950, стр. 95, рис. 48.

²⁵ Д. М. Атаев. Поясные пряжки из нагорного Дагестана, стр. 152.

²⁶ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XCII, 5.

другой пряжке из Тлярохотля (рис. 26, 3). Следует подчеркнуть, что композиция из двух стоящих на задних ногах и обращенных друг к другу фигур животных, чаще хищных, нередко встречаются в искусстве кобанских племен²⁷. Некоторые исследователи не без основания связывают ее происхождение с переднеазиатским, в особенности луристанским искусством, где подобные композиции получили широкое распространение уже во второй половине II тысячелетия до н. э.²⁸. Намеченные параллели подтверждают как древность рассматриваемой композиции, так и указывают на возможность ее заимствования древними дагестанскими мастерами.

Однако преобладающее большинство подобных изображений на бежтинских пряжках второго типа имеет еще одну характерную деталь, а именно: стержень, разделяющий конские фигурки и значительно усложняющий всю центральную композицию. Выше уже отмечалось, что под таким стержнем обычно помещалась голова животного, а его верхняя часть увенчивалась розеткой. Отмеченная особенность находит себе некоторые параллели в изображении священных деревьев в отдельных памятниках переднеазиатского искусства, что может служить еще одним подтверждением того, что они изображали «древо жизни». Как известно подобным же образом истолковываются геометрические фигурки, разделяющие геральдически расположенные фигурки зверей, выгравированные на пряжках могильника Исти-су на Северо-Восточном Кавказе, относящиеся к VI—V вв. до н. э.²⁹. А на несколько более поздних по времени дагестанских пряжках в виде незамкнутого кольца с зооморфными изображениями по краям идею «древа жизни» передает, по мнению М. М. Маммаева, располагавшийся между ними простой язычок пряжки³⁰.

Особенно часто применявшееся на бежтинских пряжках изображение «древа жизни» в виде стержня с елочными насечками находит себе параллели на некоторых образцах керамики из древнего Ирана, в частности из Суз³¹, а также памятниках Кавказа, начиная с V тысячелетия

²⁷ Там же, табл. XXII, 1; Б. В. Техов. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии, рис. 69, 14.

²⁸ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период, стр. 78 и сл.; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 369, 370.

²⁹ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период, стр. 369—370.

³⁰ М. Маммаев. О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива, стр. 154—155.

³¹ E. T o s c a n n e. Etudes sur le Serpent. Figure et symbole dans l'antiquite Elamite. Memoires delegation en Perse. T. XII, Paris, 1911, p. 258, fig. 215—218.

до н. э., а в Дагестане на сосудах эпохи бронзы и раннего средневековья³².

В целом, центральная композиция на бежтинских пряжках второго типа, образованная стержнем и двумя геральдически расположенными конскими фигурками находит себе многочисленные аналоги в передаче сюжета «древа жизни» в виде изображения дерева с симметрично расположенными по обе стороны фигурками животных или птиц, которые так часто встречаются на древних и средневековых памятниках в весьма широком ареале. В качестве примера укажем на подобные композиции из некоторых древневосточных памятников Ближнего востока и Закавказья³³. Среди подобных памятников древнего искусства Северного Кавказа упомянем композицию, состоящую из дерева и двух обращенных к ней фигурок оленей, венчающую золотую диадему из кургана Хохлач, датируемую рубежом н. э.³⁴ В различных вариантах этот сюжет представлен и в средневековом искусстве Дагестана³⁵.

Как уже отмечалось, по мере развития бежтинских пряжек, сопровождавшемся увеличением их размеров, образовавшееся вокруг центральной композиции свободное пространство заполняется сначала головками животных (барана, медведя), а затем цельными конскими фигурками. Сходная картина наблюдается на закавказских ажурных пряжках³⁶.

С этим же процессом связано и появление сюжетных поясов, заполненных изображениями голов животных. На более ранних образцах — это головки медведей, держащие в пасти головки быков и баранов. Напомним в этой связи, что подобные сюжетные пояса, а также изображения отдельных медвежьих головок целиком заполняют внутреннее пространство бежтинских пряжек третьего типа. Что же касается пряжек второго типа, то по мере их развития сюжетные пояса заполняются

³² М. Маммаев. О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива, стр. 150—154, рис. 2—5; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа, стр. 166—167; сосуд с изображением «древа жизни» был обнаружен М. Г. Гаджиевым в захоронении каякентско-харачоевского типа в окрестностях сел. Нижний Дженгутай, Буйнакского района; сюжет «древа жизни» встречается в орнаментации керамики, встреченной на раннесредневековых городищах Таргу (на р. Гамри-озень) и Охлинском (Левашинский район).

³³ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство (Урарту). М., 1959, стр. 228—229, табл. XLVIII, LIV; A. Godard. A propos du tresor de Liwiye. Haarlem, 1950, fig. 10, 13, 15—18, 20—24; E. Toscanne. Etudes sur le Serpent. fig. 247—250, 321, 322.

³⁴ ОАК за 1864, СПб, 1865, стр. XX—XXI; Русские древности в памятниках искусства, вып. III, стр. 132—140.

³⁵ М. Маммаев. О происхождении одного орнаментального мотива, стр. 147—164, рис. 2, 3, 4, 5, 6; П. М. Дебиров. Резьба по камню в Дагестане, рис. 24, а.

³⁶ М. Ш. Хидашели. К истории художественной обработки бронзы в античной Грузии, стр. 3 и сл.; Б. В. Техов. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии, стр. 237—249, рис. 86, 1; 87, 1; 89: 90; 91

изображениями медвежьих и бараньих головок, обращенных друг против друга.

Прототипами рельефных изображений головок баранов и быков на бежтинских пряжках второго типа, вероятно, служили скульптурные изображения головок этих же животных, часто встречаемые на Кавказе в памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа³⁷. Особенно большую близость обнаруживают с ними изображения барана на бронзовом браслете, обнаруженном около г. Хасавюрта, который датируется предскифским временем по аналогиям с пряжками из Зандакского могильника и Серженьюртовского поселения³⁸.

По имеющимся материалам трудно, однако, судить о времени появления изображений головок медведя в художественной обработке металла дагестанских мастеров. Отметим лишь, что за пределами Дагестана подобные изображения, да еще в таком большом количестве, нам не известны³⁹. В Дагестане же изображения головок медведей встречаются как среди зооморфных изображений всех трех типов бежтинских пряжек, так и в виде отдельных подвесок. Последние иногда усложнены за счет того, что в их пасты помещены головы быков, совершенно также, как и на соответствующих сюжетах бежтинских пряжек⁴⁰. К сожалению все эти подвески найдены вне комплексов, вследствие чего они могут рассматриваться как весомые аргументы в пользу местного возникновения рассматриваемых сюжетов, но, к сожалению, мало чего дают для прояснения их хронологии.

Опираясь на намеченный выше круг параллелей как форме, так и зооморфным сюжетам бежтинских пряжек, можно полагать, что истоки их художественного стиля уходят в памятники кавказского искусства эпохи поздней бронзы и раннего железа (кобанские пряжки подковообразной формы и зооморфная пластика кобанских и колхидских племен, кобанские гравированные топоры, зооморфные пряжки и т. д.), а некоторые сюжеты, вероятно, имеют передневносточное происхождение (сюжет «древа жизни» и его отдельные элементы; геральдическое расположение противостоящих животных в вертикальной позе, традиция

³⁷ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, стр. 227; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 248, рис. 202; 278; табл. IX, 1 и др.

³⁸ В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. — КСИА, 98, М., 1964, стр. 84, рис. 25, 6; Отчеты В. И. Козенковой о раскопках на Сержень-Юрте.

³⁹ Несколько подвесок в виде головы медведя с раскрытой пастью найдены на могильнике VI в. до н. э. около сел. Кызыл-Кала (Карачаево-Черкессии). Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, стр. 61, табл. 13, б, 10, 9. Отдельные изображения медвежьих головок встречаются и в других областях Кавказа.

⁴⁰ Д. М. Атаев. Поясные пряжки из нагорного Дагестана, рис. 5, 3.

увенчивания изображений священных деревьев розетками и т. д.) — рис. 30.

Формирование художественного стиля бежтинских пряжек, вероятно, приходится на ранний железный век, т. е. на период от конца бытования кобанских подковообразных пряжек со скульптурными изображениями голов животных на нижней части рамок до начала широкого распространения закавказских четырехугольных ажурных пряжек античного времени, с которыми мы имеем достаточно оснований синхронизировать древнейшие образцы бежтинских пряжек. Возможно, что в центральных композициях бежтинских пряжек первоначально изображались олени, которые с течением времени были заменены изображениями коней, подобно тому, как это наблюдается на ажурных пряжках из Закавказья⁴¹.

Своеобразие дагестанских пряжек, определяемое с одной стороны их формой, а с другой — спецификой исполнения зооморфных сюжетов центральной и дополнительной композиций не находит себе аналогий за пределами отмеченных выше районов Дагестана. Это позволяет видеть в них яркое проявление местной художественной культуры, характеризующейся высоким уровнем металлообработки и тонким художественным вкусом исполнителей. Дагестанские мастера умело сочетали некоторые заимствованные сюжеты с местными художественными традициями и выработали на этой основе неповторимый художественный стиль бежтинских пряжек.

Не совсем обычна и их хронология. Если производство массивных гравированных и ажурных пряжек в различных районах Кавказа в основном прекращается к началу средневековья, то в высокогорном Дагестане они продолжают бытовать и в средневековую эпоху. Причем в средневековую эпоху, насколько об этом можно судить по материалам Бежтинского могильника, употреблялись не только изготовленные в ту пору пряжки, отличающиеся подчеркнутой вычурностью стиля, но также встречались и простейшие, наиболее ранние образцы, возможно, использовавшиеся вторично. Лишь в одном случае наблюдалась аналогичная картина. На Дайском средневековом могильнике, расположенном в изолированном высокогорном районе Чечено-Ингушетии, встречены бронзовые и железные пряжки исти-суйского типа⁴². По-видимому и здесь имело место вторичное использование подобных пряжек, надежно

⁴¹ Ш. Амирнашвили. История грузинского искусства, стр. 62; Б. В. Тетюхов. Об ажурных поясных пряжках из Юго-Осетии. СА, 1969, № 4, стр. 60.

⁴² М. Х. Багаев. Работы в Аргунском и Джерахском ущельях Чечено-Ингушетии. АО 1971 г., М., 1972, стр. 130.

датированных на других могильниках скифским временем (Исти-су, Луговое и т. д.)⁴³, и изготовление по ним новых подражаний.

Все отмеченные обстоятельства позволяют нам рассматривать высокогорную часть юго-западного Дагестана, где обнаружено наибольшее количество пряжек бежтинского типа, нередко сопровождаемых другими художественными изделиями из металла, в качестве мощного очага своеобразной художественной культуры. Насколько можно судить по приводившимся выше данным, он зародился, по-видимому одновременно с другими кавказскими очагами древнего искусства и функционировал в продолжении длительного времени, охватывающего разные периоды эпохи раннего железа и средневековья.

⁴³ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период, стр. 78 и сл.; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 369, 370; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. ДЧИ, М., 1963, стр. 207, рис. 26, 1; 24, 2, 3.

АНДРЕЙАУЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ

История Хазарского каганата, объединившего под своей властью различные племена и народы и образовавшего в VII—X вв. обширное раннефеодальное государство на огромных просторах Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы, не случайно стала в последние годы предметом целенаправленного изучения дагестанских археологов. Более чем двухсотлетняя история изучения хазарской проблемы базировалась до недавнего времени, в основном, на данных древних письменных источников, в которых сообщаются противоречивые и односторонние сведения, отражающие, главным образом, их внешнеполитические акции периода арабо-хазарских войн. Характер этих источников нашел отражение соответственно и в различных, а порой и взаимоисключающих, оценках исследователей роли хазар в истории нашей страны¹. Поэтому понятно, какое значение для реконструкции истории Хазарского каганата имеют поиски и исследования оставленных ими археологических памятников. С. А. Плетнева в своем капитальном труде, посвященном интерпретации памятников салтово-маяцкой культуры, выявила обширную территорию ее распространения в Юго-Восточной Европе и, обосновав связь этой культуры с Хазарским каганатом, выделила пять локальных ее вариантов². Выделяя отдельно и дагестанский вариант, С. А. Плетнева исходила в основном из данных письменных источников, поскольку памятники с хазарской культурой на территории Дагестана оставались практически неизвестными и неизученными. А если учесть, что по данным письменных источников в пределах Дагестана были расселены собственно хазарские племена, и связанная с ними культура является наиболее ранним вариантом салтово-маяцкой культуры, то не-

¹ В. В. Григорьев. Россия и Азия. СПб., 1876, стр. 66; Б. А. Рыбаков. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. СА, т. XVIII, (1953), стр. 131; М. И. Артамонов. История Хазар. Л., 1962, стр. 37.

² С. А. Плетнева. От кочевий к городам, М., 1967, стр. 186.

обходимость поиска и археологического изучения оставленных ими памятников является особо актуальной задачей.

Одному из многочисленных памятников, выявленных начиная с 50-х годов в пределах Дагестана, и особенно в Терско-Сулакском междуречье³, культура которых связывается с Хазарским каганатом⁴, и посвящена настоящая статья. В ней предлагается обзор комплекса археологических материалов, полученных в процессе двухлетних (1967, 1968 гг.) исследований на Андреяульском городище.

Остатки значительного по своим размерам Андреяульского городища возвышаются на берегу реки Акташ в 2-х км. к северу от сел. Андреяул Хасавюртовского района. Оно располагалось на высоте 200 м. над уровнем моря в переходной ландшафтной зоне между Терско-Сулакской низменностью и районом слабо-холмистых предгорий с незначительным уклоном к северо-востоку. Выбор места для поселения его обитателями обусловлен рядом благоприятных естественно-географических данных этого района. Благодатная долина реки Акташ с прилегающими террасами, самой природой созданными для земледелия, а также обширные пастбища, раскинувшиеся по холмам к югу, и бескрайние степи к северу от поселения были определяющими факторами при возникновении здесь поселения.

Река Акташ⁵ служила источником и для орошаемого земледелия. Следы древней ирригации и ныне можно проследить вокруг Андреяульского городища. И, наконец, располагаясь на древнем пути, связывающем Юго-Восточную Европу и Северный Кавказ со странами Закавказья и Древнего Востока, городище формируется и как один из центров развитого ремесла и торговли в приморском Дагестане.

Основатели городища облюбовали для него левую террасу над поймой реки, естественно защищенную крутыми, а местами обрывистыми склонами реки и древними, выходящими к ней, боковыми оврагами. Для защиты его с напольной западной стороны была сооружена мощная

³ М. И. Пиккуль. Научный отчет по археологической экспедиции 1955 года. Махачкала, 1956. РФ ИИЯЛ, д. № 2107; ее же. Отчет о результатах археологических исследований в 1957 году. Махачкала, 1958. РФ ИИЯЛ, д. № 61; ее же. Отчет о работе III Бавтугайского отряда в 1958 году. Махачкала, 1959. РФ ИИЯЛ, д. № 81; В. И. Канивец, С. С. Березанская, И. П. Костюченко, А. Г. Савчук. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955 году. Махачкала, 1956. РФ ИИЯЛ, д. № 16; Н. Д. Путинцева. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1957 году. Махачкала, 1958. РФ ИИЯЛ, д. № 66; К. А. Бредэ. Отчет об археологических разведках на берегах Сулака в 1958 году. Махачкала, 1958. РФ ИИЯЛ, д. № 82.

⁴ М. Г. Магомедов. Верхне-Чирюртовское городище. УЗ ИИЯЛ, т. XIX. Махачкала, 1969, стр. 147; его же. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореферат кандидатской диссертации. Махачкала, 1970, стр. 12.

⁵ Акташ — на тюркском языке означает Белый камень.

система оборонительных валов, рельефно возвышающихся до сих пор и протянувшихся перед ними глубоких рвов.

Большие размеры городища в сочетании с внушительной системой остатков его оборонительных сооружений не раз привлекали к себе внимание исследователей.

Наиболее ранние сведения о нем сообщает Н. А. Нарышкин, служивший в Дагестане во время Кавказской войны в середине XIX в. В поисках антикварных изделий он варварски раскопал вокруг Андрейаульского городища около ста курганов⁶. Материалы и отчеты об этих раскопках не сохранились. Само городище также привлекло внимание Н. А. Нарышкина, указавшего на хазарский период, как на возможное время его бытования⁷.

Пример Н. А. Нарышкина послужил своего рода сигналом для местного населения, начавшего после него широкие раскопки оставшихся курганов не только у Андрейаульского городища, но и во всей округе. Как указывают старожилы сел. Андрейаул, курганы эти якобы были поделены между дворами и раскапывались всем селением в поисках дорогих изделий. Глубокие воронки, до сих пор сохранившиеся на вершинах курганов, разбросанных вокруг Андрейаульского городища, указывают на хищнический характер этих раскопок.

Совершенно иного порядка были исследования А. Н. Грена, побывавшего вслед за Н. А. Нарышкиным в приморском Дагестане по заданию Московского археологического общества. Он довольно тщательно для своего времени обследовал археологические памятники в долине р. Акташ, в предгорной полосе. В своем отчете он, в частности, пишет: «В Хасавюртовском округе в местности между сел. Эндери (Андрейаулом) и Хасавюртом целая масса остатков старины»⁸. А. Н. Грен дает описание одиночных курганов и целых курганных групп, расположенных вдоль реки Акташ. Большинство из них к настоящему времени уничтожены. Все они имели тюркские названия, такие как Эгиз-тюбе, Балтаяк-тюбе, Аюкю-тюбе, Баранта-тюбе, Джугут-тюбе (в горах выше Андрейаула). Помимо курганов А. Н. Грен отмечает и бытовые памятники, в частности крепость Гевек-кала, также расположенную в предгорьях выше Андрейаула. Представляют интерес названия кварталов Андрейаула. Один из четырех кварталов назывался здесь гужским (гузы). Три других кумыкский, еврейский и чеченский — соответствуют, как отмечает А. Н. Грен, мусульманскому, еврейскому и христианскому в Семен-

⁶ Н. А. Нарышкин. Сообщения ЗОЛКА, т. 1. Тифлис, 1875, стр. 185.

⁷ Н. А. Нарышкин. Там же, стр. 185.

⁸ А. Н. Грен. Отчет о летней командировке в Хасавюртовский округ Терской области. Древности. Тр. МАО, том XXI, вып. II, М., 1907, стр. 133.

дере⁹. Место хазаров теперь заняли кумыки и горские евреи, которые, по его мнению, являются остатками хазар¹⁰.

Само Андрейаульское городище также не осталось вне поля зрения А. Н. Грена, раскопавшего на его территории небольшую разведочную траншею, в которой выявил большое количество костей животных, обгоревшего дерева и остатков посуды¹¹. На основании этих раскопок А. Н. Грен приходит к выводу, что здесь находилось древнее городище, которое сопоставляется с хазарским Семендером, тождественным, с его точки зрения, с Варачаном Моисея Каганкатвацц¹². Основанием для подобного отождествления явилось, очевидно, созвучие названий Семендер и Эндери (старое название сел. Андрейаул).

В 30-х годах разведывательное обследование Андрейаульского городища предпринял А. А. Иессен, производивший археологические исследования бассейна реки Сулака в связи с предполагавшимся до войны строительством Сулакского каскада гидростанций. В кратком отчете о результатах исследований он отмечает массивные оборонительные сооружения городища и указывает на раннесредневековую эпоху, как на возможное время его бытования¹³.

На внушительный характер Андрейаульского городища, особенно его оборонительных сооружений, указывает и дагестанский краевед М. Исаков, осмотревший памятник в начале 50-х годов¹⁴.

В 1951 году во время археологических разведок, предпринятых в северо-восточных районах Дагестана экспедицией ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, на городище побывал ее первый руководитель М. И. Пикуль. В отчетах исследований она отмечает обилие культурных остатков на территории Андрейаульского городища и естественную защищенность памятника¹⁵.

Целенаправленные стационарные раскопки на этом интересном памятнике были начаты лишь с 1967 года. Исследования производились археологической экспедицией Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР под руководством Д. М. Атаева¹⁶. Однако уже в следующем 1968 году в связи с безвременной кончиной руководителя экспедиции раскопки городища были прекращены. Но и та незначительная, по сравнению с огромной территорией городища, площадь раскопок позволяет поста-

⁹ Там же, стр. 134.

¹⁰ Там же, стр. 137.

¹¹ Там же, стр. 134.

¹² Там же.

¹³ А. А. Иессен. Работы на Сулаке. Изв. ГАИМК, вып. 110. М.-Л., 1935, стр. 33.

¹⁴ М. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 28.

¹⁵ М. И. Пикуль. Отчет по археологическим работам за 1951—52 гг., стр. 8.

¹⁶ Д. М. Атаев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Раскопки Андрейаульского городища. Сб. АО, 1967 г. М., 1968, стр. 33.

вить ряд вопросов, связанных с характером культуры и временем бытования городища. В результате этих работ стало возможным проследить особенности планировки городища и его составных частей, конструктивные своеобразия оборонительных сооружений, а также затронуть другие вопросы. В данной статье все эти вопросы освещаются в той мере, в какой это позволяет добытый археологический материал.

Городище, как отмечалось, расположено на левом крутом берегу реки Акташ, достигающем 50 м высоты (рис. 31). Оно имеет вытянутые с юга на север неправильные, обусловленные рельефом местности, очертания; протяженность городища 700 м при ширине 450 м. Вся его восточная — надречная сторона с крутыми, специально эскарпированными, а местами и отвесными, склонами к реке, недоступны неприятелю (рис. 32 а). Защитой городища с южной стороны служили крутые склоны древнего оврага, прорезающего прибрежную платформу в широтном направлении. Вдоль напольной западной стороны городища были возведены мощные валы и рвы. Они начинаются от южного оврага и тянутся на север к обрыву реки. На всем протяжении перед ними сохранились глубокие и широкие рвы. Рельефно сохранившиеся остатки валов и рвов позволяют воссоздать сложную планировку Андрейаульского городища, состоявшего из нескольких частей.

Основная часть, или сам город, размерами 500×450 м ограждалась валами 8—10 м высоты и протянувшимися перед ними рвами до 30 м ширины и 6—8 м глубины. В 200 м к северу от древнего оврага и на северо-западном, несколько вытянутом вперед, углу городища валы заметно расширяются и несколько возвышаются над последними, образуя двойные выступы, очевидно выполнявшие функции оборонительных башен для фланкирования подступов к городищу. От северо-западного угла остатки валов поворачивают на восток к обрыву реки и тянутся на протяжении 380 м, образуя несколько вогнутую в сторону городища дугу (рис. 32 в). Общая протяженность валов и рвов с напольной стороны составляет около 1000 м.

На территорию городища вели три въезда, остатки которых сохранились в виде разрывов валов. Въезд № 1 находился на северной, наиболее вогнутой внутрь городища, его части. Въезд № 2 — на месте небольшого оврага, разъединяющего береговую платформу в средней части с его надречной стороны. На этом отрезке прослежены и остатки подземного хода к реке, прокопанного под проезжим полотном дороги. Въезд № 3 был сооружен на южной стороне городища и также выходил к древнему оврагу,

Как наиболее уязвимые места в системе обороны, въезды сооружены у пунктов с естественно-защитными данными, удобными для организации обороны подступов к ним. С этой целью они и более тщательно укреплены. Концы отрезков оборонительных валов, образующих боко-

вые срезы въездов — шириной 3—5 м, утолщены и приподняты в виде башен над остальным уровнем валов, образуя своеобразные привратные укрепления. Примечательно также, что боковые и наружные склоны привратных башенных выступов у всех трех въездов имеют следы скопления речных валунов, свидетельствующих о бытовании здесь и дополнительных каменных укреплений. К въездам с трех направлений ведут остатки древних дорог, колеи которых врезаны в склоны реки и боковых оврагов.

В пределах городища на восточной его стороне рельефно выделяется небольшая вытянутая с севера на юг территория неправильных очертаний, которая составляет как бы самостоятельную часть городища. Она занимает наиболее приподнятую надречную его часть протяженностью 150 и шириной около 60 м. С юга указанная площадь ограничена склоном древнего оврага, в котором был сооружен въезд № 2. С севера она также примыкает к крутому склону оврага, обрывающегося рекой Акташ. Со стороны городища она отделена от остальной территории валообразной полосой искусственного происхождения, которая сооружена как продолжение склонов боковых оврагов. Несмотря на продолжительную распашку всей территории городища, остатки его валов рельефно выделяются, возвышаясь на самом низком участке более чем на 1,5 м над остальной поверхностью (рис. 32 б). Можно полагать, что эта обособленная и специально укрепленная часть являлась цитаделью городища, служившей местом пребывания привилегированной части городского населения.

К северу, за пределами городища, расположена еще одна обособленная территория подтреугольной формы, сохранившаяся площадь которой составляет 200×250 м. С юга границей ей служит ров, протянувшийся по подножию вала городища. С востока и севера она также ограничена систематически разрушающимися отвесными склонами реки Акташ, которая уже уничтожила большую часть его территории. С открытой западной стороны защитой для него служили валы и рвы, протянувшиеся подобно городским с юга на север к обрыву реки. Въезд на эту территорию был сооружен у южного конца вала, специально недоведенного до выступающего вперед северо-западного угла городища. В разрыве между ними по подножию городского вала пролегал древняя дорога, ведущая одновременно и на территорию городища. Эта, изолированная от основных пределов городища, но связанная с ней общей планировкой, территория являлась, по-видимому, посадом.

При первом же знакомстве с подъяемым керамическим материалом, встречающимся здесь в огромном количестве, обращает на себя внимание его сходство с керамикой из других частей Андрейаульского городища. Помимо керамики нередко встречаются здесь обломки зернотерок, остатки железных шлаков и особенно много костей животных. Толщи

культурных напластований, контрастно выделяющиеся по береговым обрывам, также аналогичны статиграфии и структуре культурных отложений на городище. Недвусмысленна, наконец, и взаимосвязанная их планировка, при которой защитой для посада с южной его стороны служили более мощные городские валы, остатки которых и ныне горно возвышаются над ним.

С территорией Андрейаульского городища, а точнее с его посадской частью, связано и поселение с аналогичной культурой, протянувшееся по левому берегу Акташа. Остатки сохранившейся части поселения выявлены на западной стороне моста через р. Акташ в 800 м к северу от городища. Необходимо отметить, что на этом протяжении береговая линия реки описывает вогнутую к западу обширную дугу. Систематически разрушающиеся отвесные склоны ее значительно удалены от противоположных берегов. Расстояние между ними составляет в настоящее время не менее 500 м. Месторасположение остатков поселения размерами 150×100 м. свидетельствует, судя по характеру керамики, о его взаимосвязи с городищем. Оно могло являться дальней, перехлестнувшей за оборонительные валы посада, сохранившейся частью поселения, протянувшегося на север от городища по берегу реки. Здесь наблюдается та же картина, что характерна и для аналогичного по культуре Верхнечирюртовского городища, к которому тяготеет целый ряд мелких поселений, протянувшихся по обоим берегам реки Сулак к югу и северу от городища¹⁷. И, наконец, отдельные выходы культурных слоев, а также фрагменты характерной серолощенной керамики нередко встречаются и к югу за пределами городища, по ту сторону древнего оврага, где простираются пашни сел. Андрейаул.

Таким образом, остатки оборонительных валов Андрейаульского городища не воссоздают точных его размеров. Они определяют лишь первоначально предусмотренные его пределы, оказавшиеся недостаточными для постепенно возрастающего населения городища, которое выходит за посадские валы и начинает селиться к югу, а большей частью к северу от городища вдоль берега Акташа. В случае опасности вторжения неприятеля обитатели открытых поселений укрывались, очевидно, за мощными городскими валами, вливаясь в ряды его защитников. Общая протяженность Андрейаульского городища к моменту его гибели достигала, таким образом, не менее 1,5 км при ширине 200—450 м.

Наряду с обширными размерами городище примечательно и своеобразной культурой, а также сложной стратиграфией культурных отложений.

Исследования памятника производились путем раскопок небольших

¹⁷ М. Г. Магомедов. Тайна хазарских столиц. Советский Дагестан. Махачкала, 1969, № 5, стр. 76.

площадей на основных его частях¹⁸. Раскоп № 1 был заложен в центральной части городища, в 150 м от северной линии вала. Раскоп № 2 — на территории предполагаемой цитадели, у остатков его вала. Раскоп № 3 — в центре посада. И, наконец, в трех разрезах, заложенных на остатках валов с северной, восточной и южной стороны городища, были прослежены характер его оборонительных сооружений. Раскоп № 1 размерами 10×5 м., расчищенный в центральной части городища, показал, что культурные отложения, достигавшие здесь 2-х м толщины, состоят из рыхлых, интенсивно перемешанных слоев суглинка и золистой супеси, насыщенных древесным углем, костями животных, керамикой и отдельными включениями обломков турлучной обмазки. Характерно, что на всю глубину раскопа структура отложений оставалась почти одинаковой. Здесь, несмотря на значительные толщи этих отложений, не прослежены остатки каменных или сырцовых сооружений, за исключением обломков турлучной обмазки, и в отдельных случаях остатков глинобитного пола и следов небольших ям от столбов, являвшихся очевидно, каркасом юрт¹⁹.

Смешанная структура культурных напластований и однообразная в общей своей массе керамика, в огромном количестве выявленная во всех расчищенных слоях городища, соответственно затрудняет и четкое их стратифицирование. Эта сложная задача может быть решена последующими более широкими раскопками на городище. В исследованном же раскопе на фоне однородных культурных слоев контрастно выделяются лишь отдельные полосы интенсивно прокаленной глины, насыщенные древесным углем, которые расчлениют всю толщу отложений на три пласта. Между нижним пластом толщиной 0,4—0,6 м, средним — 0,5—0,7 м и наиболее значительным верхним слоем толщиной 0,9—1,2 м, полосы прокаленной глины, протянувшиеся прерывистыми линиями по всем стенкам раскопа, достигают до 0,2—0,3 м. Причем, между культурными отложениями, образовавшимися над полосами обожженной глины, не наблюдается стерильных прослоек. Полосы эти довольно наглядно свидетельствуют о внезапной катастрофе, обрушившейся на сложившееся здесь древнее поселение, вследствие которой были преданы огню все его наземные строения. Вновь сложившаяся жизнь на остатках древнего поселения подвергается вторичному, судя по следам пожаров, более значительному нашествию и разрушению. О внезапном характере вторжения врага и убитом им в обоих случаях погромах могут свиде-

¹⁸ Д. М. Атаев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Указ. соч., стр. 33.

¹⁹ Там же.

тествовать также человеческие кости, нередко встречавшиеся в при-
мыкавших к прокаленным полосам слоях²⁰.

Наиболее интересными сооружениями, выявленными в процессе исследования данного раскопа, являются остатки хозяйственных ям, расчищенные под толщами культурных отложений. Они вырыты в твердых слоях материковой глины, достигают значительных размеров и имеют конусовидные формы. Стены некоторых ям обмазаны глиняным раствором. Аналогичная картина культурных отложений прослежена и в небольших раскопах, исследованных в центральной части предполагаемой цитадели и на территории посада. В отложениях этих раскопов с обычной перемешанной структурой, достигающих более 2-х м толщины, наблюдаются характерные полосы прожженной глины и угля, протянувшиеся в основном в тех же горизонтах, что и на городище. Примечательно, что в раскопе на цитадели выявлены и несколько обломков сырцовых кирпичей, формы и размеры которых соответствуют кирпичам, в большом количестве раскопанным в процессе исследования оборонительных сооружений Верхнечирюртовского городища, отождествляемого с ранней столицей Хазарии городом Белеиджером²¹. Однако кирпичи, раскопанные на цитадели Андрейаульского городища, представлены единичными экземплярами и не относятся к завалам жилых или хозяйственных помещений. Они скорее являются остатками разрушенного очага, о чем могут свидетельствовать прокаленная глина и обилие золы.

В раскопах на территории посада и цитадели расчищены также и вырытые в материке хозяйственные ямы характерной конусовидной формы, нередко обмазанные глиной. Диаметры основания отдельных ям достигают 2-х метров при высоте 2—3 м. Причем, устья ям выходят на уровень нижних и средних пластов культурных отложений. Наиболее контрастно и в большом количестве остатки хозяйственных ям прослеживаются на территории посада в разрушающихся надречных его склонах. Они выделяются на фоне желтого материка будучи наполнены обвалившимися в них культурными остатками темно-серых оттенков. Основания их уходят на 1,5—2 метра ниже двухметровых толщ культурных отложений посада.

Для выяснения конструктивных особенностей оборонительных сооружений и их взаимосвязи с прилегающими или подстилающими культурными слоями на городище были раскопаны траншеи, заложенные

²⁰ Анализ остеологического материала из раскопок Андрейаульского городища в 1967—1968 гг. произвел доцент ДСХИК Н. Золотов, за что выражаем ему глубокую благодарность.

²¹ М. Г. Магомедов. Отчет о раскопках Верхнечирюртовского городища в 1971 году. РФ ИИЯЛ, д. № 4502.

поперек валов на южной, северной, а также на восточной его стороне, естественно защищенной обрывом реки.

Раскопки траншеи с южной стороны у левого привратного утолщения въезда № 3 выявили своеобразный характер остатков бытовавших здесь оборонительных сооружений. Они возведены по гребню крутого склона оврага и состоят конструктивно из двух слоев. Верхний, значительно оплывший слой представляет собой смешанный и плотно слежавшийся пласт глины вперемешку с землей и золистой супесью толщиной около 1 м. Имея крутой склон к оврагу, в сторону городища, он полого сливается с другими культурными толщами. Подстилающий слой вала имеет совершенно иной характер. Он представляет собой завал речных валунов вперемешку с глиной протяженностью 10 м и толщиной около 1 м (рис. 33, а). Причем, здесь не прослежены остатки каких-либо разрушенных каменных сооружений. Наоборот, характер завала с ровным основанием, несколько вогнутым в средней части верхним профилем и сходящимися на нет краями свидетельствует о конструктивном назначении его как основания, насыпанного сверху земляного слоя вала, очевидно предназначенного для предотвращения возможных его оползней. По этой же причине специально расколоты и почти все валуны в завале.

Исследования разреза № 1 дали возможность проследить не только своеобразное устройство вала, но и определить время его сооружения. Соотношения прилегающих и подстилающих вал культурных отложений документируют, что он был сооружен на заключительном этапе бытования городища. Об этом свидетельствуют отложения верхнего, заключительного этапа городища, которые примыкают к остаткам вала, в то время как отложения древних поселений залегают под его каменным основанием. Напластования этих поселений состоят из тех же смешанных слоев суглинка и золотистой супеси, обильно насыщенных обломками керамики и костями животных. Они в свою очередь расчленены на два пласта небольшими отрезками прокаленной земли, золы и угля, протянувшихся в тех же горизонтах, что и на других участках городища, отражая этим общую картину разразившейся на поселении катастрофы. Таким образом, лишь на заключительном этапе, судя по стратиграфическим наблюдениям, складывается сохранившаяся до наших дней топография городища, с продуманной системой оборонительных сооружений и со сложной планировкой.

При исследовании разреза вала также были выявлены характерные хозяйственные ямы конусовидной формы, наполненные обвалившимися в них культурными остатками (рис. 33, б, в). Высота их колеблется в пределах 1,5—3,4 м, диаметры оснований 1,4—2,4 м, стены двух из четырех исследованных ям тщательно обмазаны глиняным раствором.

Устья их выходят на разные уровни культурных пластов, свидетельствуя о разных периодах их сооружения.

Разрез размерами 1×4 м, расчищенный на гребне восточной стороны городища в пределах предполагаемой цитадели, также позволил выявить следы искусственных укреплений, сооруженных по краю над-речных крутых его склонов. Помимо следов эскарпирования склонов, здесь наблюдается и некоторое повышение края склона по отношению к его остальной территории. На протяжении всей береговой линии городища была, очевидно, сооружена незначительная земляная ограда крепиды, имевшая наряду с оборонительными функциями больше практическое значение. Под этим предполагаемым слоем ограды, достигающим $0,4—0,5$ м высоты и $1,5$ м ширины, залегают характерные толщи культурных слоев в $1,8—2,0$ м, насыщенных керамикой и костями животных. Под ними также выявились и целая серия разновременных и перекрывающих друг друга хозяйственных ям конусовидных форм, заполненных обвалившимися культурными остатками. Причем, некоторые наиболее крупные ямы достигают 2 -х м в диаметре и 3 м высоты.

Наконец, в разрезе размерами 3×28 м, исследованном в средней части северной линии вала, в 70 м к западу от въезда на городище прослежено несколько иное, своеобразное его устройство. Ширина вала составляет здесь более 20 м. Высота его от основания рва, протянувшегося перед ним, достигает около 10 м. Это массивное по размерам сооружение имеет и оригинальное устройство.

Материк под валом, как и в других разрезах, настигает толща культурных слоев, достигающих до $1,7$ м высоты. Здесь также прослеживаются два перекрывающих друг друга культурных пласта, не разделенных между собой стерильной прослойкой. В отложениях этих пластов в огромном количестве встречаются кости животных, а главное, характерная серолощенная керамика. В нижних пластах, перекрытых аналогично верхним полосами прожженных прерывистых линий, иногда встречаются и обломки красноангобированных сосудов. Стратиграфия напластований свидетельствует, что до сооружения вала здесь также дважды бытовали поселения, жизнь на которых, хотя и разрывалась, но сохраняла преемственность культурных традиций. Это проявляется в первую очередь в массовом керамическом материале и в характерных хозяйственных ямах обычных конусовидных форм, выявленных в обоих культурных пластах и уходящих своими основаниями в толщу материковой глины. Отложения древних поселений сверху накрывает валообразная в разрезе толща рыхлой золистой супеси. Интенсивно смешанная структура свидетельствует о том, что ее выбрали с остатков древних поселений и переместили сюда при сооружении рва перед будущим ва-

лом. На это указывает его профиль, который, достигая 2-х м толщи в средней части, сходит на нет по краям.

Супесь накрывает сверху мощный слой материковой глины, которая также выбрана из нижних пластов в процессе сооружения рва. Глина, естественно оказавшаяся сверху при сооружении рва и вала, не является просто балластом, а играет основную роль в конструкции вала. Она дугой накрывает нижние рыхлые слои и выступает поэтому своеобразным его панцирем. Об этой ее роли в конструкции вала свидетельствует и профиль. Достигая 2,6 м толщины в средней части, слой глины уменьшается в толщине до 0,5 м по краям (рис. 34, а, б). Имея необходимые вяжущие качества и значительную крепость, глина не только укрепляла прочность вала, но и увеличивала крутизну его внешней стороны, которая и теперь достигает 40°.

Разрезы валов показали таким образом, что они не являются простыми земляными сооружениями, образовавшимися в результате перемещения грунта. При их сооружении со знанием дела учтены свойства использованных материалов, особенно речных валунов, глины, и этим достигнута достаточно высокая их прочность.

Основным результатом раскопок Андрейяульского городища является определение характера его культуры, просуществовавшей, судя по значительным отложениям, на протяжении длительного отрезка времени, и сложной планировки самого городища. На всех исследованных его частях прослежена не только тождественная культура с почти одинаковыми слоями отложений, но, хотя и недостаточно выразительная, общая их стратиграфия, которая будет уточняться в процессе дальнейшего исследования этого интересного памятника. Стратиграфия отложений документирует лишь явно различимые следы нарушений жизни на поселениях без заметного хронологического разрыва между ними или смены одной культуры другой. Наоборот, генетическая связь между культурами на всех трех этапах его бытования прослеживается на огромном керамическом материале. Преемственность традиции керамического производства можно проследить не только в фактуре керамики, в формах сосудов, но и в приемах орнаментации. В этой связи необходимо отметить, что значительные различия между культурами второго и третьего периода, характерные для городища Казар-калы²², не прослеживаются на материалах Андрейяульского городища. Культура его третьего, заключительного этапа генетически связана с предшествующими слоями, восходящими своей основой к албано-сарматским традициям, а не является привнесенной в готовой форме извне, как это

²² А. В. Гадло. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья см. наст. сборн. стр. 140—153.

прослежено при раскопках Хазар-калы²³. Это и понятно, если учесть, что на территории Дагестана выявлены наиболее ранние и многочисленные городища хазарского времени, сложившиеся на позднесарматских поселениях²⁴. Они не только восприняли культурные традиции своих предшественников, но и продолжили их дальше. Отмеченные различия между культурными отложениями второго и третьего этапа городища Хазар-калы исключают, по нашему мнению, и постановку вопроса о возможности перенесения его стратиграфической шкалы на другие памятники, исследуемые в последние годы в Терско-Сулакском междуречье²⁵. Подобные различия в отложениях этих памятников не выявлены, более того, они еще четко не стратифицированы. Нам представляется, что и в материалах третьего периода городища Хазар-калы, больше общего, чем различий, с культурой предшествующих периодов²⁶. Наличия новых черт в керамике этого периода, возможно, связаны с хронологической модификацией традиций предшествующих периодов.

Однотипная в общей своей массе керамика, выявленная во всех трех слоях Андрейаульского городища, и перемешанная структура самих отложений затрудняют четкое их расчленение по времени на соответствующие периоды. Для выяснения конкретных хронологических рамок бытования поселений, их этнического состава и других вопросов потребуются дальнейшие раскопки, а главное — тщательный анализ огромного, особенно керамического, материала, добытого в процессе его раскопок. В данном случае, для определения общих рамок бытования городища отметим лишь наиболее характерные признаки керамики. Вся огромная масса богато орнаментированной и выразительной керамики городища хорошо обожжена и выполнена на гончарном круге из тонко отмученного теста. Она подразделяется на три основные группы: кухонная, столовая и тарная. Для подавляющего большинства керамики характерен серый цвет, который варьирует от светлосерых до черных оттенков. Внешняя поверхность их заглаженная и часто залощенная. Орнаментирована керамика горизонтальными, вертикальными и перекрещивающимися полосками, придающими ей переливающийся блеск. Часть обломков украшена валиками или врезными параллельными линиями. Резко отогнутые наружу венчики кухонной посуды орнаментированы чаще семечковидной косой насечкой, а венчики тарной толстостенной посуды — пальцевыми вмятинами. Обломки мисок с сильно загнутым венчиком имеют ребристые бортики.

Богато орнаментированы и ручки сосудов. Они круглые в сечении

²³ А. В. Гадло. Указ. соч., стр. 148.

²⁴ М. Г. Магомедов. Верхнечирюртовское городище, стр. 165.

²⁵ А. В. Гадло. Указ. соч., стр. 148—150.

²⁶ Керамический материал Хазар-калы просмотрен мною благодаря любезности руководителя экспедиции А. В. Гадло.

или ленточной формы. Круглые в сечении зооморфные ручки в большинстве своем выявлены из нижних слоев городища. Они нередко украшены косыми нарезками и двумя налепами по верхнему основанию. В средних слоях городища чаще встречаются ребристые ручки, покрытые по наружным граням мелкой косой насечкой. В отдельных случаях встречаются ручки с изображением коня с четко выделенной гривой, подчеркнутой также мелкой косой насечкой. Для заключительных слоев городища более характерны простые, ленточной формы ручки, орнаментированные лишь косой насечкой. В целом, все рассмотренные типы ручек наглядно иллюстрируют эволюцию приемов изображения животного, и прежде всего коня, на всех этапах бытования городища. Если на ранних и средних этапах получают распространение зооморфные или ручки с реальным изображением самого животного и чаще всего коня, то на заключительном этапе их сменяют ленточные ручки лишь с несколькими косыми насечками. Очевидно, что подобная упрощенная насечка является приемом стилизованной передачи лишь образа животного. В данном случае насечка, которой раньше изображались гривы коней, выступает наиболее простым приемом передачи символического образа коня. Как известно, культ коня был широко распространен среди кочевников, и в том числе среди хазар. Он считался священным животным и символизировал собой солнце²⁷. Обилие ручек, выявленных в раскопах, на которых различными приемами изображались образы коня, свидетельствует о широком распространении его культа и среди обитателей Андрейаульского городища.

Керамика, в большом количестве выявленная при раскопках Андрейаульского городища, имеет широкие аналогии в материалах из раннесредневековых памятников Приморского и особенно Северного Дагестана. Тожественная керамика представлена на городищах: Сигитминском²⁸, Верхнечирюртовском²⁹, Некрасовском, Тенг-кала³⁰, Хазар-кала³¹ и на других памятниках Терско-Сулакского междуречья. Начиная с VIII века, керамика Андрейаульского типа получает широкое распространение в Юго-Восточной Европе, где она представлена на памятниках салтово-маяцкой культуры³².

²⁷ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 176.

²⁸ К. А. Бредэ. Отчет о раскопках 1956 года археологических памятников на Сигитме, Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 35, стр. 107.

²⁹ Н. Д. Путинцева. Северо-восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 113; М. Г. Магомедов. Верхнечирюртовское городище..., стр. 157.

³⁰ М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Г. С. Федоров. Исследования в Северном Дагестане, АО 1969, М., 1970, стр. 152.

³¹ А. В. Гадло. Указ. соч.

³² И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, МИА, № 62. М.—Л., 1958, стр. 85 и далее; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 117 и др.

Возникновение этой культуры исследователи объективно связывают с сармато-аланской основой, а пределы распространения её в Юго-Восточной Европе с территорией, объединенной Хазарским каганатом³³.

Необходимо отметить, что несмотря на близкие аналогии с памятниками салтово-маяцкой культуры, датируемыми VIII—X вв.³⁴, Андрейаульское городище хронологически несколько предшествует им. На основе близких керамических аналогий и всего комплекса добытых с него материалов³⁵ хронологические рамки бытования городища укладываются в рамки с II—III вв. по VIII—начало IX в. н. э. Предшествуя по времени салтово-маяцким памятникам, культура Андрейаульского городища и других аналогичных памятников Терско-Сулакского междуречья выступает наиболее ранним вариантом салтово-маяцкой культуры. А территория Приморского и особенно Северного Дагестана является первоначальным центром, где на сармато-аланской основе формировалась общехазарская культура и зарождалось молодое хазарское государство. Начиная с VIII века, эта культура распространилась на огромной территории Юго-Восточной Европы, куда простирались постепенно расширяющиеся пределы Хазарии. Материалы Андрейаульского городища довольно ярко отражают и процесс трансформации хозяйственно-экономического уклада их обитателей. Большое количество хозяйственных ям, значительная толща самих отложений, исследованных на городище, обломки зернотерок, встречающиеся на всех его частях, свидетельствуют о сложившемся оседлом быте его обитателей, в экономике которых земледелие играло немаловажную роль. Показателем его развития могут служить следы ирригации и орошаемого земледелия, прослеженные вокруг городища. О коренных сдвигах в структуре экономики свидетельствует и анализ остеологического материала. Для примера приведем данные определения костей животных, выявленных из культурных слоев городища на третьем этапе его бытования. Из 7167 определенных костей, раскопанных на территории городища, 1552 относятся к его верхнему заключительному периоду. Результаты определения представлены в таблице.

Данные таблицы свидетельствуют о преобладании крупного рогатого скота в стаде обитателей городища. Они отражают коренные сдвиги в направлении оседлого, возможно и отгонного скотоводства, что вело к разрушению старой кочевнической системы хозяйства.

Ломка традиционных форм экономики и переход хазарских племен к оседлому образу жизни способствовали, соответственно, возникнове-

³³ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 185—186.

³⁴ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 135.

³⁵ Д. М. Атаев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Указ. соч., стр. 93; М. Маммаев. Из истории гончарного производства в ранне-средневековом Дагестане, стр. 349.

нию и развитию новых отраслей экономики. О развитии ремесленного производства можно судить по целому производственному комплексу гончарных обжигательных печей, исследованных в древнем овраге с южной стороны Андрейаульского городища³⁶.

Вид животных	Количество костей	Вид животных	Количество костей
Лошадь	172	Козы	57
Коровы	626	Овцы и козы	129
Свины	173	Ослы	6
Овцы	387	Собаки	1

Остатки железных шлаков, выявленные в раскопах и нередко встречающиеся на поверхности самого городища, указывают и на бытование здесь сложившегося кузнечного производства.

О развитии строительного дела можно судить по остаткам мощных оборонительных валов и рвов городища. В отличие от каменных крепостных сооружений, характерных для хазарских городищ, расположенных к югу от р. Сулак³⁷, Андрейаульское городище укреплено продуманной системой валов и рвов. Они отражают локальные своеобразия фортификационного искусства, обусловленные природными условиями, в данном случае, отсутствием строительного камня в этом районе. Однако валы здесь возведены не простым перемещением земли со рва на будущий вал, а с учетом конструктивных особенностей подручных материалов. Речные валуны, расколотые пополам, употреблялись для укрепления основания валов от возможных их оползней с крутых надовражных склонов. А глина — для укрепления нижних рыхлых толщ валов, возведенных с напольной стороны, и с целью увеличения крутизны наружных их склонов. Для этого, возможно, применялся и глинобит, особенно для усиления верхней линии валов.

Сложившиеся здесь строительные традиции получают распространение там, куда проникает и сама культура вместе с его носителями. Много городищ с салтово-маяцкой культурой, обнесенных валами и рвами, известны на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе³⁸.

³⁶ М. Мамаев. Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. XX. Махачкала, 1970, стр. 333.

³⁷ М. Г. Магомедов. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана, стр. 8.

³⁸ И. М. Чеченов. Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1905 г. УЗ КБНИИ, т. XXIV. Нальчик. 1967, стр. 107; его же. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г., там же, стр. 192; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 114; И. И. Пушкин. Памятники

Несмотря на оседлый образ жизни и связанные с ним достижения в развитии экономики и культуры, обитатели городища, тем не менее, сохраняют в быту и некоторые специфические черты кочевых традиций. При значительных толщах раскопанных культурных напластований на городище, как отмечалось, не выявлены остатки каменных или глинобитных жилых или хозяйственных помещений. Зато здесь часто встречались куски турлучной обмазки и прослежены остатки юрт, свидетельствующие о том, что наряду с турлучными постройками наиболее характерной формой жилья горожан являлась традиционная кочевническая юрта, что засвидетельствовано и в письменных источниках³⁹.

Типично кочевническими выступают по форме и погребальные сооружения городища. Огромные одиночные курганы, достигающие 5 м высоты и более 50 м в диаметре, целые курганные поля, протянувшиеся на несколько км по обоим берегам реки Акташ, а также грунтовые могильники, раскинувшиеся к западу от городища⁴⁰, соответствуют значительным размерам самого городища. Большинство этих курганов, к сожалению, разграблены и уничтожены еще до революции. Раскопки на двух курганах показали, что они не только ограблены, но и разрушены конструкции самих погребальных камер⁴¹. Значительные размеры погребальных камер с перекопанными грабителями стенами позволяют думать, что под курганами были сооружены катакомбы, как это установлено на аналогичных памятниках Приморского Дагестана. Катакомбные погребальные сооружения, как показали раскопки Верхне-чирюртовского могильника, были характерны не только для алан, но и для других племен, каганата, в том числе и для самих хазар⁴².

Материалы Андрейяульского городища дают возможность проследить и социальную структуру его обитателей. Если конфигурация городища обусловлена характером рельефа, то в трехчастном его делении отражена социальная структура, складывавшаяся среди его обитателей. Обособленная цитадель в пределах городища являлась местом пребыва-

салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, МИА, 62, 1958, стр. 86 и далее. М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, стр. 24; его же. Саркел-Белая Вежа. МИА, 62, 1958, стр. 65; С. А. Плетнева. Правобережное Цимлянское городище. Сб. Г. Э. XXV, Л., 1964, стр. 117; её же. От кочевий к городам, стр. 22; Всеобщая история архитектуры, Архитектура Восточной Европы (средние века), Л.-М., 1966, стр. 387 и др.

³⁹ Ибн-Хаукаль. Из книги путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, XXXVIII. Тифлис. 1908, стр. 108.

⁴⁰ А. Н. Грен. Указ. соч., стр. 133; М. И. Пикуль. Отчет по археологическим работам за 1951—1952 гг. Махачкала, 1953, РФ ИИЯ, д. № 2107, стр. 8.

⁴¹ Д. М. Атаев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Раскопки Андрейяульского городища, стр. 94.

⁴² М. Г. Магомедов. Погребальные сооружения хазар. Материалы научной конференции, посвященной проблеме аланской археологической культуры. Орджоникидзе (в печати).

ния наиболее привилегированной части горожан. А территория посада и открытых поселений, примыкающих к нему с северной стороны, выступает торгово-ремесленным предместьем городища.

Подобное его деление на взаимоизолированные составные части указывает на социальную дифференциацию и складывавшиеся классовые отношения среди его обитателей.

Таким образом, Андрейаульское городище является одним из ярких памятников, служившим и крупным торгово-ремесленным, и важным военно-политическим центром северо-восточного Дагестана, находившимся на стадии интенсивного феодального развития в пределах Хазарского каганата.

Наряду с другими аналогичными памятниками (Верхнечирюртовским, Сигитминским, Некрасовским, Тенгкала, Казар-кала и др.) оно в совершенно ином облике воссоздает многие, до сего времени неразработанные проблемы формирования культуры и сложения Хазарского каганата в приморских районах Дагестана.

Гибель городища связана с арабо-хазарскими войнами, в результате которых перестали существовать с конца VIII и начала IX века и другие аналогичные памятники на территории Дагестана. Арабы, потеснившие хазар на Волгу и Дон, разрушили города и положили предел развитию здесь связанной с ними культуры, которая продолжала существовать в VIII—X вв. в Юго-Восточной Европе за пределами арабских завоеваний и известна под названием салтово-маяцкой.

Очевидно, что такой обширный для своего времени город, каким является Андрейаульское городище, не мог не найти отражения в арабской исторической географии, в которой упоминаются и менее значительные города, бытовавшие в пределах Дагестана. Не исключено, что именно об этом памятнике идет речь в сообщении Ал-Асира, в котором он описывает поход Джарраха против хазар. В этом сообщении упоминается, что Джаррах, овладев несколькими поселениями в стране Беленджер, отождествляемой с Верхнечирюртовской долиной и городищем⁴³, расположился у большого города Вабандар, в котором было около 40 тыс. «тюркских домов»⁴⁴. Интересно, что в сообщении Ал-Асира Вабандар был первым крупным городом, встретившимся Джарраhu по пути на север после Беленджера. Первым памятником, расположенным в 25 км к северу от Беленджера, является значительное по своим размерам Андрейаульское городище, которое может быть отождествлено с городом Вабандар. 40 тыс. «тюркских домов» — это, очевидно,

⁴³ М. Г. Магомедов. Верхнечирюртовское городище, стр. 165.

⁴⁴ Ал-Асир. Цит. по М. И. Артамонову. История хазар, стр. 208.

турлучные сооружения и юрты, которые вполне могли разместиться на самом городище и его составных частях, протянувшихся на 1,5 км вдоль берегов Акташа. После разрушения городища арабами оставшаяся часть его населения и является, возможно, основателем селения Эндери (Андрейаула), в котором А. Н. Грен отмечает наличие четырех кварталов, населенных различными этническими группами, в том числе и тюркскими⁴⁵.

⁴⁵ А. Н. Грен. Указ. соч., стр. 133.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

История формирования современных ираноязычных и тюркоязычных народов, населяющих северный склон Большого Кавказа, уходит своими корнями в эпоху раннего средневековья, когда степные просторы Азово-Каспийского междуморья были заселены многочисленными гунно-болгарскими племенами. Этническое и социальное развитие этих племен изучено очень слабо, поскольку до последнего времени единственным видом источников по истории этих племен были источники письменные, которые сохранили о них исключительно скудную и одностороннюю информацию, главным образом, отражающую их внешнеполитические акции периода ирано-византийских войн в Закавказье.

Особенно слабо письменные источники освещают процессы, проходившие в Восточном Предкавказье, лежавшем на периферии осведомленности письменных народов средневековья. Для реконструкции истории этого края до последнего времени не могли быть использованы и археологические данные, поскольку средневековые памятники Восточного Предкавказья оставались практически не изученными. Первые работы, проведенные в 50-х годах сотрудниками Дагестанского филиала АН СССР Н. Д. Путинцевой, К. А. Бредэ, М. И. Пикуль, В. И. Канивцом и др., которые установили наличие значительного числа городищ, селищ и могильников, датируемых первой половиной I тыс. н. э. в районе Терско-Сулакской низменности и по Среднему Сулаку, не получили широкого освещения в печати¹. Необходимость поиска новых источников стала особенно осязательна после выхода в свет капитальной «Истории хазар» М. И. Артамонова, подведшей итог двухсотлетнему изучению раннесредневековой истории Южнорусской степи.

Целенаправленное изучение раннесредневековых памятников в Восточном Предкавказье начали в 1966 году одновременно экспедиция

¹ Рукописные отчеты в архиве ИИЯЛ им. Г. Цадасы Даг. филиала АН СССР.

Дагестанского филиала АН СССР под руководством Г. С. Федорова и экспедиция Ленинградского университета, возглавляемая автором. Г. С. Федоров приступил к обследованию Терско-Сулакской низменности, экспедиция ЛГУ начала стационарные работы на городище Казар-кала у с. Новокули Новолакского р-на Даг. АССР на границе Дагестана и Чечено-Ингушетии. В последующие годы дагестанские археологи расширили фронт работ и наряду с исследованием ряда городищ в нижней части междуречья Терека и Сулака провели раскопки на городище у с. Андрей-аул на р. Акташ и возобновили прерванное в начале 60-х годов изучение средневековых памятников на Среднем Сулаке в окрестностях Верхнего и Нижнего Чирюрта². Итогом дагестанских археологов явились первые попытки интерпретации материала, обнародованные в 1969—70 гг.³ Материалы экспедиции ЛГУ до сих пор оставались не включёнными в научный оборот. Первый обзор трехлетних (1966, 1967, 1969 гг.) исследований комплекса Казар-кала предлагается в настоящей статье.

Выбор памятника для стационарного исследования экспедицией ЛГУ диктовался рядом соображений, из которых на первом этапе работ решающим было чеченское название урочища, где расположен памятник — Газар-Гала, что соответствует тюркскому Къзар-къала, т. е. Казар- или Хазар-кала: хазарская крепость, город⁴. В дальнейшем выяснилось, что этот памятник представляет типичный рядовой комплекс, включающий остатки городища и селище, насыщенные керамикой, аналогичной для большой группы бытовых памятников Восточного Предкавказья, включая памятники Среднего Сулака и Терско-Сулакской низменности.

Немаловажным фактором при выборе памятника являлось и его современное состояние: он обречён на гибель. От городища к началу работ сохранилась только незначительная северо-восточная часть, верхняя площадка которой имела размеры 12×6 м. Как выяснилось при

² Г. С. Федоров. Раскопки в Северном Дагестане. АО, 1967 г., М., 1968, стр. 92—93; Д. М. Атаев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Раскопки Андрейаульского городища. Там же, стр. 93—94; М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Г. С. Федоров. Археологические обследования в Северном Дагестане. АО 1969 г., М., 1970, стр. 102—103; М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Г. С. Федоров. Исследования в Северном Дагестане. АО 1970 г., М., 1971, стр. 128—129.

³ М. Г. Магомедов. Верхне-Чирюртовское городище. УЗ ИИЯЛ, т. XIX, кн. II, Махачкала, 1969, стр. 147—167; А. Я. Федоров и Г. С. Федоров. Прикаспийский Дагестан в первые века н. э. Там же, стр. 168—188; их же. Ранние булгары на Северном Кавказе. Тр. КЧ НИИ, вып. VI, сер. истор., Ставрополь, 1970, стр. 336—372; их же. К вопросу о южной границе Хазарии. ВМГУ, № 3, 1970, стр. 82—96.

⁴ Впервые сообщено в мае 1966 года М. Х. Ошаевым, которому выражаю глубокую признательность. Впоследствии топоним был подтвержден неоднократно местными жителями — чеченцами.

раскопках, от городища осталась по существу только северо-восточная часть некогда опоясывавших его оборонительных сооружений. Всё остальное было смыто рекой Ярык-Су, над поймой которой нависало городище.

Памятник лежит на высоте около 600 м над уровнем моря в 9 км к югу от места выхода р. Ярык-Су на плоскость в переходной ландшафтной зоне. Здесь кончается сохраняющий местами степной облик слабых холмистый район предгорий и начинается область возвышенных холмов, покрытых по склонам мелколесьем. Основатели поселения облюбовали сравнительно плоскую древнюю правую террасу над поймой р. Ярык-Су, с востока огражденную холмами, и лёссовый останец, некогда оторвавшийся от террасы. Выдвинувшийся на запад в пойму и отделённый от материка сравнительно глубокой и широкой (около 100 м) балкой, останец стал впоследствии укрепленной частью, цитаделью посёлка. Склоны останца были, по-видимому, экскарпированы (угол подъёма на востоке — 35°—40°, на севере до 60°), а дно балки углублено рвом (современная ширина сохранившейся части 5—6 м, глубина около 2 м). Останец контролировал значительный участок поймы р. Ярык-Су и был фактически не зависим от расположившегося на 10 м выше него на террасе открытого селища (площадь 200×400 м). По словам известного чеченского ученого А. А. Саламова, еще в 20-х годах вершина останца представлялась округлой в плане холмообразной возвышенностью.

Три полевых сезона работы на памятнике дали материал, который может быть надежной основой для реконструкции истории поселения. Несмотря на постоянный риск обвала (высота над поймой 43 м), удалось полностью разобрать 2 метра верхних культурных отложений на городище (площадь 130 кв. м) и двумя траншеями прорезать до материка (на глубину 3 м) обнаруженный ниже вал, который опоясывал городище в средний период его обитания. На селище были заложены два раскопа («Б», «Д»), общая площадь которых около 430 кв. м., и ряд шурфов. Памятник дал огромный керамический и фаунистический материал: только на селище было найдено и учтено более 40 тыс. фрагментов керамики и более 7 тыс. фрагментов костей животных.

Городище и селище бытовали одновременно и, как свидетельствует керамический материал, обе части поселения пережили три синхронных периода активного существования.

Заселение холма над р. Ярык-Су и лежащей за ним террасы произошло не ранее I в. до н. э. и, вероятнее всего, не позднее I в. н. э. Первый период закончился в III или IV веке. Никаких фортификационных сооружений этого периода обнаружить на поселении не удалось. По-видимому, в ранний период жизни поселения его обитатели чувствовали себя в этом районе в безопасности и в случае угрозы нападения довольствовались естественной труднодоступностью холма.

Напластования первого периода сохранились плохо: на городище они перекрыты валом, возведённым в начале второго периода, на селище они сплошь прорезаны многочисленными хозяйственными ямами. Получить полное представление о характере жилых сооружений этого периода не удалось и, тем не менее, есть основания думать, что на холме и на террасе (селище) они были не одинаковы. Под валом второго периода на самом краю восточного склона холма на глубине 5 м от дневной поверхности были обнаружены два слоя горелой обмазки плетня, перекрывавшей глинобитные полы. На селище единичные мелкие фрагменты турлучных стен встречались в переотложенном состоянии и только в верхних слоях и в спущенных в культурный слой поздних ямах; в нижнем пласте здесь найдены аморфные пятна обгорелых земляных полов, подмазанных глиной, с округлыми или овальными очагами-ямками в центре, и следы открытых кострищ. Таким образом, создается впечатление, что стабильные турлучные постройки существовали только в защищенной балкой части поселения, а на террасе находился посёлок, состоявший из лёгких, возможно, округлых хижин.

Керамика обеих частей поселения одинакова и представляет типичный позднесарматский комплекс первых веков н. э. Основной формой кухонной посуды в это время был невысокий округлый плоскодонный хорошо обожжённый горшок с отогнутым наружу каплевидным в сечении венчиком, изготовленный на ручном круге и орнаментированный по плечикам 2—3 лёгкими бороздами, нанесёнными, по-видимому, не специальным штампом, а формовочным инструментом (щепкой, палочкой). Для хранения продуктов использовались толстостенные сравнительно невысокие сосуды разной степени обжига, различного качества теста и различной формы. Чаще всего эти горшки с более или менее широким горлом и отогнутым (иногда завернутым) наружу венчиком. Их поверхность иногда залощена, но чаще они не имеют лощения и сохраняют грубоватый, несколько примитивный облик. Некоторые сосуды для хранения (в основном сосуды для хранения жидких продуктов) по качеству теста, обработке поверхности и орнаментации близки столовой (парадной) керамике.

Последняя представлена сосудами типа кувшинов с одной, двумя или тремя ручками, кружками и мисками. Почти все сосуды этой группы выполнены из тонко отмученного теста, хорошо обожжены и покрыты сплошным лощением. На селище собрана значительная коллекция ручек от кувшинов, в той или иной степени сохраняющих черты зооморфности (выступ сверху, глазки-налепы, насечки, продольные валики и т. п.). Миски этого периода имеют обычно сложнопрофилированный ребристый бортик, иногда они украшены налепами, представляющими мотивы змеи, цветка, головы и лап животного. При расчистке турлучной обмазки под валом вместе с целой чернолощеной миской была найдена чаша

ручки светло-глиняной южно-понтйской амфоры III в. н. э. Единичные фрагменты амфор того же типа встречены и на селище.

Культурные напластования следующего периода внутри городища, так же, как и на селище, внешне почти не отделимы от культурных напластований раннего периода. Правда, на селище в нижнем слое второго периода местами прослеживаются зоны пожарищ, которые могут быть синхронизированы с началом укрепления холма. Но в целом характер застройки и быта на селище не изменился. Здесь продолжали возводить легкие конструкции типа хижин с ямками-очагами в центре. На раскопе «Б» были вскрыты остатки одного такого жилища. Оно представляло округлую в плане глинобитную в нижней части постройку диаметром 2 м с ямкой-очагом (глубина 0,15 м, диаметр 0,22 м) в центре. Пол жилища сохранил 7 слоев подмазки. Вокруг жилищ размещались хозяйственные ямы, служившие в большей части погребями. Возможно, некоторые из них находились под навесом или внутри хозяйственных построек. В одной из ям, относящихся к верхнему слою второго периода, был обнаружен костяк мужчины в возрасте около 30 лет. Череп костяка имеет следы искусственной деформации посредством ленты. Кисти рук погребенного, по-видимому, были связаны, пальцы скрючены в агонии. Не исключено, что мужчина был засыпан еще живым.

Вал по краю городища начали возводить только во второй период жизни на поселении. Об этом свидетельствует керамика второго периода, найденная в толще вала. Сохранившаяся высота вала — на востоке 3,5 м, на севере — около 2 м. По-видимому, вал имел подковообразную форму, причем дуга подковы, обращенная к востоку, в сторону селища, была выше, а концы, охватывавшие те участки холма, которые лежали над почти вертикальным склоном, были ниже. Ширина вала у основания 10—12 м. В его разрезе четко читаются последовательные слои подсыпки, состоящие из плотно утрамбованной глины и прослоек мелкой гальки и золы.

По вершине вала шла стена, участок которой длиной в 16 м сохранился до высоты 0,80 м, благодаря понижению вала на севере. На северо-востоке и востоке вал покрывает пласт галечника — развал стены. Стена имела ширину 2,75 м и была сложена на глине из крупных речных галек. При сооружении стены был использован обычный средневековый прием панцирной кладки — два внешних ряда камней и забутовка между ними. Стена не имела фундамента и была возведена прямо на поверхности вала. После ее разрушения образовался мощный развал камня, почти на 1 м прикрывший ту часть внутри городища, которая уцелела от смыва. Стена была выстроена, вероятнее всего, не одновременно с возведением вала. В пользу этого свидетельствуют выбросы

культурного слоя на вал изнутри городища, которые на северо-востоке заходят под камни развала стены.

Культурный слой внутри городища рос очень интенсивно. К концу второго периода жизни поселения он поднялся более чем на два метра и прикрыл обращенный внутрь городища пологий скат вала. Не исключено, что сооружение стены было вызвано уменьшением обороноспособности вала.

На последнем этапе второго периода жизни поселения некоторые хозяйства, расположенные внутри цитадели, вплотную придвинулись с внутренней стороны к стене и расположились на заплывшем склоне вала. Фрагментарные остатки сгоревшей турлучной постройки и колоколовидная хлебная печь из камня — тондыр, стоявшая, по-видимому, вне дома, были вскрыты в юго-восточной части раскопа⁵. Остатки глинобитного пола другой постройки были зафиксированы в 10 м от первой на самом краю обрыва. Постройки внутри городища, судя по очень фрагментарным остаткам, отличались от построек селищ. Они, вероятнее всего, были прямоугольными и были заглублены в землю.

Второй период обитания на городище закончился катастрофой, стены были разрушены. Развал камней заполнил края чаши городища, перекрыв погибшие в пожаре жилища. В северном углу раскопа на уровне подошвы стены обнаружены два костяка: женский (до 30 лет) и детский (8—10 лет). Женский костяк лежал в согнутом положении, кисти рук находились у груди и были конвульсивно сжаты, кости ног оказались выше костей груди и таза. Череп имел следы искусственной деформации. Над женским костяком лежал детский костяк, раздавленный рухнувшей стеной.

После катастрофы жизнь на городище на какой-то период прекратилась; новый, третий период строительства начинается с нивелировочных работ. Попытка обжить разрушенное укрепление была, правда, сделана между вторым и третьим периодами. На северо-восточном углу вала из камней разрушенной стены, вероятно, была сооружена небольшая постройка, но она сгорела и рассыпалась. Развал стен придавил лежавшие на полу горшки с просяной кашей. Форма горшков отличается от формы горшков и второго, и третьего периодов.

Хронология второго периода определяется главным образом находками на городище. Как было отмечено выше, вал возник не ранее III века. Стена, возведенная на вале, была разрушена не позднее конца VII в. В развале стены в слое пожарища были найдены металлическая бляш-

⁵ Печь типа тондыра обнаружена также Г. С. Федоровым и на городище Чополавтепе. — АО 1967, стр. 92. Подобная печь была отмечена и Б. Е. Даген-Ковалевским при раскопках поселения № 2 у с. Зеюково на р. Баксане. См. его же. Работа на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. ИГАИМК, вып. 110, ч. II, М.—Л., 1935, стр. 23.

ка от пояса в форме геральдического щита (рис. 36, 3), такие бляшки широко распространены в V—VII вв., бронзовая пуговка в виде «гантели» (рис. 36, 2) и тонкий бронзовый браслет с обрубленными концами, которые могут быть датированы VI—VII вв. Уникальной является находка части глиняного водолея в виде фигурки барана, покрытого нарядным лощением и наlepным орнаментом (рис. 36, 4). Такие водолеи встречались в северокавказских могильниках V—VI вв. (Верхняя Рутха), но могли бытовать и позднее (Саркел). Вместе с тем, здесь отсутствует рифленая керамика, характерная для памятников VIII—IX вв. на огромном пространстве восточно-европейского юга от Волги до Дуная. На городище и селище найдены бусы, аналогичные бусам Верхне-чирюртовского могильника V—VII вв. (рис. 36, 1).

Керамический комплекс второго периода имеет ряд черт, которые позволяют говорить о продолжении в нем некоторых традиций гончарного мастерства раннего периода, но это относится, главным образом, к сосудам для хранения и к столовой керамике и выражается в сохранении излюбленного в раннем средневековье приема орнаментации лощением. Формы же сосудов изменились, стандартизировались. На смену разнообразным по форме и декору хорошо лощёным мискам раннего периода пришли простые плоские с загнутым внутрь краем, обычно покрытые снаружи небрежным полосчатым лощением (рис. 35, 8—10). На смену изящным чернолощёным или серолощёным гидриям с зооморфными ручками пришли простые шаровидные в верхней части сосуды с плоскими ручками, украшенными только глубокими косыми надрезами (рис. 36, 6). Упростились формы и орнаментация кувшинов (рис. 36, 5). Керамика стала проще и грубее, чем объясняется двумя причинами: улучшением технических качеств керамики — теста и обжига и возникновением её массового производства.

Ведущей и наиболее яркой керамической формой второго периода являются сравнительно тонкостенные кухонные горшки из хорошо обработанной чистой глины. Характерный признак этих горшков — параллельные и горизонтальные валики (обычно 2), опоясывающие ниже плечиков тулово (рис. 35, 1, 2, 6, 7). У них сравнительно широкое открытое горло и массивный венчик, снаружи уплощенный, а внутри имеющий выемку — желобок. В керамике предшествующего периода эти горшки не имеют аналогий. Как сложилась эта форма пока неясно. Приём орнаментации сосуда наlepным рельефным валиком появился на Северном Кавказе в IV—V вв. Орнаментация столовых сосудов и сосудов для хранения (типа пифосов) валиками широко распространена в V—VII вв. на поселениях Центрального Предкавказья и в качестве реликта сохраняется на сероглиняных пифосах в последующие столетия.

Возможно, горшки с валиками были не единственной формой кухонных сосудов во второй период жизни поселения. Во второй половине этого периода (насколько об этом можно судить по недостаточно чётко стратиграфированному культурному слою) обитатели поселения стали пользоваться гладкостенными горшками с нарядной орнаментацией венчика (защипы, насечки, вдавления, срезы). Эта группа сосудов мало отличается по качеству теста от горшков с валиками, оно только несколько плотнее за счет большей примеси песка (рис. 36, 3—5). Ко второму периоду относится и большинство найденных на памятнике клейм на днищах горшков. Клейма стандартны: крест в круге, круг, концентрические круги, колесо.

Разрушения в конце второго периода жизни на городище были столь значительны, что для возобновления строительства потребовалась основательная нивелировка поверхности по краю холма. В третий период здесь была возведена новая стена, но она прошла не на месте первой стены, а несколько отступя внутрь городища. Развал камня, образовавшийся от разрушения первой стены, был засыпан глиной, которую плотно утрамбовали. Таким образом по краю холма была создана крепида, охранявшая его вершину от осыпей. Площадка под новой стеной была дополнительно засыпана щебнем и желтоватой материковой глиной, полоса которой шириною 4—4,50 м, идущая в направлении СЗ—ЮВ, определяет направление разрушенной и разобранной стены.

Анализ положения отдельных камней и скоплений, входивших в нижний ряд кладки — уцелели *in situ* камни только этого ряда, — позволяет реконструировать всё сооружение. Ширина новой стены около 2,75 м, как и стены второго периода. Она также состояла из двух панцирных рядов, между которыми был забит крупный речной галечник и материковая глина со щебнем. Камни панцирных рядов этой стены крупнее и подобраны более тщательно, чем камни первой стены. Сложена вторая стена также на глине без фундамента. По стене внутри укрепления вероятно проходила деревянная галерея. Рядом с основанием стены обнаружены три ямы от столбов, находившиеся на одной линии, параллельной стене. В одной яме найдена даже часть столба диаметром около 20 см. Столбы отстояли друг от друга на расстоянии 2,5—3 м.

На уцелевшем от обвала участке холма, по-видимому, был стык северной и восточной куртин, на месте которого расчищена площадка (2,75×4,25 м), служившая основанием (нижним рядом кладки) полубашни или контрфорса, скрывавшего этот стык. С точки зрения топографии городища и правил древней фортификации, усиление стен башней или полубашней в этой точке холма было вполне оправдано.

На селище напластования третьего периода отличаются от ран-

них слоёв не только по содержащемуся в них материалу, но и по структуре. Это — серая пылевидная супесь, исключительно рыхлая и нестойкая. Она содержит во взвешенном состоянии керамику и кости животных, попавших в этот слой не только в период его естественного накопления, но и в результате перекопов. Образование этого слоя относится к концу предшествующей эпохи. На границе обоих слоев найдены остатки глиняных площадок — полов жилищ с керамикой, характерной для второго периода. Следы жилищ третьего периода очень фрагментарны, но, как можно судить по отдельным наблюдениям, характер построек на селище изменился. Здесь впервые появляются каменные кладки, отмечены выложенные галечником горловины ям. Вместе с этим здесь появилось и легкое округлое сооружение типа юрты. В слое этого периода открыты остатки такого жилища диаметром 3 м с пристройками. От его деревянного каркаса сохранились ямки глубиной 10—15 см по периметру. Обнаружены следы ямки-очажка и яма-погреб. Ни многослойного глиняного пола, ни глинобитного основания стен, что было характерно для второго периода, здесь не отмечено.

Керамика третьего периода значительно отличается от керамики предшествующих эпох, причём не только по формам и обработке поверхности, но и по составу. В этот период впервые появляется большое число пифосов с массивным треугольным венчиком (серых и красноглиняных), которые становятся основными местами для хранения припасов. Вместе с этим впервые появляются большие рифленые горшки с витым венчиком, аналогичные пифосообразным горшкам салтово-маяцких поселений Подонья и Крыма. Большие кувшины с венчиком — сливом для переноски воды становятся массивнее, грубее и почти теряют лощение. Столовые кувшины и кружки (их становится меньше) делаются менее нарядными, чем в предшествующие периоды. Миски, столь характерные для предшествующих слоев, почти исчезают. Наряду с оставшимися от предшествующего (?) периода кухонными горшками, украшенными по венчику насечками и вдавлениями, появляются типичные рифленые горшки с отогнутым наружу каплевидным венчиком, который иногда орнаментировался косыми надрезками и насечками. Для орнаментации керамики широко используется штамп. Штампом наносилось рифление на кухонные горшки, штампом украшались стенки (плечики) кувшинов, штампом декорируется плоская поверхность венчика у пифосов.

Хронология третьего периода определяется близостью керамического комплекса нашего памятника керамике памятников салтово-маяцкого круга (разумеется, с учетом локальных особенностей). Этот период укладывается в рамки VIII—IX веков и совпадает со временем максимальной хазарской экспансии. Именно в этот период могло возникнуть у обитавших в верховьях р. Ярыксу вейнахов название урочища

Газар — Гала, определявшее место хазарского укрепления, которое контролировало дорогу из степи в горы. Тот же топоним Газар — Гала зафиксирован в Аргунском ущелье⁶ и далее на запад в ущелье Баксана⁷. Не восходит ли название реки Ярыксу, воспринимаемое сейчас, как кумыкское «Светлая река», к древне-тюркскому *jaḡıq-suv*, (*jaḡıq* — панцирь, кольчуга⁸), что могло означать защищенная, закрытая, безопасная река. Видимо, не случайно следующий за Ярыксу на запад горный поток носит противоположное название — Ямансу («Плохая река»):

Своеобразие третьего периода жизни на поселении проявилось не только в характере культурного слоя, жилищ и в керамике. В этот период происходит и некоторый сдвиг в структуре хозяйства обитателей поселения. Достаточно ярко это демонстрирует анализ фаунистического материала. Приведём данные определения костей животных из культурного слоя раскопа «Д», который сохранил более спокойный характер слоёв, чем другие участки, вскрытые на памятнике. Здесь на площади 154 кв. м. было собрано 911 определимых фрагментов костей (49% найденных). При подсчете этот материал был расчленён на пять групп, соответственно условиям залегания. Результаты определения представлены в таблице 1⁹.

Таблица 1

Видовой состав (в % %) костных остатков из раскопа «Д» селища Казар-Кала (1966 год).

Вид	Штык	I 7—8	II 5—6	III 3—4	IV 1—2	V ямы
Лошадь		6,8	7,2	6,8	13,1	7,1
Корова		54,9	60,9	50,0	45,3	48,8
Овца		—	1,4	4,7	5,4	1,2
Коза		8,8	9,4	8,3	6,01	17,5
Мелкий рогатый скот (точнее не определен- лимый)		13,7	10,1	11,0	13,1	3,2
Свинья		15,6	10,8	18,6	16,9	20,8

⁶ В. Б. Виноградов и К. З. Чокоев. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племён. АЭС, т. I, Грозный, 1966, стр. 74.

⁷ Б. Е. Деген-Ковалевский. Работа на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. ИГАИМК, вып. 110, ч. II, М.-Л., 1935, стр. 27; И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, стр. 55.

⁸ Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 241.

⁹ Определения выполнены научным сотр. ЛО ИА АН СССР Н. М. Ермоловой, за что приношу ей глубокую благодарность.

Из приведенной таблицы явствует, что на протяжении всех трёх периодов существования поселения его обитатели в основном сохраняли стабильный пастушеский тип скотоводческого хозяйства, характерный для предгорий, в котором преимущественное место отводилось разведению коров, коз и свиней. Поздний период существования поселения характеризуется заметными изменениями в составе стада. Это выразилось в увеличении (в 2 раза по сравнению с предшествующим периодом) удельного веса коневодства и в возрастании роли овцеводства. Овцеводство развивалось за счет уменьшения количества коров и коз в стаде. В целом количество мелкого рогатого скота в стаде не уменьшилось, не уменьшилось и значение свиноводства. Таким образом, данные о составе стада показывают сдвиг в сторону отгонного скотоводства, который наметился в поздний период жизни поселения, но не привел к разрушению сложившейся ранее системы хозяйства.

Подведем итог обзору археологических данных, полученных при исследовании поселения Казар-кала.

Главным итогом работ на памятнике, на наш взгляд, является установление трёх периодов его существования и определение ведущих керамических форм каждого из этих периодов. Поскольку керамический материал нашего памятника тождественен керамике городищ Терско-Сулакского района, мы полагаем возможным перенесение нашей стратиграфической шкалы и на эти памятники¹⁰. Исследователями Терско-Сулакского района признается наличие только двух периодов в истории жизни изученных ими поселений: позднесарматского и хазарского. Стратиграфические наблюдения на городище Казар-кала показывают, что между позднесарматским (I в. до н. э.—III в. н. э.) слоем и собственно хазарскими (VIII—IX вв.) слоями залегает пласт культурных остатков, относительно слабо связанный и с культурой раннего, и с культурой позднего горизонтов. Поскольку керамика, аналогичная керамике этого пласта, имеется в превалирующем количестве на всех городищах Терско-Сулакского района, мы вправе усомниться в верности определения поселений этого района, как двухслойных. На протяжении I тысячелетия нашей эры здесь бытуют последовательно не две, а три культуры.

Первый, позднесарматский период отражает проникновение ираноязычного степного населения в предгорья под натиском образо-

¹⁰ Керамический материал Терско-Сулакского района просмотрен мною в период работы экспедиции Даг. филиала АН СССР благодаря любезности руководителей экспедиции Г. С. Федорова и М. Г. Магомедова. В указанных выше (прим. 2—3) публикациях содержится суммарный очерк керамики памятников этого района.

вавшегося в I в. н. э. в степи аланского племённого союза¹¹. Данная В. Б. Виноградовым и В. И. Марковиным на основании исследования могильника в верховьях реки Ямансу характеристика этнических взаимоотношений в предгорьях Западного Дагестана — Восточной Чечни в позднесарматский период совпадает с той картиной, которая возникает на основании изучения раннего горизонта Казар-кала. Элементы степной сарматской культуры здесь наслаиваются на культуру более древнюю, местную. Это отчетливо прослеживается в керамике, в которой типично сарматские формы сочетаются с формами аборигенной культуры. Характер скотоводства этого периода говорит о включении пришельцев в хозяйственную систему, уже сложившуюся в более раннее время. Однако данные о составе стада, свидетельствующие об оседлом быте обитателей края, не исключают возможности сезонных отгонов крупного рогатого скота (основного вида домашних животных) на близлежащие участки плоскости. Наличие такого отгонного цикла, по-видимому, и связывало в единый этнокультурный район обитателей степных поселений в низовьях Терека и Сулака с обитателями обращенных к степи предгорий.

Генетическая связь культуры второго периода с культурой первого периода на городище Казар-кала, а соответственно и на городищах Терско-Сулакской низменности и Среднего Сулака, не вызывает сомнений. Вместе с этим в формах материальной культуры появляются новые черты, которые нельзя объяснить только хронологической модификацией явлений ранней культуры. Выше мы уже отметили одну из новых характерных черт этого периода — кухонную керамику с палспылыми валиками. При общей слабой изученности керамики поселений Северного Кавказа сейчас трудно определить границы распространения этой формы, но есть основания думать, что ареал этой керамики не ограничивается Терско-Сулакским районом, а простирается вдоль степных предгорий на запад вплоть до среднего течения р. Баксана¹². И в то же время эта керамика, как и другие формы второго периода, резко отличны от керамики горной области.

Хронология второго периода совпадает с хронологией Верхнечирюртовского могильника на Среднем Сулаке¹³. Ряд находок на городище Казар-кала имеет аналогии в катакомбах Верхнего Чирюрта. Вопрос об этносе, оставившем Верхнечирюртовский могильник и соответствующее ему поселение, не разрешен. Автор единственной и очень

¹¹ В. Б. Виноградов и В. И. Марковин. Могильник Ямансу на границе Чечни и Дагестана. АЭС, т. II, Грозный, 1968, стр. 182—186. См. также В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 71 сл.

¹² Б. Е. Деген-Ковалевский. Указ. соч., стр. 26—28 (рис. 14, 1—2).

¹³ Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник (Предварительное сообщение). МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 248—264.

краткой публикации материалов этого могильника Н. Д. Путинцева не затронула вопроса об его этнической принадлежности. В. А. Кузнецов полагает возможным видеть в этом могильнике «свидетельство расселения группы аланского населения в Северном Дагестане...»¹⁴. М. Г. Магомедов склонен видеть в районе Верхнего Чирюрта страну Берсилию, откуда, по данным византийских хронистов, вышли хазары, и считает культуру Верхнечирюртовского могильника ранним вариантом салтово-маяцкой (хазарской, по его мнению) культуры¹⁵. А. Я. Федоров и Г. С. Федоров предполагают, что население Среднего Сулака и Сулакской низменности было неоднородным: «основу его составляли аланы и хазаро-болгарские племена, в том числе, возможно, берсилы». Оба автора также полагают, что «Северный Дагестан целиком входит в ареал салтово-маяцкой культуры в широком понимании этого термина как один из очагов формирования её «хазаро-дагестанского» варианта...»¹⁶.

Наблюдения над стратиграфией Казар-калинского комплекса не позволяют безоговорочно согласиться с предположениями А. Я. Федорова, Г. С. Федорова и М. Г. Магомедова. Различия между вторым и третьим периодами бытования памятника столь значительны, что выводят культуру позднего периода только из ранней культуры вряд ли возможно. Допуская дальнейшие изменения нашего вывода, сейчас мы вправе предполагать, что культура хазарского периода (дагестанский вариант салтово-маяцкой культуры) либо появляется в Северном Дагестане в готовой форме извне, либо формируется в Северном степном Дагестане, как полагают А. Я. Федоров, Г. С. Федоров, М. Г. Магомедов и др. дагестанские археологи, но не столько на основе культуры Верхнечирюртовского могильника и синхронных ему поселений, сколько на основе восходящей, как и культура Верхнего Чирюрта, к сарматской эпохе какой-то еще не знакомой нам культуры, параллельно развивавшейся за пределами Терско-Сулакской низменности и дагестанских предгорий. Следовательно, полагать, что во второй период городище Казар-кала было заселено барсилами (берсилами) — протохазарами или, тем более, болгарами (в узком понимании) мы не вправе.

Что же касается алан, как возможных носителей культуры этого периода, то мы склонны допустить лишь наличие тесных контактов

¹⁴ В. А. Кузнецов. Аланы и раннесредневековый Дагестан (к постановке вопроса). МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 267. См. также: В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, вып. 106. М., 1962, стр. 32—35.

¹⁵ М. Г. Магомедов. Верхне-Чирюртовское городище, стр. 159—166.

¹⁶ А. Я. Федоров и Г. С. Федоров. К вопросу о южной границе Хазарии, стр. 86—87.

(включая и перемещение отдельных групп) между аланами Центрального Предкавказья и обитателями Терско-Сулакского района. Свидетельством таких контактов, по-нашему мнению, может служить, в частности, керамика с орнаментированным венчиком, широко представленная на городищах в предгорьях Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии¹⁷.

Нам представляется, что вопрос о взаимоотношениях алан и носителей культуры второго периода (верхнечирюртовской культуры) решается свидетельствами одного из наиболее авторитетных писателей VI в. Прокопия. Прокопий определенно называет восточной границей алан Каспийские ворота, над которыми он бесспорно разумеет Дарьял. К востоку от алан, по Прокопию, обитали гунно-болгары, савиры, которых он помещает за аланами и около Кавказских гор¹⁸. Савиры в VI в. сумели на востоке Предкавказской степи создать мощное этно-политическое объединение¹⁹, многочисленные свидетельства о внешних акциях которого (участие в войнах Ирана и Византии в Закавказье) обязывают более пристально, чем это делалось до сих пор, подойти к изучению внутренней истории этого народа.

Однако разбирать этот вопрос здесь мы не вправе, т. к. настоящая статья посвящена исключительно источниковедческой проблеме, подведению итогов исследования конкретного памятника и передаче этих итогов в широкий научный оборот.

¹⁷ См. В. А. Кузнецов. Раскопки Змейского поселения VIII—X веков МАДИСО, т. II, Орджоникидзе, 1969, стр. 94—96; И. М. Чеченов. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 году. УЗКБНИИ, т. XXV, Нальчик, 1967, стр. 210 сл. В указанных работах приведена литература вопроса.

¹⁸ Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами... Пер. С. Дестуниса, СПб., 1880, стр. 221 (II, 29); Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 381 (IV, 3, 4, 5), стр. 407 (IV, 11, 23). Следует обратить внимание на то, что под Каспийскими воротами Прокопий подразумевает не Прикаспийскую низменность и заграждающий её Дербент, а Дарьял. См. История войн с персами..., I, 10 и там же примечания Г. Дестуниса, стр. 111—114.

¹⁹ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 69—78.

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ДЕРБЕНТА

Среди исторического наследия прошлого, сохранившегося до наших дней, Дербент занимает особое место — это крупнейший памятник сасанидского строительства на Кавказе. Время стерло с лица земли многие древние города, исчезли целые народы и государства, но вот уже около полутора тысяч лет стоит, закрывая узкий проход между горами и морем, этот город-засов, немой свидетель былого величия огромной сасанидской державы.

Возведенный в одном из наиболее удобных и стратегически важных мест Прикаспийского пути, этот город стал мощной преградой на пути кочевников с севера к благодатному земледельческому югу и одним из главных опорных пунктов в борьбе с ними.

Здесь персы и арабы воевали с хазарами и, укрепившись в Дербенте, смогли не только отстоять свои северные границы и остановить натиск кочевников, но и распространить свое влияние на весь Восточный Кавказ.

Возникновение Дербента тесно связано с историческими процессами, происходившими на территории Дагестана и в сопредельных с ним областях.

Узкий проход между Кавказскими горами и Каспийским морем, по которому с древнейших времен из Восточной Европы в Переднюю Азию проникали кочевники, был наиболее удобным местом для возведения оборонительных сооружений против них. Самыми значительными здесь являлись Дербентские укрепления, возведенные в наиболее узком и географически удобном месте Прикаспийского пути.

Эта местность и укрепления, построенные здесь, известны у многих народов под различными названиями, отразившими особенность их географического положения и стратегическую значимость: Каспийские ворота, Албанские ворота, Морские ворота, ворота Чора (Джора), иногда Цур (Сул), Дербенд («запор ворот», «связь ворот»), Баб-ал-аб-ваб («ворота ворот»), Темир-капы («железные ворота») — из всех

этих многоязыких названий наиболее стойким оказалось персидское — Дербенд, сохранившееся за городом до наших дней.

Впервые город так назван в географии Анания Ширакаци, написанной не ранее VII в. н. э. (по мнению И. Маркварта, лишь в VIII в.¹), где он раскрывается как «связь», «ворота»². В более ранних сасанидских надписях эта местность носит название Албанские ворота³.

Несомненно, что правители Переднего Востока и Закавказья с древнейших времен пытались укрепить Дербентский проход, но вопрос о времени возникновения здесь первых укреплений и создания целой фортификационной системы из-за слабой археологической изученности этого района пока остается открытым.

Письменные источники не дают четких указаний на время возникновения первых укреплений в проходе, но единодушно утверждают, что каменные стены Дербента возникли при правлении Сасанидской династии, называя основателями их царей Кавада I (488—531 гг.) и его знаменитого сына Хосрова Ануширвана (531—579 гг.). Однако в местной исторической хронике и легендах постройку Дербентских стен упорно приписывают Александру Македонскому⁴, известному на востоке под именем Искандера Зулькарнаина.

Сам Александр в этих местах никогда не был, и легенды эти не имеют под собой исторической почвы, но возведение здесь каких-то укреплений задолго до нашей эры вполне возможно. Некоторые сведения о времени возникновения укреплений в проходе можно почерпнуть из данных письменных источников об этом районе, оставленных античными и раннесредневековыми авторами, и полученного в результате раскопок археологического материала.

Первое упоминание о Каспийских воротах, до которых доходила Мидия, мы находим у Гекатея Милетского (VI в. до н. э.)⁵. Возможно, оно и не относится к Дербентскому проходу, но И. Маркварт⁶ и раз-

v

¹ J. Marquart. Eransahr nach Geographie des Ps. Moses Xorenaci, Berlin, 1901, s. 101.

² К. П. Патканов. Из нового списка Географии, приписываемой М. Хоренскому. ЖМНП, 1883, март, стр. 30.

³ Накш-и Рустамские надписи Шапура I и Картира. (KZ и KKZ). Цит. по В. Г. Луконину. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, стр. 62, 87—88.

⁴ Тарихи Дербенд-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, стр. 27.

⁵ Гекатей Милетский. Землеописание, фр. 171. В. В. Латышев. СК, т. I. СПб., 1903, стр. 2.

⁶ J. Marquart. Ук. соч., стр. 99—101, 315.

деляющие его мнение Е. А. Пахомов⁷, К. В. Тревер⁸, а также ряд других исследователей считают, что уже к I в. н. э. под Каспийскими воротами следует подразумевать Дербентский проход.

Первые данные о использовании прохода кочевниками для проникновения из Европы в Переднюю Азию приводит Геродот, сообщающий, что при царе Киаксаре Мидийском (635—595 гг. до н. э.) скифы, преследуя разгромленных киммерийцев, вторглись в Мидию не через Колхиду, а «...по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказскую гору»⁹, т. е. по берегу Каспийского моря, через Дербентский проход.

Таким образом, уже в VII в. до н. э. Прикаспийский путь был известен кочевникам, которые совершали по нему набеги на Переднюю Азию и Закавказье, принуждая правителей их искать способы защиты своих северных границ.

Наиболее вероятным временем появления первых укреплений в Дербентском проходе являлся период правления Ахеменидов, создавших огромную Персидскую державу, границы которой вплотную подошли к Дербентскому проходу. Геродот в главе о Закавказской сатрапии¹⁰ прямо указывает, что власть персов распространялась «до Кавказского хребта (ибо до этого хребта простирается владычество персов)»¹¹.

Участие албанов в битве при Гавгамеле на стороне Дария, вероятней всего, в силу их зависимости от персов¹², почетное место рядом с телохранителями царя и легкость, с которой греки смогли на расстоянии распознать их среди многоязычного персидского войска¹³, позволяет считать вхождение албанских территорий, а вместе с ними и Дербентского прохода, в состав Ахеменидской державы весьма возможным. В пользу такого мнения говорят и находки в Казахском районе Аз. ССР баз ахеменидских колонн¹⁴ в предполагаемой резиденции сатрапа. Уместно предположить, что, обладая проходом, Ахемениды попытались как-то укрепить его.

Может быть, память об этих первых укреплениях в проходе сохра-

⁷ Е. А. Пахомов. Римская надпись I в. н. э. и легион XII Фульмината. ИАН Аз. ССР, 1949, № 1, стр. 84.

⁸ К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 122—127, 274.

⁹ Геродот. История, I, 103—106. В. В. Латышев, СК, т. I, стр. 5.

¹⁰ Разделение Персидского государства на сатрапии было произведено Дарием I.

¹¹ Геродот. История, III, 97. В. В. Латышев, СК, т. I, стр. 9.

¹² К. В. Тревер. Ук. соч., стр. 53.

¹³ Арриан. Анабазис, кн. III, гл. 13, 1. Цит. по К. В. Тревер. Ук. соч., стр. 52—53.

¹⁴ И. Г. Нариманов. Находки баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане. СА, № 4, 1960, стр. 164, рис. 3.

нилась в местной исторической хронике, сообщающей, что Иездигерд II очистил от песка и восстановил стену, возведенную здесь будто бы Александром Македонским¹⁵.

Это сообщение, хотя ни Александр Македонский, ни его диадохи на Кавказе не были, интересно тем, что несмотря на существование мощных каменных стен, несомненно, затмивших все другие, возведенные до них постройки, местные предания сохранили память о досасанидских стенах, существовавших, видимо, в глубокой древности. Возможность принятия Ахеменидами некоторых мер по охране прохода была высказана до нас В. Ф. Минорским¹⁶, но полное отсутствие археологических данных о Дербенте не позволяли ему хоть сколько-нибудь обосновать свои предположения.

В 1971 году впервые за средневековую историю Дербента в нем были начаты археологические раскопки.

Четыре стратиграфических шурфа размером 3×3 м, 4×4 м и раскоп были заложены в районе Джума-мечети между южной и северной стенами города. Здесь были выявлены только средневековые слои не ранее IX в. и лишь у южной стены — незначительные слои раннесредневекового периода.

Еще два шурфа размером 2×4 м были заложены в цитадели города и два — размером 4×4 м на склоне холма под ней.

Археологические раскопки, проведенные в древнем Дербенте в 1971—72 гг., дают основание говорить об обживании этого района уже в середине I тысячелетия до н. э.

Два стратиграфических шурфа, заложенных в южной и восточной частях цитадели Нарын-кала, помимо средневековых и раннесредневековых слоёв, выявили слои албано-сарматского и позднеахеменидского времени.

Мощность культурного слоя на цитадели достигает 7—10 м, причем на средневековый период приходится только половина этой толщины. Обживание этого района, хотя и с перерывами, велось во все исторические периоды, начиная с середины I тысячелетия до н. э.

Самые нижние слои с чернолощенной и грубой лепной керамикой с наружной глиняной обмазкой, характерной для керамики Дагестана эпохи раннего железа и имеющей большое сходство с керамикой Шаракунского могильника, датируемого в пределах VI—IV вв. до н. э.¹⁷, перекрывают слои албано-сарматского времени с сероглиняной, чернолощенной, серолощенной, светлолощенной и краснолощенной керамикой. Выше них идут мощные сасанидские слои с красноглиняной и серо-

¹⁵ Тарихи Дербенд-наме, стр. 27.

¹⁶ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, стр. 30—31.

¹⁷ М. И. Пиккуль. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 году (полевой отчет). РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, инв. № 161, стр. 61.

глиняной керамикой, за которыми следуют средневековые слои с пре-красной поливной и штампованной посудой.

Значительные прослойки золы и угля, указывающие на многочис-ленные пожары, позволяют предполагать, что поселению пришлось пережить не один набег врагов, но, несмотря на это, стратегическая бажность и исключительное плодородие этой местности¹⁸ заставляли людей снова и снова селиться здесь.

Как велико было это поселение пока судить трудно, но на севере и западе оно вряд ли могло выходить за пределы стен цитадели, идущих по краю глубокого ущелья, два шурфа, заложенных на восточном склоне холма, не дали материала ранее первых веков н. э., так что, видимо, и на восток поселение не выходило за пределы вершины холма. Следовательно, если поселение имело размеры, превышающие площадь цитадели, то остальная его часть располагалась за южной стеной крепости. Однако здесь следует отметить, что наиболее интен-сивно обживалась восточная часть холма, а южная несколько меньше.

Таким образом, археологические раскопки показали, что уже с се-редины I тыс. до н. э. на территории Дербента располагалось поселе-ние, существующее и в более поздние периоды, и вполне возможно, что поселение, вероятно, хорошо укрепленное, учитывая его стратегическое положение, уже тогда несло какие-то функции по охране прохода. Возложить подобные функции на него скорее всего могла Ахеменид-ская держава для защиты своих владений от набегов кочевников.

В албано-сарматское время обживание этой местности продол-жается, а территория поселения, видимо, даже расширяется, о чем свидетельствует материал из шурфа, заложенного у основания холма с восточной стороны между стенами города, что, вероятно, связано с развитием Прикаспийского торгового пути. Так, Страбон сообщает, что «аорсы на верблюдах перевозили индийские и вавилонские товары, получая их от армян и мидян»¹⁹.

Сопоставляя эти данные с тем фактом, что аршакидские драхмы встречаются на территории Албании до Дербента и далее в Терской области и Ставропольском крае, уместно предположить, что Дербент-ский путь использовался в торговых целях уже на рубеже нашей эры²⁰.

Интересно в связи с этим вспомнить Таркинскую клинописную надпись²¹, которую В. Г. Котович²² связывает с возможным прибыва-

¹⁸ В. В. Бартольд. Дербент. Соч., т. III. М., 1965, стр. 419.

¹⁹ Страбон, кн. XI, гл. 5. 8. В. В. Латышев. СК, т. I, стр. 148.

²⁰ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана (вып. I). Тр. ООИА, вып. 3. 1926, стр. 18.

²¹ Н. В. Ханьков. Гвоздеобразная надпись, известная под именем Таркин-ской. Приложение V к книге К. Риттера Иран, ч. I. СПб., 1874, стр. 501—506.

²² Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, стр. 22.

нием в Дагестане вавилонских купцов, т. е. еще более ранним торговым диалогом Восточной Европы с Передней Азией через Дербентский проход.

О возможности подобного пути свидетельствует готовящийся поход Александра Македонского на север Каспия²³, осуществленный лишь полвека спустя после его смерти Патроклом в 283—282 гг. до н. э. по приказу Селевка I и Антиоха I. Однако, ни Александр, ни его преемники, государства которых были отделены от Дербентского прохода номинально зависимыми и независимыми областями, не могли возвести здесь какие-либо укрепления. Вряд ли в этот период могли это сделать албаны, политическое устройство которых после выхода из державы Дария представляло собой союз 26 племен, во главе каждого из которых стоял свой вождь²⁴.

Более вероятным последующим этапом возведения здесь оборонительных сооружений является период римского господства на Кавказе. Однако римские историки, сведения которых о Кавказе значительно возросли после похода Помпея (64 г. до н. э.), не сообщают о возведении в проходе каких-либо оборонительных сооружений. Более того, есть непонятное сообщение Тацита о том, что «путь между морем и Албанскими горами», в отличие от Аланских (Дарьяльских) и других укрепленных проходов, был непроходим только в летнее время из-за разливов моря²⁵, из чего можно сделать вывод об отсутствии в это время в проходе укреплений. Но тот же Тацит, сообщая о подготовляемом Нероном походе к Каспийским воротам²⁶, употребляет вместо обычного «portai», имеющего значение «ворота», «проход», термин «claustra», означающий «вал», «пограничная крепость», «укрепление». Именно против этих, существующих в проходе укреплений, по мнению одних исследователей, направлял свой поход Нерон²⁷. Другие считают, что Нерон только собирался построить укрепление в проходе и оставить там римский гарнизон²⁸.

При решении этого спорного вопроса следует учитывать, что археологическими раскопками в Дербенте установлено существование здесь в этот период поселения, вероятно, хорошо укрепленного. Возможно, о том же свидетельствуют внушительные размеры войска, собранного для похода Нероном²⁹, и отсутствие аланских набегов в Закавказье.

²³ Арриан, кн. VII, гл. 16, I, см. В. В. Латышев. СК, т. I, стр. 518.

²⁴ Страбон, кн. XI, гл. 4, 6. В. В. Латышев. СК, т. I, стр. 143.

²⁵ Тацит. Летопись, кн. VI, г. 33. В. В. Латышев. СК, т. II, СПб, 1901, стр. 234—235.

²⁶ Тацит. История, кн. I, гл. 6. В. В. Латышев. СК, т. II, стр. 247.

²⁷ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 122—123.

²⁸ Е. А. Пахомов. Римская надпись I в. н. э. и легион XII Фульмината, стр. 84.

²⁹ Тацит. Указ. соч., кн. VI, гл. 33.

казье на рубеже н. э. через Дербентский проход³⁰. Относительная независимость Кавказской Албании, имевшей своего царя даже в самое трудное для Закавказья время, когда оно фактически стало римской колонией³¹, а также отсутствие сообщений в письменных источниках о каких-либо строительных работах, проводимых здесь Римом, позволяет предполагать, что сами римляне никаких больших фортификационных сооружений здесь не возводили, но это не исключает возможности их существования с более раннего времени.

Новый этап в истории Дербентского прохода открыли сасанидские завоевания на Кавказе. Исторические события конца IV в., происходившие на Северном Кавказе и приведшие к значительному усилению активности кочевников, заставляют правителей Ирана обратить внимание на свои северные границы, которые к этому времени расширились до районов Дербента, и серьезно заняться укреплением прохода.

Первая попытка Сасанидов проникнуть в районы прохода была предпринята Шапуром I (241—273 гг.), который среди подвластных ему территорий, упомянутых в Накш-и Рустамской надписи, называет и Албанские ворота.

Другая Накш-и Рустамская надпись верховного жреца Ахура Мазды Картира гласит, что «...кони и люди Шапура, царя царей дошли до Албанских ворот, (там, где) Шапур, царь царей, с конями и людьми, сам... разрушения и пожара и ...учинил»³². Но укрепиться в проходе Сасанидам в тот период не удалось, даже блестящая победа над Валерианом в битве под Амидой не дала им возможность покорить Закавказье³³, сохранившее пока верность Риму³⁴.

Лишь с середины IV в., когда в битве под Эдессой албанский царь сопровождает персидского царя, занимая положение, равное с царем хионитов³⁵, можно говорить о распространении влияния Сасанидского Ирана на Дербентский проход.

Первое письменное сообщение об укреплениях, построенных в проходе «с большими издержками» Иездигердом II (439—457 гг.)³⁶, и нахождении там персидских войск, «которые охраняли от гуннов север-

³⁰ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 127.

³¹ Фест. Краткий очерк истории римского народа, гл. XX. В. В. Латышев. СК, стр. 323.

³² Накш-и Рустамская надпись (KKZ). В. Г. Луконин. Ук. соч., стр. 87—88.
³³ Юлий Капитолин. Два Валериана, § 6, 7. В. В. Латышев. СК, т. II, стр. 298.

³⁴ Флавий Вописк. Божественный Аврелиан, гл. 41. В. В. Латышев. СК, т. II, стр. 306.

³⁵ Аммиан Марцеллин. История, кн. XVIII, гл. 6, пер. Ю. Кулаковского. вып. I, Киев, 1906, стр. 233.

³⁶ История Егише Вардапета. Пер. П. Паншиева. Тифлис, 1853, стр. 128.

ные ворота Дербентские»³⁷, мы встречаем у Егише (V—нач. VI вв.) в связи с антииранским восстанием народов Закавказья в V в.

В связи с теми же событиями упоминается марзпан Джора, который обладал столь значительными силами, что мог без поддержки центрального правительства подавить восстание в Албании и отправиться на усмирение Армении. Титул правителя небольшой области прохода (марзпаны назначались из самых знатных иранских родов, реже из местных царских фамилий и являлись наместниками огромных провинций) и то, что Иездигерд «больше всего горевал» о разрушении крепости, строившейся с большим трудом в течение долгого времени³⁸, показывает, сколь важен был для Ирана Дербентский проход.

Такое особо важное значение прохода не удивительно, так как в борьбе за господство на Переднем Востоке Иран очень опасался удара по флангу, который в любой момент ему могли нанести кочевники, нередко подстрекаемые к этому Византией. Несколько мощных оборонительных валов (Бармакский, Шабранский) показывают, что Сасаниды и в других местах пытались перекрыть путь кочевникам, но только мощные стены Дербента смогли надежно прикрыть северные границы Ирана.

Возведение каменных стен Дербента почти все арабские авторы единодушно приписывают Хосрову Ануширвану (531—579 гг.), оговаривая, что до него работы вел Кавад I (488—531 гг.). Дата, начертанная на стенах Дербента пехлевийским письмом, читается одними исследователями как 37 год правления Хосрова Ануширвана³⁹, другими — как 700 г. по аршакидской эре, за первый год которой условно принимается 247 г. до н. э.⁴⁰, т. е. время правления Иездигерда II.

Изучение пехлевийских надписей Дербента и политических событий в самом Иране и Закавказье в V—VI вв. приводят большинство авторитетных исследователей, таких как В. Ф. Минорский⁴¹, В. Б. Хеннинг⁴², М. И. Артамонов⁴³, К. В. Тревер⁴⁴ и ряд других к выводу, что каменные стены Дербента появились в правление Хосрова Ануширвана. Мы присоединяемся к этому мнению, но считаем, что строительство огромного оборонительного комплекса общим объемом около 2 мл. м³

³⁷ Там же, стр. 70.

³⁸ Там же, стр. 215.

³⁹ Е. А. Пахомов. К толкованию пехлевийских надписей Дербента. ИАГНИИ, т. I, вып. 2. Баку, 1930, стр. 15.

⁴⁰ Г. С. Нюбергер. Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента. ИООИА, вып. V, 1929.

⁴¹ В. Ф. Минорский. Ук. соч., стр. 30—31.

⁴² W. B. Henning. *Mitteliranisch. Handbuch der Orientalistik*, Bd. IV *Iranistik*, Leiden—Köln, 1958, s. 48.

⁴³ М. И. Артамонов. Древний Дербент. СА, VIII, 1946, стр. 137.

⁴⁴ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 353.

не могло быть осуществлено одновременно, а тем более в такие сжатые сроки, как предлагает М. И. Артамонов⁴⁵ (562—571 гг.).

Более вероятным кажется, что работы велись с перерывами, не удивительными для того, богатого военными событиями, времени, а пехлевийские надписи на стенах отмечали этапы строительных работ. Так, все 7 надписей с именами Барзниша, который построил: «Это и отсюда вверх» — находятся на высоте 1,5 м от земли и, как справедливо отмечает К. В. Тревер, могут свидетельствовать о том, что нижние ряды кладки были построены до Барзниша⁴⁶.

Незначительное различие в начертании надписей, позволяющее предполагать их некоторую одновременность, наличие в сасанидских слоях Дербента керамики V—VI вв. разрешают думать, что какая-то часть работ, например, на цитадели, могла быть выполнена в правление Кавада I. Может, поэтому М. Каганкатваци писал, что не царь, а «цари персидские изнуряли страну» для построения «великого сооружения между морем и горами»⁴⁷.

Каменные стены Дербента возведены из тщательно отесанных блоков размером 90—100×70—75×30—35 см., уложенных на ребро в перевязку с чередованием ложков и тычков в каждом ряду. Эти блоки служат облицовкой телу стены из бутового камня, уложенного на известковом растворе прекрасного качества. Глубина заложения их в районе Джума-мечети достигает 2 м. Отличное качество раствора и тщательная перевязка блоков (других способов крепления стены нами не обнаружено⁴⁸) придают стенам исключительную прочность, чем и объясняется их хорошая сохранность.

Эти мощные стены Дербента, сохранившиеся в наши дни местами до 20 м в высоту, стали венцом всех оборонительных сооружений, возведенных Сасанидами на Прикаспийском пути, и несомненно самыми грандиозными из всех укреплений, когда-либо существовавших в Дербентском проходе. Но до них здесь уже был построен сырцово-саманный вал⁴⁹, возведение которого одни исследователи приписывают Иездигерду II⁵⁰, другие — Каваду I⁵¹.

В «Дербенд-наме» упоминается, что Иездигерд очистил от песка

⁴⁵ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 137.

⁴⁶ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 352.

⁴⁷ М. Каганкатваци. История Агван, кн. II, гл. II. Пер. К. Патканова. СПб., 1861.

⁴⁸ В. В. Бартольд. Новое известие о стенах Дербента. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, стр. 788.

⁴⁹ Вал примыкает к внутренней стороне северной стены города, обнаружен в 1932 г. Б. Н. Засыпкиным.

⁵⁰ М. И. Артамонов. Древний Дербент, стр. 137.

⁵¹ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 278.

и восстановил стену, возведенную здесь будто бы Александром Македонским. Это сообщение интересно тем, что, несмотря на существование огромных каменных стен, возведение которых почти все письменные источники довольно единодушно связывают с царем Хосровом I, местные предания сохранили память о каких-то работах Иездигерда, о стене, существовавшей здесь до него, т. е. фактически до проникновения в районы Дербента Сасанидов.

Археологическими раскопками установлено, что район цитадели и значительная часть территории между стенами интенсивно обжились при Сасанидах.

Многочисленная красноглиняная, зачастую с красным ангобом, реже белоангобированная керамика, датируемая в основном V—VII вв., указывают на возможность довольно длительного пребывания здесь иранцев уже со времени Иездигерда II—Пероза.

Эти данные подтверждаются и письменными источниками⁵², которые сообщают, что при Перозе (459—484 гг.) албанский царь Ваче II «...приступом взял ущелье Джора, провел через него войска Мазкута...», после чего «завалил проход Джора»⁵³. Кроме того, что здесь сообщается о нахождении в районе прохода персидского гарнизона, важен факт о попытке завалить проход. Учитывая, что проход в самом узком месте у Дербента достигает 2—3 км в ширину, завалить его возможно только при наличии вала.

С этого же времени упраздняется, видимо, должность марзпана Джора, о нем больше нигде не упоминается в письменных источниках, а его функции, вероятно, переходят к марзпану Албании, управляющему страной с 461 г., после смещения персами албанского царя. Но вряд ли в V в. проход потерял свое значение для защиты Ирана с севера, дальнейшие события показали, что стратегическая значимость его еще больше возросла. Тогда уместно предположить, что упразднение такого важного титула связано не с утратой проходом его значения, а с значительным уменьшением количества огромного войска⁵⁴ его правителя, что и послужило, в нашем представлении, причиной отмены этой должности для Дербентского прохода.

Единственно возможной причиной сокращения персидских гарнизонов, является, по нашему мнению, наличие в этот период в проходе сырцово-саманного вала, значительно упростившего охрану прохода. И, вероятно, поэтому при Перозе сарагуры и акациры, входившие некогда в гуниский племенной союз, вторглись в сасанидские владения

⁵² Приск Папийский, кн. 4, 37. В. В. Латышев, т. I, стр. 843. Егише. Указ. соч., стр. 70, 128, 215.

⁵³ Егише. История, стр. 333.

⁵⁴ Там же, стр. 96, 116.

в Закавказье через Кавказские перевалы⁵⁵, возможно не без ведома византийского императора⁵⁶, не сумев прорваться через Каспийские врата⁵⁷.

Предположить, что повернуть кочевников персы могли и без наличия вала, трудно, так как для этого нужны значительные силы, держать которые в проходе Ирану не позволяли события на Востоке, закончившиеся пленением Пероза эфталитами⁵⁸.

Интересно в связи с нашим предположением вспомнить сообщение Левонда о том, что арабы в 716 г. нашли в Дербенте надпись, гласящую, что этот город построил император Маркиан (450—457 гг.). «...истратив на него много талантов своей казны»⁵⁸. Здесь, видимо, имело место субсидирование Византией строительства оборонительных сооружений, возводимых Ираном для охраны проходов от кочевников, разоряющих подвластные территории обоих государств, не раз обговоренное в их мирных договорах, но нам важен факт о каких-то строительных работах в Дербенте уже в середине V в.

Сопоставляя данные письменных источников с тем фактом, что в Дербенте встречена сасанидская керамика V—VII вв., мы считаем возможным высказать предположение о нахождении персидских гарнизонов в Дербенте уже с середины V в. н. э. и о возведении здесь сырцово-саманного вала во время правления Иездигерда II—Пероза.

Наиболее интенсивно при Сасанидах обживалась восточная часть цитадели, которая по микрорельефу лучше всего приспособлена для этого и занимает наиболее выгодное в военном отношении положение. Сюда лучше всего поступает самотеком вода из расположенного в наиболее возвышенной западной части огромного водохранилища, прикрытого куполом на четырех стрельчатых арках.

Здесь в сасанидском слое были вскрыты архитектурные остатки из бутового камня и два глинобитных пола, толщиной до 8—10 см. Первый, более ранний пол был покрыт слоем белого ганча толщиной в 0,2—0,3 см. На нем четко прослеживаются следы сильного пожара, отмеченного и в других местах. Прямо поверх первого пола устроен второй пол, аналогичный первому, но без ганчевой обмазки.

Отсутствие прослойки между полами указывает на краткость перерыва в обживании данного помещения или на отсутствие его вообще. Возможно, что сразу после пожара поверх первого пола был

⁵⁵ М. М. Дьяконов. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 276.

⁵⁶ J. Marquart. *Eransahr nach Geographie des Ps. Moses Xorepaci*, s. 57—58.

⁵⁷ Приск Панийский, кн. 4, 37. В. В. Латышев, т. I, стр. 843.

⁵⁸ М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 277.

⁵⁹ История халифов вардапета Гевонда. Пер. К. Патканова. СПб, 1862, стр. 28.

устроен другой. Здесь же был обнаружен небольшой очаг, устроенный в полу.

Южная часть цитадели обживается несколько меньше, чем восточная, но и здесь сасанидский слой наиболее мощный из всех предыдущих и достигает толщины более 1 м. Здесь в раннесредневековых слоях изредка встречается сероглиняная грубая керамика, что связано с пребыванием хазар в Дербенте и нахождением города под их властью.

Таким образом, археологический материал, полученный при раскопках в цитадели, позволяет говорить о ней как о наиболее древней части города.

В исторической литературе нет единого мнения о времени возникновения цитадели сасанидского Дербента. Существует мнение о том, что раннесредневековый город не имел цитадели, будто построенной только в X в.⁶⁰, а до того на месте цитадели существовала лишь небольшая сторожевая башня, на которой разводили костер при приближении противника. Однако раскопки показали, что район цитадели обживался с древнейших времен, задолго до проникновения сюда Сасанидского Ирана, а значительные сасанидские слои, наиболее мощные именно в цитадели, не оставляют сомнения в ее сасанидском происхождении.

Естественно предположить, что придя в районы Дербента, иранцы сначала укрепились на высоком труднодоступном холме, где, вероятно, существовали какие-то, построенные до них, укрепления. С военной точки зрения легче всего было укрепить именно этот холм, с севера и запада защищенный глубоким ущельем, чем возводить оборонительные сооружения на открытом месте.

Возможно, что первые укрепления, типа сырцово-саманного вала, сохранившегося в нижней части города, могли быть возведены здесь до каменных стен уже в правление Иездигерда II—Пероза.

Сасанидская керамика V—VII вв., обнаруженная в цитадели, и данные письменных источников дают основания считать такие предположения достаточно правдоподобными.

Вполне возможно, что строительство каменных стен цитадели было первым этапом строительства каменного Дербента. Ведь прежде чем начать грандиозные работы по возведению стен, перекрывающих проход, строительство которых, учитывая их общий объем около 2 мл. м³, рассчитывалось, вероятно, на десятилетия, надо было обезопасить эти работы от набегов кочевников, иметь укрытие для строителей, воинов и администрации.

Интересен факт, что в самой цитадели почти не встречено штрихованной сероглиняной керамики с тонким слоем красноглиняного покры-

⁶⁰ В. В. Бартольд. Соч., т. III, стр. 423—424; К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 280.

тия, типичной для большей части раннесредневекового Дербента. Здесь вся керамика типично сасанидских форм, цвета и качества, а внизу в городе довольно широко встречается местная раннесредневековая керамика, что, видимо, связано с присутствием в нижней части города, наряду с иранским, и местного населения, появление которого здесь, вероятно, связано с ростом города и развитием в нем торговли и ремесла, на что указывают находки шлаков.

Раскопки, произведенные на склоне холма под цитаделью, показали, что в сасанидский период эта часть города также обживалась, но не на самом верху, где склоны очень круты, а в нижней, более пологой части. Верх холма вблизи самой цитадели начал обживаться только с конца XI в. н. э. Обживание нижней части холма наиболее интенсивно у южной стены города, что вполне естественно при постоянной угрозе с севера. Если у северной стены оставлено значительное пространство, то к южной стене застройка подходит почти вплотную.

Раскопки, проведенные несколько ниже цитадели в районе Джумамечети, показали, что эта часть города при сасанидах обживалась значительно меньше.

Северная и центральная часть этого района не имеет слоев сасанидского времени. Здесь непосредственно выше материка идут слои с поливной керамикой, датируемой IX—XI вв.

Центральная часть обживается с IX в., район, примыкающий к северной стене,—только с конца X—XI вв. Несколько фрагментов керамики сасанидского времени, найденной в этих районах, не относятся к их слоям и попали сюда, видимо, из верхней части города. Толщина культурного слоя здесь невелика по сравнению с районами цитадели и не превышает 3 м.

Незначительный сасанидский слой толщиной в 15—20 см имеется только у южной стены. Здесь встречается разнообразная красноглиняная раннесредневековая керамика, иногда с светлым ангобом, штрихованная сероглиняная керамика с тонким наружным красным слоем, типичная для большей части Дагестана раннесредневекового времени. Застройка этой части началась значительно раньше, чем центральной и северной. Так, здесь частично вскрыто уникальное бытовое здание из жженого кирпича общей площадью около 200 м², построенное в первой половине VIII в.

У южной стены города вместе с сасанидской керамикой изредка встречается сероглиняная грубая керамика, типичная для памятников Сев. Дагестана VII—VIII вв., что, видимо, связано с нахождением Дербента с конца первой половины VII в. до времени арабских завоеваний под властью хазар. Но если в цитадели и на холме под ней подобная керамика перекрывает значительные сасанидские слои, что связано с длительным пребыванием там иранцев, то в районе Джума-

мечети небольшой слой с красноглиняной сасанидской керамикой перемешивается с сероглиняной хазарской керамикой, что свидетельствует о незначительном обживании этого района в последний период сасанидского владычества в Дербенте.

Исследования районов Джума-мечети показали, что границы сасанидского Дербента проходили именно в этом районе и ниже этого места город в раннесредневековый период не обживался.

Таким образом, археологические раскопки в древнем Дербенте 1971—1972 гг. позволяют сделать некоторые выводы и предположения относительно наиболее ранней истории города, совершенно не освещенной письменными источниками.

Наиболее важным результатом работ явилось установление факта существования здесь в досасанидское время, не позднее середины I тысячелетия до н. э., поселения, вероятно укрепленного, учитывая стратегическую важность его положения и природные условия, исключительно благоприятные для обороны.

То, что кочевники уже в VII в. до н. э. использовали Дербентский проход для набегов в Переднюю Азию и Закавказье, а также существование народных преданий о том, что сасанидские цари восстанавливали какие-то древние стены, позволяет предположить возведение первых укреплений в проходе еще при Ахеменидах, границы государства которых, вероятно, доходили в середине I тыс. до н. э. до Дербентского прохода.

Обживание в районе цитадели Дербента продолжается и в албаносарматское время, когда поселение несколько расширяет свои границы на востоке по склону холма, что, вероятно, связано с развитием Прикаспийского торгового пути.

Раскопки показали, что в досасанидский период цитадель являлась районом наиболее раннего обживания, т. е. заселение территории будущего сасанидского города началось отсюда. При Сасанидах цитадель также являлась местом наиболее раннего и интенсивного обживания иранцев, проникших сюда уже в V в., скорее всего во времена правления Иездигерда II—Пероза. Мощный сасанидский слой в цитадели не оставляет сомнения в возникновении ее одновременно с каменными стенами Дербента или даже несколько раньше их, как первого этапа построения города, что окончательно решает спорный вопрос о существовании в раннесредневековом Дербенте цитадели. Однако это не исключает возможности существования здесь уже во времена Иездигерда—Пероза менее фундаментальных стен, например, типа саманно-сырцового вала, сохранившегося в нижней части города, возведение которого мы пока относим ко времени правления Пероза.

Таким образом, перед нами вырисовывается двухчастная структура сасанидского Дербента, состоящего из наиболее возвышенного, господ-

ствующего над городом и почти неприступного арка и расположенного несколько ниже его по склону холма шахристана. Подобная структура, видимо, была характерна для всех памятников такого типа.

Не менее важен факт установления границ сасанидского Дербента. Раскопки показали, что на западе город ограничивался стенами цитадели, на юге и севере — городскими стенами, а на востоке он доходил до района Джума-мечети.

Наиболее интенсивно обживалась южная часть города, что, несомненно, связано с постоянной угрозой с севера. Таким образом, Дербент в сасанидский период занимал довольно значительную площадь и был несомненно развитым раннесредневековым городом, являвшимся не только важнейшим опорным пунктом персов на Кавказе, но и значительным торговым и политическим центром.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ РЕМЕСЛА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ

Вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане совершенно не разработаны. Это объясняется крайней малочисленностью данных письменных источников по указанным вопросам, а также тем, что археологические и этнографические материалы, в какой-то мере касающиеся организации ремесла, были выявлены только в последние годы. Однако и накопленный к настоящему времени фактический материал не позволяет обрисовать цельную картину организации ремесла. В данной работе на основе имеющихся материалов делается попытка осветить некоторые стороны организации ремесла в раннесредневековом Дагестане.

Разработка вопросов организации ремесла имеет важное значение не только для более полного раскрытия характера и структуры ремесленного производства, форм его организации, но и для освещения вопросов социально-экономического развития средневековых городов Дагестана, так как в их хозяйственно-экономической жизни ремесло играло весьма важную роль.

Изучение городского металлообрабатывающего ремесла того времени показывает, что оно достигло довольно высокого уровня развития. Результатом этого явилась специализация: кузнечное и ювелирное дело обособились друг от друга в самостоятельные отрасли ремесла. Кузнецами вырабатывался разнообразный хозяйственно-бытовой инвентарь, орудия труда, украшения, оружие, предметы военного снаряжения и т. д.

Многочисленные и разнообразные украшения изготовляли ювелиры с применением ряда сложных технических приемов — литья,ковки, чеканки, тиснения, резьбы, инкрустации, зерни и филиграни, золочения и других, используя при этом различные инструменты и оборудование. Применение сложных технических приемов в обработке металлов позволяло создавать высокохудожественные изделия металлообрабатывающего ремесла.

Высокого уровня развития достигла и торевтика — производство художественной металлической посуды.

Дальнейшее развитие металлообработки, обусловленное постоянно растущим спросом на орудия труда, оружие, украшения, утварь и т. д., способствовало сложению в Дагестане в IX—XIII вв. крупных центров металлообрабатывающего ремесла, а также специализации отдельных селений по производству определенных видов изделий¹.

Узкая специализация не привела к упрощению технологических операций и технических приемов, применяемых при изготовлении изделий. Наоборот, она усложнила их, в особенности же в ювелирном деле и в производстве изделий торевтики. В то же время она способствовала усовершенствованию сложившихся технических приемов. Все это, естественно, требовало высокого профессионального мастерства, хорошего знания техники и технологии изготовления изделий, а также специфических свойств и качеств различных металлов.

О существовании в раннесредневековом Дагестане профессиональных мастеров, в совершенстве владеющих сложными приемами производства и отделки различных изделий ремесла, свидетельствует наличие значительного количества разнообразных изделий ювелирного дела (ажурные бляхи², пряжки³, медальоны⁴, булавки⁵, произведения торевтики⁶), гончарного производства (сосуды из Урцекского городища, украшенные «древом жизни»⁷) и т. д., представляющих собой настоящие произведения искусства, для изготовления которых требовались исключительно высокое мастерство и виртуозность, а также применение целого комплекса сложных технических приемов и технологических операций.

Специфика и сложность ряда отраслей ремесла требовали участия в производственном процессе кроме мастера еще нескольких лиц — подмастерьев или учеников (шагирд).

Институт подмастерьев сложился раньше всего в кузнечном ремес-

¹ История Дагестана, т. I, М., 1967, стр. 177.

² Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, стр. 128, рис. 15 а.

³ Д. М. Атаев. Поясные пряжки из нагорного Дагестана. СА, 1962, № 2, стр. 146—156.

⁴ М. Маммаев. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени. УЗ ИИЯЛ, т. 19, сер. обществ. наук, кн. 2, Махачкала, 1969, стр. 189—224.

⁵ Н. Б. Шейхов. Женские головные булавки как признак локальной культуры Дагестана VII—X вв. н. э. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 129—135.

⁶ К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 316 и сл.

⁷ М. М. Маммаев. О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива. УЗ ИИЯЛ, т. XVII, серия общественных наук, Махачкала, 1967, стр. 147—157.

ле⁸. При изготовлении изделий кузнечного ремесла необходимо было участие в работе помимо мастера еще его помощников⁹. Дутье мехов, проковка тяжелыми молотами изделий из железа и другие технические операции не могли выполняться одним человеком. Как показывают этнографические данные, в производственном процессе принимали участие помимо мастера кузнеца еще его помощники или подмастерья в количестве от двух до пяти человек¹⁰, которые выполняли работу по дутью мехов, участвовали в ковочных операциях и т. д.

Помощником мастера мог служить его ученик, младший член семьи или специально нанятый подмастерье¹¹.

В этой связи представляет интерес сообщение писателя XII в. Андалузи ал-Гарнати, который писал о зирехгеранах, что они «...изготавливают все виды военного снаряжения: панцири, латы, шлемы, мечи, копья, луки, стрелы, кинжалы и различные виды медных изделий», ...что «жены их, дети их, дочери их, слуги и служанки их — все они заняты в производстве этих изделий...»¹².

Из этого сообщения явствует, что в производственном процессе были заняты не только члены семьи мастера, но и «слуги» и «служанки»¹³. Под слугами и служанками в приведенном сообщении ал-Гарнати подразумеваются, несомненно, наемные лица, подмастерья.

Участие подмастерьев или учеников можно допустить и в литейном деле. Литье больших объемных вещей — массивных ажурных пряжек¹⁴, котлов¹⁵ и других сосудов¹⁶ могло осуществляться лишь с участием нескольких лиц, очевидно, мастера, его ученика или подмастерья.

При изготовлении, например, бронзовых котлов или же массивных пряжек бежтинского типа один мастер не мог выполнять все операции, связанные с их литьем: одновременно дуть меха, чтобы поддерживать в горне необходимую температуру, подкладывать в горн уголь, зали-

⁸ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 203.

⁹ Там же.

¹⁰ И. А. Гзелишвили. Железоплавильное производство в древней Грузии. Тбилиси, 1964, стр. 24—27.

¹¹ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 203.

¹² Цитирую по А. Р. Шихсаидову. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969, стр. 127—128.

¹³ В вышедшей после написания данной работы книге «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153), публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта, М., 1967» вместо «слуг и служанок» написано «рабы и рабыни» (стр. 50).

¹⁴ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан..., стр. 123—129.

¹⁵ И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы. Сб. «Памятники эпохи Руставели», Л., 1939, стр. 301—326.

¹⁶ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 315—317.

вать бронзу в форму, удерживать последнюю в нужном положении и т. д.

Необходимость специальной подготовки для овладения производственными навыками и опытом, «секретами» производства, а также разнообразными технологическими операциями и техническими приемами предполагает наличие ученичества.

Институт ученичества и подмастерьев является характерным явлением для средневекового городского ремесла. Такие институты существовали и на Востоке и на Западе.

Участие членов семьи мастера — детей в производстве различных изделий является одним из показателей того, что кузнечное ремесло, как и гончарное и ювелирное дело и другие отрасли ремесла передавались по наследству, и обучение каждому виду ремесла начиналось с малолетства.

Переход ремесла по наследству хорошо прослеживается при анализе гончарных клейм. Они представляют собой рельефные отпечатки на днищах сосудов рисунков, вырезанных на деревянных подставках, укреплявшихся на дисках ручных гончарных кругов или же непосредственно на самих дисках. Сосуды с клеймами на днищах получили наиболее широкое распространение в Дагестане в его северо-восточных районах¹⁷. Наибольшее количество их обнаружено на Андрей-аульском городище¹⁸. Сосуды с клеймами на днищах найдены также в Верхне-чирюртовском¹⁹, Галлинском²⁰, Бежтинском²¹, Гочатлинском²² могильниках. Рисунки клейм представляют собой изображения круга, креста, перекрестия, ромбика, четырехугольника, круга с заключенным в нем крестом и т. п. Такие же клейма были широко распространены в средневековье на Северном Кавказе, в Поволжье, на Дону, в Румынии, Болгарии, а также на Руси²³.

¹⁷ М. Маммаев. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени (по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960—1964 гг.). Автореферат кандидатской диссертации, М., 1970, стр. 9.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Сосуды не изданы, они хранятся в фондах Института ИЯЛ.

²⁰ Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии. МАД, II. Махачкала, 1961, стр. 234, рис. 11, 1.

²¹ В издании материалов Бежтинского могильника клеймо не отмечено, см. Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 107 и сл.

²² Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 96, рис. 8, 4.

²³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 181; С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 258—259; Н. В. Тухтина. Средневековые славянские гончарные клейма.— Археологический сборник. Труды ГИМ, вып. 37, М., 1960, стр. 148—155; М. Комши. О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи.— «Дасия», N. S. V, 1961; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 33, 165; С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967, стр. 126, рис. 32.

Анализ гончарных донных клейм показывает, что более поздние клейма по сравнению с ранними усложняются. Такое усложнение клейм путем добавления к основному рисунку дополнительных отметок, черточек и т. д. связано с переходом гончарного дела по наследству²⁴.

Аналогичная картина прослеживается и при анализе знаков на керамике Урцекского городища²⁵. Знаки эти представляют собой изображения черточек, крестов, перекрестий, трезубцев, стрел и т. п. Знаки нанесены на ручки, иногда на горловины и тулова сосудов в процессе их изготовления. На керамике Урцекского городища таких знаков, представляющих собой метки (клейма) мастеров, зафиксировано более трехсот. Все они ограничиваются несколькими десятками основных форм, повторяясь в усложненных вариантах. Такое усложнение их, так же, как и донных гончарных клейм, связано с переходом гончарного дела по наследству.

Важнейшим вопросом, связанным с характером ремесленного производства, является вопрос о конкретных формах его организации.

В гончарном ремесле о формах его организации в какой-то мере можно судить по материалам раскопок гончарных печей Андрей-аульского городища²⁶. На юго-восточной окраине этого городища в 1967 году был исследован комплекс из 10 обжигательных печей, размещенных тремя группами по 3 и 4 печи в каждой из них. Общее число печей, существовавших на Андрей-аульском городище, включая и не вскрытые печи, достигало примерно двадцати. Из всех групп печей две-три группы функционировали, по-видимому, одновременно. Печи каждой из групп обслуживались несколькими лицами, так как при обжиге посуды один гончар не смог бы рационально обслуживать сразу все три или четыре печи: следить за ходом процесса обжига, регулярно закладывать топливо в топку с тем, чтобы поддерживать в печах равномерный тепловой режим, и т. д. Все это позволяет допустить существование объединений нескольких мастеров для совместного пользования обжигательными горнами.

Среди членов объединения, вероятно, существовало разделение труда, ибо добыча глины, доставка её на место производства, затем ее замешивание, формовка сосудов, просушка их и обжиг — все это требовало наличие значительного числа рабочих рук и различную степень их квалификации.

²⁴ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 181.

²⁵ М. М. Маммаев. О знаках на керамике Урцекского городища.— Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (тезисы докладов), Баку, 1965, стр. 172—173.

²⁶ М. Маммаев. Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане (гончарные печи Андрей-аульского городища). УЗ ИИЯЛ. т. XX, сер. обществ. наук, Махачкала, 1970, стр. 133—150.

Объединения гончарных дел мастеров для совместной эксплуатации обжигательных печей существовали в раннесредневековом Херсонесе²⁷ и в древней Руси²⁸.

Такие же объединения, как показывают этнографические данные, существовали в прошлом в известных центрах гончарного производства Дагестана — в Балхаре²⁹ и в Сулевкенте³⁰.

Некоторые моменты организации ремесла можно наметить и в строительном деле. В раннем средневековье оно приняло особенно широкий размах в связи с дальнейшим развитием городов, территориальным расширением их, возведением мощных оборонительных сооружений³¹ (Дербент, Урцекское, Верхнечирюртовское, Сигитминское, Андрейаульское, Некрасовское городища), а также жилых, хозяйственных и культовых комплексов. Такой широкий размах строительства, естественно, должен был породить разделение труда, приведшее к выделению специалистов по добыче камня и профессиональных мастеров-строителей.

Следует отметить, что для обозначения профессиональных мастеров на всех дагестанских языках применяется термин «уста» или «устан». Этот термин встречается в памятниках строительной эпиграфики Дагестана с XI в. В надписи XI в. на стене мечети сел. Ихрек Рутульского района упоминается имя мастера-строителя Али-сын Хаджи-м-и-ф³². В строительных надписях XII—XIII и XIV веков «уста» упоминается уже неоднократно³³.

По мнению исследователей, термин «устан» был наиболее универсальным среди профессиональных званий и он прилагался к людям творческого труда, достигшим высшей квалификации, что званием «устада» обладали зодчие, достигшие определенной степени признания

²⁷ А. Л. Якобсон. Гончарные печи средневекового Херсонеса. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 60—61; его же. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, 1959, стр. 317—318.

²⁸ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 364—365.

²⁹ Е. М. Шиллинг. Балхар. Пятигорск, 1936, стр. 20—21.

³⁰ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.—Л., 1949, стр. 204.

³¹ М. Г. Магомедов. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореферат кандидат. диссертации. Махачкала, 1970.

³² А. Шихсаидов. Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.) УЗ ИИЯЛ, т. XIII, серия истор., Махачкала, 1964, стр. 105—109.

³³ А. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе. УЗ ИИЯЛ, т. IV, Махачкала, 1958, стр. 127; его же. Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.), стр. 109—134; Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. X—XVII вв., ч. I, М., 1966, №№ 17, 19, 50, 69, 79, 82 и др.

и имевшие учеников. Это и давало зодчим-строителям подобного профессионального «ранга» право именоваться «устадами»³⁴.

Строительство жилых, хозяйственных и общественных зданий, мощных оборонительных сооружений — все это могло осуществляться при наличии довольно значительного количества рабочих рук. В качестве рабочей силы использовался не только труд свободных общинников, но и труд рабов или военнопленных.

В этой связи, учитывая территориальное вхождение Дагестана в состав Кавказской Албании, можно привести слова албанского царя Урнайра (IV в. н. э.), сказанные им перед сражением своим военачальникам: «...когда мы заберем в плен греческие войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим их работать как гончаров, каменотесов и кладчиков (стен) для наших городов, дворцов и других нужд»³⁵. Приведенный отрывок интересен не только тем, что по нему можно судить о применении труда военнопленных (и рабов, так как военнопленных могли превращать в рабов) в ремесленном производстве, но и тем, что он констатирует наличие выделившихся мастеров специалистов-каменотесов и кладчиков стен-строителей.

Широкий размах строительства не мог, разумеется, протекать стихийно, самотеком. Следовательно, существовала определенная система регулирования и организации строительных работ, хотя судить об этом определенно не представляется возможным ввиду отсутствия конкретных данных. Можно лишь отметить, что использование труда военнопленных и рабов в добыче камня, в строительстве протекало, очевидно, под наблюдением надсмотрщиков, свободное же население привлекалось к строительству в порядке трудовой повинности.

В средневековых городах Дагестана — центрах ремесла и торговли высокого уровня развития достигло и кожевенное дело. Среди материалов раскопок археологических памятников этого времени нередко встречаются остатки разнообразных изделий, преимущественно обуви. Уже в X—XI веках в этой отрасли ремесла складываются корпорации. Как сообщают письменные источники, в X веке в Дербенте существовали корпорации дубильщиков во главе с раисом (начальником)³⁶. Подобные

³⁴ Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде. Профессиональные звания зодчих и мастеров архитектурного декора по данным строительной эпиграфики Азербайджана. ЭВ, XIII, 1960, стр. 25—26; А. Шихандов. О пребывании монголов..., стр. 127.

³⁵ История Армении Фавстоса Бузанда, Ереван, 1953, стр. 149.

³⁶ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда IX—XI веков. М., 1963, стр. 70, 163.

же корпорации существовали в раннем средневековье в Закавказье³⁷, в Иране³⁸ и в Средней Азии³⁹. Ни структуру этих корпораций, ни их внутреннюю жизнь источники, к сожалению не освещают.

В средневековых городах Дагестана с ростом общественного разделения труда и обмена складывалась и такая социальная группа городского населения, занятая торговлей, как купечество. Восточные авторы, описывая средневековые города Дагестана отмечают наличие в них купцов. Так, персидский аноним X в. характеризует Семендер как богатый город, где имеются базары и купцы⁴⁰. Далее тот же автор отмечает, что «жители Семендера располагали значительными суммами денег»⁴¹. Очевидно, такими деньгами располагало в первую очередь крупное купечество, которое вело внутреннюю и внешнюю торговлю.

В отдельных, наиболее крупных торгово-ремесленных центрах средневекового Дагестана можно допустить существование и купеческих организаций. Основанием для такого предположения служат данные «Тарих-ал-Баб». В этом источнике торгово-ремесленная знать Дербента обозначается термином «а'йан ас-суфуф»⁴², который переводится В. Ф. Минорским как «знать гильдий (разрядов)», в то же время он считает возможным толкование этого термина и как «знать среднего класса» или «аристократия базара»⁴³.

Авторы исследования «Из истории средневекового Дагестана» Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов тоже считают «а'йан ас-суфуф» наиболее богатой частью купечества, которая стояла во главе купеческих объединений⁴⁴.

Говоря о формах и принципах организации ремесла в раннесредневековом Дагестане, следует рассмотреть еще и вопрос о роли дагестанской общины — джамаата в организации сельского ремесленного производства.

³⁷ А. А. Али-заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956, стр. 47—48; В. А. Абрамян. Ремесла в Армении в IV—XVIII вв. Ереван, 1956, стр. 263; С. Б. Ашурбейли. Ремесла и торговля раннесредневековых городов Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана, т. II, Баку, 1957, стр. 161; История Азербайджана, т. I, Баку, 1958, стр. 135—136.

³⁸ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 222; Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958, стр. 47.

³⁹ История Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1967, стр. 317—319.

⁴⁰ А. Р. Шихсаидов. Ислам в средневековом Дагестане, стр. 53.

⁴¹ Там же.

⁴² В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 166—167.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала. 1970, стр. 53.

Известно, что ремесло «вырастает» из домашней промышленности, служившей, по выражению В. И. Ленина, дополнением к земледельческому крестьянскому хозяйству⁴⁵.

Отличительной особенностью хозяйственного уклада азиатской общины, как отмечал К. Маркс⁴⁶, являлось соединение земледелия с домашней промышленностью. Такое соединение домашней промышленности с сельским хозяйством характерно было и для дагестанской сельской общины. Эта община-джамаат, будучи политической организацией, регламентировала всю хозяйственную деятельность ее членов. Регламентации подлежала и «домашняя промышленность», так как она была связана с сельским хозяйством, служила его дополнением. Но и после «перерастания» домашней промышленности в ремесло, в первоначальных формах организации его использовались общинные принципы. На это указывал еще Ф. Энгельс. Он писал, что «по образцу маркового строя создавались уставы бесчисленных вольных товариществ средневековья, основанных не на общности землевладения, особенно же уставы вольных цехов»⁴⁷.

Связь, родство ремесленных, а также торговых объединений и товариществ с общиной являлось характерным явлением и для раннесредневекового Ирана⁴⁸.

На ранней ступени складывания ремесленных объединений в основу их были положены принципы равенства всех членов, характерные для общины. С течением времени эти принципы были, конечно, нарушены.

Проследить конкретно роль общины в организации ремесла, определенную связь между ними в раннесредневековом Дагестане трудно ввиду отсутствия фактического материала.

Однако данные этнографии XIX—начала XX вв. позволяют думать, что дагестанская сельская община играла в раннем средневековье, как и в позднейшее время, определенную роль в системе сельского ремесленного производства. Так, в сел. Сулевкент — одном из крупных центров гончарного производства в Дагестане в прошлом, где основным занятием населения издревле являлось гончарное дело со сбытом продукции даже за пределы Дагестана, весь годовой распорядок производства продукции (подготовка сырья, изготовление изделий, затопка обжигательных печей и т. п.) был строго регламентирован. Нарушите-

⁴⁵ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений, т. 3, М., 1958, стр. 378.

⁴⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 10—11.

⁴⁷ Ф. Энгельс. Марка К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 19, М., 1961, стр. 336.

⁴⁸ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 256.

лей распорядка джамаат подвергал штрафу («хИкIа») ⁴⁹. В данном случае члены общины — ремесленники выступают как индивидуальныe производители, но находятся в определенной зависимости от джамаата-общины. Е. М. Шиллинг отмечает, что в Сулевкенте общество (т. е. джамаат — М. М.) не разрешало производство определенного вида гончарной продукции ⁵⁰.

В этом селении существовала своеобразная организация ремесленников: объединение гончаров для совместного пользования обжигательными печами (иногда и в производстве посуды), регламентация гончарного производства, наличие неписанных уставов—адатов и традиций. Но такую организацию нельзя называть цеховой. Это скорее всего одна из начальных переходных ступеней к цеховым организациям. Но сам по себе тот факт, что община-джамаат выступал регулятором ремесла, говорит о том, что такая система регуляции сложилась еще в эпоху средневековья и в силу исключительной консервативности общинных порядков, поддерживаемых адатами и традициями, сохранилась в Дагестане вплоть до XIX—начала XX вв.

В раннесредневековых городах Дагестана ремесленники в основной массе являлись, видимо, юридически свободными. Часть их обслуживала городскую феодальную верхушку. Несомненно, из мастерских, обслуживающих феодальную знать, вышли известные дагестанские бронзовые и серебряные сосуды в виде водолаев, блюды, кувшины, курильницы тонкой художественной работы, относящихся к IV—VII вв. н. э. ⁵¹

Продукцией же свободных городских ремесленников обслуживались не только широкие слои населения городов, но и их ближайшие округа.

Изделиями городских ремесленников являются различные украшения из Агачкалинского могильника ⁵², для изготовления которых требовалось высокое мастерство и узкая специализация. Еще в 1951 г. К. Ф. Смирнов отмечал, что многие из вещей Агачкалинского могильника, «особенно своеобразные изделия из золота, серебра и бронзы с зернью, накладным серебром и позолотой, производились в одном из центров Хазарии, каковым, прежде всего, мог быть еще не найденный археологами Семендер» ⁵³.

В то же время простейшие украшения, орудия труда и оружие могли изготавливаться сельскими мастерами. В этом отношении характерны простейшие типы головных булавок Агачкалинского могильника.

⁴⁹ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, стр. 204—205.

⁵⁰ Там же, стр. 205.

⁵¹ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 316—317.

⁵² К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК. вып. 38, 1951, стр. 119.

⁵³ Там же, стр. 119.

Они, в отличие от других, богато отделанных булавок того же могильника, представляющих собой продукцию городских центров⁵⁴ ремесла, вырабатывались, по мнению Н. Б. Шейхова, на месте ремесленниками Агачкалинского поселения⁵⁵.

Отдельные виды изделий (ткани, одежда, красители, металлические изделия) вывозились за пределы Дагестана. Об этом можно судить по данным письменных источников. Арабский историк X в. ал-Истахри сообщает о производстве и вывозе полотняной одежды из Дербента: «Жители Баб-ал-Абваба занимаются выделкой полотняных одежд»...⁵⁶, «из Баб-ал-Абваба вывозятся полотняные одежды и не выделяются полотняных одежд в Арране, Армении и Азербайджане, нигде, кроме этих мест»⁵⁷. Об этом же сообщает и ибн-Хаукал: «...вывозятся из Дербента полотняное полное верхнее платье...»⁵⁸.

Наряду с тканями из Дербента вывозилась марена⁵⁹, а также красители, получаемые из нее.

В ремесленном производстве, в частности, в добыче камня, строительном деле, как уже отмечалось выше, наряду с трудом свободных ремесленников находил применение и труд социально зависимых категорий населения.

Этнический состав торгово-ремесленного сословия, как и всего населения раннесредневековых городов Дагестана⁶⁰ тоже, вероятно, был неоднороден. Такое предположение основано на аналогиях состава ремесленников в городах Закавказья, где значительный процент городского торгово-ремесленного сословия составляли арамейцы (сирийцы), греки, евреи и т. д.⁶¹

В городах ремесленники одной профессии селились обычно в определенных кварталах, о чем мы можем судить по гончарным печам Андрейаульского городища⁶² и городища Армен-кала⁶³, которые были сконцентрированы на их окраинах.

⁵⁴ Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 135.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Ал-Истахри. Книга путей царств. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК. вып. XXIX, Тифлис, 1901, стр. 15.

⁵⁷ Там же, стр. 11.

⁵⁸ Ибн-Хаукал. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК. вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 88.

⁵⁹ Там же, стр. 98.

⁶⁰ А. Р. Шихсаидов. Ислам в средневековом Дагестане, стр. 54.

⁶¹ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 447—448; К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 251; А. И. Болтунова. Античные города Грузии и Армении. Сб. «Античный город», М., 1963, стр. 161.

⁶² Д. Атаев, А. Абакаров, М. Магомедов, М. Маммаев. Раскопки Андрейаульского городища. АО, 1967 г., М., 1968, стр. 93—94.

⁶³ Материалы разведок горного отряда ДАЭ в 1968 году. Руководитель В. Г. Котович.

Продукцию свою ремесленники изготовляли на заказ и на рынок. Предметы роскоши, дорогие тонко отделанные вещи обычно выполнялись на заказ, а более простые шли на рынок⁶⁴. В сельских общинах с натуральным хозяйством ремесло удовлетворяло потребности общинников и носило по сравнению с городским более примитивный характер.

Ремесленники играли важную роль в городской жизни Дагестана. То, что в X веке в Дербенте по требованию восставших горожан были начаты работы по разрушению средней (поперечной) стены, предназначенной для защиты цитадели от горожан и ремесленников⁶⁵, свидетельствует об их активной роли в классовой борьбе. В списке общественных классов, которые перечисляют источники X—XI вв. (Йакут), фигурируют и ремесленники⁶⁶, что свидетельствует о возросшей роли их в социальной жизни общества.

⁶⁴ Д. М. Агаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 239.

⁶⁵ История Дагестана, т. I, М., 1967, стр. 145.

⁶⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 112—113.

О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ВАРАЧАНА, БЕЛЕНДЖЕРА И ТАРГУ¹

Археологическими исследованиями последних лет в Прикаспийском Дагестане выявлено более 35 раннесредневековых городищ. Изучение особенностей их взаиморасположения позволяет существенно уточнить, конкретизировать, а порою и пересмотреть сложившиеся представления об исторической географии края. Появилась реальная основа и для решения вопроса о локализации упоминаемых письменными источниками раннесредневековых городов Дагестана путем сопоставления имеющихся сведений о географическом положении каждого из них с местоположением наиболее крупных археологических памятников. При этом особенно важную роль приобретает сравнение дошедших до нас наименований раннесредневековых городов с наименованиями отождествляемых с ними археологических объектов. Сравнительное изучение раннесредневековых и современных топонимов не только способствует решению поставленного вопроса, но и проливает свет на исторические условия их образования и последующих изменений. В предлагаемой статье делается попытка рассмотреть под этим углом зрения вопросы о местоположении трех раннесредневековых городов Дагестана: Варачана, Беленджера и Таргу, о происхождении названных имен и их отложении в дагестанской топонимии².

¹ В основу данной статьи положены переработанные тексты докладов: «О локализации некоторых раннесредневековых городов на территории Дагестана» (прочитан 22.04.69 г. в г. Ленинграде на заседании Кавказской секции Пленума Института археологии АН СССР) и «О раннесредневековых топонимах Варачан, Беленджер и Таргу» (прочитан 5.04.71 г. на заседании I-го Кавказского ономастического семинара в г. Махачкале).

² Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность З. Г. Абдуллаеву, И. Х. Абдуллаеву, С. М. Гасановой, К. Ш. Михайлову за ценные консультации по специальным лингвистическим вопросам.

І. ВАРАЧАН

Местоположение упомянутого М. Каганкатвази «великолепного города Варачана»³, — столицы располагавшегося в Дагестане царства гуннов, определяется по-разному. Многие исследователи с давних пор отождествляют его с другим раннесредневековым городом Беленджером⁴; местоположение этих городов нередко определяется в окрестностях нынешнего гор. Буйнакск⁵. Как полагают другие исследователи, Варачан существовал независимо от Беленджера и располагался, по мнению одних, на месте нынешнего сел. Башликент⁶, а по мнению дагестанских археологов, на месте Урцекского городища, неподалеку от гор. Избербаша⁷. Чтобы разобраться в существе вопроса, рассмотрим эти точки зрения подробнее.

Мнение Д. Данлопа, В. Ф. Минорского и других зарубежных исследователей основано на близости средневекового имени *Варачан* с современным топонимом *Барилли (-Башликент)*, который, в свою очередь, возводится ими к раннесредневековому этнониму *барсилы*. Историко-лингвистической стороны этой схемы мы коснемся ниже. Здесь же отметим, что среди довольно многочисленных и разнообразных памятников древности в окрестностях сел. Башликент⁸ не известно ни одного сколько-нибудь крупного памятника с раннесредневековыми культурными напластованиями, который мог бы быть с достаточным основанием сопоставлен с городом Варачаном. И это, по-видимому, не случайно, ибо всего в 8 км от названного селения находится крупное городище Таргу или Даргу, отождествляемое, как будет показано

³ История агван Моисея Каганкатвази. Пер. К. Патканова, СПб., 1861, стр. 92.

⁴ История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862, стр. 155, прим. 174; В. В. Бартольд. Сочинения. Т. II, ч. I, М., 1963, стр. 674; С. Т. Еремян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Бараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. ЗИВАН, т. VII, М.—Л., стр. 143—145; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 208; J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 16—17.

⁵ С. Т. Еремян. Указ. соч., стр. 145; М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 186.

⁶ Hudud-al-'Alam. «The Regions of World.» A Persian Geography. Translated and explained by V. Minorsky. Oxford, 1937, стр. 453, прим. 1; его же. A new book on the Khazars. Oriens, 11, №№ 1—2, Leiden, 1958, стр. 125—126; D. Duplор. The History of the Jewish Khazars. Princeton, New Jersey, 1954, стр. 43—44, 88 (карта).

⁷ В. Г. Котович. Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965, стр. 155; История Дагестана. Т. I, М., 1967, стр. 136—137.

⁸ А. А. Русов. Отчет о летних и осенних работах в Южном Дагестане. Пятый археологический съезд в Тифлисе. I. Труды предварительных комитетов. М., 1882, стр. 515—517; М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 25.

ниже, с раннесредневековым городом Таргу. Если исходить из конкретных социально-экономических условий той эпохи, трудно допустить возможность одновременного существования и процветания двух крупных городов, располагавшихся в непосредственной близости друг от друга. Поэтому, основываясь на приведенных соображениях, мы должны будем признать, что мнение названных исследователей о локализации Варачана на месте сел. Башликент не может быть подтверждено археологически, вследствие чего от него приходится отказаться.

Другая точка зрения о местоположении Варачана (=Беленджера) обоснована С. Т. Еремянном, обстоятельно проанализировавшим маршрут следования агванского посольства епископа Израела от Партавы (Берда'а) до Варачана. Сделанный им вывод о том, что наиболее вероятным местом нахождения Варачана (=Беленджера) должен быть район в верховьях р. Шура-озень, около нынешнего гор. Буйнакск⁹, был поддержан позднее М. И. Артамоновым, сославшимся на обнаруженные здесь «мощные культурные отложения средневекового периода»¹⁰.

Однако и это решение данного вопроса нельзя признать окончательным. Отнюдь не бесспорен обрисованный С. Т. Еремянном маршрут посольства Израела, из которого он исключил несколько упомянутых источником географических пунктов¹¹. Произвольность подобных исправлений уже была отмечена В. Ф. Минорским, указавшим в этой связи на предварительный в целом характер предложенного С. Т. Еремянном варианта посольского маршрута¹². Все это вынуждает нас обратиться к анализу сведений «Истории агван» о маршруте следования названного посольства и рассмотрению аргументации С. Т. Еремяна.

В своих построениях С. Т. Еремян совершенно справедливо исходит из того, что маршрут посольства проходил не кратчайшим путем — через Шемаху, прикаспийское побережье и Дербент, а шел далеко в обход них — через Главный Кавказский хребет. Причину этого он видит в стремлении посольства «избежать столкновений с расположенными в районе Дербента арабскими военными силами и представителями власти халифов»¹³. По нашему мнению, побудительной причиной выбора посольством обходного пути было желание миновать земли маскутов, располагавшиеся к югу от Дербента вплоть до района нынешнего гор. Кубы¹⁴. Памятуя о жестокой расправе маскутов с еписко-

⁹ С. Т. Еремян. Указ. соч., стр. 145.

¹⁰ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 186.

¹¹ С. Т. Еремян. Указ. соч., стр. 138—139, 147.

¹² В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963, стр. 128, прим. 61.

¹³ С. Т. Еремян. Указ. соч., стр. 151.

¹⁴ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 110—111.

пом Григорисом¹⁵, представители сановного духовенства по-видимому стремились избегать всяческих встреч с ними. Об этом же свидетельствует и другой известный факт, случившийся задолго до появления арабов, еще в VI в., когда члены религиозной миссии во главе с епископом Кардостом, направлявшиеся из Аррана в страну гуннов, также были «проведены через горы», минуя Дербентские ворота¹⁶.

Итак, наметив кружной маршрут в обход земель маскутов, члены посольства Исаеэла «выступили... из города Перозкавата» (-Партава-Берда'а), «перешли реку Кур», а затем «перейдя границы Агвани, ...на 12-й день прибыли в город лпнийцев»¹⁷. Приравнивая 12-дневный путь пешехода 250 км и откладывая затем это расстояние по карте, С. Т. Еремян приходит к выводу, что, проделав такой путь, проходивший из Берда'а через Евлах—Мингечаурскую переправу—Нуху—и далее вверх по Алазанской долине, посольство должно было оказаться в районе нынешнего сел. Напареули. Именно оттуда начинается, по его мнению, «единственная дорога (подч. мною — В. К.) через Кавказский хребет по Кадорскому перевалу, связывающему Кахети с внутренним Дагестаном»¹⁸.

Полностью принимая первую часть намеченного С. Т. Еремяном маршрута, трудно однако согласиться с его последним утверждением. Дело в том, что на восточной оконечности Главного Кавказского хребта известно немало других перевальных путей, часть которых не уступает пути через Кадорский перевал¹⁹. Многие из них использовались с глубокой древности и вплоть до недавнего времени²⁰. А наиболее известный среди них путь через Салаватский перевал около Нухи неоднократно служил даже транскавказской магистралью²¹. Кстати сказать,

¹⁵ История Армении Фавстоса Бузанда. Перевод и комментарии М. А. Геворгияна. Ереван, 1953, стр. 14.

¹⁶ Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 166.

¹⁷ История агван Моисея Каганкатвази, стр. 191.

¹⁸ С. Т. Еремян. Указ. соч., стр. 139.

¹⁹ А. В. Викторов, В. А. Гиммельрейх, П. П. Львов, И. И. Микулич, М. М. Эльдаров. Дагестанская АССР. Махачкала, 1958, стр. 29; К. Гюль, С. Власова, И. Кисин, А. Тертеров. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959, стр. 48—49.

²⁰ Ф. Ф. Симонович. Описание Южного Дагестана. В сб. «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.» М., 1958, стр. 155; Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. Там же, стр. 347—350; М. Герсеванов. Сеть главнейших дорог закавказского края. ССК, т. 1, Тифлис, 1875, стр. 32; О. Ш. Исмизаде. Ялойлутапинская культура. Баку, 1956, стр. 77; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 232; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 154.

²¹ З. А. Никольская. Исторические предпосылки национальной консолидации аварцев. СЭ, 1953, № 1, стр. 118; Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. XIV, Махачкала, 1965, стр. 185—186.

именно этим путем возвратился, по мнению В. Ф. Минорского, арабский полководец Джаррах после своего похода на Дагестан в 722/3 г., т. е. спустя всего около 40 лет после описываемого посольства²².

В свете этих данных становится очевидным, что путь через Кадорский перевал не был единственной удобной дорогой из Закавказья в Дагестан. Поэтому трудно допустить, чтобы достигшие низовий р. Алазани члены посольства устремились бы, как это предполагает С. Т. Еремян, и дальше вверх по ее долине мимо нескольких перевальных путей, шедших отсюда в горный Дагестан, к самому дальнему из них — через Кадорский перевал, т. е. избрали бы наиболее длинный, а в условиях морозной, снежной зимы и самый трудный маршрут. Более вероятно, что они воспользовались одним из близлежащих перевалов, скорее всего — Салаватским.

В таком случае упомянутый в приведенном отрывке «город лпний-нев» следует искать не в верховьях, а в низовьях р. Алазани, вероятнее всего в окрестностях гор. Нухи. Если согласиться с этим, оказывается, что пройденный посольством 12-дневный путь составил всего около 120 км. На первый взгляд, столь медленные темпы движения посольства могут даже вызвать недоумение, однако оно и в дальнейшем передвигалось с такой же малой скоростью. Чтобы нагляднее представить это, напомним, что обычные путники и торговые караваны преодолевали путь от Берда'а до Баб ал-Аббаба (около 400 км) за 15 дней²³. Переход от Дербента до предполагаемых мест нахождения Варачана по вероятным средневековым трассам должен был составить еще 3 (около 120 км до Урцекского городища) или 5 (около 200 км до района нынешнего гор. Буйнакск) дней пути. Добавив к ним еще 10 дополнительных дней на избранный посольством кружной маршрут в обход Дербента, мы получаем максимальный (30-дневный) срок, необходимый для обычного перехода от Партава (Берда'а) до Варачана. В действительности же на преодоление этого пути посольству Израела потребовался не 1 месяц, а почти вдвое больший срок — 51 день²⁴.

Столь невысокая скорость передвижения посольства определялась

²² Баладзори. Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, стр. 16; В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента, стр. 132, прим. 68.

²³ Ал-Истахри. Из «Книги путей царств». Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, XXIX, Тифлис, 1901, стр. 29, 31; Ибн Хордадбех. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, XXXII, Тифлис, 1903, стр. 11; Кудамма. Из «Книги о харадже». Пер. Н. А. Караулова. Там же, стр. 29; Ал-Мукаддаси. Из книги «Лучшее из делений для познания климатов». Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 17; Ибн Хаукаль. Из «Книги путей и царств». Пер. Н. А. Караулова. Там же, стр. 101.

²⁴ С. Т. Еремян. Указ. соч., стр. 134.

по-видимому целым рядом обстоятельств, прежде всего необычным, по сравнению с простым купеческим караваном, составом. К сожалению, он полностью не указан в источнике. Напомним в этой связи, что упоминавшаяся выше миссия епископа Кардоста состояла не менее чем из 8 человек²⁵. Описываемое же посольство, судя по особой важности поставленных перед ним задач, должно было быть более многочисленным. Помимо самого епископа Израела в него входило, по свидетельству М. Каганкатваци, несколько (?) священников, один из которых — «искусный художник Моисей» — даже назван по имени; небезынтересно отметить, что этим священникам позднее оказалось под силу в короткий срок вырубить в Варачане целую рошу крупных дубовых деревьев — объект местного языческого культа²⁶. Мы вправе предполагать в составе посольства также и персонал, обслуживавший епископа и священников и обеспечивавший безопасность их передвижения.

Посольство непременно должен был сопровождать хотя бы небольшой, вероятно, вьючный обоз, где находились упомянутые источником «дары и приношения (для гуннов, — В. К.), также путевые запасы для него (Израела, — В. К.) и для тех, которые сопровождали его»²⁷, «божественные книги», сыгравшие впоследствии свою роль при проведении религиозных дискуссий, предшествовавших обращению гуннов в христианство²⁸, равно как и необходимая церковная утварь и облачения духовенства.

Начало посольского пути проходило через густонаселенные районы Агвании и Лпинии. В этих условиях неизбежно должны были иметь место контакты с местным населением, требовавшие, помимо прочего, также и лишних затрат времени. Наконец, нельзя недооценивать и того весьма немаловажного в данном аспекте обстоятельства, что посольство двинулось в путь в самый разгар морозной, снежной зимы: упомянутые 12 дней пути приходятся, по С. Т. Еремяню, на период с 22 декабря 684 г. по 3 января 685 г.²⁹

Как указанные, так и другие, продиктованные конкретными условиями обстоятельства, которые мы не в состоянии теперь учесть, по-видимому и обусловили относительно медленное передвижение посольства епископа Израела по сравнению с движением обычных путников и торговых караванов. Все это еще раз подтверждает допустимость высказанного выше предположения о нахождении «города лпнийцев» в окрестностях гор. Нухи. Если согласиться с этим, дальнейшее описа-

²⁵ Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, стр. 166.

²⁶ История агван Моисея Каганкатваци, стр. 203, 206.

²⁷ Там же, стр. 191.

²⁸ Там же, стр. 205.

²⁹ С. Т. Еремян Указ. соч., стр. 134.

ние посольского маршрута в «Истории агван» без каких бы то ни было исправлений совпадает с направлением местных коммуникаций.

По свидетельству нашего источника, переночевав в «городе лпнийцев» и совершив празднество (по случаю христианского крещения, особенно отмечаемого армянской церковью³⁰), они «перешли в страну джигбов (-чилбов) у подножья великой горы»³¹. Действительно, из района расположенных поблизости перевалов. Чтобы приблизиться к ним, не-Нухи нет прямого пути к Салаватскому или какому-либо другому из обходимо пройти сначала некоторое расстояние по Алазанской долине, а затем, повернув на север по речной долине одного из левых притоков Алазани, проникнуть в глубь предгорий и уже оттуда начинать подъем на перевал.

У «подножья великой горы» члены посольства были вынуждены задержаться из-за сильной метели. Переждав 3 дня, пока «смирившись ветры и стихли порывы, ...они перешли вершины громадных и гигантских гор»³². Здесь уместно отметить, что в зимнее время все перевалы в этой части Главного Кавказского хребта чрезвычайно трудно преодолимы, особенно после сильных снегопадов. И в наши дни местные жители решаются на это лишь в самых крайних случаях. Поэтому следует воздать должное незаурядному мужеству членов посольства, несомненно осведомленных об ожидавших их трудностях, но пошедших на серьезный риск и все же преодолевших Главный Кавказский хребет.

После этого, рассказывает далее источник, «в продолжение многих дней не видно было ни солнца, ни звезд, а жестокая стужа не унималась. Изнуренные и утомленные они против воли взяли другую дорогу и после долгодневного пути прибыли в древнюю резиденцию царей, в то место, где сподобился св. Григорис... католикос агванский. Через несколько дней они достигли ворот Чога недалеко от Дарбанда и там получили от жителей города помощь и почести»³³. По мнению С. Т. Еремяна, весь этот отрывок является позднейшей интерполяцией, внесенной «с целью показать освященное традицией место, где, согласно клерикальной истории албанской церкви, погиб ее основатель»³⁴.

С такой оценкой не согласился, однако, В. Ф. Минорский, признававший достоверность приведенных в цитированном отрывке сведений и наметивший по ним свой вариант маршрута посольства, по которому Израил «пытался пересечь Кавказский хребет сначала где-то около Кабалы, но плохая погода (и беспокойность племен?) заставили его переи-

³⁰ Там же.

³¹ История агван Моисея Каганкатваца, стр. 191.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 191—192.

³⁴ С. Т. Еремян. Указ. соч., стр. 151.

ти на восток в Вардан и следовать дорогой вдоль Каспийского побережья»³⁵. Но и этот вариант посольского маршрута нам представляется неприемлемым, поскольку он не учитывает четкое указание источника о том, что посольство действительно пересекло Кавказский хребет. Поэтому возвратимся к рассмотрению приведенного отрывка, содержащего чрезвычайно важные и несомненно достоверные сведения, помогающие правильно понять дальнейшее развитие событий.

Перейдя Главный Кавказский хребет по Салаватскому или одному из расположенных поблизости перевалов, посольство оказалось в долине р. Самур,— на главной речной артерии Южного Дагестана. Чтобы пройти отсюда в обход Дербента, посольство должно было преодолеть новые препятствия: Самурский хребет и еще несколько других менее значительных хребтов. Однако длительная непогода и перенесенные ранее, при переходе через Главный Кавказский хребет, трудности уже сказались к этому времени на физическом состоянии членов посольства. Новая трудная задача оказалась непосильной для «изнуренных и утомленных», по образному выражению М. Каганкатваца, путников, вследствие чего они были вынуждены изменить первоначально намеченный обходный маршрут и избрать более легкий путь («против воли взяли другую дорогу»). Вероятнее всего, он пролегал по Самурской долине, где они в тот момент находились. Это — превосходная естественная магистраль, соединяющая районы высокогорий с побережьем Каспия. Правда, она выходит на равнину не севернее, а южнее Дербента, но в сложившейся ситуации данное обстоятельство по-видимому потеряло свое прежнее, решающее значение.

Протяженность Самурской долины от района нынешнего сел. Ахты, где сходятся перевальные пути, до ее устья достигает примерно 100 км. Чтобы преодолеть это расстояние, измученным членам посольства пришлось проделать «долгодневный путь», приведший их к древней резиденции агванских царей. Принято считать, что землею предков агванских царей была страна Чора, к югу от Дербента³⁶. В таком случае древнюю резиденцию царей агванских можно отождествить со сравнительно небольшим, хорошо укрепленным городищем Армен-Кала, расположенным в дельте Самура³⁷.

Следующий, упомянутый источником, географический пункт на пути посольства — место гибели епископа Григориса — армянская церковная традиция помещает на левом берегу р. Гюльгеры-чай, примерно в 15 км по прямой к северо-западу от городища Армен-Кала.

³⁵ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 128, прим. 61.

³⁶ Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, стр. 309, 314.

³⁷ А. С. Башкиров. Изучение памятников старины. ДС, III, Махачкала, 1927, стр. 236.

Здесь, на окраине сел. Молла-Халил, в память об этом событии была сооружена часовня, а позднее — армянская церковь³⁸. Еще далее на северо-запад, на расстоянии менее 10 км по прямой от названного пункта расположено Белиджинское городище Торпах-Кала³⁹, отождествляемое с городом Чога⁴⁰ и Беленджером (о чем подробно говорится ниже). Столь поразительное совпадение сведений М. Каганкатваца с местоположением конкретных археологических и исторических памятников данного района вряд ли может быть случайным. Более вероятно видеть в нем еще одно подтверждение достоверности обрисованной выше части маршрута посольства Исраела.

В источнике отсутствует, к сожалению, описание заключительного отрезка их пути. Следом за приведенным выше сообщением о достижении города Чога говорится: «Так наконец по долговременном странствии они прибыли в великолепный город Варачан»⁴¹. Думается, что отсутствие каких-либо подробностей о передвижении посольства по этому участку пути не случайно. Направляясь из города Чога, располагавшегося в южной части Дербентского прохода, к городу Варачану, находившемуся, по свидетельству «Армянской географии VII в.» севернее Дербента, посольство прошло вероятнее всего по хорошо известному Прикаспийскому пути, описание которого представлялось автору «Истории агван» излишним. Отсутствие упоминания каких-либо гор на этом отрезке пути может послужить косвенным свидетельством того, что Варачан находился не в глубине гор или предгорий, а на приморской равнине или поблизости от нее. И, наконец, основываясь на сведениях из приведенного отрывка, мы вправе полагать, что причины, первоначально побуждавшие посольство двигаться в обход Дербента, оказались неосновательными и что отрезок пути от Чога до Варачана оно преодолело без особых затруднений. В целом же, рассмотренный маршрут должен был проходить, в соответствии с приведенными данными, через Нуху—Салаватский перевал—Самурскую долину—низовья рек Гюльгеры-чая (место гибели св. Григориса) и Рубаса (город Чога) — и далее по Прикаспийскому пути (рис. 37).

Итак, анализ сведений, сообщаемых М. Каганкатваца о маршруте посольства епископа Исраела, на наш взгляд, не подтверждает вывода

³⁸ А. В. Комаров. Пещеры и древние могилы в Дагестане. Пятый археологический съезд в Тифлисе. I. Труды предварительных комитетов. М., 1882, стр. 438—439.

³⁹ А. С. Башкиров. Указ. соч., стр. 235—236.

⁴⁰ Очерки истории Дагестана. Т. I, Махачкала, 1957, стр. 33; Очерки истории СССР. III—IX вв., стр. 304; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, стр. 213, 264; З. Буниятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, стр. 41—42, 151.

⁴¹ История агван Моисея Каганкатваца, стр. 192.

С. Т. Еремяна о том, что он проходил через Кадорский перевал и горные районы Северо-Западного Дагестана. А это, в свою очередь, позволяет нам не согласиться и с предложенной им локализацией Варачана (=Беленджера) в глубине дагестанских предгорий, в районе нынешнего гор. Буйнакск.

При определении местоположения этого города решающая роль должна быть отведена, по нашему мнению, данным «Армянской географии VII в.» Анания Ширакаци и сведениям армянского историка VIII в. вардапета Гевонда.

В одном из списков «Армянской географии» говорится: «Севернее (Дербента,— В. К.) живут гунны, у которых город Варачан и другие города»⁴². В другом, так называемом «новом списке» данного источника эти сведения более детализированы: «К северу (от Дербента,— В. К.), близ моря находится царство гуннов. На западе, у Кавказа город гуннов Вараджан (-Варачан), а затем города гуннов Чунгарс и Мсндр (-Семендер?)»⁴³. Какими бы краткими не показались на первый взгляд эти сведения, значение их чрезвычайно велико.

Они отражают, прежде всего, незаурядное положение Варачана — единственного города или, по другому списку, одного из трех городов, известных по имени этому источнику к северу от Дербента, на обширных просторах Сарматии Азиатской.

Весьма важно свидетельство «нового списка» о нахождении Варачана «на западе, у Кавказа». Рассматривая его в контексте, нетрудно убедиться, что указание «на западе» дано по отношению к морю, вблизи которого находилось царство гуннов⁴⁴. Выражение «у Кавказа» может быть расценено как свидетельство расположения Варачана не в глубине гор, а у их начала.

Варачан был взят и разрушен арабским полководцем Мерваном в 30-х гг. VIII в., о чем кратко сообщает армянский историк Вардан⁴⁵.

⁴² Армянская география VII в., приписываемая Моисею Хоренскому. Пер. К. П. Патканова. СПб., 1887, стр. 38.

⁴³ К. П. Патканов. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883, март, стр. 28.

⁴⁴ Невозможно согласиться с мнением Д. Данлопа, что в этом источнике запад есть юг, а восток — север, поскольку р. Итиль показана в нем восточнее Дербента (см. его: *The History of the Jewish Khazars*, стр. 43, прим. 16). На самом деле ориентация по странам света для многих других, упомянутых «Армянской географией» стран и городов отвечает действительности. В определении же положения р. Итиль по-видимому сказались ошибочные представления многих средневековых авторов о конфигурации и размерах Каспийского моря, длинную ось которого они ориентировали с запада на восток. Как известно, эти представления восходят еще к Птолемию (см., напр.: Л. А. Ельницкий. Знания древних о северных странах. М., 1961, стр. 195, 204—206).

⁴⁵ Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Н. Эмина. М., 1961, стр. 95.

У другого армянского историка Гевонда приведены более подробные сведения об этом походе Мервана, закончившемся взятием и ограблением города⁴⁶. И хотя источник не называет его по имени, исследователи справедливо полагают, что речь идет здесь именно о Варачане⁴⁷. Весьма важно для наших целей свидетельство Гевонда о том, что этот город располагался поблизости от морского побережья⁴⁸.

Суммируя рассмотренные свидетельства источников, можно заключить, что Варачан был одним из крупных раннесредневековых городов к северу от Дербента, хорошо известным своим южным соседям как столичный центр царства гуннов. Этот «великолепный город» обладал по-видимому немалыми богатствами, ставшими впоследствии добычей арабских завоевателей и их союзников. Географическое положение его может быть определено к северу от Дербента, неподалеку от моря, у начала предгорий.

Посмотрим теперь, насколько отвечает всем этим условиям местоположение Урцекского городища, отождествляемого ныне с Варачаном. Этот памятник расположен неподалеку от сел. Уллубий-аул (дореволюционное название — Бойнак), на границе Ленинского и Сергокалинского районов ДАССР. Его отличают крупные (35—40 га) размеры собственно города, обладавшего большой хорошо укрепленной цитаделью. Раскопками установлена многослойная стратиграфия данного памятника, возникшего еще в эпоху раннего железа (VII—IV вв. до н. э.), а затем существовавшего и развивавшегося на протяжении последующих исторических эпох, вплоть до перв. пол. VIII в. н. э. К рубежу н. э. он исторически сложился в один из крупных политических, торговых и ремесленных центров на Прикаспийском пути. На Урцекском городище во множестве встречены остатки монументальных каменных построек бытового, культового и оборонительного назначения. К городищу примыкала обширная (более 2000 га) сельскохозяйственная территория, окруженная системой «длинных стен». К нему вела разветвленная сеть дорог. Все это, свидетельствуя о былом могуществе, богатстве и процветании располагавшегося здесь города, сооружение которого местная традиция приписывала даже Александру Македонскому⁴⁹, как нельзя более отвечает эпитету «великолепный», употребленному М. Каганкатвацци по отношению к Варачану. После взятия и разграбления арабами столь богатого города здесь могла быть захвачена та «не-

⁴⁶ История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862, стр. 80—81.

⁴⁷ История халифов вардапета Гевонда, стр. 155, прим. 174; М. И. Артамонов. История хазар, стр. 222.

⁴⁸ История халифов вардапета Гевонда, стр. 80.

⁴⁹ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. В. I. М., 1889, стр. 405.

сметная добыча», о которой с нескрываемым восторгом говорит Гевонд⁵⁰.

Особенности географического положения Урцекского городища в начале полосы предгорий, на расстоянии около 10 км от морского побережья, до которого однако доходили его заградительные «длинные» стены, также полностью соответствуют приведенным выше данным письменных источников о местоположении Варачана «у Кавказа, на западе» от моря.

Из всего изложенного следует, что Урцекское городище более, чем какой-либо другой из известных в настоящее время в Дагестане археологических памятников отвечает дошедшим до нас сведениям источников о географическом положении и былой роли Варачана и поэтому может быть отождествлено с ним (рис. 37).

В этой связи встает вопрос о взаимоотношении топонимов *Урцек* и *Варачан*. Топоним *Урцек* стоит в одном ряду с топонимами *Гурбуки*, *Мулебки*, *Бурдеки* и другими подобными наименованиями, часто встречающимися на территории расселения даргинцев и образованными по даргинской топонимической модели. Этимология топонима *Урцек* раскрывается из даргинского языка в значении *к дереву* или *к деревьям* из *урц(-ули)* — *дерево* и *-ки* — форманта направительного падежа⁵¹. Подобное истолкование рассматриваемого топонима может быть подтверждено и историческими данными: по свидетельству Моисея Каганкатваци, в Варачане находилась роща «высоких густолиственных дубов», служившая объектом поклонения местного населения⁵².

Топоним *Варачан* не поддается этимологизации из дагестанских языков. Можно поэтому допустить, что у интересующего нас раннесредневекового города было два имени⁵³: одно — местное — *Урцек*⁵⁴ и дру-

⁵⁰ История халифов вардапета Гевонда, стр. 80—81.

⁵¹ Доклад Я. Г. Сулейманова: «К этимологии топонимов *Урцек* и *Баку*», прочитанный на заседании сектора археологии и этнографии Института ИЯЛ ДагФАН СССР 6 февраля 1965 г.

⁵² История агван Моисея Каганкатваци, стр. 200.

⁵³ В раннесредневековом Дагестане известны и другие случаи, когда крупный населенный пункт имел несколько наименований, напр., центр оружейников и златокузнецов — раннесредневековый город *Угьбуг* (местное имя, означающее *производящие оружие*, см. Р. М. Магомедов. История Дагестана. Махачкала, 1961, стр. 65) за пределами Дагестана приобрел широкую известность сначала под иранским именем *Зирихгеран*, позднее — под тюркским — *Кубачи* (в обоих случаях — *кольчугodelатели*).

⁵⁴ Наименование *Урцаки* и поныне носит одно из высокогорных селений в Дахадаевском районе ДАССР. Согласно местному преданию, это селение было основано несколькими беглецами, нашедшими здесь убежище после разгрома неприятелем их родного одноименного города, располагавшегося на месте Урцекского городища (приношу свою благодарность М.-З. О. Османову, любезно познакопившему меня с этим преданием).

гое — *Варачан*, под которым он был известен за пределами Дагестана. Оба имени фонетически близки друг другу. Их основы $u-g-s$ и $v-g-s$ с учетом взаимоперехода звуков $u \rightleftharpoons v$ и $s \rightleftharpoons s^v$, обнаруживают большое сходство, почти тождество. Предстоит определить, является ли это сходство простой случайностью или же за ним скрываются какие-то исторические реалии.

Этимологию топонима *Варачан* многие исследователи раскрывают из этнонима *барсилы*⁵⁵. При этом определяющее значение придается фонетическому сходству названных терминов, а историческому аспекту подобного решения уделяется недостаточно внимания. Между тем, реконструкция $bars(il) \rightarrow bars^v(-li) \rightarrow varac(-an)$ уязвима именно в этом отношении. Как известно, тюркское племя или народ барсилы действительно обитали в V—VI вв. в Прикаспийском Дагестане и степях Северного Прикаспия. Однако в письменных источниках нет никаких указаний об оседании или сколько-нибудь продолжительном пребывании барсилы далеко к югу от этих мест, где данный топоним также получил распространение.

Арабским географам IX—X вв. хорошо известен город Варсан, располагавшийся на правом берегу Аракса, на территории нынешнего Иранского Азербайджана⁵⁶. Судя по наблюдениям археологов, он возник при сасанидах⁵⁷. О еще более раннем бытовании данного топонима, по-видимому, уже на территории самого Ирана свидетельствует Пайкулинская надпись одного из первых сасанидских шаханшахов Нарсе (правившего в 293—302 гг. н. э.), где упомянут «Амшасп царь Врчана»⁵⁸. Наконец, в известной Накширустемской надписи шаханшаха Шапура I, датируемой ок. 262 г., под именем **Вршан** и **Варучан** выступает Иберия⁵⁹.

⁵⁵ V. Minorsky. *Hudud-al-'Alam*, стр. 453, прим. 1; D. Dunlop. *The History of the Jewish Khazars*, стр. 43—44; М. И. Артамонов. *История хазар*, стр. 183—184. По мнению же Маркварта, топоним $Warcan-Warican^v$ восходит к само-

названию эфталитов *wag* или титулу эфталитских царей *waric*^v. (См.: J. Marquart *Wehrot und Arang*. Leiden, 1938, стр. 45).

⁵⁶ См., напр.: Ибн ал-Факих. Из «Книги о странах». Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, XXXI, Тифлис, 1902, стр. 11; Ибн Хордадбех. *Книга путей и царств*, стр. 11.

⁵⁷ А. А. Иессен. *Городище Орен-Кала*. МИА. № 67. 1959, стр. 46, прим. 1.

⁵⁸ В. Г. Луконин. *Иран в эпоху первых сасанидов*. Л., 1961, стр. 62.

⁵⁹ В. Г. Луконин. *Завоевания сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии*. ВДИ, 1969, № 2, стр. 30; Р. Фрай. *Наследие Ирана*. М., 1972, стр. 295, прим. 23.

Приведенные факты свидетельствуют о возникновении рассматриваемого топонима задолго до появления тюркоязычных барсиллов и далеко за пределами занятой ими территории, в областях с ирано-язычным населением. Следовательно, в поисках приемлемого объяснения путей возникновения топонима «Варачан», должно привлекаться не только тюркская, но и иранская лексика. В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства.

Термин *Варачан* донныне употребляется даргинцами как нарицательное понятие для обозначения бурных потоков, резких поднятий уровня воды в реках во время сильных дождей и паводков и других подобных явлений, связанных со стремительным течением воды. Поэтому допустимо предположить, что топоним *Варачан* мог первоначально возникнуть в качестве наименования географических объектов, располагавшихся вблизи бурных рек или потоков. Подобное толкование применимо по отношению как к одному из «южных» Варачанов, находившемуся на берегу р. Аракс, так и к дагестанскому Варачану — Урцекскому городищу, вблизи которого протекает небольшая речка Количи (прежде называвшаяся Бойнак), становящаяся во время сильных дождей и паводков бурным непреодолимым потоком. В отдельных случаях поднятия уровня этой обычно маловодной речки оказывались настолько значительными, что современники сравнивали ее, как, например, в начале XVII в., с Сулаком (Койсу) и даже с Терекком⁶⁰. В этой связи небезынтересно отметить, что слово *var* означает на санскрите *вода, дождь*, в среднеперсидском — *море, озеро*. Однако оно встречается и в тюркских языках, например, в языке гуннов, называвших именов *Var* реку Днепр; отголоском чего считается чувашское *var* в значении *долина*⁶¹.

Топоним *Варачан* обнаруживает также фонетическую близость с санскритским *vṛjānam* и авестийским *vərəzānem*, восходящими к индоиранскому *varj-* и означающими *огражденное, укрепленное место, город*⁶². Эти понятия вполне приложимы и к дагестанскому Варачану — Урцекскому городищу, на месте которого уже в VII—VI вв. до н. э. существовало укрепленное поселение, разросшееся затем в довольно крупный для своего времени, хорошо укрепленный город, ставший.

⁶⁰ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, стр. 401.

⁶¹ Н. И. Ашмарин. Болгары и чувши. Казань, 1902, стр. 51—52.
С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 73.

⁶² R. A. Hall. The etymology of Old Persian Vardanan. Language, XII, 1936 № 4, стр. 297.

как отмечалось выше, к рубежу новой эры важным военно-стратегическим пунктом на Прикаспийском пути⁶³.

Столь же допустимо предположить, что рассматриваемый топоним восходит к среднеперсидскому *warān* — *рынки, базары*, от которого в результате метатезы образовалось *warān*. Именно так называли свои рынки согдийцы⁶⁴. По-видимому, аналогичная терминология распространилась в средневековье и на Кавказе. Свидетельством этому могут служить термины *warān* — *купец, торговля* и *warōba* — *торговля* — в грузинском языке, *war* — *товар*, *warān* — *торговля* — в армянском языке⁶⁵, *war* — *торговля* — в даргинском языке. Как показывают археологические данные, Урцекское городище — дагестанский Варачан — выросло в раннем средневековье в крупный торговый центр на Прикаспийском пути.

Однако особенного внимания заслуживает, по нашему мнению, сопоставление топонима *Варачан* с авестийским *warəsa* — *дерево*, с которым он обнаруживает фонетическое сходство. В этом случае его семантика может быть раскрыта в значении *место дерева или деревьев*, что соответствует одному из отмеченных М. Каганкатвази отличительных признаков города Варачана, а именно: наличие в нем священной дубовой рощи. Принятие подобного истолкования позволяет ставить вопрос об общности происхождения топонимов *Варачан* и *Урцек*, имеющих не только фонетически близкие топоосновы (*v-r-s—u-r-s*), но и почти одинаковую семантику.

Такое направление исследований может оказаться перспективным еще и потому, что даргинское *урц(-ули)* — *дерево* не имеет себе параллелей среди соответствующих лексем других восточнокавказских (нахско-дагестанских) языков, за исключением, пожалуй, чеченского *варш* — *роща*. Последнее фонетически и семантически близко слову *вацла* — *лес* даргинского и лакского языков, которое также не имеет себе прямых параллелей вне этих языков. С другой стороны, лексемы *урц(-ули)*, *варш*, *вацла* обнаруживают фонетическое и семантическое сходство с талышским *visa*, татским *vüse* — *лес*, древнеиндийским

⁶³ Можно допустить, что термин *war* — *город* был воспринят у дагестанского населения гуннскими племенами и занесен последними далеко на запад — в Паннонию, где он сохранился доньше в венгерской форме *waros*. (См.: С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 73—74).

⁶⁴ О. И. Смирнова. Очерки по истории Согды. М., 1970, стр. 127.

⁶⁵ М. Андроникашвили. Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям. Т. Тбилиси, 1966, стр. 321.

^vvrksa, среднеперсидским ^vvesak, новоперсидским ^vbisa — *дерево*, что дает повод предполагать возможность их заимствования из иранских языков.

Если согласиться с приведенными доводами, общность происхождения топонимов *Варачан* и *Урцек* можно считать доказанной. В этом случае представляется возможным топоним *Варачан* считать иранским, а топоним *Урцек* — его местным дериватом, образованным от того же

самого корня ^vv-г-с/и-г-с, но по даргинской топонимической модели.

Какой из предложенных здесь или других возможных путей раскрытия этимологии топонима *Варачан* наиболее отвечает действительности, могут решить дальнейшие исследования, использующие имеющиеся данные о возникновении аналогичных топонимов в Сасанидском Иране. Для наших же целей было важно отметить, что в поисках приемлемого ответа на поставленный вопрос необходимо привлекать не только тюркскую, но и иранскую лексику.

2. БЕЛЕНДЖЕР

О местоположении одной из ранних хазарских столиц — города Беленджера — между исследователями нет единого мнения. Одни отождествляют его с Варачаном и помещают либо на среднем течении р. Сулак⁶⁶, либо в районе нынешнего гор. Буйнакса⁶⁷. По мнению других, Беленджер существовал независимо от Варачана и располагался в Северном Дагестане⁶⁸. Однако, часть сторонников этой точки зрения помещает Беленджер к югу от другого хазарского города — Семендера⁶⁹, а некоторые — к северу от него⁷⁰. Помимо того, Беленджер локализуется и вблизи Дербента⁷¹ и далеко за пределами Даге-

⁶⁶ J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, стр. 16—19; В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, стр. 674.

⁶⁷ С. Т. Еремян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу, стр. 141—146; М. И. Артамонов. История хазар, стр. 186.

⁶⁸ СИЭ, т. 2, М., 1952, стр. 224; М. Г. Магомедов. Верхне-Чирюртовское городище. УЗ ИИЯЛ, т. 19, сер. общ. наук, кн. 2, Махачкала, 1969, стр. 163—166.

⁶⁹ Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, нов. серия, ч. XIV, СПб., 1908, март, стр. 41—45; М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 387, карта; D. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 88, карта.

⁷⁰ V. Minorsky. Hudud al-'Alam, стр. 452—453; Б. А. Рыбаков. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. СА, XVIII, 1953, стр. 144—145, рис. 4, 4а.

⁷¹ Тагрихи Дербенд-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, стр. 43, прим. 29.

стана,— в северокавказских степях⁷². Некоторые же исследователи вообще отрицали существование города Беленджера, видя в его имени либо испорченное переписчиками наименование другого города — Булхар или Балх⁷³, либо — одно из первых названий «страны гор» — Дагестана⁷⁴.

Столь значительные расхождения во мнениях специалистов обусловлены крайней скудостью и противоречивостью сообщений средневековых, главным образом, арабских авторов о географическом положении города (а также страны и реки) Беленджер. Соответствующие данные подробно рассматриваются ниже. Здесь же, забегая вперед; отметим лишь одно: сопоставление свидетельств разновременных письменных источников по этому вопросу показывает, что в разные периоды средневековья наименование *Беленджер* прилагалось к различным географическим пунктам.

Чрезвычайно ценно в этом отношении сообщение арабского географа Ибн ал-Факиха, различавшего два географических пункта с одинаковым именем *Беленджер*. Один из них — «пограничное место Беленджер» — он помещает, ссылаясь на «персидские известия», в окрестностях Дербента, другой город того же имени располагался, по его свидетельству, значительно севернее — «в землях хазарских»⁷⁵.

Примечательна оговорка Ибн ал-Факиха, что сведения о местоположении Беленджера вблизи Дербента восходят к персидской, то есть к сасанидской традиции. То же самое следует, по-видимому, признать и в отношении соответствующих данных Табари-Балами, который в рассказе о событиях серед. VII в. помещает «царство и много городов, называемое Беленджер» южнее стены Зулкарнайна или Яджуджа и Маджуджа⁷⁶. Как известно, этой стеной многие средневековые авторы долгое время считали Дербентские укрепления⁷⁷.

⁷² БСЭ, т. 4, 1950, стр. 417; Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 144.

⁷³ *Derbend-Nameh*. Translated from a select türkish version and published with notes by Mirza A. Kazem-Beg. Mémoires presentes de l'Académie Imperiale des Sciences. SPb., 1851, стр. 481—482, прим. 17.

⁷⁴ Я. А. Гаркави. Существовала ли у хазар столица под названием Баланджер? Отд. оттиск из Изв. РАО, т. IX, вып. 2—3, СПб., 1878, стр. 1—7.

⁷⁵ Ибн ал-Факих. Из «Книги о странах», стр. 17, 19.

⁷⁶ Б. Дорн. Известия о хазарах восточного историка Табари. Пер. П. Тяжелова. ЖМНП, 1844, ч. XLIII, № 7, 8, стр. 13. Правда, Табари-Балами помещает страну Беленджер севернее Дербента Хазарского, который обычно отождествляется с дагестанским Дербентом. Однако для подобного отождествления нет никаких оснований, поскольку сам средневековый автор определяет географическое положение упомянутого им Дербента Хазарского совершенно по-иному, а именно: на территории Азербайджана (под которым в ту пору подразумевался лишь нынешний Иранский Азербайджан), причем в его южной части — «между Реем и Ираком». (*Там же*, стр. 8).

⁷⁷ Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, стр. 134—135.

Подобное представление о местоположении Беленджера может быть подтверждено другими свидетельствами письменных источников. Как известно, первый завоевательный поход арабов в Дагестан закончился разгромом их четырехтысячного отряда, возглавляемого Салманом ибн-Рабаи. Произошло это в 652/3 гг. «за рекою Беленджером». По Белазури, отряд Салмана направился к месту сражения из города Кабалы⁷⁸ (находившегося на южном склоне Кавказского хребта⁷⁹), по Якуби — из страны Маскат⁸⁰ (обычно локализуемой на территории нынешнего Кубинского района Аз. ССР и отчасти в Южном Дагестане⁸¹), но ни один из этих наиболее достоверных арабских историков не говорит о достижении отрядом города Дербента (Баб ал-Абваба)⁸².

Могила погибшего в этом сражении Салмана ибн-Рабаи находилась, по свидетельству Ибн ал-Факиха, «за рекою Беленджером у Баб ал-Абваба»⁸³, что, с учетом присущей средневековым арабским географам манеры последовательного перечисления географических пунктов в направлении с юга на север, может служить подтверждением местоположения данной реки к югу от Дербента. И, наконец, еще один аргумент в пользу высказанного мнения можно найти в рассказе Якуби о походе арабского полководца Джарраха, который «вторгся (в страну) турок, завоевал Баланджар и взял в плен много народу, в 104

⁷⁸ Баладзори. Книга завоевания стран, стр. 14.

⁷⁹ К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, стр. 253.

⁸⁰ Якуби. История. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, стр. 5.

⁸¹ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента, стр. 110—111; В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 154, 156.

⁸² Правда, некоторые исследователи, опираясь на данные Белазури, приходят к заключению, что отряд Салмана достиг Дербента и уже оттуда выступил к северу (см., напр.: К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 245). Чтобы разобраться в этом, обратимся к первоисточнику. У Белазури говорится, что после занятия Салманом города Кабалы с ним заключили «мир с условием платить подать» правители и жители почти всех небольших восточнокавказских политических образований и среди них ...«жители Маската, Шабирана и города Баба (Дербента). Но (как только Салман выступил за город), жители заперли его за ним, а (хазарский) хакан встретил его со своей конницей за рекой Баланджаром...» (Баладзори. Книга завоевания стран, стр. 14). Как видим, средневековый автор свидетельствует о достижении (-захвате) Салманом только города Кабалы, а отнюдь не Дербента. Последний лишь упомянут среди других восточнокавказских стран, заключивших мир с Салманом. И то обстоятельство, что в перечне этих стран Дербент назван последним, послужило основанием для К. В. Тревер, чтобы связать с ним и последующие события, с чем, однако, невозможно согласиться. Как явствует из контекста первоисточника, заключение мира произошло в Кабале, и лишь после этого отряд Салмана выступил оттуда на север. Можно полагать, что жители Кабалы питали симпатии к хазарам, которым этот город одно время служил даже административным центром (см. об этом: А. Е. Крымский).

(722—3) г., и дошел до реки ар-Рубаса»⁸⁴. Из него явствует, что город Беленджер располагался южнее не только Дербента, но и Рубас-чая⁸⁵.

Совокупность приведенных данных позволяет заключить, что первый на территории Дагестана географический пункт, встретившийся на пути шедших с юга арабских отрядов — город (реку, страну) Беленджер — следует искать не в Северном, как это принято считать, а в Южном Дагестане.

В соответствии с этим, город Беленджер локализуется нами на месте раннесредневекового Белиджинского городища Торпах-Кала (рис. 37), одного из крупнейших памятников сасанидского строительства на Восточном Кавказе⁸⁶; по своим размерам (площадь — 100 га) оно несколько не уступает древнему Дербенту, общая протяженность стен которого достигает 2500 м при ширине разделяющего их пространства 300—400 м. Белиджинское городище расположено в 25 км к югу от Дербента в междуречье Рубаса и Гюльгеры-чая, что соответствует приведенным выше сообщениям письменных источников о географическом местоположении Беленджера. Важными аргументами в пользу предложенной локализации служат и топонимические данные.

Местное наименование средневекового города, существовавшего на месте Белиджинского городища, не сохранилось. В средневековых армянских источниках он известен под именем *Чор-Чога*⁸⁷. С учетом приведенных выше данных, представляется возможным полагать, что в сочинениях средневековых арабских историков и географов он вы-

Страницы из истории северного или Кавказского Азербайджана. Кабала. Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934, стр. 298). Очевидно, именно поэтому они заперли свой город сразу же после ухода арабского отряда, оказавшегося затем разгромленным конницей хазарского кагана.

⁸³ И б н а л - Ф а к и х. Из «Книги о странах», стр. 13.

⁸⁴ Я к у б и. История, стр. 6.

⁸⁵ К сожалению, сведения Белазури и Якуби — наиболее надежных средневековых арабских авторов, почти совершенно не привлекались современными исследователями, касавшимися вопроса о местоположении Беленджера.

⁸⁶ Об этом городище см. А. С. Башкиров. Изучение памятников старины, стр. 235—236; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, стр. 262—264. Однако вне поля зрения современных исследователей, особенно археологов, оказались ценные сведения Ю. Клапрота об этом памятнике, в частности, относящиеся к самому началу XIX в. его «персидское» наименование «Шехерге» (см. J. Klapproth. Geographisch-Historische Beschreibung des Östlichen Kaukasus. Weimar, 1814, стр. 180), на что совершенно справедливо указал недавно А. Р. Шихсаидов в своей работе: Средневековый Дагестан (V—XV вв.) в досоветской историографии (рукопись), Махачкала, 1970, РФ ИИЯЛ, д. № 4486.

⁸⁷ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 33. Судя по археологическим данным, жизнь на городище продолжалась не только в раннесредневековый, но и в предшествующий албанский период. Поэтому не лишено оснований мнение исследователей, сопоставляющих его с упомянутым Птолемеем городом Албана. См. об этом: М. Исаков. Исчезнувший город в Дагестане. ИЖ, 1941, № 6, стр. 156—157.

Подобное представление о местоположении Беленджера может быть подтверждено другими свидетельствами письменных источников. Как известно, первый завоевательный поход арабов в Дагестан закончился разгромом их четырехтысячного отряда, возглавляемого Салманом ибн-Рабиа. Произошло это в 652/3 гг. «за рекою Беленджером». По Белазури, отряд Салмана направился к месту сражения из города Кабалы⁷⁸ (находившегося на южном склоне Кавказского хребта⁷⁹), по Якуби — из страны Маскат⁸⁰ (обычно локализуемой на территории нынешнего Кубинского района Аз. ССР и отчасти в Южном Дагестане⁸¹), но ни один из этих наиболее достоверных арабских историков не говорит о достижении отрядом города Дербента (Баб ал-Абваба)⁸².

Могила погибшего в этом сражении Салмана ибн-Рабиа находилась, по свидетельству Ибн ал-Факиха, «за рекою Беленджером у Баб ал-Абваба»⁸³, что, с учетом присущей средневековым арабским географам манеры последовательного перечисления географических пунктов в направлении с юга на север, может служить подтверждением местоположения данной реки к югу от Дербента. И, наконец, еще один аргумент в пользу выказанного мнения можно найти в рассказе Якуби о походе арабского полководца Джарраха, который «вторгся (в страну) турок, завоевал Баланджар и взял в плен много народу, в 104

⁷⁸ Баладзори. Книга завоевания стран, стр. 14.

⁷⁹ К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, стр. 253.

⁸⁰ Якуби. История. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, стр. 5.

⁸¹ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 110—111; В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 154, 156.

⁸² Правда, некоторые исследователи, опираясь на данные Белазури, приходят к заключению, что отряд Салмана достиг Дербента и уже оттуда выступил к северу (см., напр.: К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 245). Чтобы разобраться в этом, обратимся к первоисточнику. У Белазури говорится, что после занятия Салманом города Кабалы с ним заключили «мир с условием платить подать» правители и жители почти всех небольших восточнокавказских политических образований и среди них ...«жители Маската, Шабирана и города Баба (Дербента). Но (как только Салман выступил за город), жители заперли его за ним, а (хазарский) хакан встретил его со своей конницей за рекой Баланджаром...» (Баладзори. Книга завоевания стран, стр. 14). Как видим, средневековый автор свидетельствует о достижении (-захвате) Салманом только города Кабалы, а отнюдь не Дербента. Последний лишь упомянут среди других восточнокавказских стран, заключивших мир с Салманом. И то обстоятельство, что в перечне этих стран Дербент назван последним, послужило основанием для К. В. Тревер, чтобы связать с ним и последующие события, с чем, однако, невозможно согласиться. Как явствует из контекста первоисточника, заключение мира произошло в Кабале, и лишь после этого отряд Салмана выступил оттуда на север. Можно полагать, что жители Кабалы питали симпатии к хазарам, которым этот город одно время служил даже административным центром (см. об этом: А. Е. Крымский).

(722—3) г., и дошел до реки ар-Рубаса»⁸⁴. Из него явствует, что город Беленджер располагался южнее не только Дербента, но и Рубас-чая⁸⁵.

Совокупность приведенных данных позволяет заключить, что первый на территории Дагестана географический пункт, встретившийся на пути шедших с юга арабских отрядов — город (реку, страну) Беленджер — следует искать не в Северном, как это принято считать, а в Южном Дагестане.

В соответствии с этим, город Беленджер локализуется нами на месте раннесредневекового Белиджинского городища Торпах-Кала (рис. 37), одного из крупнейших памятников сасанидского строительства на Восточном Кавказе⁸⁶; по своим размерам (площадь — 100 га) оно нисколько не уступает древнему Дербенту, общая протяженность стен которого достигает 2500 м при ширине разделяющего их пространства 300—400 м. Белиджинское городище расположено в 25 км к югу от Дербента в междуречье Рубаса и Гюльгеры-чая, что соответствует приведенным выше сообщениям письменных источников о географическом местоположении Беленджера. Важными аргументами в пользу предложенной локализации служат и топонимические данные.

Местное наименование средневекового города, существовавшего на месте Белиджинского городища, не сохранилось. В средневековых армянских источниках он известен под именем *Чор-Чога*⁸⁷. С учетом приведенных выше данных, представляется возможным полагать, что в сочинениях средневековых арабских историков и географов он вы-

Страницы из истории северного или Кавказского Азербайджана. Кабала. Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934, стр. 298). Очевидно, именно поэтому они заперли свой город сразу же после ухода арабского отряда, оказавшегося затем разгромленным конницей хазарского кагана.

⁸³ Ибн ал-Факих. Из «Книги о странах», стр. 13.

⁸⁴ Якуби. История, стр. 6.

⁸⁵ К сожалению, сведения Белазури и Якуби — наиболее надежных средневековых арабских авторов, почти совершенно не привлекались современными исследователями, касавшимися вопроса о местоположении Беленджера.

⁸⁶ Об этом городище см. А. С. Башкиров. Изучение памятников старины, стр. 235—236; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, стр. 262—264. Однако вне поля зрения современных исследователей, особенно археологов, оказались ценные сведения Ю. Клапрота об этом памятнике, в частности, относящиеся к самому началу XIX в. его «персидское» наименование «Шехерге» (см. I. Klapprot. Geographisch-Historische Beschreibung des Östlichen Kaukasus. Weimar, 1814, стр. 180), на что совершенно справедливо указал недавно А. Р. Шихсаидов в своей работе: Средневековый Дагестан (V—XV вв.) в досоветской историографии (рукопись), Махачкала, 1970, РФ ИИЯЛ, д. № 4486.

⁸⁷ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 33. Судя по археологическим данным, жизнь на городище продолжалась не только в раннесредневековый, но и в предшествующий албанский период. Поэтому не лишено оснований мнение исследователей, сопоставляющих его с упомянутым Птолемеем городом Албана. См. об этом: М. Исак-ов. Исчезнувший город в Дагестане. ИЖ, 1941, № 6, стр. 156—157.

ступает под именем *Беленджер*. (Кстати отметим, что это имя нередко передается как *Баланджар*, а иногда даже *Баланчор*⁸⁸). Это имя образовалось, по нашему мнению, из того же слова *джор* — *чор* и атрибутива *боланд* (на среднеперсидском и современном иранском — *высокий, длинный, громкий*)⁸⁹.

Хорошо известно, что имя *Джор* и производные от него *Чор*, *Чога*, *Чола*, *Сул* и др. являются одними из древнейших наименований Дербентского прохода. По мнению И. Маркварта, оно — иранского происхождения⁹⁰; в современном иранском *джер* означает *щель, расселина, трещина* (в земле). К. В. Тревер возводит его к армянскому *дзор* — *ущелье*⁹¹. Подобное истолкование имени *Джор* вполне приложимо к Дербентскому проходу — самому узкому дефиле на Прикаспийском пути. Однако вопрос о происхождении самого этого наименования представляется весьма сложным.

В поисках путей для его решения следует обратить внимание на то, как изменялись в продолжение более чем двух тысячелетий сохранившиеся нам письменными источниками наименования Дербентского прохода. Античные авторы чаще всего называли его *Каспийскими воротами* (греч. Θύραί, πύλαι, латинск. portae)⁹², неоднократно подчеркивая, что они применяют это название в значении *проход*⁹³, т. е. как видовой нарицательный топоним. Это наименование встречается у византийских, сирийских и армянских писателей и позднее, — уже в раннем средневековье⁹⁴.

Но, начиная с V в., в армянских и грузинских письменных источниках появляется и интересующее нас наименование. В форме *Зуар* оно

⁸⁸ J. Marquart. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898, стр. 81.

⁸⁹ Возможность раскрытия топонима *Беленджер* через персидский *боланд* уже была отмечена Я. А. Гаркави (см. его указ. соч., стр. 6). В последнее время приняты попытки раскрыть этимологию данного топонима из тюркских и монгольских языков (А. Гусейнзаде. К этимологии топонима Bilāzāri. СТ. Баку, 1972, № 5, стр. 58, 61, 62).

⁹⁰ J. Marquart. Fransahr nach Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Abhandlungen der Königlich Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. NF. III, Berlin, 1901, стр. 101.

⁹¹ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 276.

⁹² Там же, стр. 274.

⁹³ Ср., напр.: Г. Плиний Секунд. Естественная история. V, 99; Диодор Сицилийский. Библиотека. II, 2, 3; Г. Юлий Солин. Сборник достопримечательностей. 38, 11.

⁹⁴ См., напр.: Аммиан Марцеллин. История. Кн. 23, 6, 12; Приск Павский. Готская история. Кн. 4, 37; Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, стр. 165; История халифов вардапета Гевонда, стр. 111.

впервые встречено в греческом тексте Агафангела⁹⁵, в форме *Джор—Чор*— у Моисея Хоренского⁹⁶ и в грузинской хронике «Мученичество Шушаники»⁹⁷. С этого времени и вплоть до начала VIII в. имя *Джор—Чор* постоянно встречается на страницах армянских летописей. Сначала оно прилагалось только к Дербентскому проходу⁹⁸, но вскоре перешло и на располагавшееся здесь небольшое княжество⁹⁹ и его столичный центр — «великий город Чога»¹⁰⁰.

В то же самое время сходное наименование Дербентского прохода появляется в византийских и сирийских источниках. Прокопий Кесарийский (VI в.) упоминает *проход Тзур*¹⁰¹, *Приск Панийский* (V в.) — *укрепление Юройнаах*¹⁰² (сопоставленное К. Патканьяном и поддержавшим его И. Марквартом с армянским наименованием Дербентского прохода — *Джора пахак*¹⁰³), а хроника Михаила Сирийца (XII в.), восходящая к источникам VI в., — *ворота Торайе*¹⁰⁴.

Весьма примечательно, что во всех без исключения случаях рассматриваемый термин употребляется уже не как нарицательное понятие, а как собственное имя конкретного географического объекта, называемого разными источниками *ущельем, тесниной, проходом, воротами*, а также *страной, княжеством, городом—Джор—Чор—Чога—Тзур—Тарайе* и др. Следовательно, этимологическое значение данного наименования с самого начала не было понятно употреблявшим его армянским и другим средневековым авторам. Это дает нам право серьезно усомниться в достоверности версии о его армянском происхождении.

Требует доказательств и версия об иранском (сасанидском) происхождении имени *Джор—Чор*. Дело в том, что единственное из могущих быть приложенным к Дербентскому проходу сасанидских наименова-

⁹⁵ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 276.

⁹⁶ История Армении Моисея Хоренского. Нов. пер. Н. О. Эмина. М., 1893, стр. 151.

⁹⁷ М. К. Андроникашвили. Иранские племенные и географические названия в древне-грузинских исторических памятниках V—XIII вв. Тр. Ин-та языкознания АН Груз. ССР, сер. вост. языков. I, Тбилиси, 1954, стр. 22.

⁹⁸ См. напр.: История Егише вардапета. Пер. П. Шаншиева. Тифлис, 1853, стр. 157; История епископа Себеоса. Пер. Ст. Малхастянца. Ереван, 1939, стр. 30, 121; История халифов вардапета Гевонда, стр. 28.

⁹⁹ История Егише, стр. 124; История агван Моисея Каганкатвацци, стр. 127.

¹⁰⁰ История агван Моисея Каганкатвацци, стр. 105, 192.

¹⁰¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 381.

¹⁰² Приск Панийский. Готская история. Кн. 4, 37.

¹⁰³ К. Патканьян. Опыт истории династии сасанидов. Тр. ВОРАО, ч. XIV,

СПб., 1869, стр. 13, примеч. 1; J. Marquart. Eransahr nach Geographie des Ps. Moses Xorenaci, стр. 106.

¹⁰⁴ Н. Пигулевская. Указ. соч., стр. 108.

ний, сохраненное в парфянском тексте Накширустамской надписи Шапура I (втор. полов. III в.), передается знаками 'l-g'n TR'', истолковываемыми некоторыми исследователями в значении *Албанские ворота*¹⁰⁵. Если согласиться с подобным истолкованием, нетрудно заметить, что древнейшее сасанидское наименование Дербентского прохода чрезвычайно близко тому, которым называли его и античные авторы. Небезынтересно и другое: лексема TR'' — «ворота» фонетически

ближе греческому *Θυρα* и упомянутому выше имени *Торайе* хроники Миханла Сирийца, нежели наименованию *Джор—Чор*.

Еще большую фонетическую и семантическую близость лексема TR'' обнаруживает с персидским *дар—дверь*. Возможно, именно в этом проявляется связь между ранним и позднейшим сасанидским наименованием рассматриваемого объекта — *Дербенд*, впервые упомянутым в армянской географии Анания Ширакаци (VII в.). В так называемом «новом списке» этой географии этимология имени *Дербенд* раскрывается как *связь и ворота*¹⁰⁶. Первое из этих толкований по-видимому рассматривает данное имя как словосочетание *Дар-и-бенд* — *узел ворот*, где *бенд* действительно означало в среднеперсидском *связь, узы*¹⁰⁷. Второе же вероятно исходит из нарицательного значения слова *дербенд*, буквально означающего *ущелье, горный проход*. В подтверждение сказанного можно сослаться на Табари, неоднократно употреблявшего это слово в его нарицательном значении для обозначения горных проходов и, кстати сказать, отметившего смысловое соответствие персидского имени *Дербенд* и арабского *ал-Баб*¹⁰⁸. Как известно, последнее в форме *Баб ал-Абваб* (ворота ворот) надолго закрепилось за городом Дербентом в арабской исторической и географической литературе. В грузинских же средневековых источниках он выступает под именем *κlαρι — ворота*¹⁰⁹. В последующем монголы называли Дербент именем *Кахалка* от *калга* или *халга—ворота*, а турки — *Темир-Капы—железные ворота*¹¹⁰. Но в конечном счете среди всех этих, сменявших

¹⁰⁵ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 135; Р. Фрай. Наследие Ирана, стр. 295.

¹⁰⁶ К. Патканов. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому, стр. 31.

¹⁰⁷ Р. Абрамян. Пехлевийско-персидско-армяно-русско-английский словарь. Ереван, 1965, стр. 80.

¹⁰⁸ Б. Дорн. Известия о хазарах восточного историка Табари, стр. 8; В. Дорн. Beiträge zur Geschichte Kaukasischen Länder und Völker, aus Morgenländischen Quelle. IV. Tabary's Nachrichten über die Chasaren... Mémoires de l'Académie Imperiale des Sciences, politiques, histoire, philologie. T. IV, lvr. 6, 1841, стр. 452, 497—498.

¹⁰⁹ М. К. Андроникашвили. Иранские племенные и географические названия в древне-грузинских исторических памятниках V—XIII вв., стр. 22—23.

¹¹⁰ В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 427, 432.

друг друга наименований победило имя *Дербенд*, существующее и поныне.

Таким образом, сохраненные нам письменными источниками разно-временные и разноязычные наименования данного географического объекта представляют собой своеобразные «кальки», передававшие на разных языках одно и то же видовое понятие: *проход, ворота*, отражавшее и особенности его географического положения (наиболее узкого дефила на Прикаспийском пути) и историческую роль (одного из главных военно-стратегических пунктов на этом пути, с глубокой древности связывавшем население степей Предкавказья и Юго-Восточной Европы с кавказским и переднеазиатским мирами). Все эти наименования сохраняли для пользовавшихся ими современников свое смысловое значение, прозрачную этимологию. Единственным исключением представляется наименование *Джор—Чор*, этимология которого может быть раскрыта из персидского и армянского языков, но которое, тем не менее, в этой форме вообще совершенно не употребляется по отношению к Дербентскому проходу персидскими (сасанидскими) источниками. Средневековые же армянские авторы пользуются им как собственным именем, а не видовым топонимом, что обычно имеет место в том случае, когда иноязычный топоним усваивается в подлинной форме, а принимающий (в данном случае — армянский) язык утрачивает его этимологию¹¹¹.

Отмеченное явление на первый взгляд представляется не только необъяснимым, но и парадоксальным, поскольку топонимы *Джор—Чор—Дзор—Гор—Шор—Цор—Сул* и др. встречаются в Армении, Азербайджане и Иране довольно часто. Укажем в качестве примеров наименования раннесредневекового гавара (провинции) *Дзора (Дзорк)* в южной части Армении¹¹², известных в средневековье проходов *Джора* в приурмийском районе Иранского Азербайджана¹¹³, город *Джур* или *Гор* — главный город округа Ардашир—Хурра области Фарс в Сасанидском Иране¹¹⁴, наконец, город *Чол—Чор—Сул*, выстроенный в середине V в. шаханшахом Иездигердом II в горных отрогах Эльбруса или Копет-Дага, отделяющих Северо-Восточный Иран от Средней Азии¹¹⁵. Примечательно, что все названные, равно как и другие гео-

¹¹¹ В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 127.

¹¹² История Армении Фавстоса Бузанда, стр. 26, 103.

¹¹³ История епископа Себеоса, стр. 92; Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозвищу. Пер. Н. Эмина. М., 1864, стр. 89; Кудама. Из «Книги о харадже», стр. 27.

¹¹⁴ В. В. Бартольд. Сочинения, т. VII, М., 1971, стр. 160.

¹¹⁵ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 556—557; т. V, М., 1968, стр. 583; Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, стр. 43—44; J. Maquart. Eransahr nach Geographie des Ps. Moses Choreasii, стр. 51, 73.

графические объекты, имевшие сходные наименования, располагались вблизи горных ущелий, перевалов, речных долин и иных естественных проходов. Это позволяет видеть в приведенных наименованиях синонимический ряд топонимов общего происхождения, первоначально употреблявшихся в нарицательном значении по отношению к одному из видов географических объектов, а именно — разнообразным естественным проходам, но позднее — к раннесредневековому периоду — уже утративших свое до-топонимическое (апеллятивное) значение. Иными словами, данный топонимический ряд возник задолго до раннего средневековья. Потребуются специальные исследования, чтобы определить, к какому историческому пласту или даже пластам относятся образующие его топонимы. Но и теперь представляется возможным отметить некоторые обстоятельства, могущие оказаться полезными при освещении поставленного вопроса.

О сравнительно глубокой древности данного топонимического ряда помимо приведенных соображений свидетельствуют и другие факты. В первую очередь отметим среди них заметные фонетические различия между самими несомненно общими по происхождению топонимами: *джор*, *йор*, *гор*, *хур*, *кур*, *чор*, *чог*, *чол*, *сул*, *дзор*, *цор*, *шор* и т. п. Эти различия, очевидно, возникли в разное время в условиях сильнейшей языковой и диалектной дифференциации и постоянного взаимовлияния контактировавших языков, распространенных в обширных границах очерченного выше ареала, на что потребовался весьма значительный хронологический период.

Помимо того, важными аргументами в пользу высказанного положения могут служить и некоторые кавказские материалы. Отдельные топонимы данного ряда зафиксированы письменными источниками на Кавказе задолго до раннесредневековой эпохи. К их числу могут быть отнесены: название страны *Шура*, встреченное в урартских надписях¹¹⁶, гидронимы *Кир*, затем — *Кур*, современное — *Кура* (по Страбону более раннее название этой реки — *Кор*¹¹⁷) и *Герр* в северной части Кавказской Албании¹¹⁸ (вероятно, на территории нынешнего Дагестана), упомянутые античными авторами. Возможно, к этому же пласту кав-

¹¹⁶ Я. А. Манандян. О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении. Ереван, 1956, стр. 14; однако об этом же топониме см.: Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 62, 64.

¹¹⁷ Страбон. География. Кн. XI, III, 2. Кстати сказать, одна из рек провинции Фарс в Иране носила имя *Кур* (см. В. В. Бартольд. Сочинения. Т. VII. М., 1971, стр. 152—154).

¹¹⁸ Клавдий Птолемей. Географическое руководство, кн. V, 11, 2. Отметим попутно, что река того же наименования была известна античным авторам и на территории Скифии (о ее локализации см. Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971, стр. 15—16).

казской топонимии относится и гидроним *Иори*. Столь же допустимо считать, что именем *Джор* называлась в древности значительная часть бассейна р. Алазани; следы подобного наименования сохранились в ее верховьях, — в Кахети¹¹⁹, и по среднему течению¹²⁰, где в средневековье располагалось Джарское или Джаро-Белоканское общество. Вероятно к тому же топонимическому ряду восходят: топоним *Шара* (-кунт), гидронимы (*Кака-*)*Шура* и *Шура*(-озень), бытующие в Прикаспийском Дагестане в лезгинской, даргинской и кумыкской этнической среде. Все они приурочены к естественным проходам в полосе предгорий.

Немало параллелей находят себе топонимы данного ряда и в топонимической лексике¹²¹ кавказских языков. Отметим, например: мегр. *гʒал*(у), чанск. *гʒал*, ав. *gʒor*, дарг. *xler*(кл) — *река, речка*, ав. *xʒor*, дарг. *шара* — *озеро*, ав. *klkʌl*, карат. *klkʌle*, багв. *klal*, чам. *klkʌl*, авх. *klkʌ*, тинд. *кхал*, дид. *керу*, хварш. *кула*, гинух. *коро*, гунз. *куро*, бежт. *куво* — *ущелье*, груз. *гʒеле* — *речка, овраг*, *клари* — *ворота*, лезг. *чала* — *межгорье, долина*¹²². Основываясь на этих примерах, можно допустить существование изначального фонетического и семантического сходства между некоторыми из входящих в рассматриваемый ряд топонимов и соответствующими кавказскими лексемами, что, в свою очередь, может свидетельствовать об их местном происхождении. Последующие изменения в разной степени затронули фонетику и семантику этих лексем, обусловив наблюдаемые между ними различия.

Сравнивая смысловое значение приведенных лексем, можно следующим образом представить последовательность их изменения: первоначально — *река, речка* (возможно, восходит к праформам ностратических языков: *saɣʌ*, *cuɣʌ* — *течь*, *cuɣʌ/soɣʌ* — *капать*¹²³) и *всякий водоем* (в ностратических: *kūla* — *озеро, небольшой водоем*¹²⁴), затем —

¹¹⁹ А. М. Дирр. Современные названия кавказских племен. СМОМПК, 40, Тифлис, 1909, отдел третий, стр. 3, прим. 2; Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 124.

¹²⁰ См., напр.: «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа» из путешествия акад. И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—73 годах. СПб., 1809, стр. 124—125.

¹²¹ Термин «топонимическая лексика» предложен Г. И. Донидзе для совокупности слов, употребляющихся в географических названиях. См. его: Гидронимические термины в тюркских языках. Ономастика. М., 1969, стр. 164—165.

¹²² Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность К. Ш. Микаилову, любезно предоставившему мне приведенные здесь лексические данные.

¹²³ В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский). Этимология. 1965. М., 1967, стр. 369; его же. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. М., 1971, стр. 198.

¹²⁴ В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков, стр. 305—306.

русло, долина, ущелье (сначала обязательно с рекой, позднее — всякие, включая и овраги) и последнее — *проход, ворота*. Намеченная схема возможной последовательности изменений семантики данной группы топонимических лексем и соответствующих им топонимов согласуется с ранее высказанными по этому поводу взглядами¹²⁵, дополняя их новыми данными.

И, наконец, важным аргументом, свидетельствующим о глубокой древности рассматриваемого топонимического ряда, может послужить уже давно обративший на себя внимание специалистов параллелизм между некоторыми из относящихся к нему топонимов и топонимической лексикой языков, расположенных далеко за пределами очерченного выше ареала.

К уже отмеченным ранее соответствиям топонимов *джор, дзор* с греческим *тзораи, тзур*, сасанидскими **TR'** и *дар*, сирийским (?) *торайе* можно добавить фонетически и семантически близкие немецкое **Тог** и английское **доог**. Фонетически близки к ним русское *жур(-чать)*, украинские *жур(-чати), джур(-чати), дзюр(-чати)*, сохранившие однако более древнее смысловое значение. Множество параллелей в географической, особенно — гидронимической лексике разных языковых семей удалось выявить у акад. Н. Я. Марру, видевшему, однако, в них подтверждения своей яфетической теории¹²⁶. В последнее время этот вопрос получает освещение уже с позиций сравнительно-исторического языкознания. Небезынтересно отметить, что реконструируемая ностратическая языковая семья включает несколько родственных языковых групп и среди них индоевропейскую, кавказскую, уральскую и алтайскую¹²⁷.

Последнее особенно примечательно, поскольку некоторые из топонимических терминов алтайских языков, например: *йар—овраг, яр, чай—река, горная речка, ущелье, чул—река, кол, гол—рукав реки, река, проток, русло, кӧл, гӧл—озеро, шор, сор—соленое озеро*¹²⁸ и др.—обнаруживают фонетическое и семантическое сходство с топонимами рассматриваемого ряда. При этом часть из них относится к древней тюркской лексике¹²⁹, что исключает возможность заимствования в раннем средневековье.

Подобное заимствование могло, однако, произойти в значительно более ранний период, в частности, в конце II—нач. I тысячелетий до

¹²⁵ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 124.

¹²⁶ См., напр.: Н. Я. Марру. Избранные работы, т. V, М.—Л., 1935, стр. 254, 295, 296, 305.

¹²⁷ В. М. Иллич-Свитыч. Указ. соч., стр. 1—71.

¹²⁸ Г. И. Донидзе. Указ. соч., стр. 166, 169; Л. Г. Гулиева. К вопросу о топонимической синонимии. Ономастика. М., 1969, стр. 174—175.

¹²⁹ Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 238, 313.

н э., когда в обширном ареале степей, лесостепей и предгорий Евразии от Подунавья на западе до Южной Сибири на востоке бытовали во многом сходные археологические культуры так называемого киммерийско-карасукского круга, тесно связанные с Кавказом и Ираном. Основываясь на том, что это сходство охватывало не только материальную культуру, но проявлялось также и в сходстве антропологического типа ее носителей, некоторые исследователи склонны допускать и существование этнических связей между племенами этого ареала, видя в их восточной ветви возможных носителей енисейских (кетских) языков, обнаруживающих широкие связи с языками других семей, в том числе и кавказскими¹³⁰. И если вопрос об этнической общности «киммерийско-карасукских» племен представляется весьма гипотетическим, то существование более или менее налаженных связей между племенами очерченного выше ареала в указанную эпоху можно считать историческим фактом. В свою очередь, межплеменные связи, независимо от породивших их причин (политического, экономического, культурного или иного характера), приводили к межъязыковым контактам, способствуя лексическим заимствованиям и, тем самым, распространению уже в глубокой древности сходной лексики среди разноязычных племен, нередко территориально весьма удаленных друг от друга.

Таким образом, приведенные данные и вытекающие из них соображения могут, по нашему мнению, свидетельствовать о том, что рассматриваемый топонимический ряд относится к одному из древнейших пластов географической лексики, получившему в силу каких-то, пока еще далеко не ясных причин, довольно широкое распространение среди разных, в том числе и кавказских языков и отложившемуся в различных фонетических вариантах, но применительно к одним и тем же географическим объектам в топонимии Кавказа и Ирана задолго до средневековой эпохи. По-видимому и наименование *Джор—Чор* закрепилось за Дербентским проходом еще в глубокой древности. Как его собственное имя оно с V в. одновременно появляется в армянских, грузинских и византийских письменных источниках, что, вероятно, было вызвано обострением политической обстановки в данном районе Северо-Восточного Кавказа, откуда, с конца IV в. начались непрерывные вторжения значительных масс кочевников, угрожавшие не только странам Закавказья, но также Византии и Ирану.

Небезынтересно и другое: области с наиболее широким распро-

¹³⁰ Н. Л. Членова. Памятники I тыс. до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности. Тезисы докладов всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. М., 1969, стр. 5—7; ее же. Памятники I тысячелетия до н. э. в проблеме киммерийско-карасукской общности. В сб. Искусство и археология Ирана. М., 1971, стр. 323—333.

странением топонимов рассматриваемого ряда оказались объединены в раннем средневековье в политических границах Сасанидского Ирана. Благодаря этому под влиянием персидской фонетики могла произойти (по крайней мере — в письменных документах) некоторая унификация в передаче сходных топонимов, бытовавших в различных пунктах громадного государства. Последнее, в свою очередь, создало определенные неудобства в пользовании одинаковой географической номенклатурой применительно к разным географическим объектам, вследствие чего к некоторым топонимам стали добавлять и атрибутивы, подчеркивающие их специфические признаки.

На территории нынешних Азербайджана и Армении до сих пор сохранилось немало топонимов, таких как, например: *Астха-дзор*, *Кельба-дзор*, *Басарге-чор*, *Минге-ча(у)р* и др., по отношению к которым можно предположить, что они образовались путем прибавления различных определений к терминам «дзор» — «джор» — «чор» (разумеется, это предположение может быть принято лишь после специального изучения каждого из таких топонимов¹³¹). Таким же путем образовался, по нашему мнению, и топоним *Беленджер*, где, в соответствии с грамматическими нормами среднеперсидского языка¹³², атрибутив *боланд* (*высокий, громкий*) находится в препозиции по отношению к определяемому имени *Джор*¹³³. Семантику этого словосочетания представляется возможным раскрыть как *выдающийся* или *известный Джор*, в какой-то мере соответствующем арабскому *Баб-ал-Абваб* — *ворота ворот*.

В обоснование высказанного предположения сошлемся на следующий факт. В V—VI вв. на северо-восточной (среднеазиатской) и северо-западной (кавказской) границах Сасанидского Ирана создалась напряженная обстановка, вызванная вторжениями гуннов: кидаритов и эфталитов в Средней Азии, хайландурков и савир — на Кавказе. В обоих случаях в качестве иранского форпоста на пути гуннов выступает город (крепость) Чол-Сул, выстроенный при шаханшахе Иездигерде II и ставший резиденцией сасанидского марзпана. Этот город (а также страна и народ того же имени) располагался севернее стра-

¹³¹ Об этимологии слова *Мингечаур*, например, высказаны и другие суждения. Ср.: С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. МКА. I. Баку, 1949, стр. 10; З. М. Буниятов. О названии «Мингечаур». ДАН Аз. ССР, т. XV, № 2, Баку, 1959, стр. 179—181.

¹³² В. С. Расторгуева. Средне-персидский язык. М., 1966, стр. 136—137.

¹³³ Звук *a* слова *джар* в соответствии с закономерностями общеиранского вокализма может переходить в очень суженное *a*, почти *e*, а в других случаях — в *o*. (См.: Б. В. Миллер. Талышский язык. М., 1953, стр. 38, 44). Вероятно по этой же причине оно передается разными средневековыми авторами как *джар*, *джер*, *джор* и т. п.

ны Джурджан (Гурген, Гиркания)¹³⁴, под именем которой выступала в ту пору и одна из северо-восточных областей Ирана и средневековая Иберия¹³⁵.

И не случайно, в описании этих событий сасанидскими (дошедшими в передаче арабских авторов) и сирийскими источниками имеется немало путаницы и противоречий, порожденных поразительным сходством этно- и топонимии двух упомянутых регионов (как не случайно и то, что современные исследователи используют одни и те же свидетельства письменных источников для освещения событий, происходивших в V—VI вв. в разных местах: в Средней Азии¹³⁶ и на Кавказе¹³⁷). Но уже в связи с событиями серед. VI в. в источниках упоминаются народ и город *Беленджер*¹³⁸, приуроченные только к Кавказу (напомним, что, по Ибн ал-Факиху, выстроенное шаханшахом Хосроем Ануширваном «пограничное место Беленджер» располагалось вблизи сооруженных им же Дербентских укреплений¹³⁹). С этого времени наименование *Беленджер* встречается довольно часто.

Из сасанидских источников оно перешло в арабскую историческую и географическую литературу. Однако в сочинениях армянских средневековых авторов, обычно лучше других осведомленных о ходе политических событий и исторической географии Восточного Кавказа, имя *Беленджер* вообще не встречается, — они пользуются только именами *Джор, Чор, Чога, Чола*. Не встречается оно и в средневековых грузинских хрониках. Поэтому, основываясь на изложенном, можно заключить, что данный географический объект (проход, город, страна) и его население выступают в раннесредневековых письменных источниках под двумя наименованиями: *Джор (-Чор-Чога-Чола-Сул)* и *Беленджер*. Первое из них появилось в V в. в качестве собственного имени Дербентского прохода в армянских, грузинских, византийских, сирийских и сасанидских источниках, однако в последних оно спустя столетие

¹³⁴ Об этих событиях см., напр.: История Египта, стр. 18—19, 215—216; Табари. История пророков и царей. Цит. по раб.: А. Э. Шмидт. Материалы по истории Средней Азии и Ирана. УЗИВ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 452—454; Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, стр. 43—44.

¹³⁵ См., напр.: Армянская география VII века, стр. 39, прим. 142; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, стр. 126; J. Marquart.

¹³⁶ Franksahr nach Geographie des Ps. Moses Xorenaci, стр. 115—116.

¹³⁷ См., напр.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, стр. 556—557; Н. Пигулевская. Ук. соч., стр. 44—45; М. М. Дьяконов. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 275—276.

¹³⁸ См., напр.: М. И. Артамонов. История хазар, стр. 125, 137—138; З. Буниатов. Азербайджан в VII—IX вв., стр. 41—42; Л. Н. Гумилев. Древние турки. М., 1967, стр. 47.

¹³⁹ Табари, 895, 896. Цит. по раб. А. Э. Шмидт. Указ. соч., стр. 453—454.

¹³⁹ Ибн ал-Факих. Из «Книги о странах», стр. 17, 19.

оказалось замененным вторым именем *Беленджер*, заимствованным позднее только арабскими авторами.

О сосуществовании этих двух наименований свидетельствуют и топонимические данные, сохраненные носителями иранской речи на Восточном Кавказе — татами и татоязычными горскими евреями, появление которых в данном районе принято относить к сасанидскому периоду¹⁴⁰. Средневековый топоним *Джар* отложился, по нашему мнению, в наименовании горы *Джал-ган* (где конечное *p* основы перешло в *л*, также как и в именах *Чор* → *Чол*), ограждающей с запада Дербентский проход, и расположенного на ней одноименного селения. В этой связи небезынтересно отметить, что район Дербента и поныне называется по-лакски *Чурул*, по-даргински — *Чулли*¹⁴¹. Другой след этого топонима можно видеть в зафиксированном Ю. Клапротом для Белиджинского городища Торпах-Кала (отождествляемого, как отмечалось выше, с городом *Чор—Чога* армянских источников, *Беленджером* — арабских) «персидском» имени *Шехерге* (*Scheherge*)¹⁴², вероятно означающем город *Ге(р)*. В свою очередь, имя *Ге(р)* может быть сопоставлено с именем *Джер*, у которого при артикуляции оказалось утраченным конечное *p* (что характерно для консонантизма некоторых иранских языков¹⁴³), а начальное *дж* перешло в *г* (как это имело место, например, в передаче упомянутых выше названий сасанидского города *Джур/Гор* и провинции *Джурджан/Гурген*).

Другое средневековое наименование данного города — *Беленджер* — может быть сопоставлено с топонимом *Билиджи* (на совр. картах неправильно — *Белиджи*), под которым выступает обширное урочище в междуречье Рубаса и Гюльгеры-чая, где расположены два современных населенных пункта, носящие это имя, и упомянутое Белиджинское городище Торпах-Кала. Можно полагать, что топоним «Билиджи» образовался от татского *билинд* (адекватного средне- и новоперсидскому *боланд*), где переднеязычный зубной *n* был ассимилирован переднеязычным же зубным *d*, и слова *джер*, в котором оказалось утраченным конечное *p*, а краткое *e* перешло, чередуясь, в *и*. Поскольку подобные изменения присущи вокализму и консонантизму некоторых иранских языков¹⁴⁴, сопоставление топонимов *Беленджер* — *Билиджи* становится реальней, а вместе с тем получают реальную основу и высказанные выше предположения об образовании имени *Беленджер* от *боланд=би-*

¹⁴⁰ И. М. Оранский. Введение в иранскую филологию. М., 1960, стр. 326—327.

¹⁴¹ История Дагестана, т. I, стр. 122.

¹⁴² J. Klapproth. Geographische-Historische Beschreibung des Ostlichen Kaukasus, стр. 180.

¹⁴³ Б. В. Миллер. Талышский язык, стр. 54.

¹⁴⁴ Там же, стр. 34, 36, 54.

линд+джер и о локализации выстроенного Хосроем Ануширваном города Беленджера на месте Белиджинского городища Торпах-Кала.

Однако на Восточном Кавказе известны и другие пункты, посящие сходные наименования: раб. пос. *Баладжары* севернее г. Баку и сел. (*Дюз*)—*Билиджи* неподалеку от г. Дивичи. Близость обоих нынешних топонимов раннесредневековому наименованию *Беленджер* очевидна¹⁴⁵. Между тем в окрестностях названных пунктов отсутствуют или, по крайней мере, до сих пор не известны крупные археологические памятники, которые можно было бы считать остатками большого столичного города. Но, по свидетельству Табари, наименование *Беленджер* носили «целое царство и много городов»¹⁴⁶. Поэтому представляется возможным видеть в рассматриваемых топонимах отложение сходных наименований сравнительно небольших населенных пунктов (некоторых из «многих городов»), названных по имени всей страны—*Беленджер*. В таком случае, границы самой страны могут быть очерчены от Апшерона на юге до Дербентского прохода на севере. Примечательно, что в этих же границах были расселены и ираноязычные таты. Самым крупным археологическим памятником на этой территории является Белиджинское городище Торпах-Кала¹⁴⁷, отождествляемое, как отмечалось выше, с городом Беленджером, построенным Хосроем Ануширваном.

Как сообщают письменные источники, вблизи города Беленджера протекала одноименная река, за которой в сер. VII в. был разгромлен четырехтысячный арабский отряд, возглавляемый Салманом ибн Рабиа. В соответствии с предложенной локализацией мы должны искать эту реку южнее Дербента. Здесь, как известно, протекают три реки, две из которых—Самур и Рубас—названы по имени средневековыми источниками¹⁴⁸, тогда как имя реки Гюльгеры-чай в них не встречается. Подобное умалчивание представляется весьма странным, ибо по своей протяженности и водности эта река, уступая Самуру, в то же время значительно превосходит Рубас¹⁴⁹. Поэтому можно предположить, что

¹⁴⁵ А. Гусейнзаде. Указ. соч., стр. 58—59.

¹⁴⁶ Б. Дорн. Известия о хазарах восточного историка Табари, стр. 13.

¹⁴⁷ Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. ПИМК, № 9—10, 1933, стр. 38—43.

¹⁴⁸ Баладзори. Книга завоевания стран, стр. 16; Якуби. История, стр. 6. Оба названных гидронима вероятно иранского происхождения. В. Ф. Минорский, раскрывающий их этимологию из осетинских: «рубас» — «лиса», «самур» — «куница», считает оба эти имени аланскими-массагетскими (см. его. История Ширвана и Дербенда, стр. 110, прим. 10), однако в том же значении они были известны и в среднеперсидском языке (см. Р. Абрамян. Пехлевийско-персидско-армяно-русско-английский словарь, стр. 176, 199).

¹⁴⁹ К. К. Гюль, С. В. Власова, И. М. Кисин, А. А. Тертеров. Реки Дагестанской АССР. Махачкала, 1961, стр. 136—151.

она выступает в письменных источниках под другим именем, возможно, под именем «Беленджер». Вероятность подобного предположения может быть подтверждена сопоставлением современного и средневекового гидронимов.

В современном названии *Гюльгер(ы)* обращает на себя внимание конечный слог *гер*, легко возводимый, с учетом высказанных выше соображений, к первоначальному *джер*. Сопоставление североиранского (в том числе, татского) *билинд* с первым слогом современного гидро-

нима *гул* выявляет переход *би* в *гу*, характерный для консонантизма некоторых иранских языков¹⁵⁰. Он обусловлен свойством звука *и* чередоваться, лабиализуясь, со звуками *о* и *у*, происходящим под влиянием предшествующего лабиального звука¹⁵¹.

В нашем случае подобный переход тем более возможен, так как звуку *и* предшествует билабиальное *б*. Переход *би—ви* в *гу* и наоборот sporadически встречается и в кавказских языках (грузинском¹⁵², дагестанских¹⁵³), где он вероятно возник под иранским влиянием. Все это позволяет считать данное явление закономерным и, тем самым, при-

знать вероятность перехода *бил—гул*. Второй слог слова (*бил-*)*инд* отсутствует в современном гидрониме. Его исчезновение могло произойти вследствие редуцирования до нуля звука краткого безударного *и* перед носовым *н* (что свойственно вокализму иранских языков¹⁵⁴) и перехода конечного *нд* в результате коартикуляции сначала в *дж*, а затем — в *г*.

Таким образом, мы получаем лингвистические доказательства того, что средневековый гидроним *Беленджер* не исчез бесследно, а сохранился донныне в форме *Гюльгер(ы)*, значительно видоизмененной в процессе длительного и постоянного употребления в чрезвычайно пестрой этнической среде, но под определяющим влиянием иранской, особенно — татской, фонетики. Отождествление реки Беленджер с Гюльгерычаем помогает понять причину отсутствия упоминаний ее современного имени в средневековых источниках; оно полностью соответствует приведенному выше свидетельству Якуби о местоположении города (и, очевидно, реки) Беленджер к югу от реки Рубас.

¹⁵⁰ Б. В. Миллер. Указ. соч., стр. 53, 228.

¹⁵¹ Б. В. Миллер. Указ. соч., стр. 51; И. И. Цукерман. Заметки по курдской фонетике (об ассимилятивном переходе *і* в *и*). Иранский сборник. М., 1963, стр. 160—161.

¹⁵² М. К. Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, стр. 537.

¹⁵³ Например, слово *бириндж* — *рис* приобретает в дагестанских языках форму *гюрюч*, а ирано-арабское *гунах* — *грех* звучит в них как *бунах*.

¹⁵⁴ Б. В. Миллер. Указ. соч., стр. 51.

Изложенные соображения касаются местоположения реки Беленджер и возведенного вблизи нее Сасанидами одноименного города, выступавшего в армянских источниках под именем Чора—Чога. Последний был взят в 627 г. огромным войском хазар, возглавляемым Джебукаганом¹⁵⁵. Затем он некоторое время служил резиденцией хазарских каганов, на что прямо указывает Масуди¹⁵⁶.

Судя по некоторым данным письменных источников, такое положение сохранялось по-видимому до начала 60-х гг. VII в. Именно на этот период приходится активизация хазар на Восточном Кавказе, главным образом, в Агвании, причем их деятельность протекала здесь под непосредственным руководством высших сановников каганата. Так было на рубеже 20—30-х гг., когда Джебукаган со своим сыном, носившим титул шада, возглавили военные действия против Агвании, а каган («князь севера») направил смотрителей взимать дань с населения этой страны и затем участвовал в походе на Армению¹⁵⁷. То же самое произошло и в начале 50-х гг., когда каган лично руководил разгромом арабского отряда Салмана ибн Рабиа «за рекою Беленджером»¹⁵⁸. Эти факты могут хотя и косвенным образом свидетельствовать о том, что резиденция хазарских каганов и их ближайшего окружения находилась в непосредственной близости от тех мест, где происходили упомянутые события, вероятнее всего — в городе Чога—Беленджер.

Однако в неудачном для хазар походе 662 г. ни сам каган, ни ябгу (джебу), ни шад участия не принимали¹⁵⁹, а спустя небольшой промежуток времени, с 664 г. и вплоть до начала VIII в. хазары почти полностью исчезают с политической арены Восточного Кавказа¹⁶⁰. В письменных источниках, повествующих о событиях этих лет, перестают упоминаться хазарские каганы, ябгу, шады.

Роль хазар на время переходит к гуннам, чья страна вместе с упоминавшимся выше столичным городом Барачаном располагалась в средней части Прикаспийского Дагестана. Правда, некоторые исследователи отождествляют этих гуннов с хазарами, а их правителя — князя Алп-Илитвера считают хазарским каганом¹⁶¹. Но, как убед-

¹⁵⁵ История агван Моисея Каганкатваци, стр. 104—105.

¹⁵⁶ Масуди. Танбих. СМОМПК, XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 34.

¹⁵⁷ История агван Моисея Каганкатваци, стр. 110—111, 118—129, 131—133.

¹⁵⁸ Балладзори. Книга завоевания стран, стр. 14; Якуби. История, стр. 5.

¹⁵⁹ История агван Моисея Каганкатваци, стр. 149—150.

¹⁶⁰ Согласно обоснованному мнению М. И. Артамонова, причиной этого послужила начавшаяся около середины VII в. упорная и ожесточенная борьба между хазарами и булгарами, закончившаяся к началу VIII в. разгромом болгарской державы и подчинением хазарам оставшейся части болгарских племен (М. И. Артамонов. История хазар, стр. 171—175, 189—192).

¹⁶¹ С. Т. Еремян. Моисей Калакатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу, стр. 129—132; З. Бунятов. Азербайджан в VII—IX вв., стр. 102—104.

тельно показал М. И. Артамонов, источники этого времени различают гуннов и хазар, а упомянутого правителя гуннов называют вассалом хазарского кагана¹⁶². Об этом же свидетельствует и зафиксированный в имени гуннского князя Алп-Илитвера его титул — эльтебер. В древнетюркской иерархии он стоял значительно ниже не только каганского титула, но также титулов ябгу и шада. Его носили обычно главы племен, входивших в состав древнего тюркского каганата, но сохранивших свое управление¹⁶³. По-видимому титул эльтебер сохранил свое значение и в раннем Хазарском каганате. Во всяком случае ему полностью соответствует положение Алп-Илитвера, — полномочного владельца своей сравнительно небольшой страны, находившегося однако в вассальной зависимости от хазарского кагана¹⁶⁴.

Известно, что направлявшееся на рубеже 681—682 гг. в Варачап, к князю Алп-Илитверу агванское посольство во главе с епископом Израелом прошло и через город Чога¹⁶⁵. Но при описании этого события Моисей Каганкатвацци не упоминает хазарских каганов или других представителей их высшей знати, которые, по-видимому, к тому времени уже оставили город Чога (Беленджер).

Отсутствуют упоминания высокопоставленных предводителей хазар и в описаниях их единственного за этот период набега на Закавказье в 684 г.¹⁶⁶ Но при освещении последующих событий, происходивших на Восточном Кавказе с начала VIII в., на страницах «Истории агван» и других армянских и арабских источников в качестве одной из главных политических сил вновь выступают хазары, предводительствуемые каганом (владельцем или царем хазар) либо его сыном. По свидетельству этих источников, каган постоянно находился к северу от главной арены происходивших событий, охватывавшей не только территорию нынешнего Азербайджана, но и центральную часть Прикаспийского Дагестана. Только в случае необходимости он со своим войском спускался на юг, чтобы оказать помощь союзникам — гуннам или возглавляемым сыном армиям хазар¹⁶⁷.

¹⁶² М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 183—184.

¹⁶³ А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VII веков. М.—Л., 1946, стр. 111, 112, 114.

¹⁶⁴ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 128; D. Dup-
lор. The History of the Jewish Khazars, стр. 59.

¹⁶⁵ История агван Моисея Каганкатвацци, стр. 192.

¹⁶⁶ История халифов вардапета Гевонда, стр. 10; Всеобщая история Вардана Великого, стр. 90.

¹⁶⁷ История агван Моисея Каганкатвацци, стр. 260—261; История халифов вардапета Гевонда, стр. 28; Якуби. История, стр. 6—7; Б. Дорн. Известия о хазарах, стр. 22, 68—69, 82—83; из «Тарих-ал-Камиль» Ибн ал-Асира. Пер. П. Жузе. Баку, 1940, стр. 24—29.

Основываясь на приведенных данных, можно заключить, что город Чога—Беленджер служил резиденцией хазарских каганов около 30 лет — с конца 20-х до рубежа 50—60-х гг. VII в. Вероятно, после этого она была перенесена отсюда на север, скорее всего в Семендер, также служивший, по свидетельству Масуди и других средневековых арабских авторов, одной из ранних столиц Хазарского каганата.¹⁶⁸ Можно полагать, что это событие было вызвано какими-то серьезными причинами, вероятнее всего — необходимостью приблизить резиденцию кагана к северокавказским степям, где в это время разворачивалась упорная борьба между хазарами и булгарами, во многом определившая исторические судьбы молодого хазарского государства. Во всяком случае, вряд ли мог послужить побудительной причиной для такого переноса поход четырехтысячного арабского отряда в 652/3 г., закончившийся, как известно, полным разгромом и гибелью его предводителя Салмана ибн Рабиа.

Город Беленджер (Чога) был взят в 722/3 г. войсками арабского полководца Джарраха, захватившими здесь большую добычу¹⁶⁹. После этого и по мере возвышения Дербента, ставшего оплотом арабов в Дагестане, он быстро утратил свое былое значение. Исчезают со страниц исторических хроник упоминания его имени *Беленджер*, лишь изредка встречается его другое наименование — *Сур* или *Сул*¹⁷⁰.

Однако в арабских исторических и географических сочинениях еще долгое время упоминается *Беленджер хазарский*, о местоположении которого приводятся однако самые противоречивые сведения.

По данным Табари и Ибн ал-Асира, этот Беленджер (Габари называет его Булхар или Балх) располагался между городами Таргу и Семендером¹⁷¹. Эти данные интерпретируются исследователями по-разному. Те из них, кто отождествляет Семендер и Таргу, помещают

¹⁶⁸ Масуди. Мурудж, XVII, 4. Цит. по: В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 192; Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, стр. 179, 181. Правда, по Масуди и некоторым другим арабским авторам, Семендер был хазарской столицей до сер. VII в., но после завоевания его Салманом ибн Рабиа управление было перенесено оттуда в Итиль. Последнее утверждение вызывает однако весьма серьезные сомнения, поскольку у наиболее достоверных арабских историков: Белазури, Якуби и др. нет сведений не только о завоевании, но даже о достижении Семендера небольшим отрядом Салмана ибн Рабиа. Этот отряд был разгромлен «за рекою Беленджером» вскоре после того, как он вышел из Кабалы (по Белазури и Ибн ал-Асиру) или Маската (по Якуби), т. е. к югу от Дербента — Баб ал-Абваба.

¹⁶⁹ Якуби. История, стр. 6.

¹⁷⁰ Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930, стр. 32; В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 52.

¹⁷¹ Б. Дорн. Известия о хазарах, стр. 23—24; из «Тарих ал-Камиль» Ибн ал-Асира, стр. 24—25.

Беленджер (в свою очередь отождествляемый с Варачаном) к западу от гор. Махачкалы,— либо на среднем течении Сулака¹⁷², либо в районе нынешнего гор. Буйнакса¹⁷³. Другие, различающие Таргу (на месте нынешнего сел. Тарки) и Семендер (в низовьях Терека), помещают Беленджер к югу от Семендера — на р. Сулак¹⁷⁴ или в районе гор. Буйнакса¹⁷⁵. А некоторые исследователи усматривают в этих и других сообщениях письменных источников свидетельство тому, что Беленджер находился на Сулаке или вблизи него, но к северу от Семендера, локализуемого на месте гор. Махачкалы¹⁷⁶.

Отметим кстати, что точно так же — севернее Семендера, на Сулаке помещают Беленджер (*Белидж*) некоторые списки «Дербенд-наме»¹⁷⁷. Но, как справедливо отметил еще А. Казембек, в действительности речь идет здесь и в некоторых других источниках о городе *Булхар* или *Балх*, наименование которого оказалось несколько измененным по небрежности переписчиков¹⁷⁸. Город Булхар-Балх располагался, по свидетельству местных хроник, на р. Сулак; причем сам город находился на правом, а его крепость (цитадель?) — на левом берегу этой реки¹⁷⁹. Этим данным полностью соответствуют особенности географического положения Верхнечирюртовского и Бавтугайского городищ, расположенных друг против друга по обе стороны Сулака, что позволяет видеть в этих памятниках остатки города Булхара-Балха (рис. 37)¹⁸⁰. Судя по археологическим данным, оба названные памятника бытовали до X в.¹⁸¹, когда жизнь на них была прервана, вероятнее всего, во время известного похода дружины Святослава в 965 г.

Приведенные данные о местоположении Беленджера хазарского почерпнуты преимущественно из исторических трудов, описывающих

¹⁷² J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, стр. 16—19.

¹⁷³ С. Т. Еремян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу, стр. 141—146.

¹⁷⁴ Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе, стр. 41—45; D. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 88 (карта).

¹⁷⁵ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 387 (карта), 388.

¹⁷⁶ V. Miropzky. Hudud al' Alam, стр. 452—453.

¹⁷⁷ А. Казем-Бег. Derbend-Nameh, стр. 480.

¹⁷⁸ Там же, стр. 480—482; можно предполагать, что таким же путем появился в арабских источниках и этноним *баранджар*, прилагавшийся к небольшой группе населения города Булгар (Биляр) в Волжской Булгарии. (см.: А. Х. Халиков. О столице домонгольской Булгарии. СА, 1973, № 3, стр. 95—98).

¹⁷⁹ Тарихи Дербенд-наме, стр. 76, 131; А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 34.

¹⁸⁰ Дагестанский археолог М. Г. Магомедов, исследующий в последние годы Верхнечирюртовское городище, отождествляет этот памятник с Беленджером. См. об этом: М. Г. Магомедов, Верхне-Чирюртовское городище, стр. 159, 163—167.

¹⁸¹ Н. Д. Путинцева. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (рукопись). Махачкала, 1961, РФ ИИЯЛ, д. № 2875, стр. 64.

перипетии арабо-хазарских войн первой половины VIII в. В трудах арабских географов IX—X вв. он либо вовсе не упоминается, (ал-Истахри, Ибн Хаукаль), либо только называется по имени, без сколько-нибудь подробных описаний самого города и сведений о его географическом нахождении (Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, Масуди, ал-Мукаддаси и др.).

Описания Беленджера отсутствуют и в более поздних арабских географических сочинениях, где, однако, появляются данные о его местоположении. К числу наиболее ранних относятся приведенные в трудах ал-Бируни (XI в.) координаты в градусах долготы и широты для Беленджера и Семендера (73° и $44^\circ 50'$ и $72^\circ 30'$ и $44^\circ 55'$)¹⁸². Если ориентироваться на эти данные и учесть принятую арабскими географами величину градуса около 112 км¹⁸³, Беленджер должен располагаться в 55—60 км. к востоку от Семендера и несколько южнее него. Однако на карте Идриси (XII в.) Беленджер помещен к северо-западу от Семендера и на значительно большем расстоянии от него¹⁸⁴. Опирающиеся на эти сведения исследователи обычно локализуют Беленджер на месте городища Маджары, вблизи сел. Бургонмажары, на среднем течении р. Кумы¹⁸⁵.

Более поздние арабские географы «перемещают» Беленджер еще дальше на север. В географии Абу-л-Фида (XIV в.) Беленджер отождествлен с Итилем, причем его географическое положение определено под двумя разными координатами ($75^\circ 20'$ и $46^\circ 30'$ и 78° и $44^\circ 50'$)¹⁸⁶. Хамдулла Казвини (XIV в.) различает Итиль (88° и $44^\circ 50'$) и Беленджер ($85^\circ 20'$ и $46^\circ 30'$)¹⁸⁷. Судя по приведенным координатам, он помещал Беленджер значительно северо-западнее Итиля.

Таким образом, как мы имели возможность убедиться, в арабской исторической и географической литературе отсутствует сколько-нибудь определенное представление о географическом положении Беленджера

¹⁸² Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, стр. 178.

¹⁸³ И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. IV, М.—Л., 1957, стр. 83.

¹⁸⁴ Б. А. Рыбаков. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси, стр. 144, рис. 4.

¹⁸⁵ Г. Н. Прозрителев. Мажары — один из древнейших городов Северного Кавказа. СССК, т. I, Ставрополь, 1906, стр. 1—6; СМОМПК, XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 20—21; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте Маджар в 1907 г. Тр. XIV АС в Чернигове. Т. III, М., 1911, стр. 165; Б. А. Рыбаков. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси, стр. 144, рис. 4а.

¹⁸⁶ Б. Дорн. Каспий. О походах древних русов в Табаристан. СПб., 1875, стр. 87, 123; Я. А. Гаркави. Существовала ли у хазар столица под названием Баланджар, стр. 5.

¹⁸⁷ Б. Дорн. Каспий, стр. 86.

хазарского¹⁸⁸. Единственное, в чем сходятся источники,—это в стремлении поместить его к северу от Дербента — Баб ал-Абваба, все остальные данные существенно различаются между собой. При сопоставлении этих данных отчетливо выступает тенденция «перемещать» время от времени этот город все далее и далее на север.

Из всего сказанного складывается впечатление, что Беленджер хазарский не существовал в действительности¹⁸⁹. Причина широкого распространения в арабских источниках сведений об этом не существовавшем городе кроется, по нашему мнению, в следующем. Как уже отмечалось, в рассказе Табари-Балами о первых арабских завоеваниях на территории Сасанидского Ирана упоминается сказочно богатое «царство и множество городов, называемое Беленджер», которое находилось далеко к северу от Дербента хазарского, но южнее стены Яджуджа и Маджуджа¹⁹⁰. В сасанидскую эпоху имя *Дербенд Хазарский* носил город, располагавшийся в Азербайджане, между Реем и Ираком¹⁹¹, вероятно, в горах к северу от Хамадана, в южной части нынешнего Иранского Азербайджана. Стеной Яджуджа и Маджуджа долгое время считались крепостные сооружения Дербента дагестанского — Баб ал-Абваба¹⁹².

Однако спустя менее чем столетие, по мере расширения арабских завоеваний на Кавказе, существенно конкретизировались, а отчасти и изменились географические представления самих арабов об этом крае. В частности, наименование *Дербенд Хазарский* закрепилось за дагестанским Дербентом — Баб ал-Абвабом. Данное обстоятельство отразилось и на представлениях о географическом положении Беленджера, точнее — Беленджеров, поскольку в источниках того времени возникает мнение о существовании двух городов, носивших это имя.

Местоположение одного из них (сооруженного Хосроем Ануширваном) довольно четко определяется некоторыми арабскими географами к югу от Дербента дагестанского — Баб ал-Абваба, т. е. на том самом месте, где он, как было показано выше, располагался в действительности.

¹⁸⁸ Нам оказались недоступными упомянутые некоторыми исследователями сведения русских летописей XIII в. о Беленджере (см.: БСЭ, второе изд., т. 4, стр. 417; СИЭ, т. 2, стр. 224).

¹⁸⁹ Как известно, это мнение высказывалось ранее А. Казембеком (*Derbend-Nameh*, стр. 480—481), Я. А. Гаркави (Существовала ли у хазар столица под названием Баланджар, стр. 1—7); в наше время к нему порою склонялся М. И. Артамонов. (История хазар, стр. 184).

¹⁹⁰ Б. Дорн. Известия о хазарах, стр. 12—18.

¹⁹¹ Там же, стр. 8.

¹⁹² Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, стр. 134—135.

сти. Но вскоре после арабского завоевания этот город приходит в упадок и забывается¹⁹³.

Зато в арабских источниках возникает и долго бытует версия о другом — «хазарском» Беленджере. Своим возникновением она была, вероятно, обязана механическому перенесению в новые условия прежних, восходящих еще к сасанидскому времени, представлений о расположении Беленджера к северу от Дербенда хазарского. Но при этом совершенно не принималось во внимание то весьма важное обстоятельство, что под именем *Дербенда Хазарского* выступает уже совершенно иной город, находившийся не в Азербайджане, а на значительном расстоянии от него, — на Северо-Восточном Кавказе. Именно это, глубоко ошибочное в своей основе представление объединяет всех арабских историков и географов, писавших о Беленджере хазарском. Однако в определении его конкретного географического положения их мнения существенно расходятся.

Как уже отмечалось, сначала Беленджер хазарский помещали между городами Таргу и Семендер, что полностью соответствует местоположению Урцекского городища — дагестанского Варачана¹⁹⁴. (Этот случай имеют в виду исследователи, отождествляющие хазарский Беленджер с Варачаном). Затем источники помещают его к северу от Семендера, что совпадает с положением Верхнечирюртовского городища на Сулаке, отождествляемого с городом Булхар-Балх. (На этот факт опираются исследователи, локализирующие хазарский Беленджер на Сулаке или усматривающие в его наименовании искаженное имя города Булхар). Наконец, самые поздние арабские географы отодвигают хазарский Беленджер еще далее на север, сначала в северокавказские степи, на место города Маджары (среди исследователей нового времени есть немало сторонников локализации Беленджера хазарского именно на этом месте), а затем — на место поздней столицы хазар — города Итиля и даже еще севернее.

¹⁹³ Предлагаемая оценка в какой-то мере согласуется со взглядами Б. Н. Заходера, отмечавшего, что хранителем сведений о Беленджере является по преимуществу арабская историография, уходящая своими корнями в ранние омейядские традиции. Захват арабами Беленджера в 104—722/723 гг., вызвавший перенос хазарской столицы, был, по его мнению, тем временем, когда наши сведения, почерпнутые из нарративных источников о Беленджере, обрываются. Арабские географы аббасидского времени знают преимущественно Семендер. (Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 177—178).

¹⁹⁴ На расстоянии одного дня пути к югу от Урцекского городища находится городище Таргу, отождествляемое с одноименным городом, о чем подробнее говорится ниже; на таком же расстоянии к северу от него расположено Махачкалинское городище, отождествляемое с Семендером (подробнее об этом см. в нашей статье. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера; стр. 232—255 наст. сборника).

Однако уже у некоторых средневековых арабских географов по-видимому возникали сомнения в реальности Беленджера хазарского, на что косвенным образом указывает следующее обстоятельство. В описаниях Хазарии у ал-Истахри и Ибн Хаукаля отсутствует упоминание этого города, причем оба они подчеркивают, что им не известно в области хазар ни одного густонаселенного пункта (у Ибн Хаукаля — «сборного места») кроме Семендера¹⁹⁵. Однако столь категорическое утверждение названных авторов носит скорее полемический, нежели констатационный характер, поскольку им обоим помимо Семендера был хорошо известен также и город Итиль — столица Хазарии¹⁹⁶. Можно поэтому полагать, что полемическое острое подобный утверждений было направлено именно против Беленджера, упоминаемого наряду с Семендером и Итилем другими арабскими географами, но по-видимому вполне сознательно пропущенного ал-Истахри и Ибн Хаукалем.

И все же подобного рода сомнения (если признать справедливость приведенных соображений) были присущи лишь немногим арабским географам. Большинство же их, отдавая дань книжной традиции, признавали реальность существования Беленджера хазарского. Но и они не располагали конкретными данными о местонахождении этого города и поэтому постепенно, по мере накопления географических знаний о Хазарии, «перемещали» его все дальше на север, к ее отдаленным, менее известным им пределам. Возникшие таким образом противоречивые свидетельства средневековых источников о местоположении Беленджера хазарского в свою очередь породили значительные расхождения во взглядах исследователей нового времени, привлекавших при решении этого вопроса лишь те сообщения средневековых авторов, чьи данные более всего отвечали их собственным концепциям.

3. ТАРГУ

Упомянутый письменными источниками в связи с арабо-хазарскими войнами город Таргу принято локализовать на месте нынешнего сел. Тарки, около Махачкалы. Главным аргументом в пользу такой локализации служит совпадение древнего и современного топонимов¹⁹⁷.

Однако в Прикаспийском Дагестане есть еще один географический

¹⁹⁵ Ал-Истахри. Из «Книги путей царств», стр. 49; Ибн Хаукаль. Из «Книги путей и царств», стр. 115.

¹⁹⁶ Ал-Истахри. Из «Книги путей царств», стр. 39, 41, 55; Ибн Хаукаль. Из «Книги путей и царств», стр. 108, 112—113, 118.

¹⁹⁷ С. Т. Еремян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу, стр. 142—143; Л. И. Лавров. Тарки до XVIII века. УЗ ИИЯЛ, т. IV, Махачкала, 1958, стр. 13—15.

пункт — обширное урочище в среднем течении р. Гамри-озень, между сел. Алхаджикент Каякентского района и сел. Маммааул Сергокалипского района, — называемое жителями окрестных кумыкских селений именем *Таргу* или *Даргу*¹⁹⁸, а даргинских — *Дарго*, *Хямур-Дарго* или *Хамри-Дарго*¹⁹⁹.

В конце XVII — начале XVIII вв. в его окрестностях была обнаружена клинописная надпись, известная под именем Таркинской²⁰⁰. В наше время здесь выявлено крупное городище (по размерам, структуре и многослойной стратиграфии оно во многом сходно с упомянутым выше Урцекским городищем — дагестанским Варачаном), представляющее собой остатки большого, хорошо укрепленного города, который в албанский (I—IV вв.) и раннесредневековый (V—VIII вв.) периоды являлся одним из важных политических и торговых центров на Прикаспийском пути²⁰¹. По своему местоположению этот памятник гораздо больше, нежели современное сел. Тарки, соответствует географическому положению раннесредневекового города Таргу.

Он находится примерно посредине между Дербентом и Махачкалой (на месте которой вероятнее всего располагался город Семендер), на расстоянии 85—95 км (двух дней пути) от каждого из них. При этом особенно важное значение приобретает тот факт, что между городищем Таргу на р. Гамри-озень и районом нынешней Махачкалы находится Урцекское городище (дагестанский Варачан). Последнее, благодаря развитой системе «длинных стен» и оборонительных сооружений, эффективно контролировало Бойнакское дефиле — одно из трех естественных сужений на дагестанском отрезке Прикаспийского пути. Вследствие этого его невозможно было миновать при движении из Дербента на север, в район нынешней Махачкалы. Однако ни один из раннесредневековых письменных источников, повествующих об арабских походах против города Таргу, не упоминает между ним и Дербен-

¹⁹⁸ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 218.

¹⁹⁹ Б. Г. Алиев. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1972, стр. 15—16.

²⁰⁰ Н. В. Ханьков. Гвоздеобразная надпись, известная под именем Таркинской. Приложение к книге: К. Ритгер. Иран. Ч. I, СПб., 1874, стр. 501—506. Автор указывает, что место с надписью находится к югу от сел. Бойнак (соврем. Уллубийаул) и Осмин (соврем. Усемикент), но севернее Дербента (стр. 505). Это полностью соответствует местоположению городища Таргу.

²⁰¹ В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Работы в Прикаспийском Дагестане. АО 1971 г. М., 1972, стр. 153—154; их же. Археологические работы на территории средневекового княжества Хамрин. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг. Махачкала, 1973, стр. 3—5; Л. Б. Гмыря, В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Раскопки на городище Таргу. АО 1972 г. М., 1973, стр. 121—122.

том никакого другого города, за исключением, пожалуй, небольшой крепости Хасин или Гумри, надежно локализуемой в низовьях р. Гамри-озень, вблизи сел. Каякент²⁰². Отмеченное обстоятельство послужило важным аргументом, чтобы локализовать раннесредневековый город Таргу не в районе нынешней Махачкалы, а на среднем течении р. Гамри-озень, на месте упомянутого одноименного городища (рис. 37)²⁰³.

Подобная локализация наиболее отвечает вытекающему из сообщений письменных источников факту, что город Таргу был первым к северу от Дербента крупным городом. Можно полагать, что он служил столичным центром княжества или страны Хамрин, вследствие чего носил еще и это имя. В пользу такого предположения свидетельствует сохранившееся у даргинцев наименование упомянутого городища *Хамри-Дарго*, в котором зафиксированы оба имени располагавшегося на его месте древнего города: *Хамрин* и *Даргу-Таргу*.

Раннесредневековое княжество Хамрин (Хамзин, Гимран) занимало, по-видимому, бассейн р. Гамри-озень, на что указывает, в частности, совпадение древнего названия и современного гидронима²⁰⁴. Археологическими разведками в нижнем и среднем течении р. Гамри-озень и прилегающей территории здесь выявлено уже до 10 многослойных бытовых памятников, имеющих культурные напластования и раннесредневековой эпохи. Это подтверждает свидетельства письменных источников о том, что в княжестве Хамрин помимо столичного центра были и другие города²⁰⁵.

Среди известных здесь сейчас памятников необходимо особо отметить два городища, расположенные на небольшом (не более 2 км) расстоянии друг от друга, в низовьях р. Гамри-озень, у места ее выхода из предгорий на равнину. Благодаря особенностям своего расположения и наличию довольно мощных укреплений, они надежно защищали со стороны приморской равнины вход в речную долину, пользуясь которым можно было легко проникнуть в глубь территории княжества Хамрин. Одно из них—городище Эскиюрт—расположено на северном берегу р. Гамри-озень. Оно отождествляется, как уже отмечалось выше, с упомянутой «Дербенд-наме» крепостью Гумрин, что недалеко от Каякента²⁰⁶; в других источниках она называется Хасин или Хусайн

²⁰² М. И. Исаков. Указ. соч., стр. 215.

²⁰³ В. Г. Котович. Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана, стр. 155; В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Работы в Прикаспийском Дагестане, стр. 154.

²⁰⁴ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 132, прим. 68.

²⁰⁵ Б. Дорн. Известия о хазарах, стр. 91.

²⁰⁶ М. И. Исаков. Указ. соч., стр. 215; см. также: Тарихи Дербенд-наме, стр. 32, 63, 69.

(маленькая крепость)²⁰⁷. В то же время она являлась по- существу лишь одной частью своеобразного «двойного» города, вторая половина которого находилась на противоположном берегу р. Гамри-озень, на месте городища Чакавуркент²⁰⁸. По-видимому именно с обоими названными памятниками должен быть отождествлен упомянутый источниками «Хуснаин, состоящий из двух городов» (рис. 37)²⁰⁹, который обычно локализуется в стране Хамрин²¹⁰.

Другие городища расположены выше по течению р. Гамри-озень, в глубине предгорий, причем часть из них приурочена к сохранившимся донные участкам древней трассы Прикаспийского пути. Последние имеют вид сильно оплывших отрезков дорожной колеи, иногда огражденной с обеих сторон каменными стенками. Они прослеживаются к северу от городища Таргу до Урцекского городища, а к югу от городища Таргу — до района нынешнего сел. Маджалис (Кайтагский район).

Городище Таргу (Хамри-Дарго) — не только самое крупное среди известных ныне памятников данного района. Помимо значительных размеров (площадь населенного пункта не менее 30 га) его отличают также наличие сложной и мощной системы фортификации и развитая сеть дорог. Все это ярко характеризует важное торгово-экономическое и военно-стратегическое значение располагавшегося здесь раннесредневекового города.

Эта характеристика дополняется свидетельствами письменных источников, позволяющими, несмотря на их скудость, по- достоинству оценить ту немаловажную роль, которую город Таргу-Хамрин сыграл в бурных событиях VII—перв. пол. VIII вв. Основываясь на сообщаемых ими сведениях, можно полагать, что названный город, равно как по-видимому и вся страна Хамрин, оказались включенными в границы «царства гуннов», возникшего в средней части Прикаспийского Дагестана не позднее середины VII в.²¹¹ Очевидно этому в немалой степени способствовала их территориальная близость к столице царства гуннов — городу Варачану (Урцекскому городищу), находившемуся всего в одном дне пути (на расстоянии около 35 км) к северу от города Таргу-Хамрин.

Хорошо известно, что во второй половине VII в. политические устремления гуннских правителей были направлены на юг — к Агвани

²⁰⁷ Б. Дорн. Известие о хазарах, стр. 23, из «Тарих ал-Камиль» Ибн ал-Асира, стр. 24.

²⁰⁸ Об этом городище см. М. И. Исаков. Указ. соч., стр. 216.

²⁰⁹ Б. Дорн. Известия о хазарах, стр. 82.

²¹⁰ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 216.

²¹¹ Там же, стр. 181—186.

и другим странам Закавказья, против которых они неоднократно предпринимали грабительские походы. Однако в это время им уже не удавалось нигде здесь закрепиться надолго. Поэтому господство над страной Хамрин обеспечивало гуннам чрезвычайно важный плацдарм, откуда открывался ближайший в этих условиях и практически совершенно беспрепятственный доступ к Дербенту и странам Закавказья. Помимо того, благодаря господству над страной Хамрин, гунны могли нейтрализовать своих юго-западных соседей — страну Хайдак (Кайтаг), которой, насколько можно судить по имеющимся данным, удалось в это время сохранить свою независимость.

В начале VIII в. политическая обстановка в Прикаспийском Дагестане резко меняется, а вместе с нею меняется и роль города Таргу. Он становится первым к северу от Дербента узлом обороны, где местное население совместно с гуннами и хазарами оказывали отчаянное, а временами небезуспешное сопротивление арабам.

Первый поход арабов против этого города имел место около 715 г. Его возглавил известный полководец халифата Маслама Ибн Абд ал-Мелик, который, по свидетельству Гевонда, «с большим войском прошел проход Чора, грабя страну гуннов, и расположился лагерем при гуннском городе Таргу»²¹². На помощь осажденным пришел хазарский каган с «огромным войском». Масламе удалось спастись от разгрома лишь с помощью хитрости, оставив хазарам свой лагерь со всем имуществом, слугами и даже гаремом. Арабские источники весьма глухо сообщают об этой неудаче²¹³, а у кавказских историков перипетии неудачного похода Масламы описаны более подробно²¹⁴.

Следующий поход арабов против страны Хамрин был более успешным. В 722/3 г. арабский наместник Армении Джаррах Ибн Абдаллах ал-Хаками вторгся с двадцатипяти тысячным войском в Дагестан, захватил Беленджер, прошел через Дербенд (Баб ал-Абваб), ограбив селения нижнего Кайтага и Табасарана, разгромил хазарское войско во главе с сыном кагана Барджилом в сражении у р. Дарвагчай и достиг «области Хамрин (Хамзин)». Можно полагать, что арабы подошли к ней со стороны приморской равнины, так как первой на их пути встретилась крепость Хасин (отождествляемая, как отмечалось выше, с городищем Эскиюрт, в низовьях р. Гамри-озень), защитники которой, однако, не оказали им сопротивления. Затем войско Джарраха, очевидно продвинувшееся вверх по долине р. Гамри-озень, достигло стен города Таргу (имя которого по небрежности переписчиков

²¹² История халифов вардапета Гевонда, стр. 28.

²¹³ Б. Дорн. Известия о хазарах, стр. 82—83; из «Тарих ал-Камиль» Ибн ал-Асира, стр. 29—30.

²¹⁴ История халифов вардапета Гевонда, стр. 28; История агван Моисея Каганкатваца, стр. 260—261.

передается в форме *Бергху, Берау, Иергху, Яргуа* и т.п.), жители которого после шестидневной осады заключили с арабами мир²¹⁵. После этого, по версии одних источников, арабы прошли дальше²¹⁶, согласно же Белазури и Ибн ал-Асиру, Джаррах обязал жителей Хамрина переселиться в окрестности Хайзана²¹⁷.

Но это обязательство по-видимому не было ими выполнено, ибо спустя непродолжительный отрезок времени, в 738/9 г. страна Хамрин вновь становится одним из очагов отчаянного сопротивления арабам, которых на этот раз возглавлял новый наместник Армении, будущий халиф Мерван Ибн Мухаммед. Отряду Мервана после месячной осады удалось захватить «замок» страны Хамрин (Гимран)²¹⁸. В рассказе Табари-Балами об этом событии есть интересная деталь: Мерван наградил отличившегося при взятии этого замка воина крупной денежной суммой и предоставил ему право выбрать себе любую женщину из числа побежденных. Однако его избранница бросилась вместе с ним со скалы в пропасть, где оба разбились насмерть²¹⁹. Рассказ средневековых арабских историков находит неожиданные и удивительные параллели. На упомянутом выше городище Таргу (Хамри-Дарго) имеется почитаемое место — священная в глазах местных жителей могила девушки по имени Оглан-бег. Согласно местному историческому преданию, она была родственницей правителя этого города, который, оказавшись побежденным пришлыми откуда-то неприятелями, был вынужден отдать ее в жены за одного из завоевателей. Не желая мириться с этим, гордая девушка бросилась вместе со своим нареченным в ущелье и оба разбились²²⁰. Сопоставление данных Табари-Балами со сведениями местного исторического предания не оставляет сомнений, что в обоих случаях речь идет об одном и том же событии. Для наших целей этот факт важен еще и потому, что он позволяет отождествить упомянутый источниками «замок» страны Хамрин (Гимран) с городом Таргу-Хамрин.

²¹⁵ О походе Джараха см.: Баладзори. Книга завоевания стран, стр. 16; Якуби. История, стр. 16; Б. Дорн. Известия о хазарах, стр. 19—23; из «Тарих ал-Камиль» Ибн ал-Асира, стр. 23—24; Тарихи Дербенд-наме, стр. 74—76.

²¹⁶ Подробнее о маршруте этого похода Джарраха см.: В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 132, прим. 68.

²¹⁷ Баладзори. Книга завоевания стран, стр. 16; из «Тарих ал-Камиль» Ибн ал-Асира, стр. 24.

²¹⁸ Баладзори. Книга завоевания стран, стр. 18; Б. Дорн. Известия о хазарах, стр. 91; из «Тарих ал-Камиль» Ибн ал-Асира, стр. 33.

²¹⁹ Б. Дорн. Известия о хазарах, стр. 91; Тарихи Дербенд-наме, стр. 153—154.

²²⁰ Приводимые здесь и ниже местные предания об исторических судьбах города Таргу (Хамри-Дарго) записаны со слов жителей окрестных кумыкских и даргинских селений: Алхаджикент, Джаванкент, Гаша, Кичи-Гамри, Маммааул и др.

Разгневанный неожиданным поворотом событий Мерван приказал вырезать поголовно весь гарнизон и городское население²²¹, после чего город Таргу-Хамрин пришел в упадок и никогда больше не достигал прежнего положения.

Сведения источников дополняются сообщениями местных исторических преданий, относящихся к городищу Таргу. Согласно им, после разрушения существовавшего некогда в этом месте города и опустошения прилегающей округи часть его населения бежала на север, где основала одноименное селение (нынешнее Тарки)²²², другие пашли спасение в горах; от последних якобы пошла приставка *дарга* или *даргва* к наименованиям даргинских «вольных» обществ.

Достоверность сообщений о более позднем, чем VIII в., возникновении имени современного с. Тарки может быть подтверждена и другими данными. Имя *Тарки* (*Таргу*, *Тарху*) применительно к этому географическому пункту появляется в источниках не ранее XIII в.²²³, а до того, по свидетельству «Дербенд-наме», он назывался *Семенд*, т. е. *Семендер*²²⁴. Последний же всеми источниками четко различается от города Таргу, на что уже обращалось внимание в специальной литературе²²⁵.

Судя по археологическим данным, Семендер располагался не на самом месте нынешнего сел. Тарки, а несколько северо-восточнее него, на месте гор. Махачкалы (рис. 37, 38). Именно здесь еще совсем недавно были видны остатки двух мощных крепостных стен, тянувшихся от горы Тарки-Тау до моря и ограждавших огромную территорию древнего города²²⁶. Что же касается места, на котором ныне расположено сел. Тарки, оно прежде называлось иначе, а именно: *Азайни*²²⁷.

Однако взятый сам по себе этот факт отнюдь не означает, что имя нынешнему сел. Тарки действительно дали выходцы из разрушенного арабами города Таргу на Гамри-озени. Не исключено, что сообщаемые преданиями сведения представляют собой попытку более позднего осмысления («народной этимологии») случайного совпадения этих двух наименований, которые могли возникнуть и независимо друг от друга.

²²¹ Б. Дорн. Известия о хазарах, стр. 91; Тарихи Дербенд-наме, стр. 154.

²²² М. И. Исаков. Указ. соч., стр. 218.

²²³ Л. И. Лавров. Тарки до XVIII века, стр. 16.

²²⁴ Тарихи Дербенд-наме, стр. 31.

²²⁵ Фр. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе, стр. 42; М. Саидов. Дербенд-наме. Тр. второй научной сессии Даг. базы АН СССР, Махачкала, 1949, стр. 105.

²²⁶ А. С. Башкиров. Изучение памятников старины, стр. 239; В. Г. Котович. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера (см. в наст. сборн. стр. 237—243).

²²⁷ Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане, стр. 200; Х. Х. Халилов. Лакские эпические песни. Махачкала, 1969, стр. 202.

В этой связи уместно привести мнения специалистов о возможном происхождении названия современного сел. Тарки от монгольского *даруга—старшина, правитель, наместник*²²⁸.

Достоверность сведений о связи топонима Таргу—Даргу с термином *дарга—даргва*, прибавлявшимся к наименованиям почти всех даргинских вольных обществ и ставшим основой для современного этнонима «даргинцы», требует дополнительных подтверждений. Как известно, между специалистами нет единого мнения по вопросу о происхождении термина *дарга—даргва*. Одни считают его нарицательным—территориальным или географическим термином²²⁹ (и тогда к сообщаемым преданиям и сведениям можно относиться с доверием, ибо среди сохранившихся наименований даргинских вольных обществ известно и *Гамри-Дарга*²³⁰, которое, с учетом имеющихся данных, должно быть признано одним из самых древних), другие видят в нем древнейшую форму наименования одной из даргинских племенных групп, распространившуюся затем на весь союз племен²³¹. Вопрос этот требует специального изучения.

Этимология слов *Таргу—Даргу—Дарга* по-разному раскрывается исследователями из даргинского и других, преимущественно алтайских языков. Среди высказанных по этому поводу точек зрения²³² наиболее обоснованным исторически представляется мнение Л. И. Лаврова, возводившего первую часть топонима *Таргу—Тар* к иранскому *дар—дверь*²³³. Второй его части — *гу* — он не касался. По нашему мнению, она может восходить к этнониму *гунн*. А в целом данный топоним мог образоваться от словосочетания *дар-и-гун*, представляющего собой иранскую «кальку» географического термина *ворота гуннов*, с V в. появившегося в армянских источниках²³⁴. Этот термин прилагался в V—VII вв. к разным географическим пунктам на Прикаспийском

228 А. А. Сатыбалов. Социально-исторические термины тюркоязычных догументов эпохи феодализма в некоторых языках Северо-Восточного Кавказа. УЗ ИИЯЛ, т. V, Махачкала, 1958, стр. 187—188; Б. Малачиханов. Указ. соч., стр. 199—201.

229 П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык, Тифлис, 1892, стр. 4; А. М. Дирр. Современные названия кавказских племен, стр. 16.

230 Р. М. Магомедов. История Дагестана, стр. 214—215.

231 Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 86—87; С. М. Гасанова. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971, стр. 6—9.

232 См. напр.: П. К. Услар. Ук. соч., стр. 4; Е. И. Козубский. ДС, I, Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 43; Л. И. Лавров. Тарки до XVIII века, стр. 15; Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане, стр. 199; С. М. Гасанова. Очерки даргинской диалектологии, стр. 9.

233 Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 15.

234 См. напр.: История Егише, стр. 128.

пути, в том числе и к интересующему нас пункту, вблизи которого в VII в. проходила по-видимому южная граница «царства гуннов».

«Местность под названием врата гуннов», расположенная «по ту сторону теснины Чора», т. е. севернее Дербента, последний раз упомянута у Себеоса в связи с событиями второй половины VII в.²³⁵ А уже в нач. VIII в. другой армянский историк — Гевонд. — рассказывает об осаде арабским полководцем Масламой «гуннского» города Таргу, располагавшегося севернее прохода Чора²³⁶. С этого времени имя города Таргу (нередко в искаженной переписчиками форме) появляется и в арабских источниках, повествующих об арабо-хазарских войнах в первой половине VIII в. Затем оно надолго исчезает со страниц исторических хроник (что, очевидно, связано с гибелью города на р. Гамри-озень) и вновь появляется на них лишь в XIII в., но, как отмечалось выше, уже применительно к совершенно иному географическому пункту.

Употребленный Гевондом эпитет *гуннский* можно расценить как стремление средневекового автора сохранить прежнюю этническую характеристику данного географического пункта, значительно приглушенную во впервые упомянутом им собственном имени *Таргу*. Это, в свою очередь, подкрепляет высказанное выше предположение о возможности образования данного топонима от словосочетания *дар-и-гун--ворота гуннов*, в котором изафет *и* и конечное *н* оказались впоследствии утраченными. Как известно, подобным же путем образовался и топоним *Дарьял* от *дар-и-алан — ворота аланов*²³⁷.

* *
*

Заключивая на этом рассмотрение поставленных вопросов, необходимо в заключение подчеркнуть ту важную, не будет преувеличением сказать, определяющую роль, которая отведена археологическим и особенно топонимическим данным в обосновании предложенной здесь локализации трех дагестанских раннесредневековых городов. Это, разумеется, не случайно. Привлечение археологических данных при определении местоположения того или иного древнего города позволяет четко представить особенности сопоставляемого с ним археологического памятника: его размеры, структуру, хронологию и, что особенно важно, географическое положение и на основе этого объективно оценить его военно-политическое и торгово-экономическое значение в древности.

²³⁵ История епископа Себеоса, стр. 125.

²³⁶ История халифов вардапета Гевонда, стр. 28.

²³⁷ В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 145, 190, 204.

Однако всего этого порою оказывается недостаточно для подобных отождествлений. И тогда решающая роль переходит к топонимическим данным: сравнение древнего и современного топонимов либо дает последнее недостающее звено в цепи доказательств, либо опровергает достоверность предлагаемых решений. Это лишний раз подтверждает справедливость утверждения Б. Н. Заходера, что... «прикрепление того или иного наименования, сохранившегося в источниках к определенным географическим пунктам — ...дело, в котором роль филологического исследования отнюдь не меньше, чем археологическая находка»²³⁸.

Сопоставление археологических и топонимических данных со свидетельствами письменных источников поможет свести к минимуму или вовсе избежать возможности субъективных оценок по отдельным вопросам исторической географии Дагестана, внесет в их решение больше конкретности и четкости. Применяя этот метод в дальнейшем, мы вправе ожидать в недалеком будущем окончательного решения вопроса о местоположении всех упомянутых письменными источниками дагестанских раннесредневековых городов.

Как известно, этот частный вопрос исторической географии Дагестана вырос в сложную и запутанную проблему, чему в немалой степени способствовали скудость и противоречивость соответствующих свидетельств письменных источников, породившие множество различных, порою взаимоисключающих оценок и решений, предложенных историками нового времени. Поэтому достоверная, основанная на учете всех имеющихся данных, локализация раннесредневековых городов Дагестана важна не только сама по себе, но также и по тому воздействию, которое она несомненно окажет на существующие (тоже значительно различающиеся) представления о действительных масштабах исторических событий, развертывавшихся вокруг этих городов в раннем средневековье.

И еще об одном. Нетрудно заметить, что предпринятая в данной статье попытка объяснить происхождение трех раннесредневековых дагестанских топонимов и последующие изменения некоторых из них опирается почти исключительно на иранскую лексику. Подобный подход представляется оправданным, так как население Прикаспийского Дагестана в продолжение значительного отрезка своей истории поддерживало постоянные, порою весьма интенсивные связи с ираноязычным населением, обитавшим как в степях Юго-Восточной Европы, так и на территории самого Ирана и в Восточном Закавказье. Истоки их следует искать еще во II тысячелетии до н. э., когда археологически документируется существование налаженных культурных связей между даге-

²³⁸ Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, стр. 172.

станскими племенами, в том числе -- носителями так называемой каякентско-хорочоевской культуры, и племенами раннего этапа срубной культуры²³⁹, которых многие исследователи считают древнейшими индоиранцами. По-видимому следствием этого явилось переселение части древнеиранских племен из степей Юго-Восточной Европы на территорию Ирана Прикаспийским путем, что признается авторитетными специалистами²⁴⁰.

В VIII—VII вв. до н. э. Прикаспийским путем прошли ираноязычные скифы²⁴¹. С V в. до н. э. Восточный Кавказ оказывается в сфере влияния Ахеменидского Ирана²⁴². В конце I тыс. до н. э. Прикаспийский путь используется ираноязычными мидянами и аорсами в торговых целях²⁴³. С этого времени начинается инфильтрация иранского этнического элемента в Прикаспийский Дагестан. Письменные источники и археологические данные свидетельствуют об оседании и последующем растворении среди местного населения какой-то группы сарматских племен в его северной части²⁴⁴ и о появлении значительного массива аланоязычных племен маскутов в южной части, где они надолго заняли обширный район от Дербентского прохода до р. Куры²⁴⁵.

С V в. возрастает политическое влияние Сасанидского Ирана на Восточном Кавказе вплоть до Дербентского прохода. Оно значительно усилилось после возведения здесь множества городов и известных Дербентских укреплений и с появлением многочисленных иранских переселенцев, потомки которых сохранили здесь иранскую речь вплоть до исторической современности.

Влияние иранской культуры, в том числе и религиозное, ощущалось в раннем средневековье и к северу от Дербента. Об этом свидетельствуют обнаруженные на Урцекском городище остатки святилища, где

²³⁹ В. Г. Котович. Об историческом месте каякентско-хорочоевской культуры. Тезисы докладов, посвященных итогам археологических исследований в 1970 г. в СССР. Археологические секции. Дополнит. вып. Тбилиси, 1971, стр. 20.

²⁴⁰ Э. А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, стр. 29—42; 369—370; И. М. Дьяконов. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа. ВДИ, 1970, № 4, стр. 62; И. Алиев. Сармато-аланы на пути в Иран. В сб. История Иранского государства и его культуры. М., 1971, стр. 198—199.

²⁴¹ Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. В сб. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 193.

²⁴² К. В. Тревер. Очерки истории и культуры Кавказской Албании, стр. 51—54.

²⁴³ Страбон. География. Кн. XI, 5, 8.

²⁴⁴ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА. № 23, 1951, стр. 224—225; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского сел. Тарки. Там же, стр. 271—272.

²⁴⁵ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, стр. 154, 156; С. Т. Еремян. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт. ВДИ, 1967, № 4, стр. 54—58; И. Алиев. Указ. соч., стр. 200—203.

поддерживался неугасимый огонь, а также сообщения письменных источников о некотором распространении зороастризма к северу от Дербента, в частности, у хазар²⁴⁶, и особенно свидетельство ал-Гарнати о практиковании зороастрийского погребального обряда у кубачинцев в первой половине XII в.²⁴⁷ Основываясь на этих фактах, можно предполагать, что по крайней мере какая-то часть последователей зороастризма в раннесредневековом Дагестане была знакома с религиозной литературой, в том числе и Авестой.

Распространению иранского влияния к северу от Дербента вероятно способствовали переселения туда различных (порою — весьма значительных) групп иранского населения. М. Каганкатвази сообщает о намерении одного иранского вельможи, спасавшегося от мести шах-ханшаха Хосроя II, переселиться с 30 тысячами семейств к хазарам²⁴⁸. Правда, это намерение осталось неосуществленным, но случаи подобных массовых переселений, по-видимому, все же имели место. Свидетельство тому — сообщение «Дербенд-наме» о том, что среди племени Туман, распространенного от города Ихрана (Хунзах или Кумух) до Гумри (княжество Хамрин в бассейне р. Гамри-Озень), называемого позднее Тау-Лезги, столица которых Акуша (т. е. среди предков даргинцев и лакцев) были выходцы из Хорасана²⁴⁹.

Приведенные факты свидетельствуют о разновременных и разно-сторонних связях населения Прикаспийского Дагестана с носителями иранской речи. Прямым следствием этого могло явиться отложение иранской лексики в различных пластах дагестанской топонимии, в том числе и в раннесредневековом, к которому относятся и три рассмотренных топонима.

²⁴⁶ Б. Н. Заходер Каспийский свод сведений о Восточной Европе, стр. 150.

²⁴⁷ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. М., 1971, стр. 50.

²⁴⁸ История агван Моисея Каганкатвази, стр. 135—136.

²⁴⁹ Т а р и х и Д е р б е н д - н а м е, стр. 32—33.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ВОПРОСУ О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ СЕМЕНДЕРА

В последнее время внимание исследователей все чаще обращается к вопросу о местоположении одной из ранних столиц Хазарского каганата — города Семендера. На страницах журнала «История СССР» вокруг него развернулась дискуссия¹, к сожалению, прекращенная редакцией до того, как по ее существу смогли высказаться заинтересованные специалисты. Между тем, постановка подобного вопроса весьма своевременна, так как в результате широко проводимых в последние годы на Северо-Восточном Кавказе археологических исследований здесь выявлено множество крупных и малых средневековых городищ, могущих претендовать на отождествление с Семендером и другими, упомянутыми в письменных источниках средневековыми городами. Поэтому их интерпретация становится все более настоятельной необходимостью.

Но прежде чем коснуться этой темы, необходимо хотя бы вкратце остановиться на нынешнем состоянии вопроса о Семендере.

Известно, что сведения средневековых, преимущественно арабских авторов о его местоположении скудны и противоречивы. Некоторые из этих авторов (Масуди, Бакри) определяли расстояние между Дербентом и Семендером в 8 дней пути, другие (Истахри, Ибн Хаукаль) — вдвое короче — в 4 дня, а в разных частях «Словаря» Якута это расстояние приравнено то к 8, то к 4 дням пути. Другие данные характеризуют Семендер как громадный город на берегу моря (Мукаддаси, Худуд ал-Алам, документы еврейско-хазарской переписки), расположенный в 2 фарсах от границ страны Серир и обладавший обширными виноградниками (Истахри, Ибн-Хаукаль)².

¹ В. Б. Виноградов. Открыт ли Семендер? «История СССР», 1968, № 4, стр. 232—233; Л. Н. Гумилев. Где же тогда Семендер? «История СССР», 1969, № 3, стр. 242—243.

² Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. I. М., 1962, стр. 179—183.

Противоречивость свидетельств письменных источников породила два разных подхода к определению местоположения Семендера. Часть исследователей локализует его в низовьях Терека, в 8 днях пути от Дербента, в местах, издавна славящихся интенсивным развитием виноградарства³. Другие, следуя за «Дербенд-наме», помещают Семендер вблизи сел. Тарки, в окрестностях нынешней Махачкалы, в 4 днях пути от Дербента, на берегу моря⁴. Население этих мест также издавна занимается виноградарством⁵.

Как видим, наличие двух взаимоисключающих точек зрения по этому вопросу в известном смысле даже закономерно, поскольку каждая из них опирается на вполне объективные данные письменных источников, по-разному определяющие расстояние между Дербентом и Семендером⁶. Достоверность этих данных при нынешнем состоянии изученности самих источников не может быть ни подтверждена ни опровергнута. Именно поэтому большое, быть может даже определяю-

³ См. напр.: Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, нов. сер., ч. XIV, 1908, март, стр. 42—44; Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси. КСИИМК, XIII, 1952, стр. 29; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 388—399; Я. А. Федоров, Г. С. Федоров. К вопросу о южной границе Хазарии. ВМГУ, 1970, № 3, рис. 2, 3 (карты); D. Dunlop. The History of the Jewish Khazars. Princeton, New Jersey, 1954, стр. 49—50, 88 (карта).

⁴ См. напр.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 647, 849; С. Т. Еремян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. ЗИВАН, т. VII, М.—Л., 1939, стр. 143; Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957, стр. 40; Л. И. Лавров. Тарки до XVIII века. УЗ ИИЯЛ, т. IV, Махачкала, 1958, стр. 13—16; В. Г. Котович. Урцекское городище — памятник раннесредневековой культуры Дагестана (рукопись). Махачкала, 1963, РФ ИИЯЛ, д. № 3354, стр. 145—146; А. Р. Шихсаидов. Ислам в раннесредневековом Дагестане. Махачкала, 1969, стр. 45—46; M. A. Kazem-Beg. Derbend-Naineh. Mémoires présentés de l'Académie Impériale des Sciences. T. VI, SPb., 1851, стр. 460, 479—480; J. Maguani. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 18—21; Hudud al-'Alam. «The Regions or World.» A Persian Geography. Translated and explained by V. Minorsky. Oxford, 1939, стр. 452.

⁵ Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской С. С. Республики. Даг. ГИЗ, 1926, стр. 107.

⁶ Предпринятая в последнее время попытка объяснить отмеченные расхождения источников за счет того, что город Семендер первоначально существовал на месте нынешней Махачкалы, но после состоявшегося в сер. VII в. похода арабского отряда, возглавляемого Салманом ибн-Рабиа, был перенесен на р. Терек, в район нынешнего Кизляра. (См.: М. Г. Магомедов. Верхне-Чирюртовское городище. УЗ ИИЯЛ, т. 19, сер. общ. наук, кн. 2, Махачкала, 1969, стр. 160—167), по нашему мнению, недостаточно убедительна, ибо она не подкреплена свидетельствами письменных источников или иными данными, которые могли бы подтвердить факт такого перемещения города Семендера либо его наименования в результате указанного или какого-либо другого арабского похода; к тому же, отмеченные расхождения источников касаются местоположения Семендера в IX—X вв., т. е. уже в период после арабских завоеваний.

щее значение для решения поставленного вопроса приобретают данные археологии.

Важный шаг на пути увязки свидетельств письменных источников с данными археологии сделал Л. Н. Гумилев. Поставив целью найти на Тереке археологический памятник, который мог быть сопоставлен с Семендером, он обследовал низовья этой реки и прилегающие степи. Результаты поисков широко известны. Обнаруженное здесь Шелковское (Шелкозаводское) городище с керамикой VIII—X вв. он посчитал цитаделью Семендера⁷.

Правомерность подобного отождествления была поставлена под сомнение В. Б. Виноградовым. В объективности его позиции трудно усомниться, так как, будучи сам сторонником локализации Семендера на Тереке, он видит слабую сторону построений Л. Н. Гумилева именно в недостаточности археологических доказательств, главным образом в том, что на Шелковском городище отсутствуют мощные культурные напластования, которые непременно должны быть у памятника, претендующего на право называться Семендером⁸. В своем ответе Л. Н. Гумилев объясняет это тем, что на памятниках типа Шелковского городища «цитадель служит местом укрытия и не имеет постоянного населения, а жители благоденствуют в своих садах (слободках) вокруг нее»⁹.

Однако такое утверждение находится в противоречии с накопленными за последние годы археологическими фактами. Почти все известные сейчас на Северо-Восточном Кавказе средневековые городища крупных и средних размеров (с площадью населенного пункта от 40 до 10 га) были укрепленными. Крепостные сооружения, сочетавшиеся, где было возможно, с естественными преградами, окружали не только цитадели, но также жилые кварталы, ремесленные предместья и даже (в крупных городах) сельскохозяйственную территорию. Цитадели же служили не столько убежищами на случай опасности, сколько постоянными резиденциями местных правителей и знати. Не случайно поэтому раскопки цитаделей на городищах Алхан-Кала (на р. Сунже)¹⁰ и Казар-Кала (на р. Яман-Су)¹¹, расположенных на сравнительно небольшом расстоянии от ст. Шелковской, и на других, более удален-

⁷ Л. Н. Гумилев. Хазария и Терек. ВЛГУ, № 24, 1964, стр. 78—88; его же. Открытие Хазарии. М., 1966, стр. 166—172; его же. New Data on the History of the Khazars. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 19. Budapest, 1967, стр. 81—84.

⁸ В. Б. Виноградов. Указ. соч., стр. 232.

⁹ Л. Н. Гумилев. Где же тогда Семендер, стр. 242.

¹⁰ В. Б. Виноградов. Через хребты веков. Грозный, 1970, стр. 68—90.

¹¹ А. В. Гадло. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья (см. в наст. сборн. стр. 142—147).

ных от нее городищах: Андрейаульском (на р. Акташ)¹², Бавтугайском (на р. Сулак)¹³, Урцеки (неподалеку от гор. Избербаша)¹⁴, Таргу (на р. Гамри-озень)¹⁵, открыли мощные свиты культурных напластований, указывающие на продолжительный и интенсивный характер их обитания. Особенно многочисленны здесь находки керамики, с которыми собранные на Шелковском городище 337 фрагментов не могут идти ни в какое сравнение.

Стремясь найти новые аргументы в пользу отождествления Семендера с Шелковским городищем, Л. Н. Гумилев интерпретирует упомянутое городище Казар-Кала как «сторожевой пункт горцев страны Серир»¹⁶, что опять-таки противоречит археологическим фактам. Одной из характерных особенностей средневековой материальной культуры предгорных и горных районов Дагестана, несомненно входивших в состав царства Серир, является своеобразная розово-глиняная керамика¹⁷, почти совершенно не представленная в средневековых слоях городища Казар-Кала. На этом памятнике, как и на других средневековых городищах Терско-Сулакской низменности и далее к югу вплоть до района нынешней Махачкалы в раннем средневековье преобладает сероглиняная керамика салтово-маяцкого, точнее — верхнечирюртовского облика, связываемая с культурой раннего Хазарского каганата¹⁸. Разведками Приморской археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР в 1964 г. подобная керамика в довольно большом количестве обнаружена и на городищах к югу от Махачкалы, вплоть до реки Манас-озень, за которой она встречается значительно реже¹⁹.

¹² Д. Атаев, А. Абакаров, М. Магомедов, М. Маммаев. Раскопки Андрейаульского городища. АО 1967 г., М., 1968, стр. 93—94.

¹³ В. Г. Котович. Отчет о работе I-го горного отряда ДАЭ в 1956 г. РФ ИИЯЛ, д. № 2333; М. И. Пикуль. Отчет о работе III Бавтугайского отряда ДАЭ в 1957—1958 гг. РФ ИИЯЛ, д. № 2550; Н. Д. Путинцева. Отчет о работе II Бавтугайского отряда ДАЭ в 1958 г. РФ ИИЯЛ, д. № 2552.

¹⁴ В. Г. Котович. Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965, стр. 154—156.

¹⁵ В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Работы в Прикаспийском Дагестане. АО 1971. М., 1972, стр. 153—154.

¹⁶ Л. Н. Гумилев. Где же тогда Семендер, стр. 243.

¹⁷ Д. М. Атаев. Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии (Серира). УЗ ИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1959, стр. 193; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. УЗ ИИЯЛ, т. VIII, Махачкала, 1960, стр. 360—361.

¹⁸ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 357—359; М. Г. Магомедов. Указ. соч., стр. 157—158; А. В. Гадло. Указ. соч., стр. 148—149.

¹⁹ В. Г. Котович, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Отчет о работе приморской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1964 г. РФ ИИЯЛ, д. № 3394.

Все сказанное служит достаточным основанием, чтобы присоединиться к мнению В. Б. Виноградова, считающего Шелковское городище не цитаделью Семендера, а отлично укрепленным пограничным лагерем. Правильная планировка этого памятника, наличие мощных крепостных сооружений в сочетании с малыми размерами и незначительностью культурных напластований,— все эти признаки сближают его с широко распространенными в Средней Азии в VIII—XII вв. пограничными укрепленными — рабатами или рибатами. Последние представляли собой хорошо укрепленные крепости прямоугольной формы с длиной сторон до 300—350 м²⁰. Обычно они служили станциями для охранявших границу конных отрядов²¹.

В последние годы в Терско-Сулакском междуречье выявлено еще два подобных же памятника — городище Тенг-Кала в Бабаюртовском районе и Некрасовское городище неподалеку от Кизляра²². Оба они имеют сравнительно небольшие размеры (длина сторон 250—300 м), четырехугольную в плане форму, мощные крепостные стены, что сближает их с Шелковским городищем. Однако в отличие от последнего они обладают и значительными толщами культурных напластований, относящимися не только к средневековому (хазарскому), но и к предшествующему, албано-сарматскому периоду, что свидетельствует об их длительном и интенсивном обитании.

В свете приведенных данных становится очевидным, что небольшие укрепленные поселения типа рабатов существовали не только в Средней Азии, но и на Восточном Кавказе, о чем, кстати сказать, сообщают и средневековые арабские географы²³. Столь же очевидно и другое: ни одна из этих отлично укрепленных, но весьма небольших по размерам (площ. 6—9 га) крепостей не может быть сопоставлена с Семендером. Поэтому, если справедливо утверждение Л. Н. Гумилева, «что на территории нижнего течения Терека и прилегающих степей есть только одно (Шелковское,— В. К.) городище с достаточно мощными укреплениями, твердо датируемое хазарским временем»²⁴, то констатация этого факта (даже с учетом наличия в низовьях Терека еще и Некрасовского городища и возможности обнаружения в прилегающей округе других подобного рода памятников) практически исключает всякую надежду встретить здесь значительно более крупное

²⁰ В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 78—79.

²¹ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. I, М., 1963, стр. 247.

²² М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Г. С. Федоров. Археологические исследования в Северном Дагестане. АО 1969 г. М., 1970, стр. 102—103.

²³ Ал-Мукаддаси. Из книги «Лучшее из делений для познания климатов». Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, 38, Тифлис, 1908, стр. 6.

²⁴ Л. Н. Гумилев. Где же тогда Семендер, стр. 242.

средневековое городище и тем самым получить археологические доказательства существования Семендера на Тереке или в Терских степях.

Обратимся теперь к району города Махачкалы. Есть ли здесь достаточно крупный археологический памятник, который может быть отождествлен с Семендером? Оказывается, есть. Точнее — был, так как располагавшееся здесь городище (назовем его Махачкалинским) со временем оказалось разрушенным, а его территория застроенной жилыми кварталами столицы Дагестана. По этой причине сведения о нем могут быть почерпнуты из сохранившихся, к сожалению, весьма кратких описаний.

Интересные сведения о памятниках древности данного района сообщает «Дербенд-наме», — известная местная хроника, записанная не позднее конца XVII в., содержание которой восходит однако к X в.²⁵ Для наших целей особенно важны данные, характеризующие разрушенную (очевидно, уже к XVII в.) крепость Анджи, расположенную в трех агачах от Тарху (соврем. сел. Тарки), ниже него, на берегу моря²⁶. Этим данным более всего соответствует местоположение невысокой гряды в северо-восточной приморской части нынешней Махачкалы, донные называемой «Анджи-Кала» или «Анджи-Арка»²⁷ (оба эти топонима представляют собой разные «кальки» одного и того же названия «крепость Анджи»). Однако указанная гряда находится всего в 6 км от сел. Тарки, тогда как, согласно «Дербенд-наме», это расстояние должно составлять около 18 км (3 агача или фарсаха). Но поскольку в микротопонимии данного района нет другого пункта с названием «Анджи-Кала», остается предположить, что автор «Дербенд-наме» допустил здесь ошибку. Несколько позднее она была исправлена А. Бакихановым, поместившим развалины крепости Анджи-Кала на берегу моря в 3 милях (т. е. 6 км) от сел. Тарки²⁸, что полностью соответствует действительности.

Сооружение этой крепости «Дербенд-наме» относит ко времени шаханшаха Кабада (488—531 гг.) и приписывает деятельности Хосроя Ануширвана в бытность его еще наследником престола²⁹. В другом месте этого источника говорится: «Анджи-Кала была крепость очень

²⁵ В. В. Бартольд. Сочинения, т. VIII, М., 1973, стр. 474—475; А. Р. Шихсаидов. Дагестанские исторические хроники и памятники эпиграфики. Махачкала, 1967 (рукопись). РФ ИИЯЛ, д. № 3804, стр. 92—100.

²⁶ Тарихи Дербенд-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, стр. 31—32, 69.

²⁷ Насколько нам известно, впервые обратил внимание на все эти обстоятельства дагестанский краевед М. Пашаев, высказавший и предположение о возможности локализации раннесредневековой крепости Анджи на возвышенности Анджи-Арка.

²⁸ А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 34.

²⁹ Тарихи Дербенд-наме, стр. 31.

сильная и хорошо построенная: она была окружена с одной стороны горами, с другой — морем»³⁰. А в петербургской версии «Дербендаме» эта характеристика дополняется сообщением о существовании «массивной и прочной стены ее (крепости, — В. К.), тянувшейся с горы и до моря»³¹.

Примечательно, что источник различает Анджи и Тарху, причем последний, по его свидетельству, прежде назывался Семенд³², т. е. Семендер. Данное обстоятельство по-видимому отражает ситуацию, сложившуюся в XIV—XVII вв., когда на Махачкалинском дефиле обособленно друг от друга существовали два географических пункта: селение (-город) Тарху — резиденция шамхалов, располагавшаяся на восточном склоне горы Тарки-Тау, и на некотором расстоянии от него, над берегом моря — развалины раннесредневековой крепости Анджи, около которых возможно находился небольшой населенный пункт того же наименования.

Среди других сведений об интересующем нас памятнике отметим относящееся к 1603—1604 гг. упоминание старого городища, каменной стены, проходившей «з две сторон горы» (?,— В. К.), и старых башен, которые располагались неподалеку от сел. Тарки³³.

Ценные сведения об этом городище оставил И. Клапрот. По его свидетельству, в трех верстах севернее сел. Тарки виднелись на некотором расстоянии друг от друга три вала или стены, сооруженные из камня. Они протянулись от гор к морю и в старые времена служили защитой расположенному между ними городу. Длина этих стен достигала 2 версты. Уже в нач. XIX в. они были сильно разрушены³⁴.

Осматривавший этот памятник в 1924 г. А. С. Башкиров смог зафиксировать только едва заметные фрагменты двух древних оборонительных стен, шедших, как и в Дербенте, в направлении с запада на восток, от гор к морю. По его свидетельству, фрагменты северной стены почти не нащупывались, было видно лишь ее ложе, оставленное после расхищения камня, вынутого в огромном количестве на постройку гор. Петровска (нынешней Махачкалы), а остатки южной (в тексте явная опечатка — «неясной») стены еще были заметны. Сравнивая топографию данного памятника с Дербентом, А. С. Башкиров обратил особое внимание на чрезвычайно большое (около 2 верст) расстояние.

³⁰ Там же, стр. 77.

³¹ Там же, стр. 77.

³² Там же, стр. 31.

³³ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Вып. I, М., 1889, стр. 404.

³⁴ J. Klapproth. Geographisch-Historische Beschreibung des Östlichen Kaukasus. Veimar, 1814, стр. 151.

разделяющее оборонительные стены Махачкалинского городища (как известно, крепостные стены древнего Дербента отстоят друг от друга на 300—400 м.). Площадь между этими стенами почти сплошь представляла сильно потревоженный культурный слой, наполненный строительным мусором. Весьма ценно сообщение А. С. Башкирова о том, что жители сел. Тарки считают данный памятник остатками древнего Семендера³⁵.

Спустя еще десять с небольшим лет фрагменты крепостных стен Махачкалинского городища совершенно исчезли и писавший в 30-х гг. Б. Малачиханов мог сообщить уже только предание об их былом существовании. Согласно этому преданию, территория сел. Тарки с прилегающей низиной в далекие времена была защищена двумя стенами, тянувшимися от гор к морю. Очень важно его указание, что северная стена шла примерно от сел. Кяхулай (расположенного на восточном склоне горы Тарки-Тау, на расстоянии около 2 км к северу от сел. Тарки), а южная протягивалась параллельно ей от сел. Тарки³⁶.

В настоящее время никаких остатков этих стен не сохранилось. С сожалением приходится констатировать, что в послевоенные годы, когда в широких масштабах началось археологическое изучение Дагестана, не было предпринято никаких попыток для отыскания их следов и, тем самым, уточнения их местоположения.

Приведенные выше описания являются пока главным источником наших знаний о Махачкалинском городище. Эти описания разновременны, поэтому в достоверности их невозможно усомниться. Основываясь на них, можно попытаться хотя бы в самых общих чертах представить облик и размеры существовавшего на этом месте города, объективно оценить особенности его расположения и его былое значение.

Одной из наиболее важных особенностей данного памятника является то обстоятельство, что он занимал ключевое стратегическое положение на Прикаспийском пути, перегораживая Махачкалинское дефиле,— крайний северный из трех (наряду с Бойнакским у гор. Избербаша и Дербентским) проходов, как бы предназначенных самой природой исполнять роль естественных ворот на приморской равнине Дагестана. Эти первые с севера «ворота» были перегорожены здесь, как и в Дербентском проходе, двумя крепостными стенами: северной и южной. По Клапроту, с северной стороны была не одна, а три стены, располагавшиеся на некотором расстоянии друг от друга.

³⁵ А. С. Башкиров. Изучение памятников старины. ДС. III, Махачкала, 1927, стр. 239.

³⁶ Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. XIV, сер. историч. Махачкала, 1965, стр. 177.

Из сохранившихся описаний следует, что все они были каменными (по крайней мере в своей нижней части). К сожалению, отсутствуют данные об их толщине. Но здесь уместно вспомнить свидетельство «Дербент-наме», что тянувшаяся с горы до моря стена вблизи крепости Анджи была «массивной и прочной»³⁷. В конце XIX века остатки этих стен сохранялись на высоту 0,5—1,0 м.³⁸

Крепостные стены Махачкалинского городища, подобно дербентским, шли от горы к морю. Согласно приведенным данным, в XIX—нач. XX вв. они сохранялись в длину на протяжении около 2 км. Можно однако полагать, что в свое время они полностью перегораживали Махачкалинское дефиле от подножья горы Тарки-Тау до морского побережья. В таком случае их первоначальная протяженность достигала 3,5—4 км.

Южная стена, по данным Б. Малачиханова, начиналась против сел. Тарки и далее располагалась по-видимому где-то вдоль южного края нынешней Махачкалы; а северная шла примерно посредине современного города, вероятнее всего между сел. Кяхулай и южной оконечностью возвышенности Анджи-Арка, где находилось бывш. Петровское укрепление (нынешн. тюрьма). Обе стены отстояли друг от друга на расстояние около 2 км (рис. 38).

Таким образом, огражденная этими стенами площадь достигала 400 га. Если же предположить, что крепостные стены Махачкалинского городища первоначально полностью перегораживали данный проход, достигая 3,5—4 км в длину, то размеры занятой им территории должны быть увеличены еще почти вдвое, — до 700—800 га. В обоих случаях это в несколько раз больше площади древнего Дербента (не превышавшей 100 га), являвшегося, по свидетельству арабских источников, одним из крупнейших раннесредневековых городов Кавказа³⁹. И конечно же не может быть никакого сравнения в этом отношении между Махачкалинским городищем и Шелковским городищем, площадь которого достигает всего 6,25 га (250×250 м)⁴⁰. Сказанным определяется другая важная особенность Махачкалинского городища — его весьма значительные, не будет преувеличением сказать, громадные для своего времени размеры.

³⁷ Тарихи Дербенд-наме, стр. 77.

³⁸ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 36.

³⁹ Ал-Истахри. Из «Книги путей царств». Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, 29, Тифлис, 1901, стр. 7, 11; Ибн Хаукаль. Из «Книги путей и царств». Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, 38, Тифлис, 1968, стр. 86—89.

⁴⁰ L. N. Gumilev. New Data on the History of the Khazars, стр. 81, рис. 11; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, стр. 109; по данным М. Г. Магомедова, размеры Шелковского городища — 500×500 м.

Разумеется, было бы ошибкой считать, что вся огромная территория этого памятника была в древности сплошь застроенной. Напротив, имея в виду особенности топографии других дагестанских раннесредневековых памятников (Урцеки, Таргу, Дербент), мы вправе полагать, что значительная часть городской территории оставалась незастроенной и предназначалась для различных общественных нужд, а нередко использовалась даже в качестве сельскохозяйственных угодий,— для посадки садов и виноградников.

Обычно в таких случаях населенный пункт компактно располагался в наиболее возвышенной части городской территории. На Махачкалинском городище он занимал, вероятнее всего, его северо-восточную часть, образованную южной оконечностью возвышенности Анджи-Арка и её склонами. Это место в пределах территории городища одно из наиболее удобных для обитания и обороны. Именно здесь, на вершине возвышенности Анджи-Арка могла находиться упомянутая «Дербенд-наме» «очень сильная и хорошо построенная крепость Анджи»⁴¹, в которой мы вправе видеть цитадель Махачкалинского городища, а ниже нее — жилые кварталы. Не случайно, спустя значительный промежуток времени на этом же самом месте,— на южной оконечности возвышенности Анджи-Арка, было возведено Петровское укрепление (вероятно, при его сооружении был использован строительный камень из развалин раннесредневековой крепости Анджи), вокруг которого — по западному, южному и восточному склонам той же возвышенности вскоре вырос и город Петровск (будущая Махачкала)⁴². Строительство последнего велось, как на это прямо указывает А. С. Башкиров, и за счет интенсивной выборки камня из крепостных стен древнего городища⁴³.

В последние годы М. Г. Магомедовым были обнаружены обнаружения культурных слоев в северо-восточной части сел. Тарки, неподалеку от тех мест, где проходила южная стена Махачкалинского городища. Здесь наряду с бело- и красноангобирванной встречена также и сероглиняная керамика верхнечирюртовского типа. Эти находки свидетельствуют об обживании данного участка как в албано-сарматский, так и раннесредневековый периоды.

Основываясь на приведенных данных, можно полагать, что жилые кварталы в пределах характеризуемого памятника были приурочены к двум его участкам: к возвышенности Анджи-Арка на северо-востоке и к склонам горы Тарки-Тау на юго-западе. Расположенная между ними низменная часть территории городища могла использоваться под

⁴¹ Тарихи Дербенд-наме, стр. 77.

⁴² А. Ф. Викторов, Д. Г. Кажлаев. Махачкала. Историко-географический очерк. Даг. ГИЗ, 1958, стр. 19—20.

⁴³ А. С. Башкиров. Указ. соч., стр. 239.

сады и виноградники, как это имело место значительно позднее, когда в конце XIX—перв. пол. XX вв. пространство между г. Петровском (Махачкалой) и горой Тарки-Тау, было почти сплошь занято виноградниками. Подобные особенности топографии присущи и некоторым другим раннесредневековым памятникам Дагестана. Укажем в качестве примера Охлинское городище на Левашинском плато⁴⁴, жилые кварталы которого располагались на двух соседних возвышенностях, а разделяющее их пространство служило сельскохозяйственной территорией для его обитателей.

В пределах территории Махачкалинского городища находились и городские кладбища. Одно из них было случайно обнаружено в конце 50-х гг. при строительстве жилых домов так называемого «поселка рыбаков» (неподалеку от пересечения Дагестанской и Чернышевской улиц г. Махачкалы), когда бульдозерами было разрушено несколько (не менее трех) узких каменных гробниц с одиночными захоронениями. Они сопровождалась керамикой верхнечирюртовского типа, указывающей на их раннесредневековый возраст⁴⁵.

Эти находки помогают определить возможную верхнюю границу бытования Махачкалинского городища в рамках хазарского периода. Вопрос о времени возникновения данного памятника пока остается открытым. При его решении не следует переоценивать имеющиеся по этому поводу свидетельства «Дербенд-наме», восходящие к арабской исторической традиции, которая приписывала сооружение 360 городов и замков и среди них располагавшиеся севернее Дербента города Семендер, Анджи, Булхар и др. — Хосрою Ануширвану⁴⁶. В действительности же, как показывают археологические раскопки городищ Таргу, Урцеки, Бавтугайского, Андрейаульского, Казар-Кала, Тенг-Кала, Некрасовского и др., — все они имеют культурные напластования не только раннесредневекового, но и албано-сарматского периодов, а некоторые — даже скифского периода. В свете этих данных становится очевидным, что названные и другие подобные им памятники в преобладающем большинстве своем возникли задолго до VI в., — времени правления Хосроя Ануширвана. Можно полагать, что и Махачкалинское городище не представляло исключения в этом отношении и возникло не позднее албано-сарматского периода. В подтверждение высказанного предполо-

⁴⁴ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров. Раскопки Охлинского городища. АО 1972 г. М., 1973, стр. 116—117.

⁴⁵ Обнаружившие эти захоронения рабочие передали М. И. Исакову, работавшему тогда зав. досоветским отделом Даг. краеведческого музея, один целый одноручный высокогорлый кувшин, украшенный по тулову несколькими поясками вдавленного желобчатого орнамента и редким полосчатым лощением, и несколько крупных фрагментов от подобных же сосудов.

⁴⁶ Тарихи Дербенд-наме, стр. 31—32.

жения можно сослаться на наличие в расположенном неподалеку от него Таркинском могильнике большой группы захоронений, относящихся к первым векам н. э.⁴⁷

Заканчивая на этом рассмотрение имеющихся в настоящее время данных, позволяющих составить некоторое, самое общее представление о былых размерах и возможном облике и возрасте Махачкалинского городища, попытаемся теперь ответить на вопрос, может ли этот памятник быть отождествлен с городом Семендером. С этой целью сравним особенности местоположения и облика Махачкалинского городища с данными письменных источников, характеризующими соответствующие особенности раннесредневекового Семендера⁴⁸.

Махачкалинское городище, как и Семендер, по свидетельству Истахи и Ибн Хаукаля, расположено в 4 днях пути к северу от Дербента. Имеющиеся в настоящее время археологические данные позволяют существенно конкретизировать сложившиеся представления об этом участке Прикаспийского пути в целом и попытаться охарактеризовать каждый из составлявших его дневных переходов в отдельности.

Первый дневной переход покрывал расстояние между Махачкалинским и Урцекским городищами; последнее отождествляется с раннесредневековым городом Варачаном⁴⁹. Трасса этого перехода пролегла преимущественно по равнине, вероятнее всего, вдоль кромки предгорий и лишь вблизи нынешнего сел. Уллбуий-аул пересекала передовые хребты предгорий, за которыми располагалось Урцекское городище⁵⁰. Протяженность этого отрезка достигала 60 км, что по свидетельству источников, относящихся к нач. XVII в., составляло один день (днище) пути⁵¹.

Второй день пути составлял переход между Урцекским городищем (Варачаном) и городищем Таргу или Даргу на р. Гамри-Озень, отождествляемым нами с раннесредневековым городом Таргу⁵². Этот отрезок пути проходил в глубине предгорий. Протяженность его достигает

⁴⁷ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, 1951, стр. 222—225; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. Там же, стр. 257—272.

⁴⁸ Сведения арабских источников о Семендере приводятся главным образом по работе Б. Н. Заходера: Каспийский свод сведений о Восточной Европе, стр. 179—183.

⁴⁹ В. Г. Котович. Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана, стр. 155.

⁵⁰ Отдельные участки древней дороги хорошо сохранились здесь вплоть до настоящего времени.

⁵¹ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, стр. 405.

⁵² В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 155.

35 км, что соответствует величине обычного дневного перехода купеческих караванов⁵³. Примечательно, что по всей длине данного отрезка прослеживаются участки древней дороги в виде неглубокой оплывшей колеи, местами огражденной с двух сторон каменными стенами; длина этих участков колеблется от нескольких десятков метров до 1,5—2 км.

Остатки подобной древней дороги тянутся с перерывами и к югу от городища Таргу на расстояние около 35 км, т. е. на величину того же дневного перехода, и достигают окрестностей сел. Маджалис. Однако достаточно крупного раннесредневекового городища здесь пока не обнаружено. Возможно, его следует искать в 10—15 км южнее сел. Маджалис, где на одном из передовых хребтов, на высоте около 1500 м. над уровнем моря, сохранились остатки крупного раннесредневекового городища Жолаги, на месте которого, согласно существующим историческим преданиям, находился одноименный город, служивший самой ранней столицей Кайтага⁵⁴. Однако городище Жолаги расположено в труднодоступном месте, весьма выгодном для обороны, но мало благоприятном для ведения постоянной караванной торговли. Поэтому представляется более вероятным предположить, что такой памятник должен был находиться в более доступном для торговых караванов пункте, скорее всего на месте нынешнего сел. Маджалис. Остатки его, подобно Махачкалинскому городищу, могли оказаться впоследствии уничтоженными по мере роста и возвышения сел. Маджалис, которое уже с XIV в. стало резиденцией кайтагских ушмиев⁵⁵. Отрезок пути от городища Таргу до названного селения также проходил в глубине предгорий. Он составлял третий день пути.

Последний, четвертый по счету дневной переход покрывал расстояние от окрестностей сел. Маджалис до Дербента. Этот отрезок пути, начинавшийся в предгорьях, а затем выходявший на равнину, имел протяженность 45—50 км.

Как явствует из приведенных данных, рассматриваемый участок трассы Прикаспийского пути пролегал частично по приморской равнине, частично — в полосе предгорий (рис. 37). На всем его протяжении в довольно большом числе располагались укрепленные населенные пункты разной величины, по 3—4 на каждый из отрезков, соответствовавших дневному переходу.

Крупные города (с площадью населенного пункта 30—40 га) находились на расстоянии одного дня пути друг от друга. Мы уже имели возможность убедиться, что величина дневных переходов не была постоянной, в предгорьях она достигала 35 км, а на равнине возрастала

⁵³ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси, стр. 29, 30, 41.

⁵⁴ Р. М. Магомедов. История Дагестана. Махачкала. 1961, стр. 66, 70.

⁵⁵ История Дагестана. Т. I, М., 1967, стр. 183.

до 45—50 и даже 60 км. Отмеченные различия очевидно были обусловлены как разницей в скорости передвижения по ровной и пересеченной местности, так и тяготением местоположения крупных городов к особенно важным в военном и торговом отношениях географическим пунктам. Такими пунктами являлись все три естественных дефиле на приморской равнине (у которых располагались Махачкалинское и Урцекское городища и древний Дербент), а также места ответвления от Прикаспийского пути главнейших местных коммуникаций, шедших в глубь горного Дагестана (к которым приурочены городища Урцеки, Таргу и район сел. Маджалис). Благодаря отмеченным особенностям, эти города служили в мирное время местами ежедневных остановок на ночлег для транзитных караванов и вместе с тем важными пунктами перевальной торговли, а в случае военной опасности выполняли роль мощных опорных пунктов на Прикаспийском пути⁵⁶.

На каждом из четырех отрезков этого пути, заключенных между крупными городами, имелись также малые городища (с площадью населенных пунктов 10—20 га) и укрепления у входов в ущелья. Они располагались на небольшом расстоянии друг от друга, чаще всего в пределах визуального наблюдения. Можно полагать, что в них размещались небольшие воинские гарнизоны. Эти пункты могли также служить местами кратковременного отдыха транзитным караванам.

В целом, подобное расположение больших и малых укрепленных пунктов вдоль данного участка трассы Прикаспийского пути обеспечивало безопасность и удобство передвижения торговых караванов, а в случае появления неприятеля — быструю передачу сигналов тревоги и принятие эффективных мер обороны.

Археологическими раскопками и разведочным обследованием этих памятников установлено, что почти все они имеют культурные напластования раннесредневекового, албано-сарматского, а некоторые (Урцеки, Таргу) — и скифского периодов. Следовательно, фиксируемое

⁵⁶ Очерченная таким образом картина была характерна для времени, предшествовавшего появлению арабов. Но в ходе арабских завоеваний некоторые из упомянутых городов были разрушены и оставлены жителями. Это внесло известные коррективы и в рассмотренную ситуацию. Основываясь на имеющихся археологических данных, можно попытаться представить происшедшие в ней изменения. В частности, после гибели Варачана (Урцекского городища) его роль перешла, вероятнее всего, к населенному пункту, располагавшемуся примерно в 10 км севернее, где сохранилось крупное городище Гент-Орун, обладающее мощными свитами культурных напластований послепарабского времени; роль города Таргу вероятно перешла после его разрушения к крупному населенному пункту Уллу-Хамрин, находившемуся примерно в 5 км выше по течению р. Гамри-озень. Однако эти события лишь несколько изменили величины отдельных переходов на данном участке трассы, но не отразились ни на его общем направлении, ни на числе крупных населенных пунктов, соответствовавшим числу дневных переходов.

ими направление данного участка Прикаспийского пути сложилось исторически, в продолжение значительного хронологического отрезка и задолго до раннесредневековой эпохи. Можно полагать поэтому, что оно более всего отвечало своеобразию местных политических и естественно — географических условий. Не случайно, во многом сходная картина наблюдалась здесь и гораздо позднее — в XVII—перв. пол. XVIII вв. В это время между Тарками и Дербентом уже был проложен вьючный путь, шедший «между горами и морем» (т. е. непосредственно по приморской равнине), и продолжавшийся всего 3 дня⁵⁷. Но в источниках этого времени чаще упоминается маршрут: Тарки—Бойнак (соврем. с. Уллубий-аул) — Кайтаг—Дербент, во многом совпадавший с древней трассой; на его преодоление, как и в раннем средневековье, уходило 4 дня⁵⁸.

Обратимся теперь на север. Другим важным ориентиром местоположения Семендера служит указание источников о его нахождении в 8 (по Масуди, Истахри и Ибн Хаукалю — 7) днях пути от Итиля. Расстояние между Махачкалинским городищем и низовьями Волги, где вероятнее всего находилась упомянутая столица хазар, достигает 400 км. Все это пространство представляет собой ровную степь, что полностью отвечает соответствующим свидетельствам Истахри (...«от Семендера до Итиля семидневный путь по пустыне»...⁵⁹) и Ибн Хаукаля (...«от Семендера до Итиля 7 дней по степи»...⁶⁰).

Последнее обстоятельство порою недостаточно учитывается исследователями, которые при определении расстояния между Семендером и Итилем исходят из минимальной величины дневного перехода, обычно приравниваемой 35 км.⁶¹ Однако, как уже отмечалось в литературе, понятие «день пути» не имело постоянного линейного эквивалента⁶². Обычно оно соответствовало расстоянию в 6 фарсахов, но в некоторых случаях составляло и 5 и 7 фарсахов⁶³. Как известно, не была постоянной и величина фарсаха, колебавшаяся в зависимости от конкретных

⁵⁷ М. А. Полиевктов. Европейские путешественники XVII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935, стр. 24; Хождение купца Федора Котова в Персию. М., 1958, стр. 34, 70.

⁵⁸ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, стр. 401, 405; Документы по русско-дагестанским отношениям XVII в. РФ ИИЯЛ, д. № 3181, стр. 6; М. А. Полиевктов. Указ. соч., стр. 51.

⁵⁹ Ал-Истахри. Из «Книги путей царств», стр. 39.

⁶⁰ Ибн Хаукаль. Из «Книги путей и царств», стр. 107.

⁶¹ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси, стр. 28, рис. 10; стр. 29, прим. 2.

⁶² М. И. Артамонов. История хазар, стр. 389.

⁶³ В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, стр. 123, 219.

условий от 6 до 9 и более км.⁶⁴ Отмеченные факторы определяли и значительные расхождения в величине расстояний, соответствовавших в разных условиях одному дневному переходу.

Большое внимание рассмотрению этого важного вопроса уделил акад. Б. А. Рыбаков. В его историко-географических трудах разработана и обоснована шкала расстояний, составлявших в средневековье день пути при передвижении торговых караванов и конного войска с разной скоростью и в разных естественно-географических условиях. В соответствии с этой шкалой, 35-километровый путь составлял так называемый «легкий» переход, являвшийся минимальным, обычным при движении на большие (более 1 месяца пути) расстояния или в условиях пересеченной местности⁶⁵. По ровной степи величина дневного перехода купеческих караванов значительно возрастала и обычно составляла 50 и более км, а при форсированном марше — даже 90 км.⁶⁶ С этими расчетами полностью согласуются и приведенные выше данные о величинах дневного перехода на участке средневековой трассы Прикаспийского пути между Махачкалинским городищем и Дербентом. Напомним, что в предгорьях она составляла около 35 км, а на равнине возрастала до 60 км.

Таким образом, если в рассматриваемом случае исходить не из минимальной (35 км) величины дневного перехода, а принять ее равной 50—60 км (что более соответствует скорости движения караванов по ровной степи), то, основываясь на изложенном, мы вправе заключить, что 400-километровое расстояние от Махачкалинского городища до низовий Волги адекватно 8 дням пути между Семендером и Итилем. Отметим попутно, что в средневековье известны и другие факты, когда расстояние в 400 и более км. составляло именно 8 дней обычного (не форсированного) пути для торговых караванов⁶⁷.

К сожалению, из-за недостаточной археологической изученности степей Северного и Северо-Западного Прикаспия мы лишены возможности конкретно представить направление трассы Прикаспийского пути на всем этом участке. По имеющимся данным можно предполагать два вероятных направления этой трассы (рис. 37).

Одно из них шло к северо-западу от Махачкалинского городища,

⁶⁴ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 389; В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Е. А. Давидович. Материалы по метрологии Средней Азии. М., 1970, стр. 72, 120.

⁶⁵ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси, стр. 29; его же. Путь из Булгара в Киев. Древности Восточной Европы, М., 1969, стр. 190.

⁶⁶ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси, стр. 35; его же. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, стр. 225.

⁶⁷ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. I, стр. 209—210; Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси, стр. 38—40.

где на расстоянии около 60 км от него, на правом берегу Сулака располагалось Верхнечирюртовское городище,— крупный политический и торговый центр на Прикаспийском пути в раннем средневековье⁶⁸. Расстояние между названными памятниками по данным сер. XVII в. составляло 1 день пути «рядовую ездой»⁶⁹, по-видимому за тот же срок оно покрывалось и раньше.

После переправы через Сулак трасса круто сворачивала на север, в степи, где примерно в 60 км. (т. е. на расстоянии еще одного дневного перехода) находится небольшой памятник — Герменчик—Тепе,— разновременные культурные напластования которого относятся к различным периодам 1 тыс. н. э.⁷⁰ И, наконец, еще в 55 км к северу (третий дневной переход), на левом берегу Терека расположено упомянутое выше Некрасовское городище, также функционировавшее на всем протяжении 1 тыс. н.э.⁷¹

Другое возможное направление данного участка трассы пролегало ближе к морскому побережью. Первым пунктом к северу от Махачкалинского городища являлось городище Тенг-Кала; расстояние между ними,— около 60 км (первый день пути). Городище Тенг-Кала также многослойный памятник, бытовавший в продолжение всего 1 тысячелетия н. э.⁷² В 50 км от него (второй день пути), на левом берегу р. Аташ, в окрестностях сел. Тамаза-Тюбе, на небольшом расстоянии друг от друга находится несколько многослойных памятников (включая укрепленные), культурные напластования которых относятся к разным периодам 1 тысячелетия н. э.⁷³ Отсюда около 55 км (третий день пути) до того же Некрасовского городища.

Итак, каждое из намеченных здесь направлений трассы соответствует расстоянию в 3 дня из 7—8 дней, названных письменными

⁶⁸ М. Г. Магомедов отождествляет этот памятник с Беленджером хазарским (см. его: Верхне-Чирюртовское городище, стр. 163—166); по нашему мнению (впервые высказано в докладе «О локализации некоторых раннесредневековых городов Дагестана», прочитанном 22.04.69 г. в г. Ленинграде на заседании кавказской секции Пленума ИА АН СССР, затем обосновано в др. работах, в том числе см. в данном сборнике стр. 216), на его месте располагался в раннем средневековье город Булхар или Балх; Я. А. Федоров и Г. С. Федоров разделяют оба эти мнения (см. их работу: К вопросу о южной границе Хазарии, стр. 90, рис. 2, стр. 92).

⁶⁹ Документы по русско-дагестанским отношениям XVII в. РФ ИИЯЛ, д. № 3181, стр. 6; Хождение купца Федора Котова в Персию, стр. 33, 69.

⁷⁰ Г. С. Федоров, Я. А. Федоров. Прикаспийский Дагестан в первые века н. э. УЗ ИИЯЛ, т. 19, сер. общ. наук, кн. 2. Махачкала, 1969, стр. 182.

⁷¹ М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Г. С. Федоров. Археологические исследования в Северном Дагестане, стр. 103.

⁷² Там же, стр. 102.

⁷³ Г. С. Федоров. Отчет о разведывательных работах 1966 г. Прикаспийского отряда ДАЭ. РФ ИИЯЛ, д. № 3764, стр. 7—10; его же. Раскопки в Северном Дагестане. АО 1967 г. М., 1968, стр. 92—93.

источниками до Итиля. Оба направления проходят через памятники, бытовавшие как в албано-сарматский период, так и в доарабский и послеарабский периоды раннего средневековья. Можно полагать, что упомянутые нами небольшие памятники служили местами ежедневных остановок на пути торговых караванов, т. е. своеобразными караван-сараями. По-видимому, благодаря именно этому обстоятельству они обладают мощными свитами культурных напластований, отличающими их от обычных крепостей-рабатов с незначительными культурными слоями.

Из сказанного следует, что оба эти направления сложились исторически и активно функционировали длительное время, пока жизнь на названных, равно как других памятниках Терско-Сулакской низменности, не была прервана, вероятнее всего в результате известных походов русов, начавшихся около середины X в.⁷⁴ Примечательно и другое: оба направления пролегли значительно восточнее Шелковского городища, оказывающегося, таким образом, вне намеченной нами трассы, и соединялись около Некрасовского городища (в низовьях Терека, вблизи пынешнего Кизляра), откуда открывался кратчайший (примерно около 250 км) путь к низовьям Волги. На всем его протяжении почти не встречается больших рек, поэтому он вполне мог быть преодолен не только за 5 дней (при движении со скоростью около 50 км за день), но даже за 4 дня пути (при возрастании скорости до 60—65 км в день).

Как видим, рассмотренные особенности географического положения Махачкалинского городища полностью соответствуют тем свидетельствам письменных источников, которые помещают Семендер в 4 днях пути от Дербента и в 7—8 днях от Итиля.

Еще одной заслуживающей внимания особенностью географического положения Махачкалинского городища является то обстоятельство, что оно находится в 12—15 км. от Нарратюбинского хребта. Раннесредневековая культура археологических памятников, расположенных за этим передовым хребтом (таких как большой Буйнакский курган⁷⁵, Агачкалинское поселение и могильник⁷⁶, Верхнекаранайский⁷⁷ и Узун-

⁷⁴ Б. Дорн. Каспий. О походах древних русов в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875; М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 375—384, 426—429.

⁷⁵ А. А. Захаров. Contributions to Caucasian Archaeology. A. large barrow in Daghestan. ESA, V, Helsinki, 1930, стр. 183—216.

⁷⁶ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 113—119; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, XLV, 1952, стр. 91—96.

⁷⁷ (М. И. Артамонов). Отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции в Дагестане в 1937—1938 гг. РФ ИИЯЛ, д. № 1602, стр. 18—22.

талинский⁷⁸ могильники и др. раннесредневековых памятников, выявленных на территории нынешнего Буйнакского района), существенно отличается от культуры памятников верхнечирюртовского типа (Верхнечирюртовское городище⁷⁹, грунтовый⁸⁰ и курганный⁸¹ могильники, материалы из верхних слоев городищ Тенг-Кала, Некрасовского⁸², Чопалав-Тепе⁸³ и др.).

Эти различия проявляются прежде всего в погребальном обряде. В названных предгорных памятниках ведущими типами погребальных сооружений являются каменные склепы для знати и грунтовые могилы для рядовых общинников⁸⁴, тогда как в верхнечирюртовских памятниках в качестве таковых выступают катакомба и могила с подбоем⁸⁵.

При общем сходстве металлического инвентаря в верхнечирюртовских памятниках совершенно не представлены некоторые типы изделий, часто встречаемые в предгорных памятниках, и наоборот. Подтверждением этому могут служить, например, подвески в виде двулезвийных секир и головок быков⁸⁶ и женские головные булавки⁸⁷ из предгорных памятников, бляхи со сплошной перегородчатой инкрустацией, своеобразные «фибулы»-подвески, треугольные пряжки-подвески и др. изделия из верхнечирюртовских памятников⁸⁸.

Весьма существенны и различия в керамике. Широкое распространение в предгорных памятниках получает в V—VII вв. красноангобиро-

⁷⁸ Н. Д. Путинцева. Узунталинский могильник — памятник эпохи раннего средневековья (рукопись). Махачкала, 1960, РФ ИИЯЛ, д. № 2931.

⁷⁹ Н. Д. Путинцева. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (рукопись). РФ ИИЯЛ, д. № 2875, стр. 18—64; М. Г. Магомедов. Верхне-Чирюртовское городище, стр. 147—158.

⁸⁰ Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение). МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 248—264.

⁸¹ М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Г. С. Федоров. Археологические исследования в Северном Дагестане, стр. 103; их же. Исследования в Северном Дагестане. АО 1970, М., 1971, стр. 128.

⁸² М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Г. С. Федоров. Археологические исследования в Северном Дагестане, стр. 102—103.

⁸³ Г. С. Федоров. Раскопки в Северном Дагестане, стр. 92—93.

⁸⁴ Н. Б. Шейхов. Погребальный отряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник, КС ИИМК, XLVI, 1952, стр. 101—109.

⁸⁵ Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 250.

⁸⁶ М. П. Абрамова. О пережитках культа двойной секиры в раннесредневековом Дагестане. АС, Тр. ГИМ, М., 1966; стр. 89—96.

⁸⁷ Н. Б. Шейхов. Женские головные булавки как признак локальной культуры Дагестана VII—X вв. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 129—135.

⁸⁸ Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 256—264.

ванная⁸⁹, а в VIII—X вв. — своеобразная розовоглиняная⁹⁰ керамика. В памятниках верхнечирюртовского типа все это время преобладает сероглиняная керамика нередко со сплошным или полосчатым лощением, часто украшенная желобчатым орнаментом⁹¹.

Отмеченные особенности культуры памятников на территории Буйнакского района находят себе множество параллелей в материалах одновременных памятников из других предгорных и горных районов Дагестана. Это позволяет считать их характерными элементами ранне-средневековой культуры коренного населения Дагестана⁹². В X в. население северо-восточных предгорий (где расположены и названные выше памятники) вошло в состав Серира⁹³.

Что же касается специфических особенностей культуры памятников верхнечирюртовского типа, то большинство из них находит себе параллели за пределами Дагестана (в том числе и среди памятников салтово-маяцкой культуры), а некоторые (прослеживаемые главным образом по керамике) уходят своими истоками в местную культуру предшествующего времени. Дагестанские археологи считают культуру памятников верхнечирюртовского типа — культурой раннего Хазарского каганата⁹⁴. Насколько можно судить по имеющимся в настоящее время

⁸⁹ М. П. Абрамова. Большой Буйнакский курган. В сб.: «Раннесредневековые памятники Дагестана» (подготовлен к печати).

⁹⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг., стр. 94; Н. Д. Путинцева. Узунталинский могильник — памятник раннего средневековья, стр. 56—60.

⁹¹ Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник, стр. 262.

⁹² В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет, стр. 357—361. По мнению Я. А. Федорова, упомянутые раннесредневековые памятники оставлены гуннами-савирами, населявшими царство гуннов или страну Джидан (см. его: Хазария и Дагестан. КЭС, т. V, М., 1972, стр. 25—27, 35). Однако он не учитывает, что многие элементы культуры, представленной в памятниках данного района в V—VII вв., бытовали в Дагестане и ранее, причем в значительно более широком ареале, чем территория собственно страны гуннов. Все это позволяет по-прежнему считать их памятниками местной, а не гуннской культуры. Что же касается попытки Я. А. Федорова интерпретировать некоторые дагестанские памятники VIII—X вв. как оставленные населением страны Джидан, то подобной постановке вопроса непременно должен предшествовать, по нашему мнению, тщательнейший анализ имеющихся свидетельств письменных источников об этой стране, поскольку многие авторитетные специалисты отрицают самый факт ее существования, усматривая в наименовании *Джидан* испорченное *Хайдак* (см. об этом: D'Ohsson. Des peuples du Caucase. Paris, 1828, стр. 19; J. Marguart. Osteuropäische und ostasiatische Strefzüge, стр. 492; В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 126—127; А. Р. Шихсаидов. Ислам в раннесредневековом Дагестане, стр. 36—37).

⁹³ А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 40.

⁹⁴ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 357—359; М. Г. Магомедов. Верхне-Чирюртовское городище, стр. 157—167; Я. А. Федоров, Г. С. Федоров. К вопросу о южной границе Хазарии, стр. 87—89. Иного мнения придерживается А. В. Гадло. См. его: Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья, стр. 151—152.

материалам, она получила распространение в V—X вв. не только в степях Терско-Сулакского междуречья, но и на части приморской равнины (с Махачкалинским городищем) до р. Манас-Озень.

В свете приведенных данных можно полагать, что передовые хребты предгорий разграничивали не только две различавшиеся по культуре группы археологических памятников, но также служили своеобразной этнокультурной границей между Хазарией и одним из дагестанских раннесредневековых государственных образований, вероятнее всего — Сериром. Следовательно, 12—15 км расстояние между Махачкалинским городищем и Нараттюбинским хребтом соответствует тем двум фарсахам, которые, по свидетельству источников, отделяли Семендер от пределов Серира.

Как и Семендер, Махачкалинское городище находится на берегу моря. Внушительные размеры территории, заключенной между крепостными стенами этого памятника (не менее 400 га, а может быть даже до 700—800 га) могут служить блестящей иллюстрацией сообщениям средневековых авторов, что Семендер был громадным городом, по Мукаддаси — больше, чем у хазар (больше Итиля?). В пределах незастроенной территории Махачкалинского городища вполне могла разместиться какая-то часть садов и виноградников, которыми был так богат Семендер.

Особенности расположения и топография Махачкалинского городища во многом напоминают древний Дербент, что, возможно, послужило поводом Белазури, Ибн Хордадбеку и др. арабским авторам приписывать сооружение Семендера Хосрою Ануширвану. Мощные крепостные стены Махачкалинского городища, перегораживая в этом месте прикаспийский проход, служили первым на узкой полосе приморской равнины Дагестана оборонительным рубежом, севернее которого открывались широкие просторы степей. Этим самым определялось особое, ключевое положение Махачкалинского городища на Прикаспийском пути, служившем важнейшей торгово-экономической и военно-стратегической магистралью средневекового Кавказа, что также вполне приложимо к Семендеру, наименование которого иногда раскрывается в значении «крайняя (или порубежная) дверь»⁹⁵. Общеизвестно и значение Семендера как важного торгового центра.

Наконец, при рассмотрении поставленного вопроса нельзя оставить без должного внимания местную историческую традицию: сообщения хроник, исторические произведения и устные предания согласно помещают Семендер на месте нынешнего сел. Тарки или вблизи него, на месте Махачкалинского городища⁹⁶.

⁹⁵ Л. И. Лавров. Тарки до XVIII в., стр. 14—15.

⁹⁶ Тарихи Дербенд-наме, стр. 31; А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам.

Как видим, все приведенные данные убедительно свидетельствуют в пользу отождествления Махачкалинского городища с Семендером. Однако в таком решении остается одно уязвимое место. Дело в том, что расположенное рядом с Махачкалинским городищем сел. Тарки почти всеми исследователями отождествляется с упоминаемым письменными источниками раннесредневековым городом Таргу⁹⁷. По этому локализация Семендера на этом месте автоматически влекла за собой признание его тождества с городом Таргу, что противоречило свидетельством письменных источников, достаточно четко различающим эти два города.

Выход из этого казалось бы неразрешимого противоречия был найден сравнительно недавно, после того как на среднем течении р. Гамри-озень было обнаружено городище Таргу или Даргу⁹⁸. По своему географическому положению оно в большей степени чем сел. Тарки соответствует свидетельствам письменных источников о местоположении раннесредневекового города Таргу, а потому с большим основанием может быть отождествлено с ним⁹⁹.

Как уже отмечалось, на расстоянии одного дня пути к северу от городища Таргу находится городище Урцеки, отождествляемое с Варачаном. Еще севернее, также на расстоянии одного дневного перехода располагалось Махачкалинское городище. Последовательность географического положения трех названных памятников соответствует ранее установленному на основе анализа сведений письменных источников взаиморасположению средневековых городов Таргу, Варачана (выступающего в некоторых случаях под именем Беленджера) и Семендера (рис. 37)¹⁰⁰, что является еще одним, теперь уже решающим аргументом в пользу предложенной локализации.

Известно, что Семендер просуществовал до середины X в. После его разрушения утрачивает былое значение Махачкалинское дефиле. К юго-западу от развалин раннесредневекового города возникает

Баку, 1926, стр. 40; Г. Алкадари. Асари Дагестан. Пер. и прим. А. Г. Гасанова. Махачкала, 1929, стр. 9; А. С. Башкиров. Изучение памятников старины, стр. 239; J. Klarproth. Geographisch-Historische Beschreibung des Ostlichen Kaukasus, стр. 151.

⁹⁷ Лишь некоторые исследователи, локализовавшие Семендер вблизи сел. Тарки, не разделяют этого мнения. См., напр.: М. Саидов. Дербенд-наме. Труды второй научной сессии Дагестанской базы АН СССР, Махачкала, 1949, стр. 105.

⁹⁸ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 218; В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Работы в Прикаспийском Дагестане, стр. 153—154.

⁹⁹ Подробнее об этом см. в нашей статье: О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу (стр. 220—228 наст. сборника).

¹⁰⁰ Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе, стр. 42.

небольшое селение Тарки (Тарху, Таргу), которое, по сообщению местного предания, было названо так выходцами из одноименного города, расположенного в долине р. Гамри-озень¹⁰¹. До того это место называлось «Азайни»¹⁰².

Достоверность этих сведений может быть подкреплена свидетельством «Дербенд-наме», где при перечислении пунктов, называемых теперь (т. е. к XVII в., ко времени записи этой хроники, — В. К.) иначе, упоминается и город Семенд, который носит название Тарху¹⁰³. Особая важность приведенного свидетельства заключается, по-нашему мнению, в том, что оно, во-первых, подчеркивает одновременность бытования двух разных наименований данного географического пункта и, во-вторых, определяет их историческую последовательность: сначала — Семенд, т. е. Семендер, позднее — Тарху. Как известно, имя «Семендер» употреблялось до X в., наименование же «Тарху» («Тарки») применительно именно к этому географическому пункту появляется в письменных источниках с XIII в.¹⁰⁴.

В последующем селение Тарки разрастается в город, осуществлявший активный контроль над прилегающим участком Прикаспийского пути¹⁰⁵. В XVI в. этот город становится второй, а к середине XVII в. — главной резиденцией шамхалов¹⁰⁶. Данное обстоятельство сыграло по-видимому, немалую роль в последующем отождествлении местной исторической традицией именно этого пункта с раннесредневековым Семендером, служившим некоторое время резиденцией хазарских каганов.

Что же касается северо-восточной части Махачкалинского городища, где, по-нашему мнению, располагались цитадель и основное ядро Семендера, то она оставалась в почти полном запустении значительно дольше, вплоть до середины XIX в., когда здесь, как уже отмечалось выше, было возведено укрепление Петровское, вокруг которого вырос город Петровск (нынешняя Махачкала). Лишь в топонимии данного микрорайона сохранилось название цитадели Семендера — крепости Анджи, передаваемое в форме Анджи-Арка или Анджи-Кала.

¹⁰¹ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана (материалы к археологической карте), стр. 218.

¹⁰² Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане, стр. 200; Х. Х. Халилов. Лакские эпические песни. Махачкала, 1969, стр. 202.

¹⁰³ Тарихи Дербенд-наме, стр. 31.

¹⁰⁴ И. де Плано Карпини. История Монгалов; В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. и прим. А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 36.

¹⁰⁵ Л. И. Лавров. Тарки до XVIII века, стр. 16—22.

¹⁰⁶ Попутно отметим, что не только в Семендере, но и в Дербенте, Тбилиси и некоторых других раннесредневековых городах цитадели имели самостоятельные наименования, отличавшиеся от названий самих городов,

Таким образом, на месте одного огромного раннесредневекового города к XIV—XVII вв. появились два обособленных друг от друга географических пункта: селение, а затем город Тарху (Тарки), который местная традиция связывала с Семендером, и возвышенность Анджи-Арка или Анджи-Кала, где в древности располагались одноименная крепость. Географическая ситуация этого времени была спроецирована составителем «Дербенд-наме» на раннесредневековую эпоху. Вследствие этого как в названном источнике, так и в трудах следовавших за ним более поздних авторов при описании раннесредневековых событий наряду с городом Семендером отдельно фигурирует город (или крепость) Анджи, якобы тоже сооруженный Хосроем Ануширваном¹⁰⁷. Однако ни в одном из арабских источников IX—XIII вв. (Белазури, Якуби, Табари, Ибн ал-Асир и др.) имя города или крепости Анджи не встречается, и это делает нашу догадку о его позднем возникновении более обоснованной.

На этом мы заканчиваем рассмотрение имеющихся археологических данных и вытекающих из них соображений, касающихся местоположения раннесредневекового города Семендера. Резюмируя изложенное, можно заключить, что по особенностям географического положения и топографии Махачкалинское городище более чем какой-либо другой из известных в настоящее время археологических памятников соответствует дошедшим до нас описаниям Семендера,— громадного города на берегу моря.

¹⁰⁷ Тарихи Дербенд-наме, стр. 31—32; А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам, стр. 40—41.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

Среди многочисленных материалов, полученных в последние годы в результате раскопок средневековых памятников горного Дагестана, обращают на себя внимание некоторые предметы вооружения, происходящие из стратифицированных комплексов монгольского времени. В данной статье рассматриваются некоторые образцы наконечников стрел, а также костяные предохранительные кольца лучников, происходящие из соответствующих слоев Аркаского¹ и Охлинского городищ².

На Аркаском городище интересующие нас предметы вооружения происходят из помещения, расположенного в северной части городского посада. Здесь в одном культурном слое было найдено три железных бронебойных наконечника стрелы, одно предохранительное кольцо лучника и одна заготовка такого же кольца.

Все наконечники стрел черешковые, с граненой боевой головкой. У одного из них (рис. 39, 1) головка имеет килевидно сплюснутую форму. Подобные наконечники стрел употреблялись в XI—XIV вв., но особенно широко — в XIII—XIV вв.³ Второй наконечник (рис. 39, 4) шиловидного типа с простым упором: его боевая головка имеет квадратное сечение и скошенные углы у основания. Такие наконечники наиболее характерны для XII—XIII вв.⁴ В древнерусских памятниках X—XI и XIV вв. их нет; обычно они встречаются на городищах юго-западной Руси, разрушенных монголами⁵. Третий наконечник (рис. 39, 2)

¹ Д. М. Атаев. Раскопки Аркаского городища. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. (Тезисы докладов). Баку, 1965, стр. 128.

² М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров. Раскопки Охлинского городища. АО 1972, М., 1973, стр. 116—117.

³ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 83.

⁵ Там же.

также шиловидного типа квадратного сечения с простым упором. Наконечники этого типа бытуют очень долго: от рубежа нашей эры до XIV в.⁶ Найденное вместе с наконечниками стрел кольцо лучника (рис. 39, 9) изготовлено из трубчатой кости животного. Для этой цели использована часть кости с расширением у места ее перехода в суставную головку. Плоскости верхнего и нижнего срезов кольца непараллельны, вследствие чего оно имеет асимметричную форму. При этом естественное утолщение кости с одного конца образует оттянутый щиток с характерной площадкой на месте среза.

В этом же помещении найдена заготовка для такого же кольца (рис. 39, 10). Она представляет собой отрезок из средней части трубчатой кости животного. Плоскости обоих срезов непараллельны, вследствие чего заготовка приобрела характерную асимметричную форму, присущую таким кольцам, но не имела соответствующей отделки.

О хронологии предохранительных колец лучников будет сказано ниже.

Вместе с описанными предметами вооружения в том же помещении встречены и другие находки, помогающие уточнению их хронологии. Отметим среди них одну боковую и одну нижнюю костяные накладки рукояти сложного лука с циркульным орнаментом. Подобные накладки встречаются в средневековых памятниках вплоть до XIV в.⁷

Здесь же был найден бронзовый ложновитой браслет со стилизованными змеиными головками на концах. В Дагестане такие браслеты не встречаются ранее XIII в.⁸ Наконец, в том же помещении была найдена бронзовая позолоченная серьга овальной формы с боченковидными утолщениями и диском. Такие серьги получили распространение на Северном Кавказе и в Дагестане с IX—X вв. до XV в.⁹ Вместе с перечисленными находками в том же слое найдены фрагменты розовоглиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге и украшенных накольчатым пунктирным орнаментом. Подобная керамика бытовала в Дагестане в тех же хронологических рамках, что и охарактеризованные выше материалы.

В другом помещении, расположенном на цитадели Аркаского городища, было найдено еще два предмета вооружения рассматриваемых нами типов. Это наконечники стрелы с ромбовидной головкой и квадратного сечения черешком (рис. 39, 3). Подобные наконечники

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 121. Рис. 4, 5, 8; стр. 123, рис. 12.

⁸ В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 286.

⁹ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 117; Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. КСИИМК, 71, 1958, стр. 51.

получили распространение в Восточной Европе и на Кавказе с XI в., но особенно широко употреблялись в XII—XV вв.¹⁰

Вместе с ним в том же слое встречено еще одно предохранительное кольцо лучника (рис. 39, 11). Подобно ранее описанному, оно изготовлено из части трубчатой кости животного, имевшей расширение у места ее перехода в суставную головку. Этим достигнута асимметричная форма кольца, выступающая часть которого образует оттянутый щиток. Последний не имеет площадки, что в данном случае могло определяться естественной конфигурацией внутренней полости самой кости.

На Охлинском городище предметы вооружения рассматриваемых типов найдены в верхнем слое раскопа № 3, расположенном на его задней оконечности. Здесь найдены три железных бронебойных наконечника стрел с короткими четырехгранно-пирамидальными головками, длинными шейками круглого и граненого сечения и короткими черешками (рис. 39, 5—7). Близкие по форме наконечники стрел были распространены в древней Руси в X—XII вв., а в городах Волжской Болгарии в XII—XIII вв.¹¹

Вместе с ними обнаружено предохранительное кольцо лучника, отличающееся изящной формой и хорошей сохранностью (рис. 39, 8). Оно изготовлено из средней части трубчатой кости животного, причем асимметрично расширение у оттянутого щитка достигнуто за счет изогнутости линии среза. Площадка у щитка, четко выраженная на одном из аркаских колец (рис. 39, 9), на данном экземпляре отсутствует.

В этом же слое во множестве представлена розовоглиняная керамика, изготовленная на гончарном круге и орнаментированная резным и пунктирным орнаментом. Она находит себе много параллелей в соответствующих материалах из дагестанских памятников послерабского времени, в том числе в керамике из упомянутого выше помещения на посаде Аркаского городища.

Как видно из приведенных данных, рассмотренные нами предметы вооружения из раскопок Аркаского городища и Охлинского городища, обнаруживают большую близость как между собой, так и в сопоставляемых главным образом керамических материалах. Намеченные выше аналогии позволяют датировать соответствующие комплексы находок из обоих названных памятников в широких хронологических рамках от X—XI вв. до XIII—XIV вв. Вместе с тем, представляется возможным несколько сузить эти рамки, опираясь на хронологию предохранительных колец лучников.

¹⁰ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 65; Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. ДЧИ, М., 1963, стр. 237, 238.

¹¹ Там же, стр. 81.

Как показывают имеющиеся данные, подобные кольца получили распространение в средневековых археологических памятниках Северного Кавказа, Поволжья и Средней Азии в XIII—XIV вв., т. е. после монгольского нашествия. В настоящее время известно около двух десятков таких колец, изготовленных из кости, рога, камня и металлов.

На Северном Кавказе сердоликовое кольцо было найдено в кургане XIV в. у станции Белореченской в Прикубанье¹². В Нижнем Поволжье при раскопках столицы Золотой Орды было найдено несколько бронзовых и костяных предохранительных колец, среди которых имеются экземпляры с ушком для подвешивания¹³. Подобные же костяные кольца обнаружены и в золотоордынском городе Увеке близ Саратова¹⁴ и в слоях золотоордынского времени городища Сарайчик в Западном Казахстане¹⁵. Такие кольца получили распространение и в Волжской Болгарии, о чем свидетельствуют находки бронзовых и костяных экземпляров из города Болгар¹⁶. Наконец, костяные предохранительные кольца найдены в средневековых слоях городища Таш-Кала Туркменской ССР¹⁷.

Судя по приведенным данным, рассмотренные нами предохранительные кольца появились не ранее XIII в., что позволяет высказать предположение о том, что они были занесены монголами.

Все сказанное целиком относится и к рассмотренным выше дагестанским находкам таких колец. А это позволяет датировать и остальные стратиграфически связанные с ними материалы из Аркаского и Охлинского городищ в рамках XIII—XIV вв.

Засвидетельствованные в этих надежно стратифицированных комплексах сосуществования нескольких разновидностей железных бронебойных наконечников стрел и предохранительных колец лучников нельзя признать случайным. По-видимому, оно отражает изменения, происшедшие в воинском снаряжении этого времени. Как уже отмечалось в литературе, в средневековую эпоху особенно широкое распространение получают различные типы защитной одежды, в том числе кольчуга¹⁸. Данное обстоятельство, в свою очередь, привело к появле-

¹² Н. И. Веселовский. Раскопки в Кубанской области в 1896 г. ОАК за 1896 г., стр. 26, рис. 128.

¹³ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 149.

¹⁴ Музей при кафедре археологии МГУ.

¹⁵ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, стр. 137, табл. 1.

¹⁶ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 27, рис. 4. 3.

¹⁷ Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1958, стр. 526.

¹⁸ А. М. Хазанов. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, стр. 33; А. Н. Бернштам. Чуйская долина. (Труды Семиречинской археологической экспедиции) МИА, № 14, 1950, стр. 67.

нию и широкому распространению бронебойных наконечников стрел и более мощных чем прежде сложных луков с тугой тетивой. Применение такого лука вызвало определенные изменения и в технике самой стрельбы. В частности, у некоторых народов Азии, а затем и Восточной Европы, появляются специальные приспособления для предохранения пальцев лучников в виде кожаных напалечников, перчаток и специальных колец, близких по форме находимым в средневековых археологических памятниках.

В этой связи небезынтересно отметить, что среди подробно описанных в литературе разных способов натяжения тетивы, применявшихся у разных народов, есть и такой способ, который получил широкое распространение у некоторых азиатских народов и известен под названием «монгольского». При этом способе тетива натягивается согнутым большим пальцем, а указательный помогает ему, нажимая на него сверху. Конец большого пальца просовывается между указательным и средним пальцами. Для защиты большого пальца, испытывающего при таком способе стрельбы сильный нажим тетивы, на него надевается либо кожаный напалечник, либо специальное кольцо из кости, рога, металла или камня¹⁹.

Следовательно, распространение предохранительных колец лучников в средневековых памятниках Восточной Европы, в том числе и Дагестана, может служить еще одним подтверждением того, что они проникли сюда вместе с соответствующим «монгольским» способом стрельбы из лука, т. е. свидетельством их монгольского происхождения.

В то же время, основываясь на упомянутой выше находке заготовки подобного кольца на Аркаском городище, мы вправе предположить, что дагестанское население восприняло от монголов их способ стрельбы из лука и с этой целью начало изготавливать такие кольца на месте.

О походах монголов в Дагестан мы располагаем довольно многочисленными данными. Впервые они появились здесь в 1220 г. после вторжения в Азербайджан, где они захватили и разрушили ряд городов, а затем двинулись оттуда на север к Дербенту. Однако на этот раз им не удалось взять этот сильно укрепленный город. Монгольским войскам пришлось обходить его крепостные стены и с большими трудностями идти через горы по территории внутреннего Дагестана²⁰. В настоящее время мы не располагаем достаточными данными, чтобы судить, на сколько глубоко удалось проникнуть в горы монгольским войскам во время этого похода. Однако их последующие нашествия оставили в Дагестане довольно глубокие следы.

¹⁹ А. Д. Анучин. О древнем луке и стрелах. Тр. У АС в Тифлисе. М., 1887, стр. 371.

²⁰ История Дагестана, т. I. М., 1967, стр. 202—207.

В 1239 году монголам удалось, несмотря на упорное сопротивление жителей, взять город Дербент. В 1239 и 1240 гг., не без согласия некоторых местных правителей, монголы предприняли поход в глубь горного Дагестана. В результате этого оказались разрушенными и разоренными встретившиеся на их пути селения²¹.

Пребывание монгольских войск во внутреннем Дагестане было кратковременным. Власть монголов в горах не утвердилась. В середине XIII в. единая монгольская империя распалась на ряд фактически независимых государств — улусов. Отдельные районы Дагестана входили в сферу влияния государства ильханов — Хулагидов (с юга) и Золотой Орды (с севера)²². Территория Дагестана служила ареной ожесточенных схваток между этими враждебными государствами. С середины XIII до начала XIV вв., почти в течение 80 лет, Дербент и прилегающая к морю полоса служили как бы мостом, через который проходили войска Золотой Орды и Хулагидов. Иногда эти войска пропикали и во внутренние районы Дагестана.

В свете сказанного представляется вероятным связывать с этими походами и появление в Дагестане рассмотренных в данной статье предметов вооружения. При этом предохранительные кольца лучников можно считать привнесенными в Дагестан непосредственно самими монголами, тогда как находимые вместе с ними бронебойные наконечники стрел, получившие в средневековую эпоху более широкое распространение, могли проникнуть и иными путями. Столь же допустимо связывать с этими монгольскими нашествиями и затухание жизни на Охлинском городище и многих других аналогичных памятниках, выявленных сейчас на территории Левашинского и Акушинского районов Дагестана. Однако при нынешнем состоянии изученности этих памятников трудно судить, были ли они разрушены во время одного из походов монгольских войск в глубь горного Дагестана, или же они были покинуты местными жителями и заброшены в результате нарушения экономической жизни, вызванного монгольскими завоеваниями.

²¹ А. Р. Шихсаидов. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969, стр. 23—26.

²² История Дагестана, т. I, стр. 204.

НАДПИСИ ИЗ ХНОВА

Хнов — высокогорное рутульское селение, расположенное примерно в 50 км к юго-западу от селения Ахты, на правом берегу реки Ахтычай, вернее у слияния рек Даличай и Борччай, на склоне горы Хачакди. Это один из старейших южнодагестанских аулов. Древность его засвидетельствована данными археологии — бронзовые браслеты, обнаруженные здесь в могильнике, датируются ранним средневековьем¹.

Первое упоминание Хнова в письменных источниках связано с событиями начала X в. По данным «Истории Абу Муслима» в это время в Хнове (в тексте: Хина) обосновался Халибан, внук Абу Муслима, предпринимавшего небезуспешные попытки исламизации Южного Дагестана². В хронике Махмуда Хиналугского Хнов назван в начале XV в. в составе зависимых от Ширвана аулов — здесь обосновался Махмуд бек, внук Мухаммеда бека, ставленника ширваншаха Ибрахи-ма I Дербенди в Южном Дагестане³. Зависимость эта носила, можно предположить, формальный и временный характер, и местные правители вскоре стали вести самостоятельную политику. В середине XVI века (1555 г.) мы видим хновцев вместе с рутульцами и цахурами в числе участников похода на Кахетию⁴. Самостоятельность Хнова хорошо прослеживается из сообщения шамхала русскому царю Федору Ивановичу (1597 г.), где в числе союзников шамхала, наряду с такими областями как Табасаран, Газикумух и др., названы «рутульская рать» и «хиннавская рать»⁵.

¹ М. И. И х и л о в. Хновцы (историко-этнографический очерк) — УЗ ИИЯЛ, т. VI, стр. 276.

² M. N. Khanikoff. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase, — «Journal Asiatique», Aout, 1862, p. 86, 90.

³ АКАК, II, стр. 1076—1077.

⁴ А. И. Ф о и - П л о т т о. Природа и люди Закавказского округа, — ССКГ, IV, стр. 11.

⁵ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II, стр. 27.

Находясь на путях, соединяющих Южный Дагестан с Северным Азербайджаном (Ахты—Хнов—Нуха; Рутул—Борч—Хнов—Северный Азербайджан), Хнов сравнительно рано был исламизирован, а значительное число арабских надписей, сохранившихся здесь, говорит как о степени исламизации, так и проникновения арабской грамоты среди местного населения.

В 1970 г. во время пребывания в Хнове мы сфотографировали и эстампировали (протирка) наиболее ранние из сохранившихся здесь арабских эпиграфических памятников. Впервые о хновских надписях сообщил М. М. Ихиллов, посетивший аул летом 1957 г. Он писал: «Свидетельством раннего проникновения ислама на территорию Хнов служат найденные здесь куфические надгробные плиты XI—XIII вв.»⁶. К сожалению, обнаружить «куфические надгробные плиты» нам не удалось. Куфических эпитафий в Хнове нет и местные жители их не помнят, а самые ранние надмогильные стелы на мусульманском кладбище, что к западу от аула, несут арабские тексты почерком насх и датированы XIV—XV вв.

Однако в западной стене мечети действительно сохранилось несколько строительных надписей, нанесенных куфическим письмом или полукуфи. Эти надписи (их шесть) вмонтированы в стену в один ряд, на уровне человеческого роста, образуя своего рода эпиграфический пояс — часть архитектурного декора западной стены. Все надписи ерезные, носят характер благопожелания и могут быть отнесены к числу строительных, а не эпитафий. Нанесены они на местный строительный речной камень чайлахад духул («камень из поймы реки») — самый устойчивый против времени камень в Дагестане.

Надпись № 1. Надпись состоит из 4 полных строк (рис. 1):

1 Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

2 Уповаю на Аллаха, да отгонит (?) Алла(х)

3 Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад его посланник.

4 Царство принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему.

Текст легко читается, кроме двух последних слов второй строки.

Одно из них состоит из трех букв (х. с. и). Учитывая, что надпись в целом не имеет ни точек, ни надстрочных или подстрочных знаков, слово это можно прочесть как «хаси'а» или же «хашийа» с переводом соответственно: «Да отгонит Аллах» и да «убоится Аллаха». Второе слово сохранило *алиф* и *лям* и должно читаться «Аллах».

Палеографические особенности надписи: отсутствие каких-либо диакритических знаков; наблюдается подстрочное продолжение *алифа*

⁶ М. М. Ихиллов. Указ. соч., стр. 277.

на одну треть его высоты; *алиф* и *лям* представляет собой высокие стволы, вершины которых оформлены в виде слабо выраженных клиновидных утолщений срезом вправо (*алиф*) и влево (*лям*); в лигатуре *лям-алиф* стволы скрещены, образуя в нижней части треугольник; буква *ба* в слове «*бисми*» выведена высоко, на уровне алифа; конечное та состоит из горизонтальной черты, открытой слева; даль представлен горизонтальной линией в соединении со стволом под острым углом: *ха*

дается двояко — в одном случае это точное повторение *даль*, в другом же (в слове «*Мухаммад*») — корпус имеет две горизонтали, верхняя из которых как бы «преломляется», прежде чем соединиться с нижней — последнее начертание подсказано лигатурой справа; *ра* и *нун* не отличаются друг от друга, уходят под строку и завершаются дугой, *нун* не имеет точки; *каф* имеет двоякое начертание, причем в конце слова нижняя горизонталь резко уходит вниз и вправо; *син* имеет зубцы, постепенно убывающие влево; *мим* всегда угловат (треугольник основанием на строке), в конечном же состоянии снабжен дугой, уходящей под горизонталь и круто отбрасываемой влево и вверх; конечное *ха* — также треугольник, но линия связки идет как на уровне строки, так и ниже; *вав* обнаруживает тенденцию к закругленности, его дуга находится ниже строки.

Надпись № 2. Текст (рис. 2) состоит из 5 строк:

- 1 Во имя Аллаха, милостивого, милосерд-
- 2 ного. Благословление Аллаха
- 3 хозяину справедливости и тому, кто вой-
- 4 дет в него (в здание?). Написал(и) Омар,
- 5 'А. х. с и Мухаммад

Чтение текста не представляет особых трудностей, если не считать неясного имени А. х. с, возможно немусульманского. Написание букв *ба* в начале надписи, *алифа*, *ляма*, *ха*, *даль*, *ра*, *нун*, *син*, *мим* такое

же, как и в надписи № 1 с той только разницей, что *ба* и *нун* снабжены точками, а *даль* и *нун* — небольшими отростками, уходящими влево. Клинообразные выступы на вершине *алифа* и *ляма* ярко выражены; начальный *ба* во второй строке имеет половину высоты *алифа*, подчеркивая тем самым, что в первой строке высокий ствол *ба* сделан в интересах симметрии; нижний конец *алифа* отогнут направо под прямым углом; (это в одном только случае, в слове «*Аллах*»); конечный *ба* открыт слева; конечный *лям* нижней частью уходит под горизонталь; серединное *сад* — это две горизонтали, соединенные с обеих сторон;

начальный *'айн* имеет вид плавной дуги, открытой справа, как и надписи № 1; *каф* встречается два раза, но в одинаковой передаче — две параллельные черточки, соединенные справа под прямым углом; конечный

мим имеет справа лигатуру, уходящую за пределы горизонтали вниз, а конечное *ха* во всех случаях соединяется таким образом; серединное *ха* дает фигуру из двух смежных квадратиков.

Надпись № 3 также состоит из 5 строк (рис. 3):

- 1 Построил (это) здание Хамма сын ✓
- 2 Мухаммада и его сын (?)...
- 3 хим. Почерк И. (н) бана. Жизнь
- 4 портится (?), а время
- 5 обновляется.

В ряде мест текст труден для чтения. Если первая строка читается полностью, то во второй не поддается расшифровке имя сына строителя. В третьей строке первое слово, возможно, не сохранило начальной буквы и только можно предположить, что это собственное имя Рахим, до сих пор не встречавшееся в надписях на камне в Дагестане. Имя писца трудно разобрать из-за обилия точек. Далее идет слово «жизнь», а четвертая строка, продолжая текст, начинается со слова, которое скорее читается как «йафсуду» («портиться, быть порочным»). Последняя строка состоит из одного слова, разорванного на две части из-за неровности поверхности камня. Последние два слова («ва заман джадид» — «время обновляется») полностью огласованы. Это выражение в дагестанской эпиграфике уже встречалось, а именно в надписи из Рутула 1228 года⁷: «жизнь сокращается, а время обновляется», но в нашем тексте вместо «йанкусу» стоит «йафсуду», а слово заман стоит без определенного члена, хотя и является подлежащим в именном предложении.

Начертания букв в основном совпадают с надписями № 1 и 2. *Та марбута* в предыдущих двух надписях не встречалась, здесь же — это треугольник с точками над ним; *ха* также встречается впервые — горизонтальная линия, перечеркнутая крестообразно другой линией. *Та* в конце слова трактован в виде двух вытянутых по горизонтали линий, закрытых слева высоким стволем, с отходящим от него черточкой влево; *джим* в начале слова изображен как *даль* и *ха*, а начертания *заль* и *нун* совпадают.

Надпись № 4 имеет всего три строки (рис. 4):

- 1 Царство принадлежит Аллаху, единому
- 2 всепобеждающему, превосходному...
- 3 Написал Омар сын Мухаммеда (?)

Первые две строки выведены весьма изящно, стволы букв высокие,

⁷ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 79.

клинообразные выступы отчетливы. Если в первой строке сочетание *алиф-лям* дано отдельно, то во второй эти буквы как бы перехватывают друг друга в центре. К этому приему резчик прибегает и тогда, когда в нем нет необходимости (например, при одном только алифе), но это делается в целях усиления общего впечатления. Последнее слово не поддается чтению (*ал-м?*). Третья строка нанесена робко, мелкими буквами, возможно, она первоначально и не входила в замысел писца. Имя отца писца уверенно не читается. Единственный раз допущено отклонение от грамматики — слова «ал-вахид» («единый») написано без алифа долготы.

Палеографически надпись имеет много общего с № 1—3, но ряд букв написан своеобразно. *Каф* имеет вид ромбовидной фигуры с тремя отростками, а *фа* отличается от него только количеством точек. *Мим* в конце второй строки вытянут вверх под влиянием соседних высоких букв.

Надпись № 5 состоит из одной строки (рис. 5):

1 Царство принадлежит Аллаху.

Манера письма повторяет надпись № 4, но более усложнена, буквы подняты вверх, занимая поле во всю высоту; сплетение *алифа* и *лями* тоже повторено, но обе эти буквы сопровождаются декоративными элементами, сочетанием различных черточек, идущих под линию строки. Выступы на вершинах букв увеличены, приобрели форму треугольника. *Мим* трактован весьма своеобразно — подчетыреугольная фигура, верх которой закрыт дугой с отходящей от нее вверх вертикальной линией. *Каф* изящен, верхняя его линия переломлена в середине, снабжена вершиной-треугольником и выведена на высоту *алифа* и *ляма*. Во всем чувствуется стремление резчика к симметрии и масштабности.

Как мы видим, ни один из текстов не имеет даты. Дагестанская арабская палеография совершенно не разработана, но при датировке наших надписей имеется возможность привлечь уже известные в науке датированные надписи из Рутула, Ихрека, Гельмеца, Цахура и Ахты⁸. Рутульская надпись 1150 года имеет одинаковые с нашими надписями начертания буквы *алиф*, *лям*, *ха*, *ха*, *ха*, *нуна*. Надпись 1162 или 1161 года из Гельмеца дает одинаковое написание *ха* и *даль*, а также *ха* в виде двух смежных четырехугольников и высокое *ба* в слове «бисми». Ахтынская надпись XI—XII века точно повторяет *ха*, *мим* и *даль* из надписи № 1. Цахурская надпись этого же времени украшают завитки и черточки, помещенные в вершинах букв. Вершины стволов рутуль-

⁸ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 267, 269, табл. III и V.

ской надписи 1150 года заострены влево и вправо, как и в надписях №№ 1—3.

Все это позволяет датировать все пять надписей в пределах XII в.

Надпись № 6. В числе надписей эпиграфического пояса она стоит особняком — нанесена почерком, переходным к насху (рис. 6) и ориентировочно датируется нами XIII в.:

1 Я свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха

2 и свидетельствую, что Мухаммад посланник Аллаха.

Все остальные надписи из Хнова, начиная с конца XIV в. написаны насхом и нанесены, как и предыдущие, на «камень из поймы реки».

Надпись № 7. В той же западной стене мечети, в нижней части стены, у фундамента вмонтирован камень (35×26 см) со следующей надписью из 7 строк (рис. 7):

1 Владелец (сахиб) этого минарета и его строитель (‘амир)

Хамма сын Абакара, сына Чакука,

2 сына Назкуха, сына Хамма, сына Мамма, сына Хамма и
его жена Фатма

3 дочь ‘Араба. Построили они этот минарет ради Аллаха
великого,

4 желая рая. Строитель (‘амил) минарета устаз Х.зсаз а)
сын Халифа

5 и его сын Мамма аз-Захури. Писец (катиб) этих строк Су-
лейман сын Мухаммада.

6 Имело место это событие в месяце шаввал восемьсот треть-
его года хиджры.

7 В этом же году подарил Курки (Гурги) мульк селению
Киш ал-Хинав.

Эта надпись датирована началом XV века — шавваль 803 года хиджры начался 15 мая 1401 года. Как уже говорилось, текст написан насхом, но в единственном случае сохранена старая традиция — конечный нун опущен под линию, наподобие буквы ра.

Большой интерес представляют собственные имена и титулатура, зафиксированные в надписи. Имя «владельца» минарета и строителя

а) возможно и другое чтение — Х·нсан, или Х·зсан.

его дано с сохранением родословной (7 имен) — явление чрезвычайно редкое, если не единственное в дагестанской эпиграфике по отношению к «владельцу» или строителю. В его родословной много немусульманских имен. Имена мастера Х.зсаз (или Х.нсан, Х.зсан) и дарителя (Гурги) также немусульманские. Жена правителя названа на местный (или азербайджанский) манер — Фатма. Характерно то, что отцы с мусульманскими именами дают своим сыновьям местные имена (Хамма сын Абакара, Х.зсан сын Халифа). Единственное имя без куньи — это имя дарителя (просто Гурги). Из имен наиболее распространенным оказалось Хамма, уже встречавшееся в надписи № 3.

Хновская надпись 1401 г. — самая богатая в дагестанской эпиграфике по количеству зафиксированных там терминов — сахиб, амир, амил, устаз, катиб.

Термин «сахиб» («владелец, хозяин») в строительных надписях Дагестана уже встречался несколько раз: «владелец крепости Д.й.р сын С.й.б» (Ахты, не позднее XIII в.)⁹; «владелец этой крепости ширбаншах Халилуллах» (Ахты, XV в.)¹⁰; «владелец этого минарета Али сын Сайдара» (Цахур, 1239 г.)¹¹.

Во всех трех случаях слово «сахиб» вводит не имя профессионального строителя, а богатого покровителя, финансировавшего строительство, а ахтынская надпись XV в. прямо указывает, на известного правителя Ширвана ширваншаха Халилуллаха. Сахибом крепости могло назвать себя только лицо, власть и могущество которого было общепризнано.

Что касается хновской надписи, то по части сочетания «владелец минарета», ей предшествует только одна надпись из Цахура (1239 г.). Кроме этих двух лапидарных текстов мы не знаем ни до, ни после XV в. случая, когда был бы назван «владелец минарета». Однако в нашей надписи речь идет не только о представителе состоятельной сельской верхушки Хнова, не только о богатом покровителе в строительстве культового сооружения, но и о непосредственном участнике в строительных работах («амир»).

Этот последний термин — «амир» в строительных надписях Дагестана до сих пор не встречался. По всей вероятности, под ним не скрывается профессиональный титул мастера. То же самое можно сказать

⁹ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 95.

¹⁰ Там же, стр. 141.

¹¹ А. Р. Шихсаидов. Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.) — УЗ ИИЯЛ, т. XIII, серия историческая, 1964, стр. 109. Термин «сахиб» встречается еще два раза в строительных надписях XI—XIII вв. (А. Р. Шихсаидов. Распространение ислама в Южном Дагестано — УЗ ИИЯЛ, т. VI, 1959, стр. 141), но без указания на объект постройки.

и о другом термине — амил, также впервые встречаемый в надписях на камне.

Профессиональное звание мастера отмечено термином «устад». Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде, изучая профессиональные звания зодчих и мастеров архитектурного декора, пришли к выводу о том, что термин «устад» широко применялся с XI в. вплоть до настоящего времени и что «звание устада более характерно для мастеров тебризской и ширвано-апшеронской архитектурных школ»¹². Звание «устад» было наиболее универсальным среди профессиональных званий зодчих и мастеров-строителей. Этим званием «...характеризовался человек творческого труда, достигший высокой квалификации... оно обладало и значительностью непосредственно профессионального звания. При этом не следует забывать, что в условиях феодального общества мастерами, получившими задание на самостоятельное возведение ответственных сооружений — мавзолеев, караван-сараев, мечетей, т. е. памятников, строительные надписи которых сохранили имена мастеров-устатов,— могли быть лишь лица, прошедшие соответствующие ступени профессионального ученичества. Несомненно, что званием устада обладали зодчие, достигшие определенной степени признания и имевшие учеников. Это и давало зодчим-строителям подобного профессионального «ранга» право именоваться устадами»¹³.

Если Х. зсаз сын Халифа в надписи из Хнова выступает в качестве строителя-профессионала, то в лице его сына Мамма из-Захури мы можем, вероятнее всего, видеть ученика, шагирда (кстати термин «шагирд» также встречался только один раз). Нельзя не обратить внимания на нисбу Мамма¹⁴ — аз-Захури, т. е. Цахурский, или из Цахура. Обычно в строительных надписях нисба отмечается в тех только случаях, когда строитель не является жителем данного селения. В хновской надписи отец не имеет нисбы, тем самым он признан за жителя Хнова, в то время как сын назван Цахурским. Возможно двойное толкование этого места текста: или перед нами случай, когда сын жителя Хнова обосновался в Цахуре (примерно в 50 км к северо-западу от Хнова); или же и отец и сын приглашены на строительство минарета из Цахура. В последнем случае нисба «аз-Захури» относится к ним обоим и соответствующее место надписи следует читать: «строитель(и) минарета устаз Х. зсаз сын Халифа и его сын Мамма Цахурские». Интересна также форма написания термина «устаз», известная нам до

¹² Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде. Профессиональные звания зодчих и мастеров архитектурного декора. ЭВ, т. XIII, стр. 25.

¹³ Там же, стр. 25—26.

¹⁴ Позже это имя встречается в Цахуре в надписи 1432 г («написавший Иса сын Мама аз-Захури») — см.: Л. И. Лавров, Указ, соч., стр. 134.

этого только по рутульской надписи 1228 г.¹⁵, в то время как остальные надписи знают форму усад или уста¹⁶.

Хновская надпись 1401 г. предстает перед нами как наиболее раннее засвидетельствование термина мульк в эпиграфическом материале. В письменных источниках по истории Дагестана (до XV в.) термин мульк чрезвычайно редок. Поскольку нам известно, он встречается помимо хновской надписи еще только в дагестанской исторической хронике «Тарих Дагестан», составленной, в основном, в начале XIV в. При перечислении доходов, поступавших с различных дагестанских земель в пользу газикумукского шамхала, автор «Тарих Дагестана» подчеркивает, что «Джурми — его (—т. е. шамхала—) мульк» и что «Цахур и Голода — оба мульки шамхала»¹⁷.

Как указывал И. П. Петрушевский, в развитых феодальных обществах, сложившихся после распада халифата, в частности в Иране, «термином мульк или милък... стали обозначать как мелкую крестьянскую земельную собственность, ...так и феодальное имение, если землевладелец владел им на правах безусловной собственности, не связанной со службой государству, свободно отчуждаемой и передаваемой по наследству, вместе с находящимися на данной земле крестьянским хозяйством»¹⁸. Частновладельческие земли как свободно отчуждаемая безусловная собственность, независимо от их величины и независимо от их величины и независимо от социального положения собственника этих земель, называются мульком и в Дагестане.

Значительный интерес представляет имя того, кто подарил мульк— Гурги (Георгий).

Современное селение Хнов названо в надписи Киш Хинав, и это осталось для нас, несмотря на обращение к старожилам Хнова, непонятным.

Следующие 5 надписей переписаны нами с надгробных плит на кладбище, расположенном на западной окраине аула. Одна из этих плит датирована 1382 г., другая — 1405 г. Три надгробия не сохранили дат, которые должны были быть указаны в уничтоженных временах нижних строках текста. Учитывая, что все 5 надписей расположены

¹⁵ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 79.

¹⁶ Там же, стр. 64, 82, 159 и др.; М. Х. Сейматова. К истории изучения Ширвана XIV—XVI вв. Баку, 1959, стр. 83 (на азерб. яз.).

¹⁷ А. Р. Шихсаидов. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан». — «Письменные памятники Востока» (в печати). В издании М. Казембека (Derbend-Nameh. Transl. by M. A. Kazem-Beg, Spb., 1851, p. 672) в арабском тексте так и указано «мульк», что в переводе передано словом «собственность» (property).

¹⁸ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, стр. 251—252.

недалеко друг от друга, а также полное сходство почерков, недатированные надписи также можно отнести к концу XIV — XV вв. Не меньшую роль играет также тематическое и стилистическое родство эпитафий.

Надпись № 8. Эта надпись имеет 8 строк, из которых три стерлись полностью, а одна — плохо читается:

- 1 Владелец этой могилы покойный, прощенный
- 2 амир Абакар сын Тахсмана, сына Бугала,
- 3 сына Сайида, сына Бен Карнайна — да будет балгоскло-
нен Аллах
- 4 к ним всем. — Он (был) человек чистый,
- 5 ...щедрый, внимательный (к) ученым,
- 6—8 ...

Надпись № 9. Надгробная плита (80×35×25) имела 9 строк, из которых две совсем невозможно разобрать. Как можно понять, из текста, последняя строка была посвящена дате:

- 1 Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.
- 2 Владелец этой могилы прощенный
- 3 амир Сейф ад-Дин, сын 'Аджуджа,
- 4 ...
- 5 Юноша красивый, прекрасный, разумный,
- 6 предусмотрительный ...удачный,
- 7 искусный вседник...
- 8 Он скончался в месяце мухаррам
- 9 ...

Надпись № 10. Надпись нанесена на четырехугольную плиту со скошенным верхом. Наибольшая высота стелы — 145 см, наименьшая — 115 см при толщине в 15 см. Верх чуть шире основания (80 и 75). В верхней части плиты в камень углублено изображение подковы. За 6 строками арабского текста идет четверостишие на персидском языке. Персидский текст нанесен тем же почерком, что и арабский. Арабский текст гласит:

- 1 Царство принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему.
- 2 Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Аллаха.
Истина.
- 3 Это могила К. ди (К. дай), сына Дивана, (а) он человек
- 4 молодой (юноша), красивый украшение всадников (зейч
ал-фурсан) и звезда войск (наджм ал-'асакир) —
- 5 — милость Аллаха над ним. Скончался он в

6 месяце раджаб смьсот восемьдесят четвертого года
Далее идет персидский стих¹⁹. Он состоит из 6 строк, занимая
4 строки на плите:

- 1 Многие люди не имеют понятия о будущем, все как-будто
похожи на спящих.
В небольшой не иначе как он должен тратить много сил
и энергии
- 2 Вред незнания мало ценят, умрут — тогда узнают,
Нет большего мучения, чем хотеть совершить хорошее, а
остаться в стороне.
- 3 Счастлив тот, кто воспринимает все доброе, что исходит от
него.
- 4 Тому надо дать ячмень(?), чтоб от него была польза.

Настоящая надпись датирована раджабом 784 хиджры, т. е. сен-
тябрем или октябрем 1382 года.

Надпись № 11. Это самая большая надпись, она имела 19 строк,
5 из которых совершенно стерлись. Плита сравнительно небольших
размеров (90×31×25):

- 1 Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.
- 2 Вечность (принадлежит) Аллаху. Это могила Амира,
сына Чакука, —
- 3 да смилостивится Аллах над ним. Он (был) юноша
красивый,
- 4 сильный, щедрый, сострадательный, краса благородных
(зейн ал-ашраф) и ...
- 5 глава всадников (ра'с ал-фурсан), звездв войск (наджм
ал-'асакир),
- 6 разумный, предусмотрительный,
- 7 любящий бедных и низких (по положению) а, украшение
мечети и джамаата,
- 8 добивающийся благосклонности Аллаха и милости его —
— да простит Аллах ему грехи,—
- 9 Аллах никого не обделяет разлучением (фирак) ...Раз-
- 10 лучение...

¹⁹ Перевод Н. Т. Шейхова, научного сотрудника Института истории, языка
и литературы Дагестанского филиала АН СССР,
а) мухибб ал-факр ва-с-сафала.

- 11 ...Смерть — час. Затем — богобоязненный. Разлучитель
любимого.
12 В груди — пустота.
13 О разлучающий любимых... последний день — пощадь...
14 добра, а Аллах
15—19 ...

Надпись № 12. Надпись (80×32×14) в 11 строк полностью сохранилась:

- 1 Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.
2 Владелец этой могилы
3 покойный, прощенный, законовед (факих)
4 Р. хухни, сын Иахья,—
5 — да смилостивится Аллах над ними обоими,—
6 ищущий
7 прощения Аллаха и его снисхождения.
8 Он скончался
9 в месяце мухаррам в году
10 всемьсот восьмом
11 хиджры.

Мухаррам 808 года хиджры начался 29 июня 1405 г.

Все эти 5 надписей — надписи, так сказать, одного ряда. Общность в них поразительная — начиная от материала и почерка, кончая графаредами фраз и формой изложения текста. Все надписи врезаны в камень, почерк — убористый, круглый невысокий насх. Начало текста с басмалы — обычное явление. Нередки формулы вероисповедания. Имя погребенного обязательно вводится термином «сахиб».

Чрезвычайный интерес представляют имена и термины надписей. Хотя имена в основном уже мусульманские, но нередко еще встречаются исконно местные имена — Бугал, Аджудж, К. ди, Чакук, Р. хухни. Сохранение немусульманских имен — это отражение старых религиозных представлений.

Терминология надписей также богата — амир, всадник, глава всадников, украшение всадников, звезда войск, любящий бедных и низких, факих.

Амир зафиксирован три раза, один раз — как имя собственное (Амир, сын Чакука), два раза — как титул (амир Абакар, сын Тахсмана; амир Сейф ад-Дин, сын Аджуджа). Титул этот, хотя и редко, но встречается также в надписях из Рича (1242 г.), Мишлеша (1247 г.) и Рукела (1305 г.)²⁰.

²⁰ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 82, 83, 115.

Сопоставление надписей позволяет предположить, что амир выступал как носитель высшей власти в ауле, причем власти гражданской. Прерогативы же военного порядка входили в функции предводителя воинского ополчения. Возможно, власть амира простиралась на ряд соседних аулов, как это имело место в XIII веке в Рича. Очевидно, амиры принимали также участие в походах в составе «хинавской рати», поставленной по своему значению рядом с «горскою ратью, да рутульскою ратью..., да табасаранскою ратью, да исминскую ратью, да куренскую ратью, да карабудацкую ратью, да илперинскую ратью, да казыкумыцкою ратью...»²¹. Потому Сейф ад-Дин назван «искусным всадником»).

Всадники составляли влиятельную общественную группу и представляли собой привилегированную категорию хновского общества. Отряд всадников возглавлял «глава всадников» («ра'с ал-фурсан»), достоинства которого подчеркнуты также термином «звезда войска» («наджм ал-асакир»). Амиры также становились всадниками («амир Сейф ад-Дин ...искусный всадник» — надпись № 9), но не в качестве «главы всадников».

Все трое юношей-всадников (надписи № 9—11) погибли, очевидно, за пределами аула, во время похода. Весьма примечательны элементы панегирика («юноша красивый, прекрасный, разумный», «юноша красивый, сильный, щедрый») по адресу молодых всадников, что в какой-то степени перекликается с текстом надписи из шамхальского кладбища в Кумухе («юноша прекрасный, благородный, самый щедрый, славнейший, покучивший прощение, счастливый, мученик, убитый в сражении с неверными Черкесс Мухаммад сын Амал Мухаммада» — 1552—1553 г.)²². Из всех надгробий шамхальского стиля в Кумухе только плита на могиле юноши, погибшего на чужбине при совершении похода, несет в себе текст с подобного рода восхвалением достоинства погребенного.

В надписях нашли отражение представления хновского общества о различных категориях людей, в частности, в них зафиксирован идеал человека, воина и правителя: воин — это юноша красивый, сильный, удачный, искусный всадник, украшение всадников, звезда войск, а правитель — это человек щедрый, внимательный к ученым, разумный, предусмотрительный, любящий бедных и низы, украшение мечети и джамаата. Иногда один человек объединяет в себе все эти качества, это в том случае, если он выступает в роли и воина, и руководителя (надписи № 9, 11).

²¹ Памятники дипломатических и торговых сношений, т. II, стр. 27.

²² А. Р. Шихсаидов. Распространение ислама в Южном Дагестане, стр. 158.

Термин «факих» также пока впервые встречен в дагестанской эпиграфике. Это — законовед, а возможно, и преподаватель местной мусульманской школы.

Представляет большой интерес стихотворение на персидском языке из хновской надписи № 10. Это наиболее ранний в Дагестане образчик персидской поэзии, который несомненно привлечет внимание историков и филологов.

Надпись № 13. Примерно в 1 км к востоку от селения, на окраине дороги расположен «пир» (святилище) — небольшое однокамерное сооружение, издавна почитаемое местным населением. Внутри пира, в западной стене вмонтирована каменная плита с арабской надписью в 8 строк:

1 Это могила покойного, прощенного Мухаммеда,

2 сына 'Асада, сына М. к. л. к. н, сына Қарини,

3 сына 'Араб Абакара, сына Тахсамана,

4 сына Бугал, сына Сейф ад-Дина, сына М. к. л. к. ни.

5 Они оба (?) а — сыновья л-Қарнайна, согласились б.

6 Умер в восемьсот пятьдесят четвертом году

7 хиджры пророка — да благословит его (Аллах)

854 год хиджры соответствует 1450—1451 году. Эта надпись в свое время была частично и неверно прочтена и издана М. М. Ихилковым, датировавшим памятник 54 годом хиджры, т. е. 675 г.²³ Л. И. Лавров, хотя и не видел этой надписи, в своих «Эпиграфических памятниках» справедливо высказал сомнение в верности прочтения даты надписи и предложил другую дату — 1054 г. хиджры, т. е. 1644—1645 г., предположив, что мы имеем дело с нередким в дагестанской эпиграфике явлением, когда слово «тысяча» в датах опускали. Однако, в надписи слово «восемьсот» четко читается, и поэтому дату 1644—1645 г. также придется признать неточной.

Надпись из пира дает родословную Мухаммада, содержащую 9 имен, в том числе и немусульманских. При сравнении с родословной из надписи № 8 обнаруживается общая в обоих родословных линия (Абакар, сын Тахсмана, сын Бугала). Таким образом в лице Мухаммада сына Асада (надпись № 13) мы видим потомка местного правителя амира Абакара сына Тахсмана (надпись № 8). Общим в обеих надпи-

а) не понятно, о ком идет речь.

б) не ясно.

²³ М. М. Ихилков, Указ, соч., стр. 276.

ся является также имя Карнайн. Небезынтересно то, что Абакар из надписи № 8 назван в другой надписи (№) Араб Абакар, и здесь в слове «араб» следует видеть скорее всего этнический термин («араб Абакар») — попытка подчеркнуть, что святилище связано с именем араба по происхождению.

Мы дали перевод 13 надписей, обнаруженных в Хнове. Хнов предстает перед нами как один из интереснейших дагестанских аулов, возможно, центр одного из союзов сельских общин, существовавшего в XII—XVI вв. Надписи поднимают завесу над совершенно неизвестными до сих пор сторонами жизни хновцев, проливают свет на ряд вопросов социальной структуры хновского общества, его военной организации, внешних контактов, идеологических представлений и успехов в области культуры в XII—XV вв.

ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА

Наряду с другими антропологическими данными в настоящее время для суждения об исторических путях развития народов широко привлекаются данные по морфологии зубов. Зубы становятся, таким образом, источником ценнейшей информации. В последние годы в Дагестане были проведены одонтологические исследования.

Основная цель работы — исследование распределения ряда одонтологических признаков на территории Дагестана для установления генетических отношений между разными этническими группами Дагестана в связи с вопросами этногенеза. Второй задачей нашей работы является изучение изменчивости одонтологических признаков в изолированных популяциях с замкнутым брачным кругом. В основу выбора групп, в основном, лег критерий этнолингвистических различий, ранее успешно примененный А. Г. Гаджиевым¹, в антропологических работах.

Основным местом проведения работ мы выбрали районы расселения этноплеменных групп Дагестана и дагестаноязычных народностей Азербайджана.

Всего было исследовано 29 групп. Из них 6 аварских групп Анцуха, Андалала, Гидатля, Салатавии, Хунзаха и восточных районов, 7 андийских групп (андийцы, ботлихцы, годоберинцы, багулалы, тиндинцы, каратинцы, ахвахцы), бежтинцы, лакцы, кумыки, две группы даргинцев, 2 группы лезгин (самурцы, кусарские), табасараны, агулы, рутулы, удины, будуги, хиналуги, крызы и другие.

Работа проводилась в средних школах среди мальчиков и девочек 12—16 лет.

Программа исследования и методика взятия оттисков из зуботехнического воска, методика определения одонтологических признаков, соответствовали программе и методике, описанным и разработанным

¹ А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана по данным антропологии. Махачкала, 1965.

А. А. Зубовым². Значительное число исследованных позволяет сделать достоверные выводы.

Чтобы выяснить, какова в целом картина межгрупповых различий, были рассчитаны средние частоты, максимальные и минимальные колебания, а по важнейшим одонтологическим признакам мы провели однофакторный дисперсионный анализ³.

Анализ и сопоставление результатов показали, что одонтологические признаки на территории Дагестана дают довольно пеструю картину межгрупповой вариabilityности.

Однако в целом дагестанские группы довольно близки между собой и по сумме признаков образуют более или менее единый тип. Население Дагестана может быть охарактеризовано, как европеоидный «западный», с некоторыми отклонениями в «восточном» направлении. В этом проявляется своеобразный «эксцесс» дагестанских групп. По трем так называемым «древним» признакам (лопатообразность резцов, дистальный гребень тригониды, коленчатая складка метакониды), в дагестанских группах встречается более повышенная частотность, чем скажем, в европеоидных группах. По лопатообразности резцов в европеоидных группах процент встречаемости колеблется от 0 до 15%, а в некоторых исследованных нами дагестанских популяциях процент встречаемости достигает пределов 15—25%. Например, у ботлихцев — 21,05%, лезгин-самурцев — 25,32%, багулалов — 16,66%, хиналугов — 15,38%, агулов — 14,47% и т. д.

Далее в европеоидных популяциях дистальный гребень тригониды встречается до 5%, а в дагестанских группах частота ее достигает 12%. Большой процент дистального гребня встречается в следующих группах: удины — 12,0%, хиналуги — 12%, бежтинцы — 11,22%, таты-мусульмане — 11,36%, аварцы Салатавии — 10,0%, рутулы — 10,0%. По коленчатой складке метакониды цифры также повышены: у аварцев центральных — 20,0%, кумыков центральных — 19,19%, годоберинцев — 18,18%, агулы — 19,12%, табасаранов — 17,6%, лакцев южных — 19,9%, андийцев — 16,0%. Казалось бы, что увеличенные проценты названных признаков говорят об определенной монголоидности дагестанских групп. Однако, анализ данных по другим признакам, демонстрирует совсем иную картину. В этой связи интересны данные по так называемым «молодым» признакам: бугорок Карабелли, редукция гипоконуса 3+ и 3, трехбугорковый второй нижний моляр.

Самые высокие частоты бугорка Карабелли встречается среди населения земного шара в европеоидных группах, в пределах 40—55%. По частотам бугорка Карабелли дагестанские группы приближаются

² А. А. Зубов. Этническая одонтология. М., 1973.

³ Н. А. Плохинский. Биометрия. М., 1970.

к верхнему пределу размаха европеоидных групп, иногда даже поднимаясь еще выше (тиндинцы — 61,26%).

По частоте редукции гипоконуса 3+ и 3 размах межгрупповых различий достигает 30 единиц — от 56 до 90%. Мировой максимум частоты редуцированных типов 2 нижнего моляра расположен в арктических районах Азии и Америки (чукчи, алеуты, древние и современные эскимосы) — до 90%. Размах колебаний этого признака среди народов Кавказа довольно значителен от 43 до 77%; отчетливо обнаруживается тяготение наиболее высоких частот к группам Дагестана, что было отмечено ранее Р. С. Кочиевым⁴.

Трехбугорковый второй нижний моляр встречается в основном лишь в европеоидных группах или же в группах, где преобладает европеоидный компонент. Наибольшие частоты отмечены у памирцев — 22,8% и осетин — 26,1%. Частота трехбугорковой формы в дагестанских группах очень повышена, особенно высока у ахвахцев — 20,29%, аварцев Закалата — 20,0%, удины — 17,74%, даргинцы восточные — 17,5%, аварцы Караха — 11,7%.

По совокупности выраженности одиннадцати одонтологических признаков в Дагестане можно выделить 5 зон:

I зона: тиндинцы, рутулы; аварцы Караха, аварцы Гидатля, аварцы центральные, багулалы, бежтинцы, лезгины Кусары, аварцы Закалата, ахвахцы.

II зона: андийцы, кубачинцы, аварцы Салатавии, лакцы южные, табасараны, крызы, аварцы Анцуха, горские евреи.

III зона: ботлихцы, агулы, годоберинцы, хиналуги, лезгины-самурцы. Заметим, что в этой зоне близко расположились две андийские группы (ботлихцы и годоберинцы) географически близкие друг другу и две лезгинские группы (лезгины-самурцы и агулы), также очень близко расположенные географически.

IV зона: две даргинские группы (даргинцы западные и восточные), близкие к ним кумыки северные, а также каратинцы.

V зона: кумыки центральные, лакцы северные, аварцы Андалала, будуги, лезгины-кюринцы.

Выделяя зоны, отмечая близость тех или иных групп, мы воздерживаемся пока от далеко идущих выводов. Отметим лишь, что эти зоны только в некоторых случаях совпадают с этническими. Сопоставление с антропологическими вариантами, ранее выделенными А. Г. Гаджиевым⁵, путем ранговой дисперсии показало отсутствие совпадения с ни-

⁴ Р. С. Кочиев. Одонтологическая характеристика этнических групп Кавказа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1970.

⁵ А. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 49–53.

ми, хотя в некоторых случаях параллели с соматометрическим материалом имеются.

Для сравнения нашего материала с материалами по другим народам мы взяли этнические группы Индии, Казахстана, Средней Азии⁶, Азербайджана, Армении, Грузии и Северного Кавказа и провели сравнение по одиннадцати одонтологическим признакам.

Четыре индийские группы (раджпуты, чамары, гуджары, джаты) расположились очень близко к дагестанским группам. Одна из пяти сравниваемых индийских групп — ахиры располагается непосредственно в гуще дагестанских групп. Интересно, что взятые для сравнения индийские группы, считаются генетически связанными со скифами. В этой связи нельзя не вспомнить о скифо-сарматских влияниях на Дагестан, как на культуру, так и на антропологический тип. Близки также к народам Дагестана остальные народы Кавказа. Но в то же время имеющие монголоидную примесь группы казахов, узбеков, киргизов отделились от всех сравниваемых групп в сторону «восточного» комплекса. Как мы уже говорили, чтобы выяснить, какова в целом картина межгрупповых различий важнейших признаков на территории Дагестана, мы провели однофакторный дисперсионный анализ по шести основным одонтологическим признакам. (Таблица 1).

Полученная картина весьма интересна, межгрупповые различия, или, выражаясь языком статистики, межгрупповое разнообразие таких признаков, как лопатообразность резцов, дистальный гребень тригониды, коленчатая складка метаконида и ход борозды 2 мед велики и статистически достоверны на самом высоком уровне, в то время как

Таблица 1

Величины ($F = \frac{\sigma_x^2}{\sigma_z^2}$) однофакторного дисперсионного анализа
распределения некоторых одонтологических признаков

Признаки	F	P
Лопатообразность резцов	3,45	>0,999
Бугорок Карабеллы	0,44	—
Дистальный гребень тригониды	5,8	>0,999
Коленчатая складка метаконида	1,45	>0,95
Редукция гипоконуса 3+ и 3	1,20	—
Борозда 2 мед. (II)	33,3	>0,999

⁶ Для сравнения взяты в основном неопубликованные данные А. А. Зубова, которому приношу свою благодарность.

«молодые» изменчивые признаки, связанные с общим процессом редукции не обнаруживают больших межгрупповых различий, так что население Дагестана по ним относительно гомогенно.

Интересно, что признаки, обнаруживающие большое межгрупповое разнообразие входят в состав так называемых собственно расовых признаков, характеризующих «восточный» и «западный» одонтологические типы. Повидимому различия по комплексу «восток» — «запад» сложились давно и сохранились благодаря изоляции. Следовательно, можно предполагать, что этническое разветвление Дагестана началось в глубокой древности и является автохтонным, местным процессом.

Межгрупповые различия по «собственно» расовым признакам в Дагестане повидимому почти не усилились в изоляции (за исключением одного случая), что показывает сравнения полученных нами величин F с величинами, полученными Р. С. Кочиевым по Кавказу.

Таблица 2

Признаки	F в Дагестане	F на Кавказе
Лопатообразность резцов	3,45	13,661
Бугорок Карабелли	0,44	3,494
Дистальный гребень тригониды	5,80	1,84
Кленчатая складка метакониды	1,45	1,59
Редукция гипоконуса 3+ и 3	1,20	3,49
Борозда 2 med (II)	33,3	4,42

Возможно, в данном случае определенные степени изоляции способствовали лишь консервации исходных различий, возникших в эпоху формирования отдельных групп, имеющих разные концентрации восточного элемента. Можно предполагать, что внутридагестанская этническая дифференция началась после выделения основных народностей Кавказа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЛКАК	— Акты Кавказской археологической комиссии
АО	— Археологические открытия
АПА, НИ	— Археологические памятники Армении, наскальные изображения
АС	— Археологический съезд
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСтр. ГИМ	— Археологический сборник, труды Государственного исторического музея
АЭС	— Археолого-этнографический сборник
БСЭ	— Большая Советская энциклопедия
ВГМГ	— Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ	— Вестник древней истории
ВЛГУ	— Вестник Ленинградского Государственного университета
ВМГУ	— Вестник Московского Государственного университета
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГМИГ	— Государственный музей истории Грузии
ГМГ	— Государственный музей Грузии
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДАН Аз. ССР	— Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ДАЭ	— Дагестанская археологическая экспедиция
ДС	— Дагестанский сборник
ДСХИ	— Дагестанский сельскохозяйственный институт
ДЧИ	— Древности Чечено-Ингушетии
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения
ЗИВАН	— Записки института востоковедения АН СССР
ЗОЛКА	— Записки общества любителей кавказской археологии
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАГНИИ	— Известия Азербайджанского Государственного научно-исследовательского института

- ИАН Аз. ССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
 ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 ИЖ — Исторический журнал
 ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала Академии наук СССР
 ИРАО — Известия Русского археологического общества
 ИООИА — Известия общества обследования и изучения Азербайджана
 КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры АН СССР
 КЭС — Кавказский этнографический сборник
 ЛОИА — Ленинградское отделение института археологии АН СССР
 МАД — Материалы по археологии Дагестана
 МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МКА — Материальная культура Азербайджана
 ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
 РФИИЯЛ — Рукописный фонд института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СИЭ — Советская историческая энциклопедия
 СК — Известия древних писателей о Скифии и Кавказе
 СКАЭ — Северокавказская археологическая экспедиция
 СМОМПК — Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа
 ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах
 СССК — Сборник сведений о Северном Кавказе
 СТ — Советская тюркология
 ТИИАН Аз. ССР — Труды Института истории Академии наук Азербайджанской ССР
 ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества
 Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея

Тр. КРКМ	— Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея
Тр. КЧНИИ	— Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского Института
ТООИА	— Труды общества обследования и изучения Азербайджана
УЗИВ	— Ученые записки института востоковедения Академии наук СССР
УЗИИЯЛ	— Ученые записки института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
УЗКБНИИ	— Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
УЗКНИИ	— Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
ЭВ	— Эпиграфика Востока
ESA	— Eurasia septentrionalis antiqua
SPA	— A Survey of Persian Art

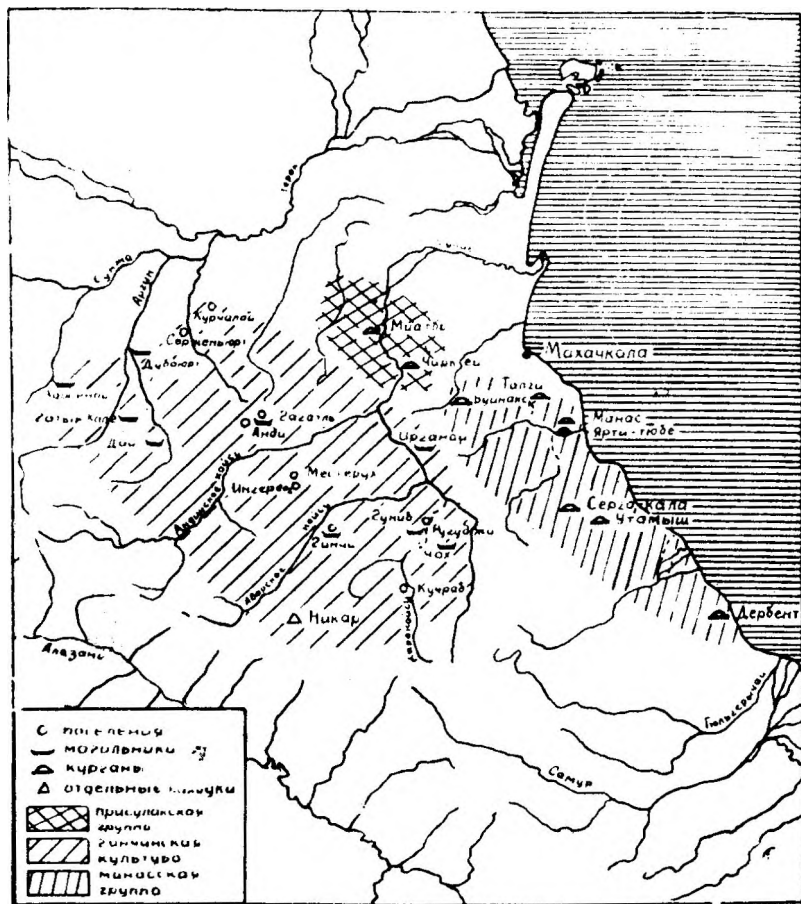

Рис. 1. Памятники эпохи средней бронзы Дагестана и юго-восточной Чечни

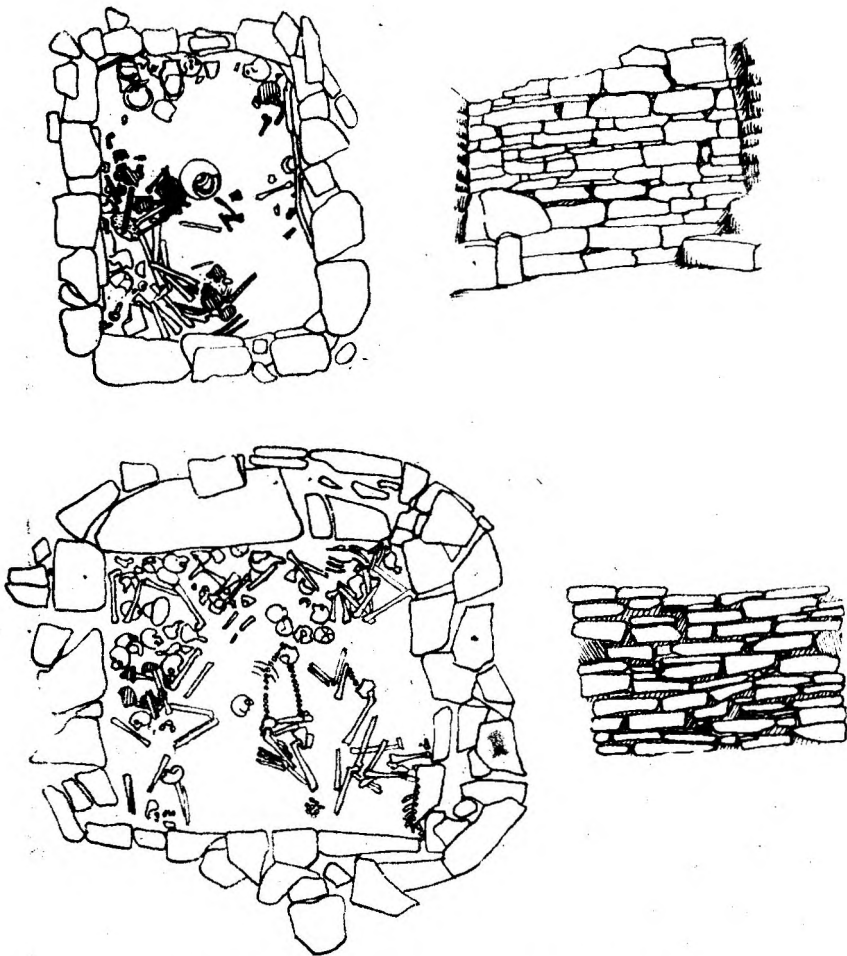

Рис. 2. Коллективные захоронения в склпах:
1 — могильник Гатын-Кале (по В. И. Марковину), 2 — могильник Гинчи

Горный ДАГЕСТАН

Юго-Восточная Чечня

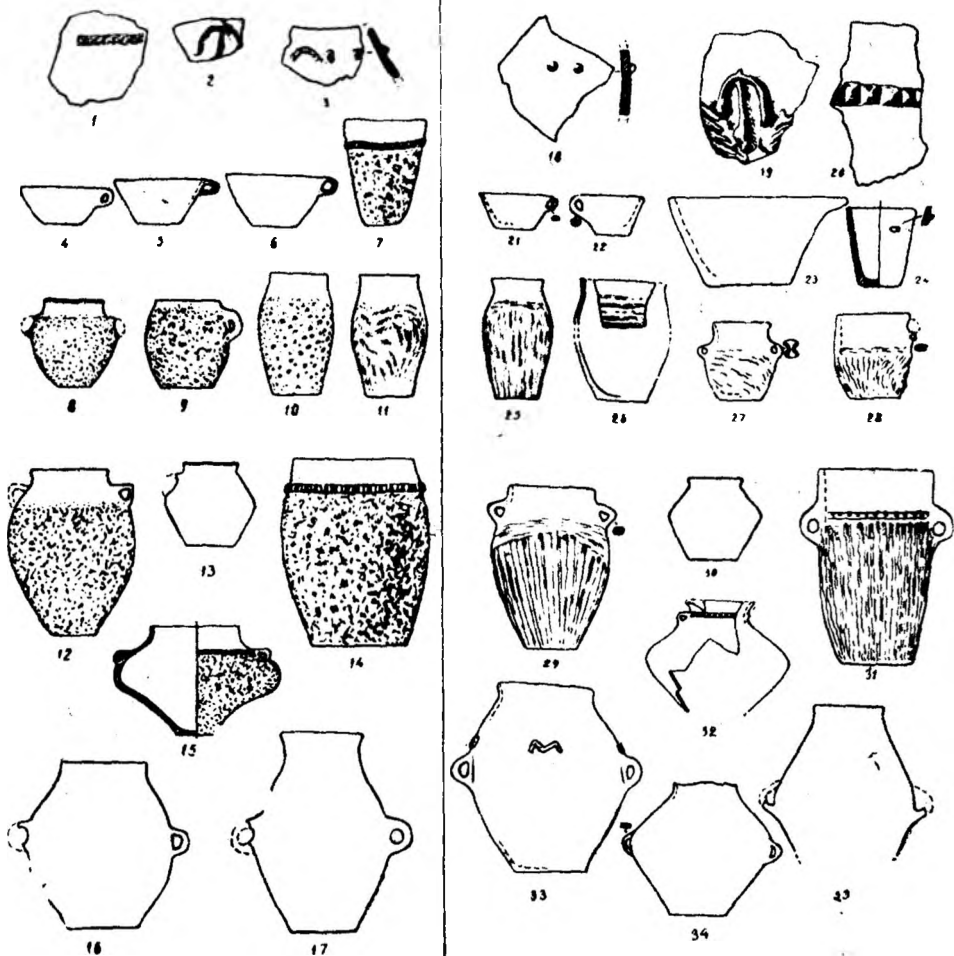
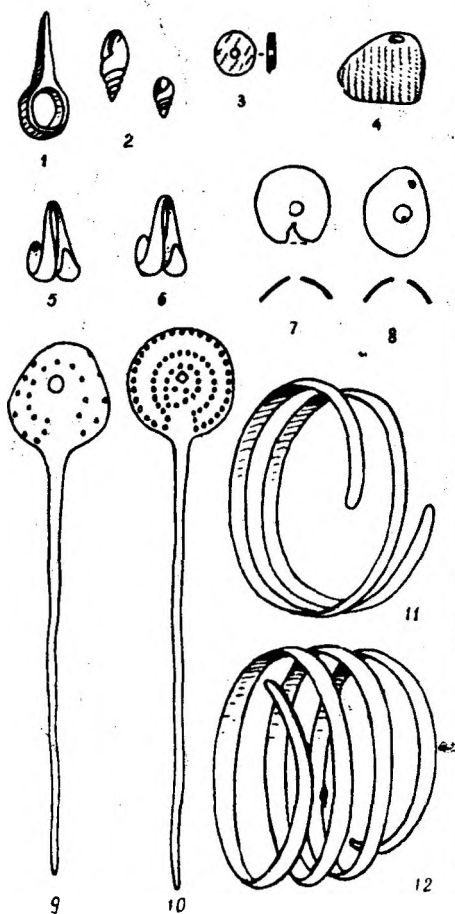

Рис. 3. Керамика гинчинской культуры:

1—3 — Верхнегунибское поселение, 4—6, 8—10, 12—15 — могильник Гинчи, 7, 11, 16, 17 — могильник Гатын-Кале (по В. И. Марковину), 19, 20 — поселение Курчаловой (по В. И. Марковину).

Могильник Гинчи

Могильник Гатын-Кале

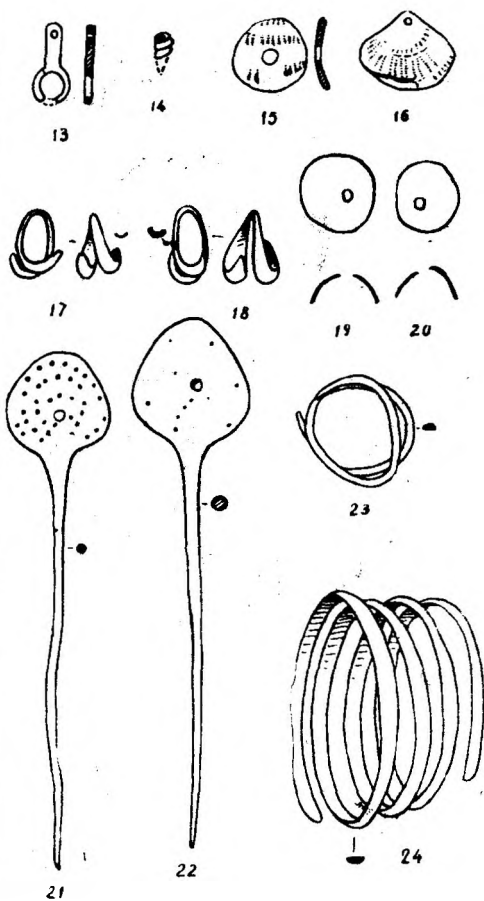

Рис. 4. Некоторые типы украшений могильников Гинчи и Гатын-Кале (по В. И. Марковину).

1, 13 — кость, 2—4, 14—16 — раковины, 5—12, 17—24 — бронза.

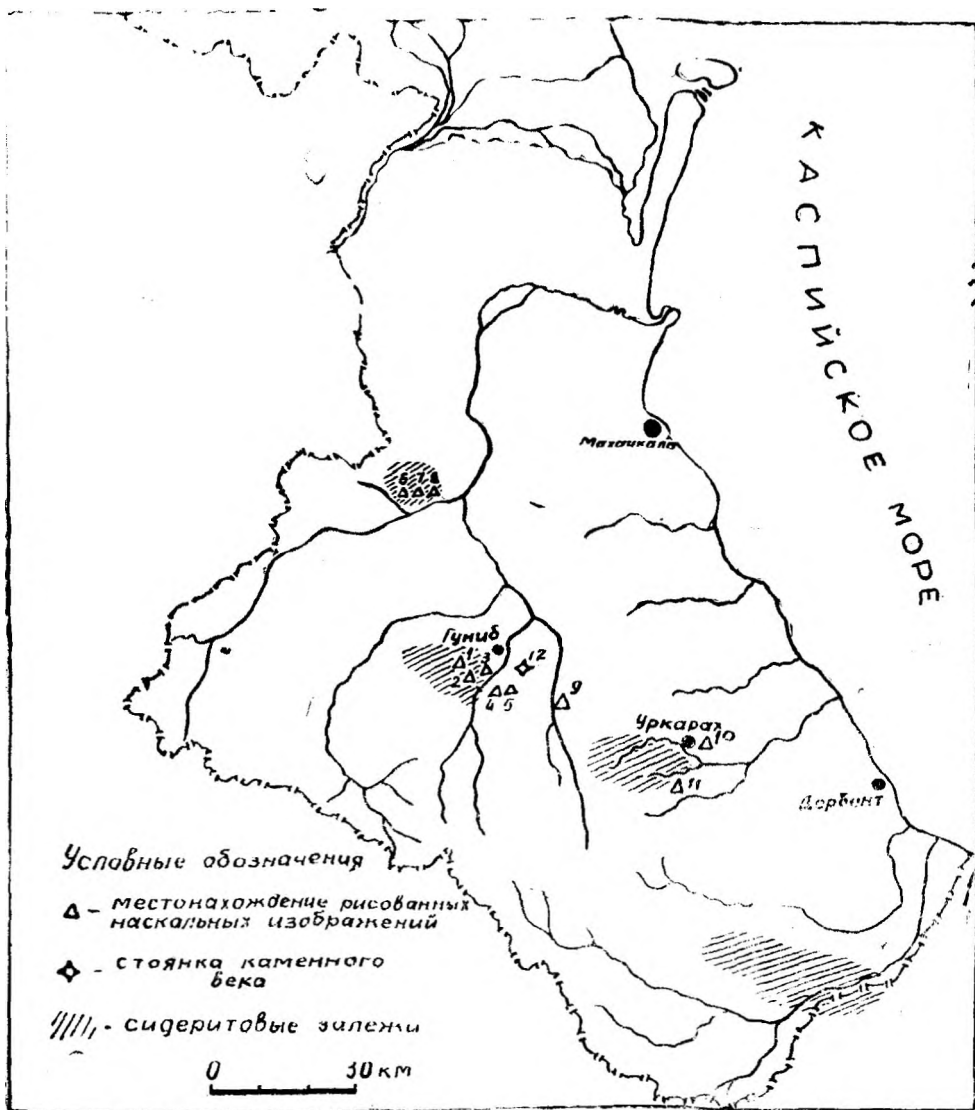

Рис. 5. Местонахождения древних писаниц в горном Дагестане и расположение основных залежей сидеритовых руд (последнее по Ч. М. Халифа-заде):

1—3 — сел. Ругуджа, 4—5 — сел. Согратль, оба — Гумибский район; 6—8 — сел. Чирката, Гумбетовский р-н; 9 — сел. Кара, Лакский р-н; 10 — сел. Трисанчи, 11 — хутор Санжи, оба — Дахадаевский р-н; 12 — Чохская стоянка, Гумибский р-н.

Fig. 6. Древние писаницы в урочище Чувал-Хвараб-нохо, близ с. Ругуджа

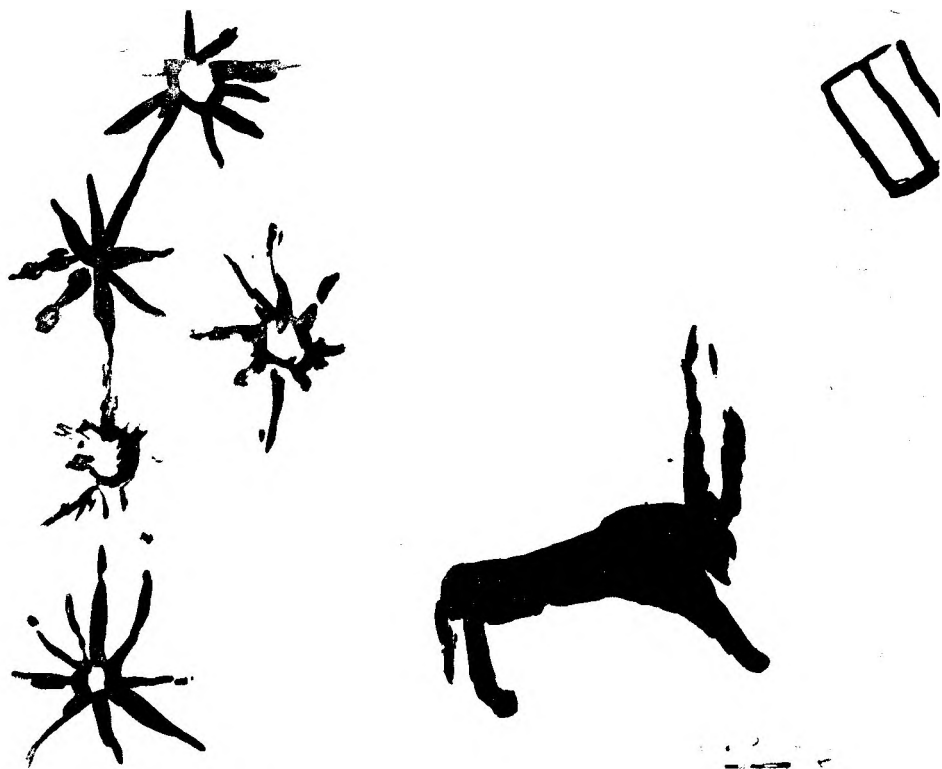

Рис. 7. Древние писанницы в урочище Чувал-Хвараб-похо, близ с. Ругуджа

Рис. 8. Древние писания в урочище Боглоб-похо, близ ругуджинского хутора Анап.
Схема.

1 0 20 50 см

Fig. 9. Древние писаницы в урочище Рухдал-хит, близ ругуджинского хутора Анаа
Схема.

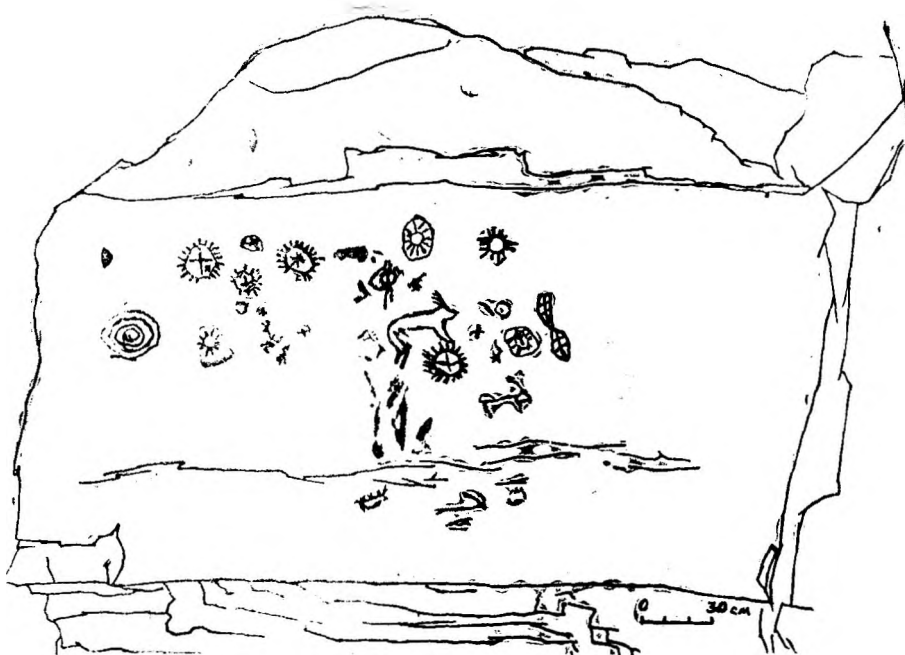

Рис. 10. Древние писаницы в гроте Чинна-Хитта, близ с. Согратль.
Схема (северная сторона)

Fig. 11. Древние писаницы в гроте Чинна-Хитта, близ с. Согратль.
Деталь (южная сторона).

Рис. 12. Древние писаницы урочища Харитани, близ с. Чирката.
Схема. (Харитани-1).

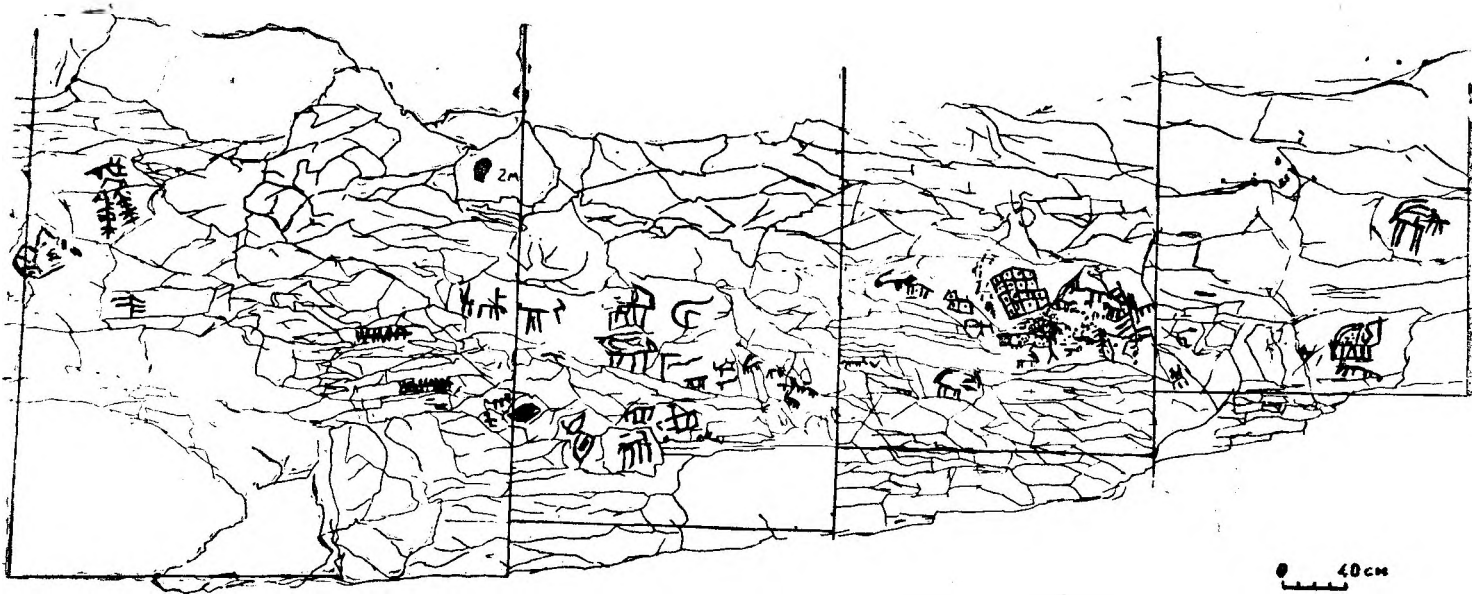

Рис. 13. Древние писаницы ущелья Виттурзивалу, близ с. Кара. Схема (группа XV).

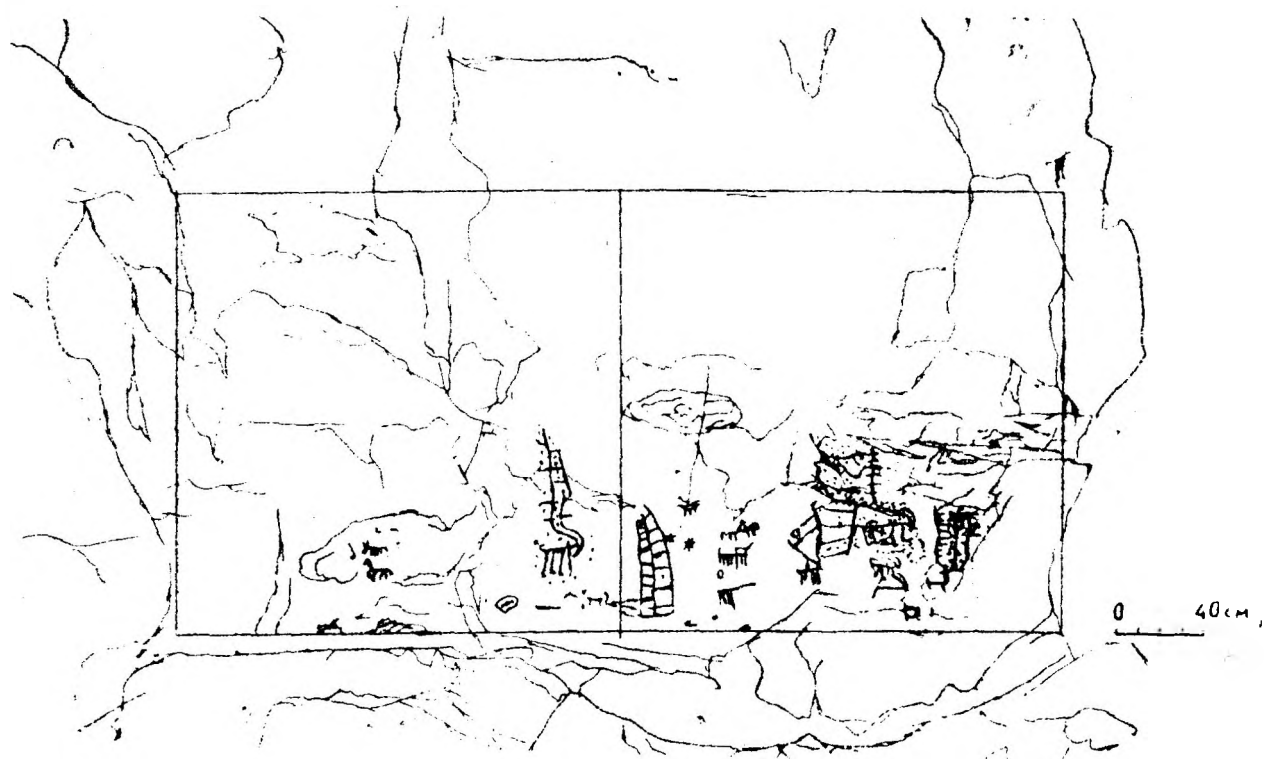
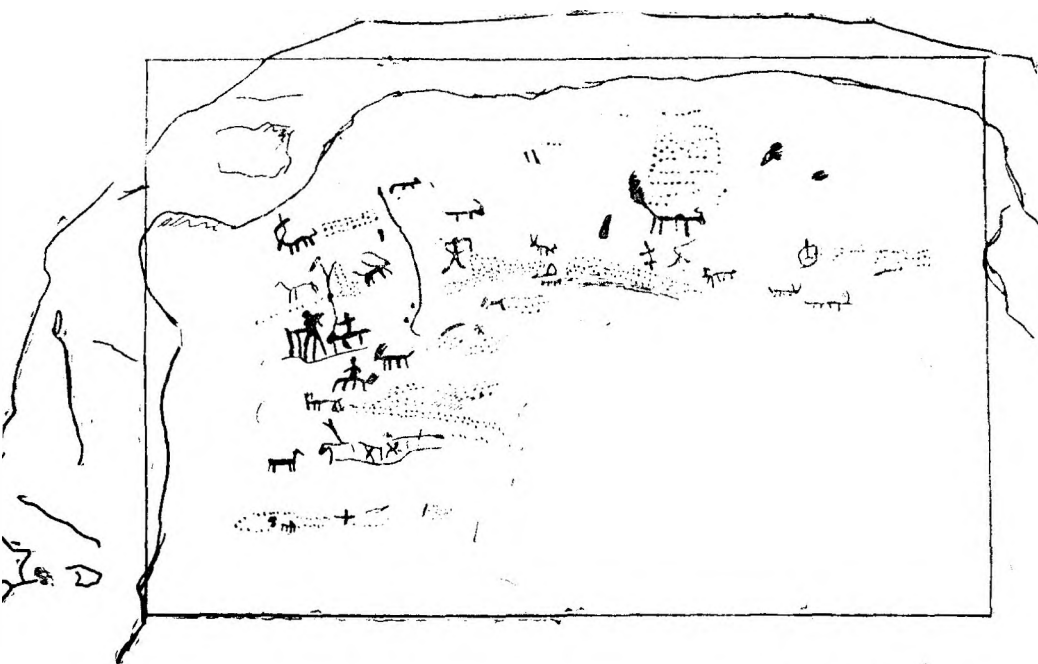

Рис. 14. Древние писаницы ущелья Виттурзивалу, близ с. Кара. Схема (группа XXII)

0 10 20 30 см

Рис. 15. Древние писаницы близ с. Трисанчи. Схема (группа IV).

Рис. 16. Древние писаницы близ хутора Санжи. Схема (западная сторона).

Рис. 17. Древние писаницы близ хутора Саңжи. Деталь (северная сторона).

	Давестан	Передний Восток	Средняя Азия
Козлы, бараны	 1 2 3	 4 5	 6 7
Орлы	 8	 9	 10
Всадники	 11 12 13	 14 15	

Рис. 18. Сравнительная таблица некоторых рисунков на писанницах горного Дагестана и расписной керамике Переднего Востока и Средней Азии.

1 — Рукдал-хит, 2, 3 — Кара, 4 — Сялк III, 5 — Гисар IВ—IА, 6 — Намазга III, 7 — Намазга II (4, 5, 6, 7 — по В. М. Массону), 8 — Ботлоб-нохо, 9 — Сялк III, 10 — Намазга III (9, 10 — по В. М. Массону), 11 — Кара, 12 — Челеб-нохо, 13 — Трисанчи, 14, 15 — Сялк, некрополь В (14, 15 по Р. Гиршману).

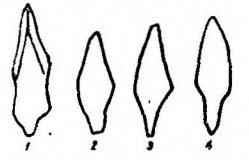

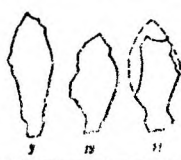

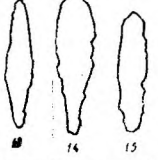

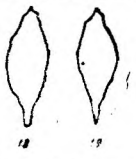
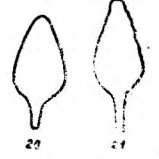
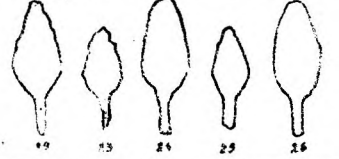
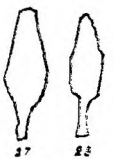

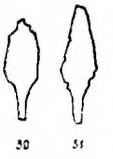
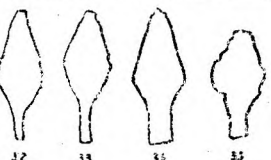
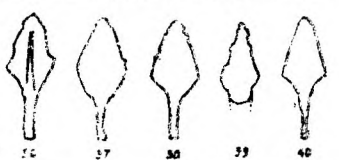
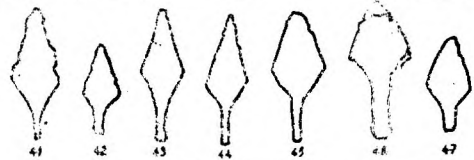
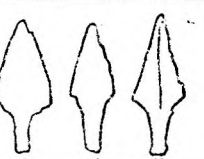
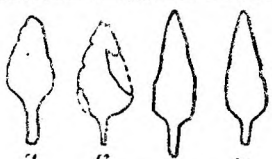
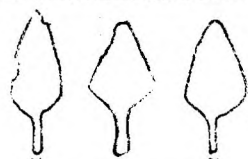

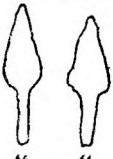

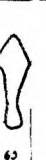

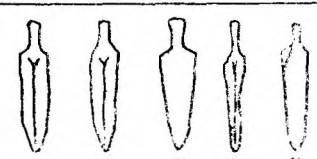
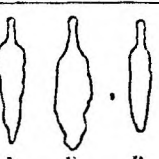

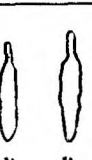
	ПЛЕМЕНА ДАГЕСТАНА	ПЛЕМЕНА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	КАТАКОМНЫЕ ПЛЕМЕНА ПРЕДКАВКАЗЬЯ	ПОЛТАВКИНСКИЕ ПЛЕМЕНА	СРУБИДЬЕ ПЛЕМЕНА	ПЛЕМЕНА КАТАКОМНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДОБЬЯ	СРЕДНЕ-ДЕПРОВСКИЕ
I							
II							
III							
IV							
V							
VI							
VII							

Рис. 19. Бронзовые клинки с территории Дагестана, Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы.

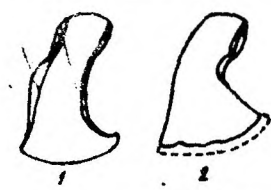
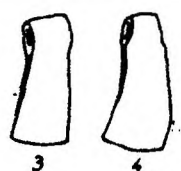

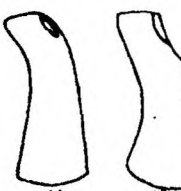

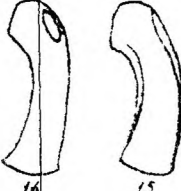

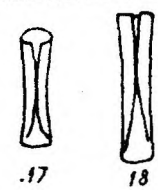
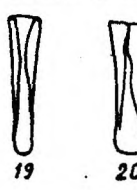

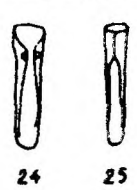
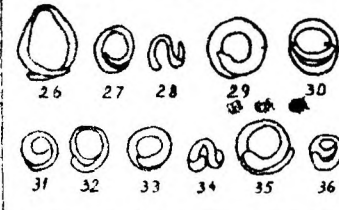
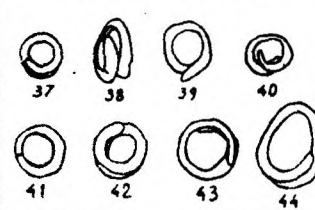
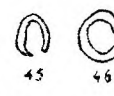

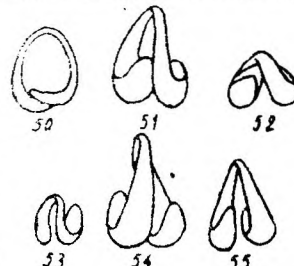

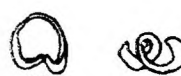
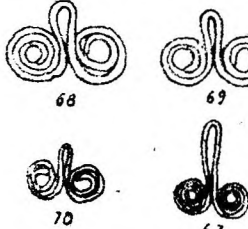

ПЛЕМЕНА ДАГЕСТАНА	ПЛЕМЕНА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	КАТАКОМБНЫЕ ПЛЕМЕНА ПРЕДКАВКАЗЬЯ	ПОЛТАВКИНСКИЕ	СРУБНЫЕ ПЛЕМЕНА	КАТАКОМБНЫЕ ПЛЕМЕНА ПОДОНЬЯ	СРЕДНЕДНЕПРОВСКИЕ ПЛЕМЕНА
						
						
						
						
						
						

Рис. 20. Бронзовый инвентарь с территории Дагестана, Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы.

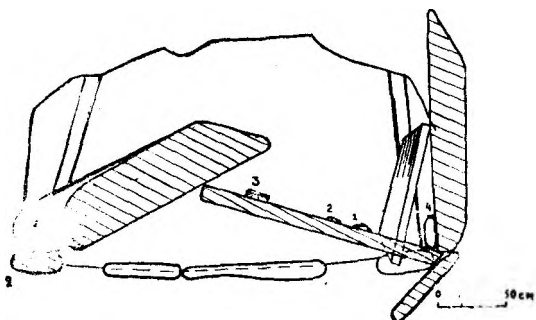
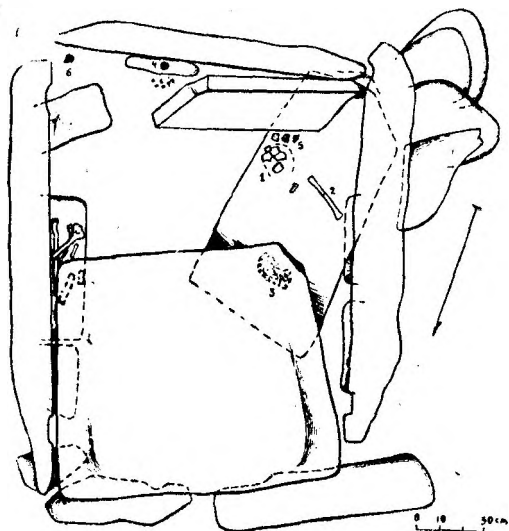

Рис. 21. Дольмен № 215, р. Кизинка.

1 — план дольмена:

(1 — череп человека, 2 — плечевая кость, 3 — костный тлен, 4 — височное кольцо, бронза, золото, 5 — керамика, 6 — кремнёвый отщеп);

2 — разрез дольмена:

(1 — череп, 2 — плечевая кость, 3 — костный тлен, 4 — височное кольцо).

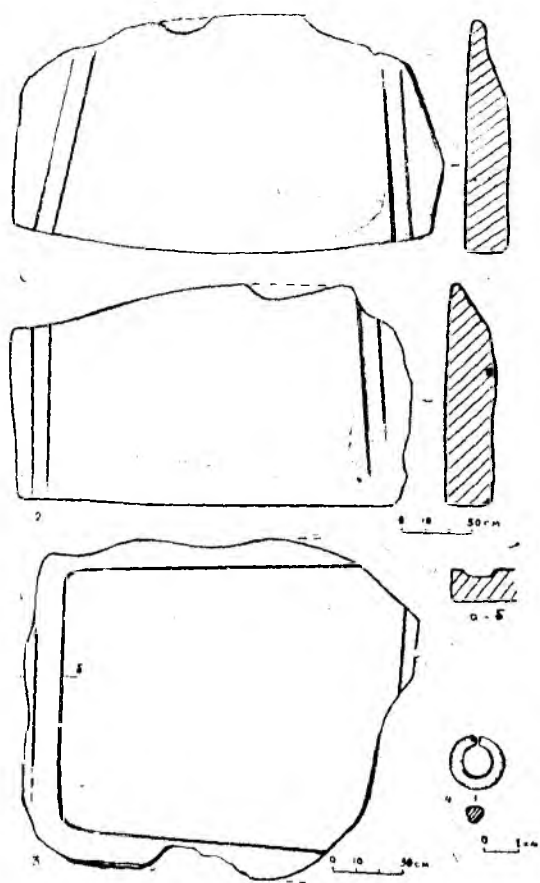

Рис. 22. Дольмен № 215, р. Кизинка.

1 — восточная боковая плита, 2 — западная боковая плита, 3 — перекрытие дольмена (повёрнуто нижней частью вверх, а—б — разрез по линии паза), 4 — височное кольцо из дольмена (бронза, золотая фольга).

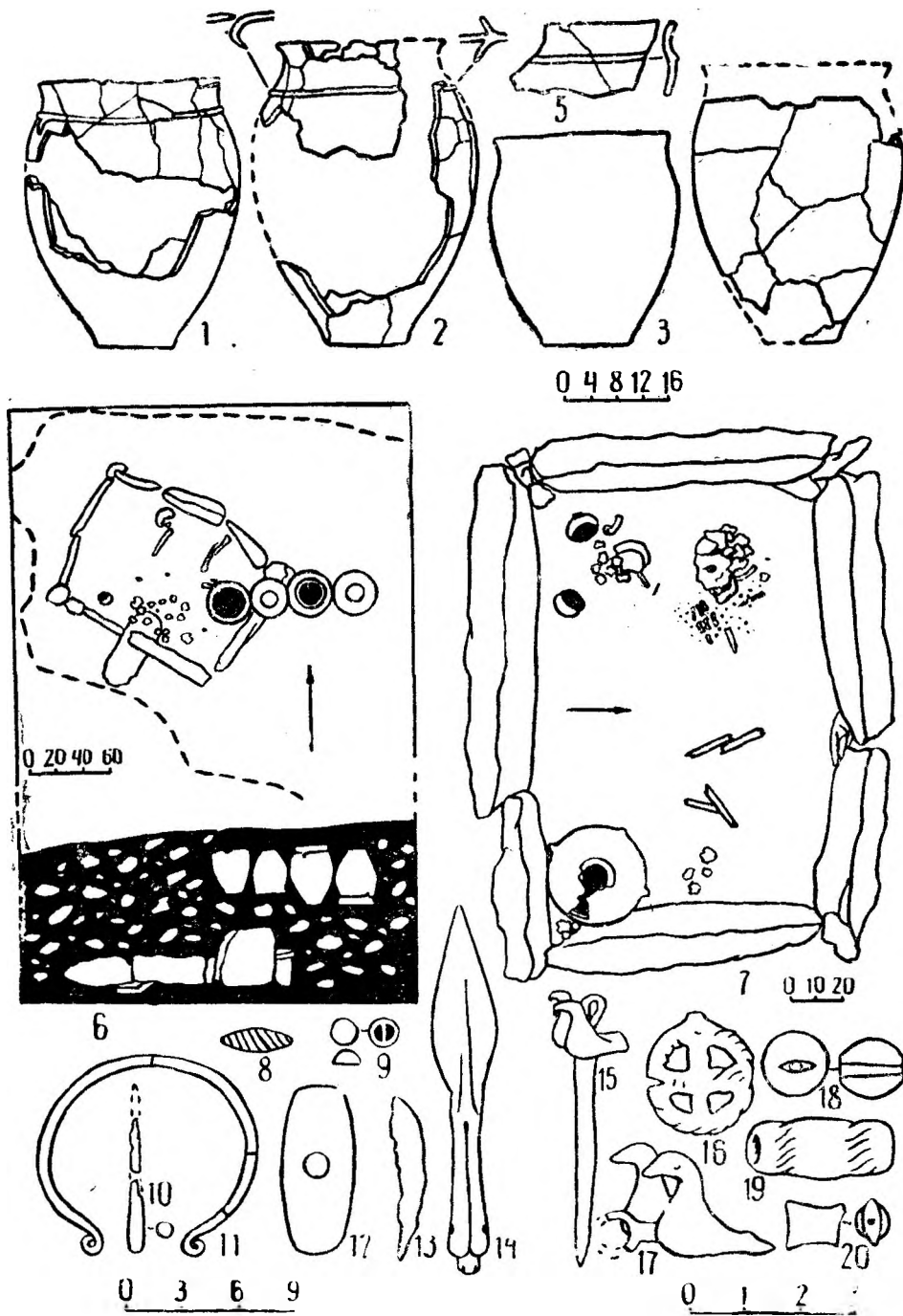

Рис. 23. Каменномоостский могильник.

1—5—сосуды из каменной насыпи над погребением 10; 6—схема расположения сосудов над погребением 10; 7—погребение 6; 10, 15, 18—20—украшения из погребения 6; 8—16—17—украшения из погребения 8; 11—гривна из погребения 7; 9, 12—вещи из погребения 9; 13, 14—вещи из погребения 11. (8, 9, 11, 14—17—бронза; 10, 13—железо; 12—камень; 18—20—стекло, египетский фаянс, гагат).

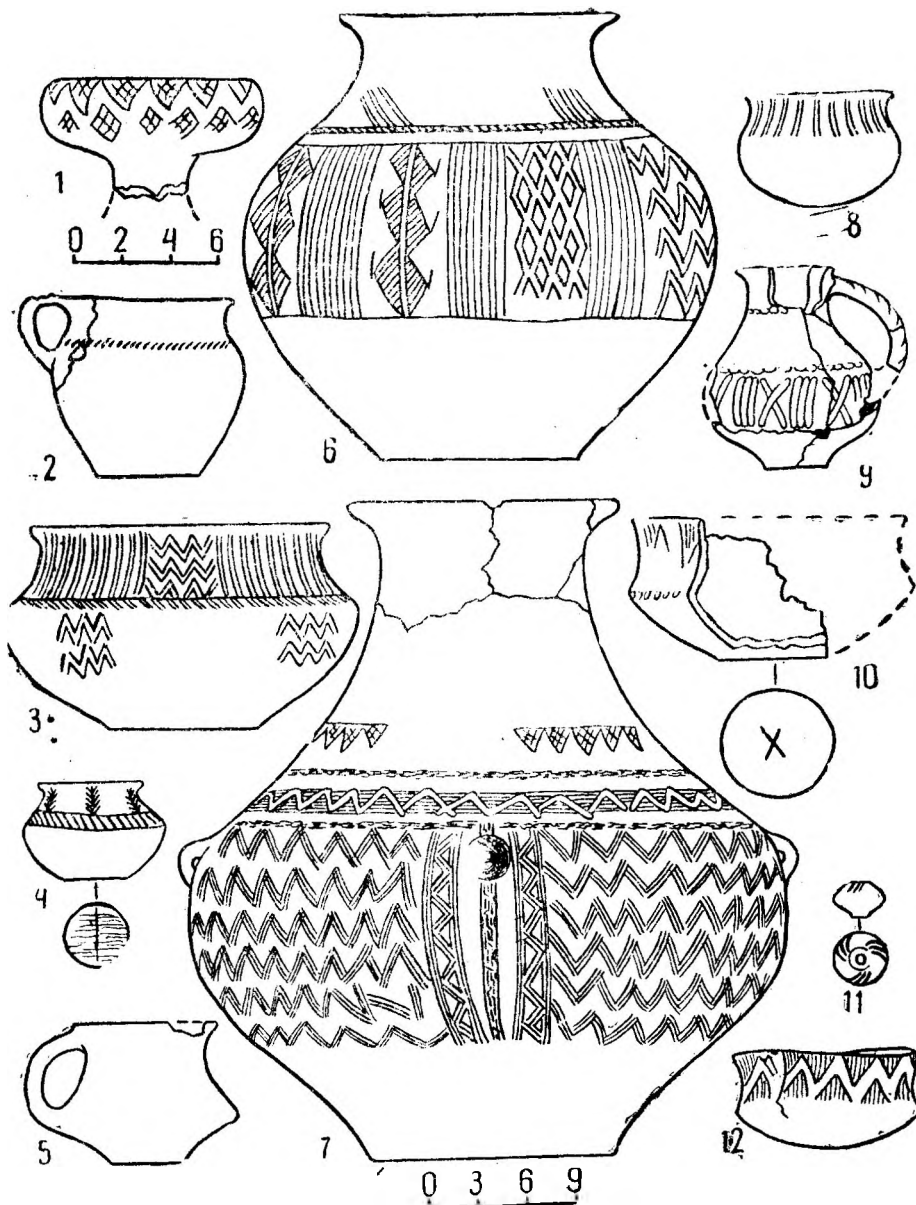

Рис. 24. Каменномостский могильник.

Глиняные сосуды из погребений № 6 (1, 7, 9, 10, 12), № 8 (2, 4), № 9 (3, 6), № 11 (8), из разрушенного в 1972 г. погребения (5); 11—глиняное пряслице из погребения № 10.

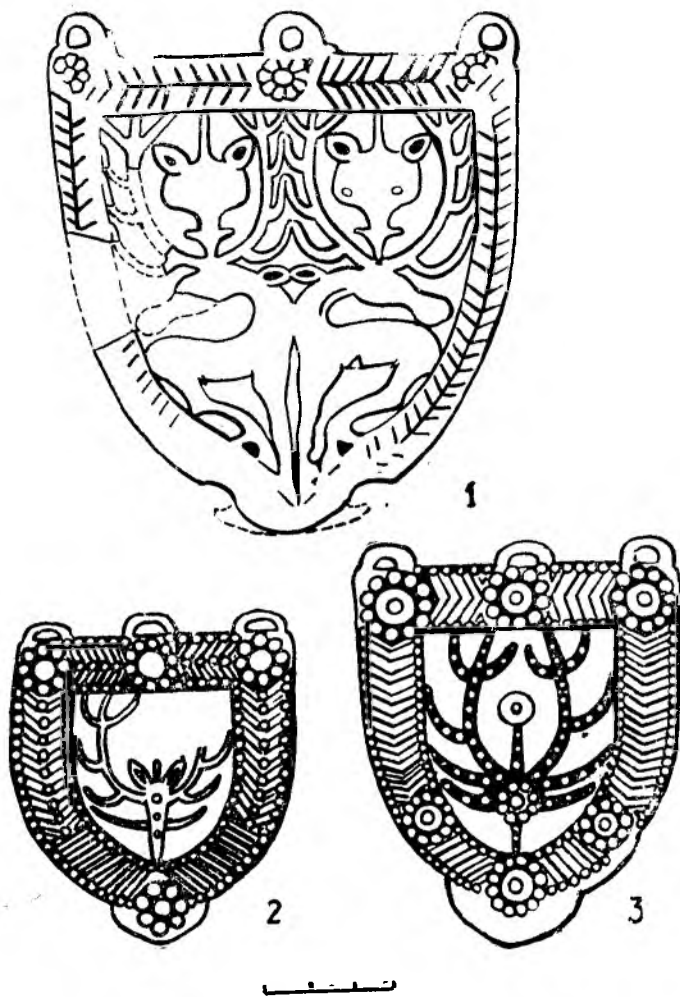

Рис. 25. Бежитинские пряжки первого типа:

1 — из урочища Тлярохотль, 2 — из сел. Бежта, (обе — Цуптинский район).

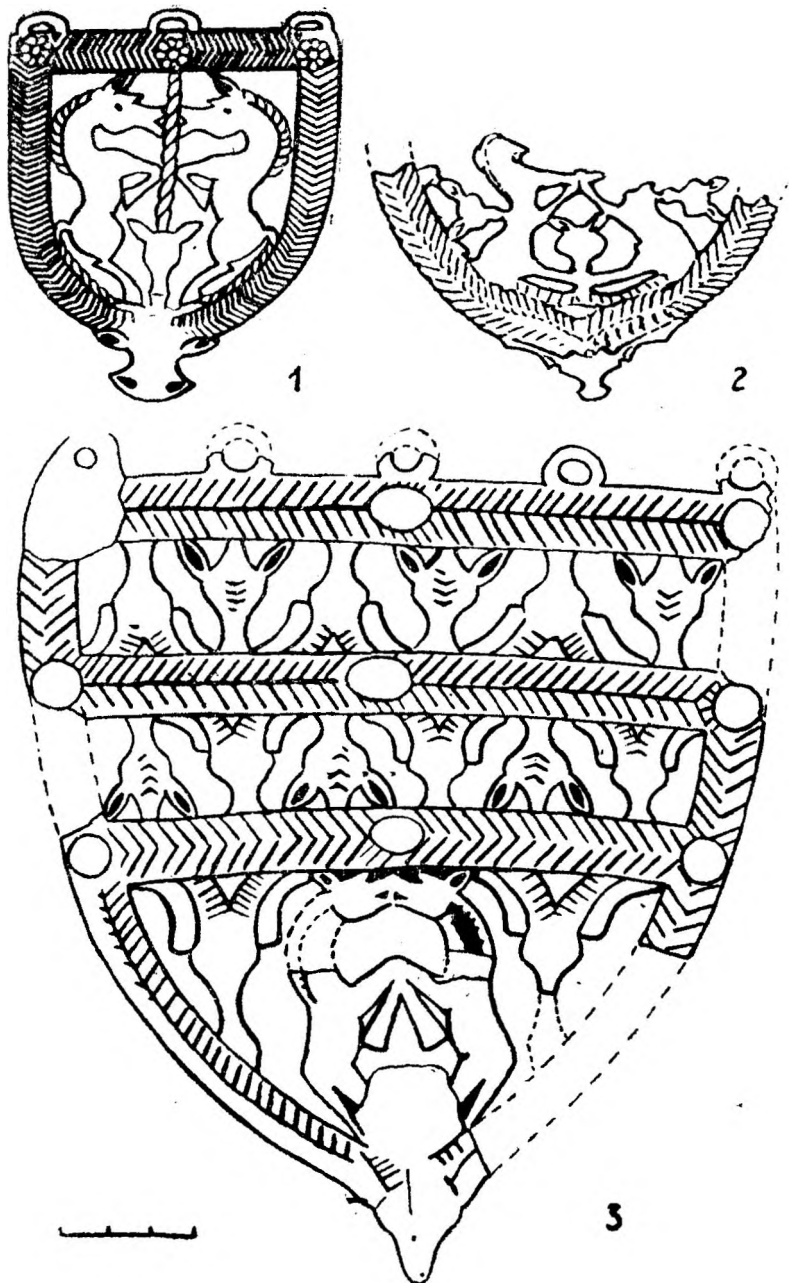

Рис. 26. Бежитинские пряжки второго типа:
 1 — из села Тлядал, 2 — из Бежитинского могильника, 3 — из урочища Тлярохотль
 (все — Цунтинский район).

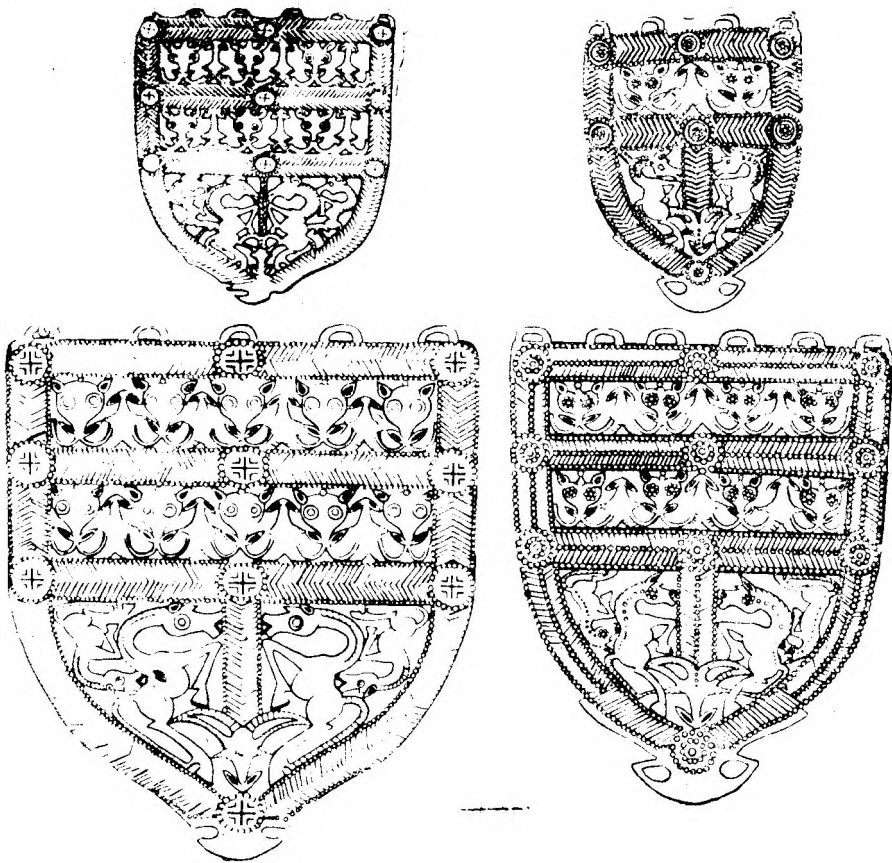
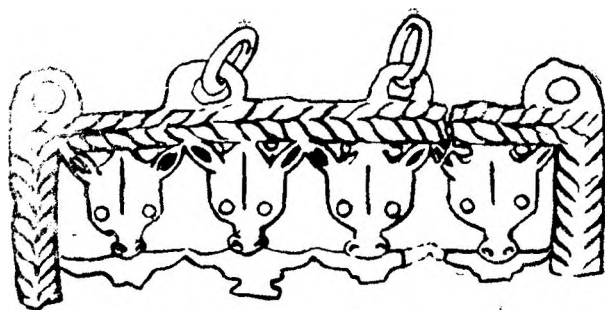
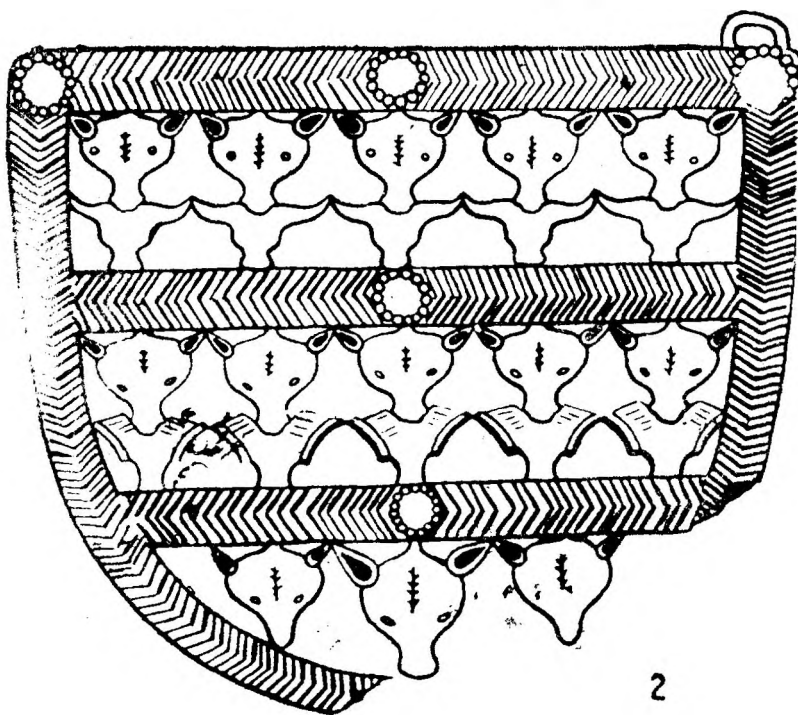

Рис. 27. Бежтинские пряжки второго типа:

- 1 — из сел. Бежта (по А. Иерусалимской), 2 — из села Кидеро (Шунтинский район),
 3 — из собрания Бобринского в ГЭ (инв. № 1364-1 с паспортом «из Дагестана»),
 4 — из Бежтинского могильника.

1

2

Рис. 28. Бежтинские пражки третьего типа:

1 — из Бежтинского могильника, 2 — из коллекции ГЭ с паспортом «из Дагестана».

	I	II	III
5			
4			
3			
2			
1			

Рис. 29. Схема развития бежтинских пряжек.

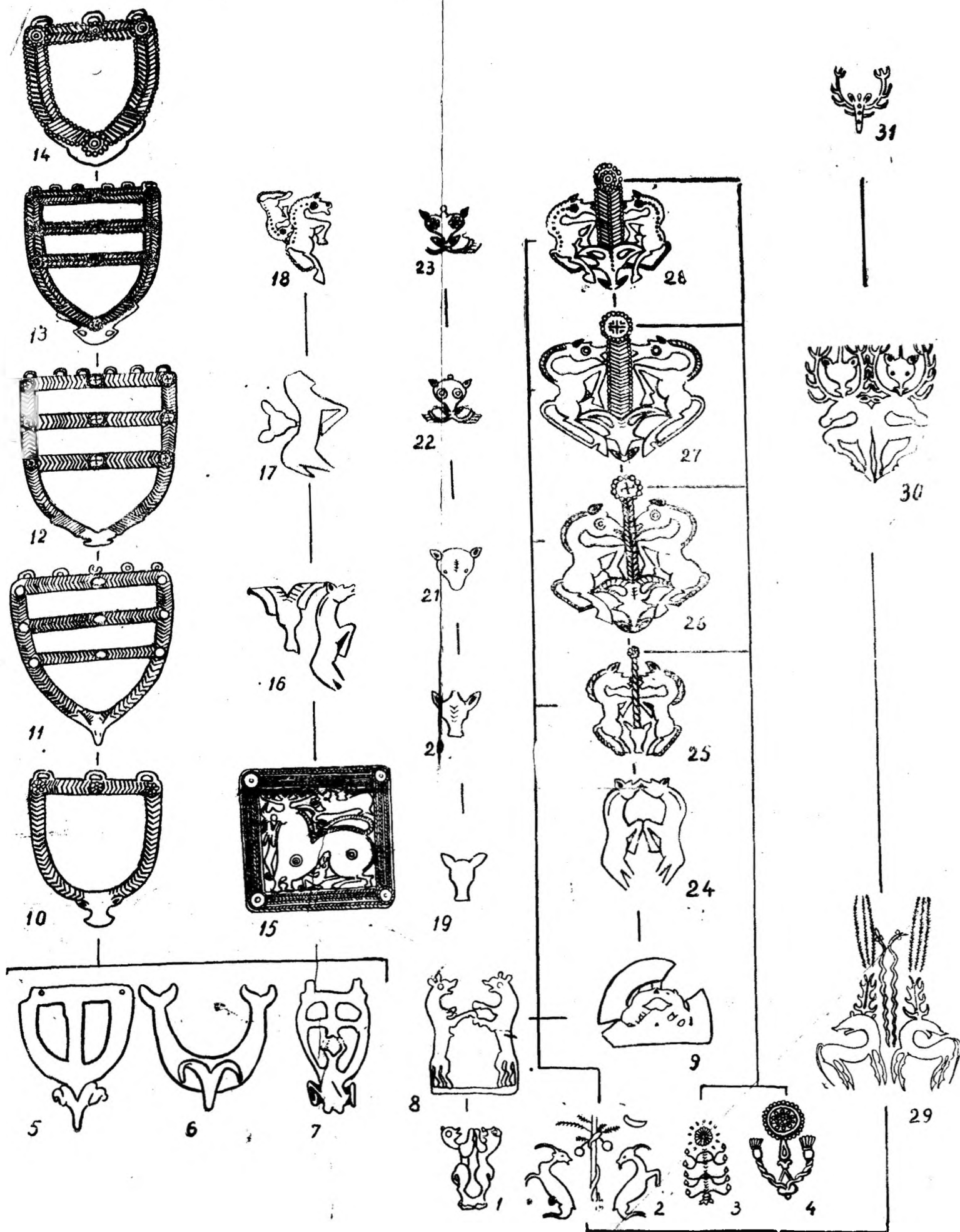

Рис. 30. Схема возникновения художественного стиля бежтинских пряжек:

1 — навершие из Луристана (по Н. Л. Членовой); 2 — изображение на керамике из Суз (по П. Тоскани); 3 — изображение на одной из ассирийских цилиндрических печатей (по Б. Б. Пистровскому); 4 — изображение на одной из ассирийских цилиндрических печатей (по Б. Б. Пистровскому); 5—7 — пряжки из Дигории — Северная Осетия (по П. С. Уваровой); 8—9 — пряжки кобанского типа (по П. С. Уваровой); 10—14 — развитие оформления обрамлений бежтинских пряжек; 15 — четырехугольная закавказская пряжка (по Б. В. Техову); 16—18 — изображение мелких фигур сзади основных фигур центральной композиции бежтинских пряжек; 19—23 — развитие изображений голов медведей на пряжках; 24—28 — развитие центральной композиции; 29 — изображение на топоре из села Цонси — Юго-Осетия (по Б. В. Техову); 30—31 — центральная композиция пряжек с оленним мотивом.

Рис. 31. План Андрейаульского городища.

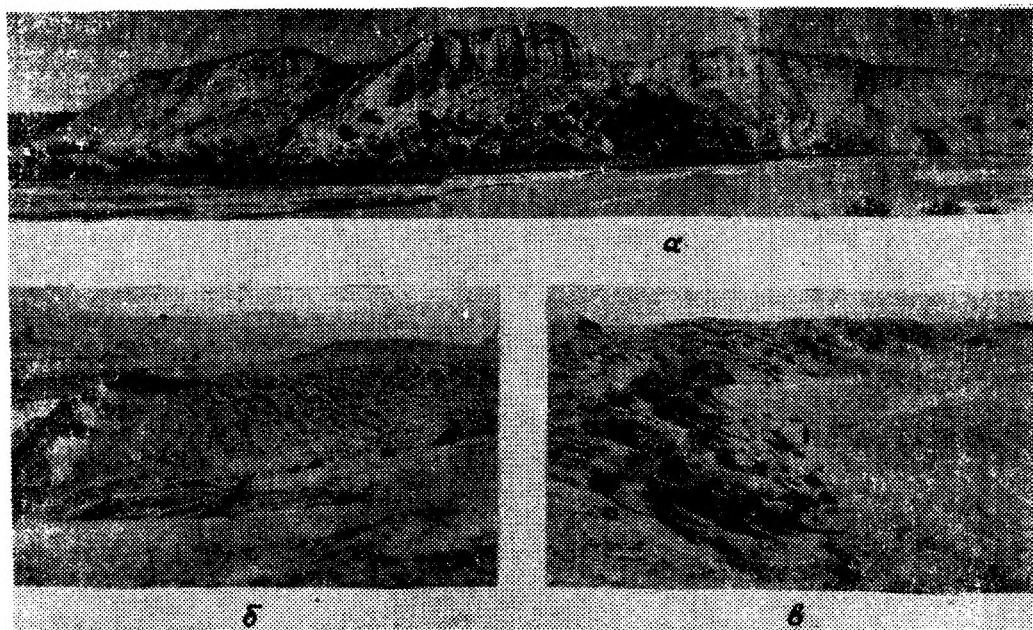

Рис. 32. Андрейаульское городище:
а) вид с надречной стороны, б) вид цитадели, в) остатки вала и рва
на северной стороне.

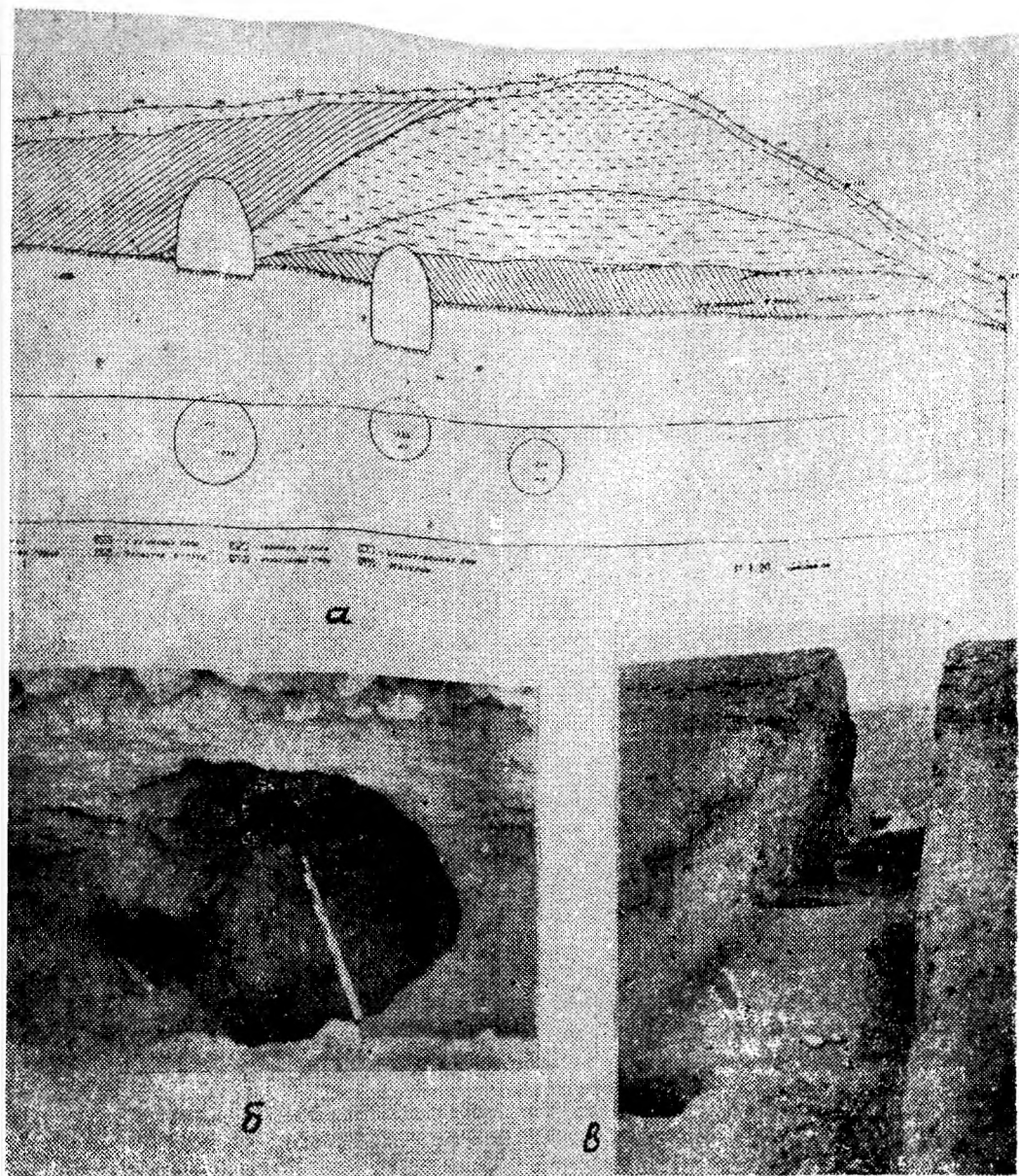

Рис. 33 Вал на южной стороне Андрейаульского городища:

а) профиль западной стенки разреза, в) вид с севера, б) остатки хозяйственной ямы

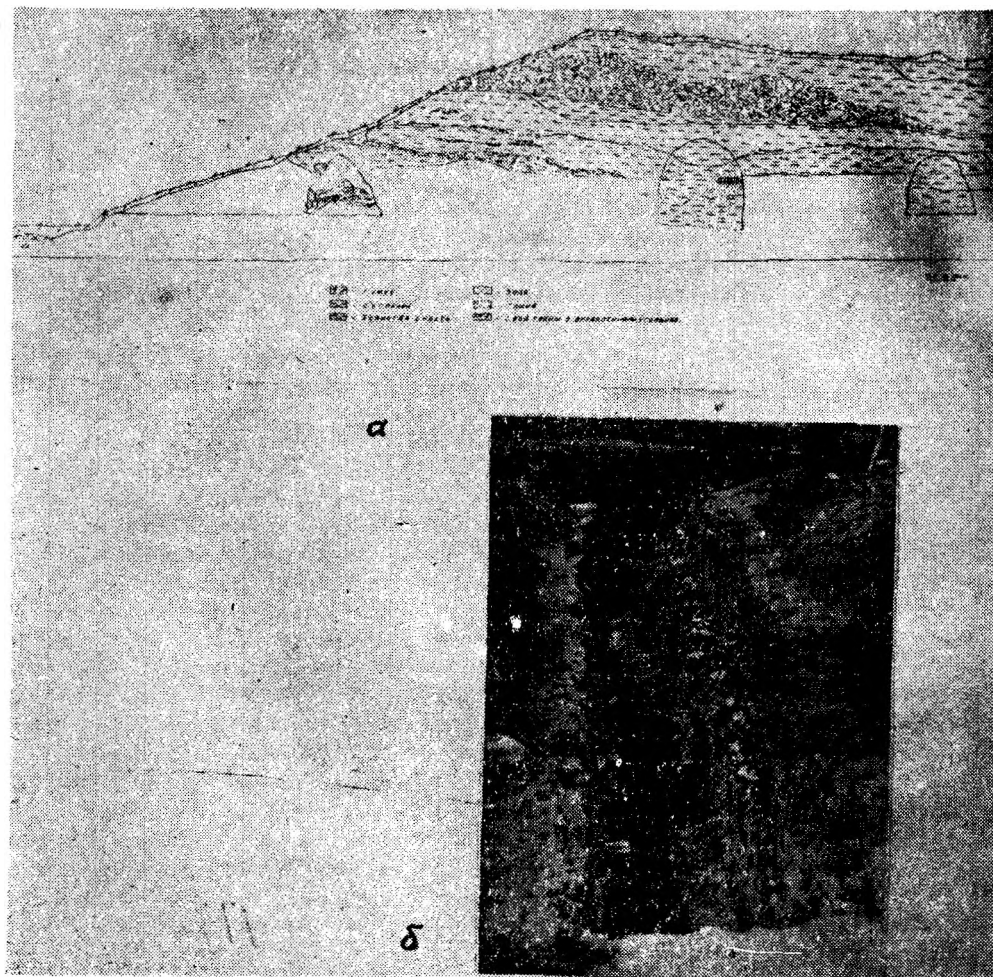

Рис. 34 Вал на северной стороне Андрейаульского городища:
 а) профиль западной стенки разреза, б) вид с юга

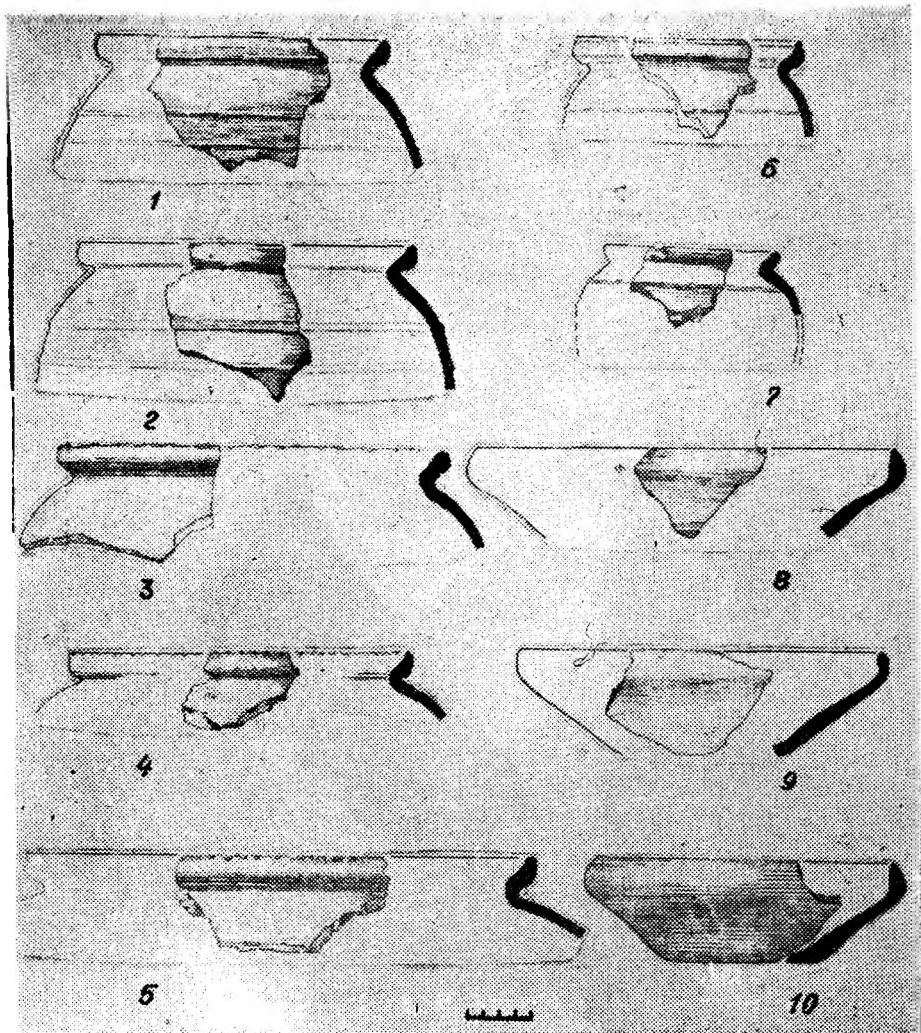

Рис. 35. Ведущие формы керамики из второго горизонта городища Казар-Кала:
 1, 2, 6, 7 — горшки с валиком, 3, 4, 5 — горшки с орнаментированным венчиком,
 8, 9, 10 — миски.

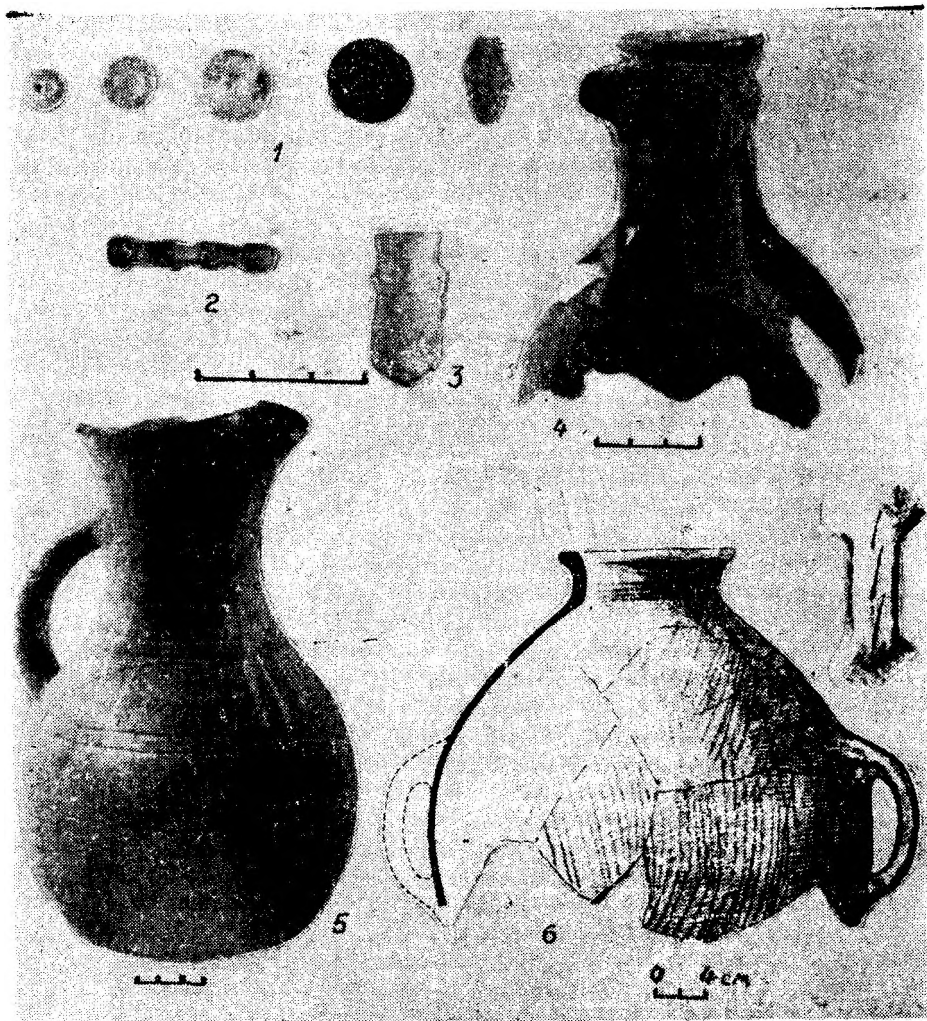

Рис. 36. Находки из второго горизонта городища Казар-Кала:
 1 — бусы, 2 — бронзовая пуговица, 3 — бляшка от пояса, 4 — ротома водолея в форме барана, 5 — кувшин с лощением, 6 — двуручный сосуд с лощением.

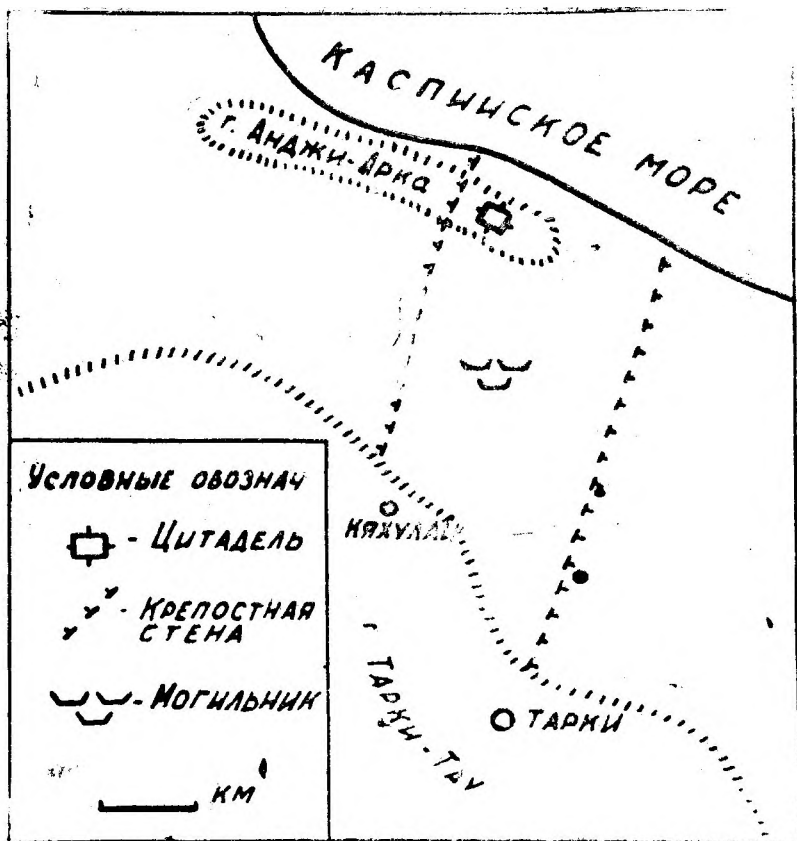

Рис. 38 Схематический план Махачкалинского городища.

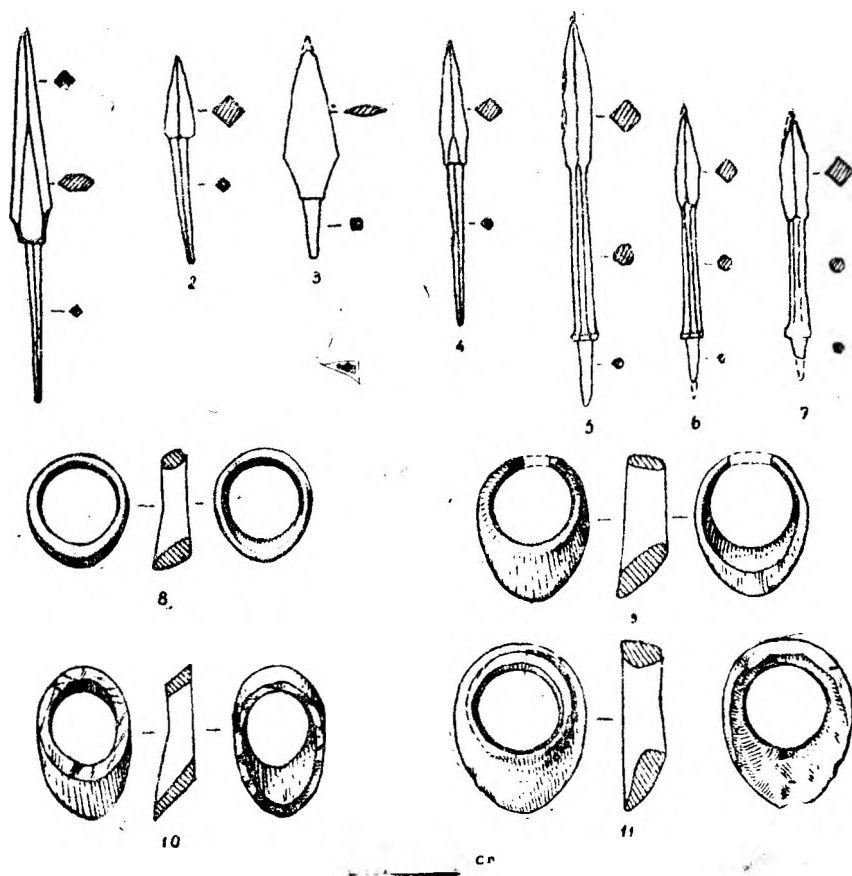

Рис. 39. Предметы вооружения из Аркасского (1—4, 9—11) и Охлинского (5—8) городищ.

Рис. 40. Надписи из сел. Хнов (XII в.).

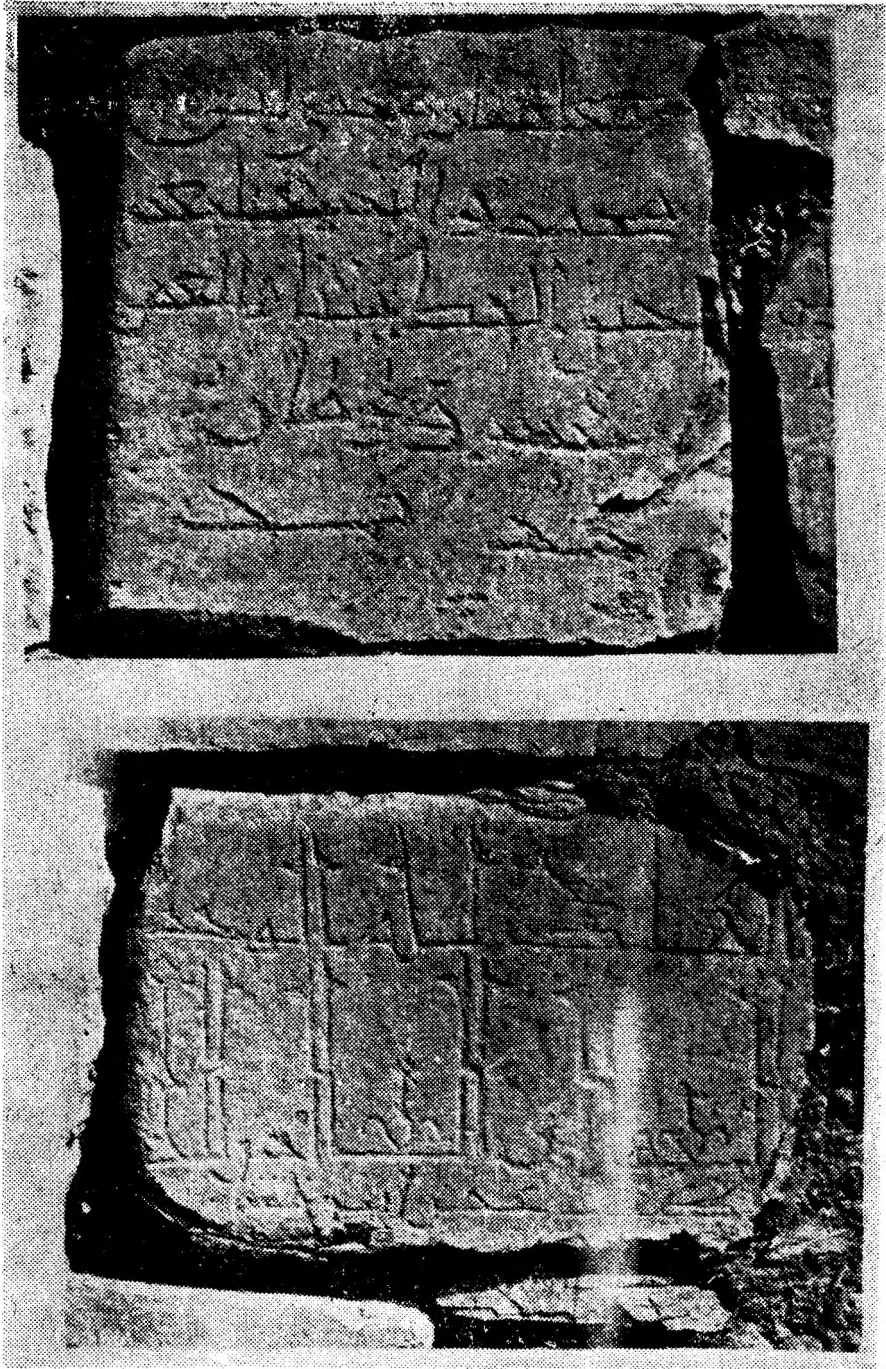

Рис. 41. Строительные надписи из сел. Хнов (XII в.).

Рис. 42. Надписи из сел. Хнов (XII в.).

(١) صاحب هذه المنارة وعمارها هي بن
 ابكر بن چكنوك
 (٢) بن بزكوح بن هي بن هي بن
 هي و زوجته فطمة
 (٣) بنت عرب بنيتها لاجل الله تعالى
 خوفا من النار و
 (٤) طيها الى الجنة و عايلها استاذ
 خزنساز بن خليف
 (٥) و ابنه هي الزاخوري و كاتب
 الخط سليمان بن محمد
 (٦) و كانت الوقفة في شهر شوال
 سنة ثلث وثمانائة هجرية
 (٧) وفي هذه السنة وهدب كوركي
 ملك قرية كيش الخناو

خزنسان - ١٤٠٠ هـ

(١) صاحب هذا القبر المرحوم المفطور
 (٢) امير ابكر بن تحس مان بن بقال
 (٣) بن سيّد بن بن قريتن رضوان الله
 (٤) عليهم اجمعين هو رجل نقي و
 (٥) ... و نقي و جنوب العلماء
 (٢-٨)

(١) بسم الله الرحمن الرحيم
 (٢) صاحب هذا القبر المرحوم
 (٣) امير سيف الدين بن مجروح
 (٤)
 (٥) شاب جميل مليح ذوراي
 (٦) و نديير ... فقه
 (٧) فارس مهين و صورة
 (٨) وقع وفاته في شهر المحرم
 (٩)

Рис. 44. Надписи-эпитафии в сел. Хиов:
 1 — на могиле амира Абакара (ок. второй пол. XIV в.), 2 — на могиле амира Сейф ад-Дина (ок. второй пол. XIV в.).

(١) الملك لله الواحد القهار
 (٢) ١١٧٠ - ١١٧١ لله حين رسول الله حقا
 (٣) هذا قبر كدي ابن ديران هو رجل
 (٤) شاب جميل زين الفرسان و نحم المسا
 (٥) كبر رحمه الله عليه وفع وعاتنه في
 (٦) شهر رجب سنة اربع و ثمانين
 و سبعمائة

(١) بسم الله الرحمن الرحيم
 (٢) البقاله هذا قبر امير ابن چكك
 (٣) رحمه الله عليه هو رجل شاعر جميل
 (٤) قوى سنى سقيب زين الانراف و
 (٥) رأس الفرسان و نحم المساكير و
 (٦) صاحب الراى و التدبير و صحرى الفقير
 (٧) و السفلة و زين السيد و الجماعة
 (٨) و راجى الى رضا الله و عفرانه غفر
 الله له ربون
 (٩) ما يتل الله احدا بالهراق ان ... الفو
 (١٠) او من الهراق ... تقى و هراق
 (١١) ... الصوت سناء ... تم تقى و هراق
 الجيب
 (١٢) في الصدر جاف ... يا عراف الاحباب ...
 (١٣) يوم اكرم ...
 (١٤) الخمر و الله
 (١٥) ...

Рис. 45. Надписи в сел. Хнов:
 1 — 1382 года (сел. Хнов). 2 — на могиле Амира сына Чакуна
 (конец XIV — нач. XV в.).

(١) بسم الله الرحمن الرحيم
 (٢) صاحب هذا القبر
 (٣) المرحوم المفقور فقيد
 (٤) رحوخي بن يحيى
 (٥) رحم الله عليهما
 (٦) كان هو الراجي
 (٧) غفر الله و غفرانه
 (٨) و وقع وفاته و
 (٩) شهر المحرم سنة
 (١٠) ثمانمائة
 (١١) من الهجرة

(١) هذا القبر المرحوم المفقور محمد
 (٢) ابن اسد بن مفلح ابن هريش
 (٣) ابن عرب بكر بن تحسيان
 (٤) ابن بطل بن سيف الدين بن
 مفلح
 (٥) هما ابنا قرنين و اتف و
 (٦) مات في سنة ثمانمائة دار
 حسيب
 (٧) من الهجرة النبوية
 (٨) عليه السلام

Рис. 46. Надписи и эпитафии из сел. Хнов:
 1 — 1405 г., 2 — 1450—1451 гг. из «пира».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>М. Г. Гаджиев.</i> Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы	11
<i>В. М. Котович.</i> Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана	29
<i>А. Г. Гаджиев.</i> Об антропологическом типе древнего населения Дагестана и Северного Кавказа	50
<i>С. М. Магомедов.</i> К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы	61
<i>В. И. Марковин.</i> Дольмен без лаза в бассейне р. Кизинки (Прикубанье)	80
<i>А. Р. Магомедов.</i> К вопросу о хозяйстве носителей восточного варианта кобанской культуры	86
<i>В. М. Батчаев.</i> К вопросу о датировке Каменноостского могильника (в свете раскопок 1971 г.)	99
<i>О. М. Давудов.</i> Еще раз о пряжках бежтинского типа	106
<i>Д. М. Атаев, М. Г. Магомедов.</i> Андрейаульское городище	121
<i>А. В. Гадло.</i> Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья	140
<i>А. А. Кудрявцев.</i> К истории древнего Дербента	154
<i>М. М. Маммаев.</i> Некоторые вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане	169
<i>В. Г. Котович.</i> О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу	181
<i>В. Г. Котович.</i> Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера	232
<i>А. И. Абакаров.</i> Некоторые предметы вооружения монгольского времени из горного Дагестана	256
<i>А. Р. Шихсаидов.</i> Надписи из Хнова	262
<i>Ю. М. Гаджиев.</i> Одонтологические данные к истории Дагестана	277
Список сокращений	282
Иллюстрации	285

Коллектив авторов

ДРЕВНОСТИ ДАГЕСТАНА

Редактор Е. П. Чернигова

Тех. редактор В. А. Махулова

Сдано в набор 20/II-1974 г. Подписано в печать 18/VII-1974 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 20,5+4 вкл. Усл. печ. л. 24+4 вкл. Уч.-изд. л. 22,5.
С 03853. Тираж 600. Цена 1 руб. 47 коп. Бумага № 1. Заказ 65.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
г. Махачкала, 5-й жилищный городок, корпус 10

Цена 1 руб. 47 коп.